

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (23)

2018

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственные за выпуск:****Ю.А. Зеленева** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2018

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018

© Журнал «Поволжская археология», 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**,
Doctor of Historical Sciences **T. B. Nikitina**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2018

© Mari State University, 2018

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Неолит и бронзовый век

Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. (Самара, Россия).
Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV:
морфология, технология, хронология 8

*Скакун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Матеева Б. (Исперих, Болгария),
Ангелова И. (Тырговиште, Болгария).*
Результаты исследования кремневого инвентаря из неолитического
поселения Овчарово-гората (северо-восточная Болгария) 28

Сериков Ю.Б. (Нижний Тагил, Россия).
К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра
в каменных изделиях неолита-бронзы Урала 56

Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия).
Синташта как транскультурный феномен 74

Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия), Хайратдинов Р.К. (Пласт, Россия).
Новые данные о культовой практике населения Южного Зауралья
позднего бронзового века 91

Археология эпохи раннего железа

Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. (Казань, Россия).
Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ
Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья 107

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Семёнов А.А. (Йошкар-Ола, Россия).
Пространственный анализ расположения и топография городищ
раннего железного века чувашского Присурья 137

Голдина Р.Д. (Ижевск, Россия).
Застежки с крючком Тарасовского могильника 150

Археология и антропология эпохи средневековья

*Перескоков М.Л. (Пермь, Россия), Доткин К.В. (Самара, Россия),
Якимова Д.А. (Пермь, Россия).*
Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника 178

*Никитина Т.Б., Кутузова Д.О. (Йошкар-Ола, Россия),
Воробьева Е.Е. (Казань, Россия).*
Погребения с бусами Анаткасинского могильника 199

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. (Москва, Россия).
К вопросу о женском костюме муромы по материалам
погребения 57 Подболотьевского могильника 220

<i>Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года).....	241
<i>Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия).</i> Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из домонгольских комплексов Джукетау.....	253
<i>Газимзянов И.Р., Кирягин К.В. (Казань, Россия).</i> Антропологическая и патолого-посттравматическая характеристика древних человеческих останков из захоронений Измерского XVI могильника по данным краниологии и медико-криминалистического исследования.....	275
<i>Газимзянов И.Р. (Казань, Россия).</i> Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ новых и старых материалов.....	294

История археологической науки

<i>Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. (Москва, Россия).</i> Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии.....	321
---	-----

Хроника

<i>Ситдииков А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году.....	342
<i>Зеленеев Ю.А., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия), Байтанаев Б.А. (Алматы, Казахстан).</i> 50 лет Евгению Михайловичу Пигарёву.....	355
Список сокращений.....	360
Правила для авторов.....	363

CONTENS

The Neolithic and the Bronze Age

Andreev K.M., Vasil'eva I.N., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
Neolithic Ceramic Complex of Chekalino IV Site:
morphology, technology, chronology8

*Skakun N.N. (Saint Petersburg, Russian Federation),
Mateva B. (Ispersikh. Bulgaria), Angelova I. (Targovishte, Bulgaria).*
Results of Studying Flint Inventory from the Neolithic Settlement
of Ovcharovo-gorata (north-east Bulgaria)..... 28

Serikov Yu.B. (Nizhny Tagil, Russian Federation).
On the Technique of Making Apertures with Large Diameters
in Stone Articles of the Neolithic and Bronze Age of the Urals56

Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation).
Sintashta as a Transcultural Phenomenon.....74

*Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation),
Hairiatdinov R.K. (Plast, Russian Federation).*
New Data on the Cult Practices of the Population
of the Southern Trans-Urals in the Late Bronze Age.....91

Archaeology of the Early Iron Age

Khisiametdinova A.A., Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation).
Methodological Aspects of Studying Fortifications of Hillforts
in the Volga-Kama Region of the Early Iron – Early Middle Ages107

*Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation),
Semenov A.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).*
Spatial Analysis of Placement and Topography
of Early Iron Age Settlements in Chuvash Sura Region.....137

Goldina R.D. (Izhevsk, Russian Federation).
Hooked Clasps from Tarasovo Burial Ground.....150

Archaeology and Anthropology of the Middle Ages

*Pereskokov M.L. (Perm, Russian Federation), Dotkin K.V.
(Samara, Russian Federation), Yakimova D.A. (Perm, Russian Federation).*
Headdress of the 4th Century A.D. from Mokino Burial Ground.....178

*Nikitina T.B., Kutuzova D.O. (Yoshkar-Ola, Russian Federation),
Vorobieva E.E. (Kazan, Russian Federation).*
Burials with Beads from Anatkasy Burial Ground199

<i>Zelentsova O.V., Saprykina I.A. (Moscow, Russian Federation).</i> On the Muroma Female Costume Based on Materials from Burial 57 of Podbolotyevsky Burial Ground	220
<i>Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Medieval Layer of Ardinskoe Hillfort (based on study materials of 2013)	241
<i>Bakhmatova V.N., Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation).</i> Technological Study of “Kama-Urals” Ceramics from Pre-Mongol Complexes of Juketaw	253
<i>Gazimzyanov I.R., Kiryagin K.V. (Kazan, Russian Federation).</i> Anthropological and Pathologic-Posttraumatic Characteristics of Ancient Human Remains from the Burials of Izmeri XXVI Burial Ground on the Basis of Craniological and Medical-Forensic Study Results	275
<i>Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation).</i> Anthropology of Tankeevka Burial Ground: craniological analysis of new and previous materials	294

History of Archaeological Science

<i>Kuzminykh S.V., Belozeroва I.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences in the Fates of National Archaeology	
---	--

Chronicle

<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).</i> On the Main Results of Scientific Activity of the Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2017	342
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation), Baytanayev B.A. (Republic of Kazakhstan).</i> 50 th Anniversary of Evgeny Mikhailovich Pigaryov	355
List of Abbreviations.	360
Submissions.	363

Неолит и бронзовый век

УДК 902/904
ББК 63.4

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.8.27>

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ЧЕКАЛИНО IV: МОРФОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ¹

© 2018 г. К.М. Андреев, И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

В статье представлены результаты изучения керамики стоянки Чекалино IV, расположенной на р. Сок в Самарской области. Памятник является опорным в разработке проблем раннего неолита Поволжья. К анализу были привлечены материалы работ 90-х годов XX в., а также новых раскопок в 2007 г., которые подробно еще не публиковались. В исследовании был использован комплексный подход, включающий морфологическую группировку керамики; серийное радиоуглеродное датирование комплексов и групп неолитической керамики; изучение гончарной технологии по методике А.А. Бобринского, основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии, эксперименте в виде физического моделирования. В рамках единого исследовательского подхода и применения одинаковых методов были проанализированы керамические материалы обширной территории Восточной Европы: Северного Прикаспия, степного Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья, Прикамья, Суркско-Мокшанского междуречья, Марийского Поволжья. Включение материалов одного из опорных памятников елшанской культуры в эту источниковую базу имеет большое значение. В научный оборот вводятся новые радиоуглеродные даты по материалам стоянки. В статье дается интерпретация полученных результатов и обозначается культурно-хронологическое положение стоянки Чекалино IV в системе неолитических древностей Поволжского региона.

Ключевые слова: археология, лесостепное Поволжье, неолит, елшанская культура, средневолжская культура, керамика, морфологическая группировка, радиоуглеродное датирование, гончарная технология, культурные традиции.

Стоянка Чекалино IV расположена на останце первой надпойменной террасы реки Сок в Сергиевском районе Самарской области. В 1988–1991 и 2007 году исследовалась А.Е. Мамоновым, А.А. Выборновым, А.И. Королевым, А.А. Ластовским и К.М. Андреевым (Мамонов, 1995; Мочалов, 2008). Общая вскрытая площадь составила 600 м². На памятнике выявлены материалы эпохи неолита, энеолита и бронзового века. Неолитическая керамика памятника может быть разделена на два культурно-хронологических комплекса: елшанский и средневолжский. Ранненеолитиче-

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 33.1907.2017/ПЧ «Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья» и гранта РФФИ «Корреляция хронологии неолитических культур степной, лесостепной и лесной зон от Дона до Иртыша» проект № 18-09-00040

ские материалы стоянки Чекалино IV были своевременно введены в научный оборот и являлись опорными при выделении и характеристике ранне-неолитической елшанской культуры (Мамонов, 1995). Материалы раскопок 2007 г. публикуются впервые.

Основной целью исследования неолитической керамики стоянки было применение комплексного подхода, который включает более детальную морфологическую группировку керамики; серийное радиоуглеродное датирование комплексов и групп неолитической керамики; изучение гончарной технологии по методике А.А. Бобринского. Включение данных по керамике одного из опорных памятников елшанской культуры в эту источниковую базу имеет большое значение в дальнейшей разработке проблем неолитизации Поволжского региона.

Морфологическая группировка. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV по формальным признакам может быть разделена на несколько морфологических групп:

1. Группа сосудов без орнамента (16 экземпляров). Она представлена фрагментами венчиков без орнамента. Верхняя часть ряда сосудов реконструируется (рис. 1: 1–16). Диаметр горла сосудов 8–17 см. Форма шейки венчика прямая или слабо профилированная. Срезы венчиков: приостренные, округлые. На ряде фрагментов имеются просверленные конические отверстия, сделанные в обожженном сосуде. По срезу одного венчика нанесены короткие насечки.

2. Керамика с жемчужным орнаментом на шейке венчика (5 экз.). К данной группе относится один полностью реконструированный сосуд яйцевидной формы с профилированной

шейкой и коническим дном (рис. 2: 1), а также фрагменты профилированных и прямых венчиков еще от четырех экземпляров с приостренными и округлыми срезами (рис. 2: 2–5).

3. Посуда с ямочным орнаментом на шейке венчика (6 экз.). Верхняя часть трех сосудов данной группы реконструируется. Диаметр горла составляет 10–14 см. Венчики в основном прямые, лишь у одного шейка профилирована. Срез приостренный, округлый, в одном случае уплощен (рис. 2: 6–11).

4. Группа керамики с прочерченным орнаментом (4 сосуда). Узкие и широкие линии образуют следующие мотивы: горизонтальный зигзаг или «висячие треугольники» (рис. 2: 13); горизонтальные параллельные линии, пересекающиеся диагональными линиями (рис. 2: 12); ряды двойного горизонтального зигзага (рис. 3: 4); горизонтальный зигзаг с внутренней стороны венчика (рис. 3: 2). Венчики профилированные или прямые. Срез приострен, а у двух сосудов по нему нанесены прочерки, образующие зигзаг. К данной группе относится ряд стенок, орнаментированных прочерченными линиями.

5. Фрагменты с прочерченно-накольчатый орнаментом (2 экз.). На слабопрофилированном сосуде с округлым срезом венчика параллельные прочерченные линии образуют горизонтальный зигзаг, заполненный мелкими точечными наколами (рис. 3: 6). Еще один представлен фрагментами округлодонной (?) чаши с округлым срезом венчика и ямочным пояском под ним и двумя горизонтальными рядами подовальных наколов, от которых диагонально отходят по две параллельные прочер-

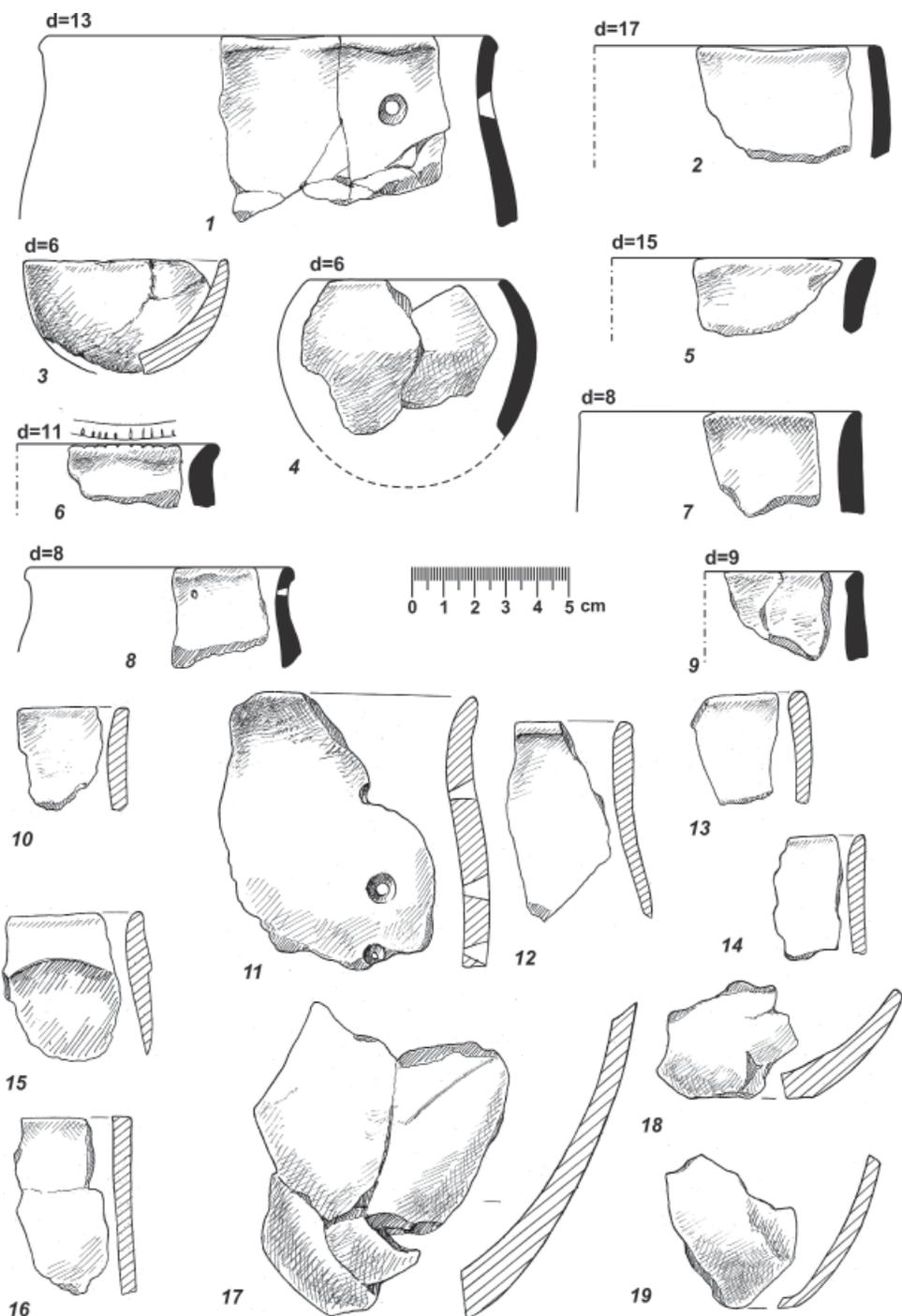

Рис. 1. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV:
1–5, 7–19 – не орнаментированная; 6 – сосуды с насечками по срезу венчика.

Fig. 1. Neolithic ceramics from Chekalino IV site:
1–5, 7–19 – not ornamented; 6 – vessels with notches along the section of the rim.

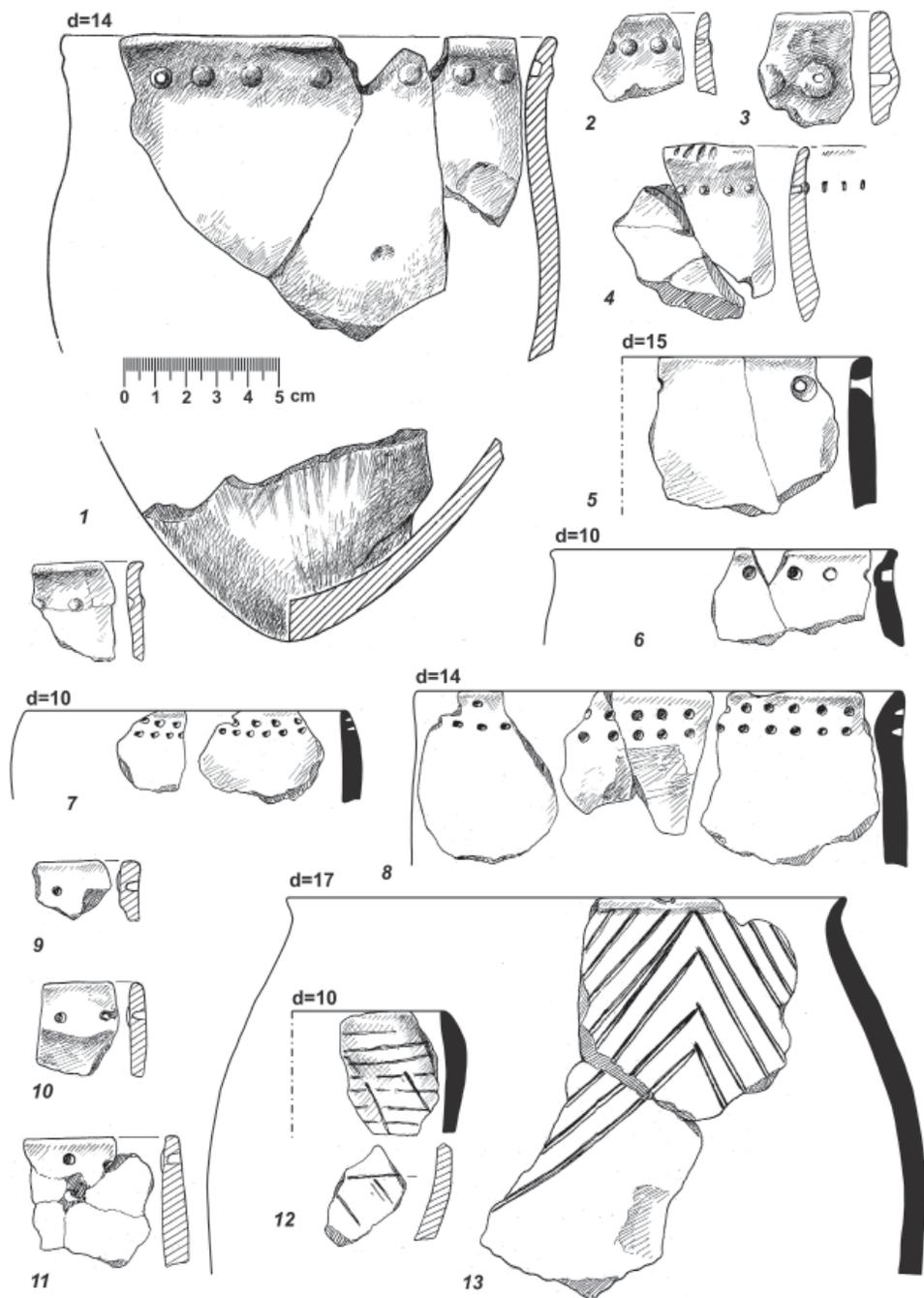

Рис. 2. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV:
1–5 – сосуды с жемчужным пояском под венчиком; 6–11 – сосуды с ямочным пояском под венчиком; 12–13 – сосуды с прочерченным орнаментом.

Fig. 2. Neolithic ceramics from Chekalino IV site:
1–5 – vessels with a pearl band underneath the rim; 6–11 – vessels with a pit band underneath the rim; 12–13 – vessels with a dash ornament.

ченные линии. Между ними нанесены подовальные наколы (рис. 3: 7).

6. Керамика с накольчатым и ямчатым орнаментом (7 сосудов). К данной группе относится полностью реконструированный экземпляр яйцевидной формы с коническим дном. Он орнаментирован узкими насечками. На участке их пересечения (висячий треугольник?) представлено скопление точечных наколов (рис. 3: 5). Два прямых венчика украшены одним и двумя горизонтальными рядами разреженных овальных наколов под срезом (рис. 3: 9; 4: 2). Еще три сосуда представлены фрагментами стенок с горизонтальными рядами округлых разреженных наколов-ямок (рис. 3: 10; 4: 1) и горизонтальными рядами круглых разреженных кольцеобразных наколов (рис. 4: 3–4). Последний экземпляр данной группы имеет сильно отогнутый Г-образный венчик с округлым срезом. Он орнаментирован разреженными треугольными наколами образующими неровные горизонтальные ряды (рис. 3: 8).

7. Один сосуд с (ямчатым) накольчато-гребенчатым орнаментом. Он с прикрытой шейкой и округлым скошенным внутрь срезом венчика, орнаментированный ямочным пояском по шейке, ниже которого проходят плотные параллельные горизонтальные ряды круглых наколов (ямки) и диагонально ориентированные оттиски короткого зубчатого штампа образующие мотив горизонтального зигзага (рис. 4: 5).

8. Керамика, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа (8 экз.). Графически реконструируется плоскодонный сосуд баночной формы. Под срезом венчика проходит ряд ямчатых вдавлений. Плоский срез

скошен вовнутрь и орнаментирован (рис. 5: 1). Остальные сосуды данной группы представлены отдельными фрагментами стенок. Оттиски штампа образуют, как правило, простые линейные горизонтальные (рис. 4: 9–11, 15–16, 19; 5: 4), в одном случае – диагональные мотивы (рис. 4: 18), а также сочетание пересекающихся горизонтальных и диагональных линий (рис. 4: 20). Несколько фрагментов от одного сосуда позволяют реконструировать более сложный мотив: горизонтальные линии оттисков гребенчатого штампа, от которых отходят диагональные линии, образующие «висячие треугольники» (рис. 5: 3).

9. Посуда, орнаментированная оттисками короткого гребенчатого штампа (4 сосуда). Данная группа представлена лишь фрагментами стенок, на которых оттиски образуют горизонтальные ряды вертикально и/или диагонально ориентированных отпечатков короткого (4–7 зубцов) штампа (рис. 4: 12–14, 17, 21, 22).

10. Группа керамики, орнаментированной оттисками короткого и длинного гребенчатого штампа (5 экз.). Один из венчиков орнаментирован ямочными вдавлениями снаружи, под которыми проходят горизонтальные линии оттисков длинного штампа. Над ними с внешней и внутренней стороны представлены горизонтальные ряды, состоящие из диагонально ориентированных оттисков короткого штампа (рис. 4: 8). Прямой венчик с округлым срезом и несколько фрагментов стенок от одного сосуда орнаментированы ямочным пояском, поверх которого на всей внешней поверхности нанесен «шахматный» мотив, образованный чередующимися полями, заполненными вертикаль-

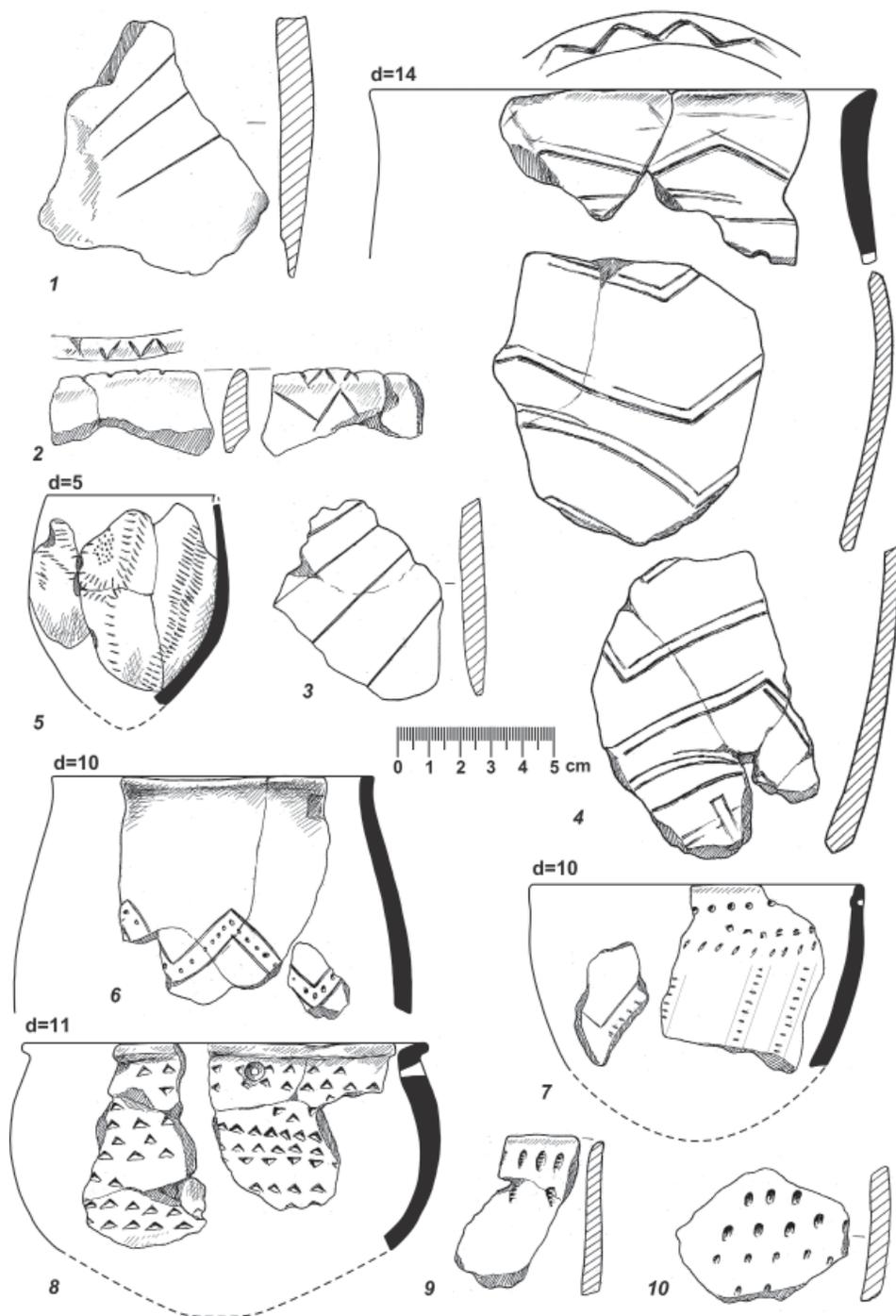

Рис. 3. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV:

1–4 – сосуды с прочерченным орнаментом; 6–7 – сосуды с прочерчено-накольчатым орнаментом; 5, 8–10 – сосуды с накольчатым и ямчатым орнаментом;

Fig. 3. Neolithic ceramics from Chekalino IV site:

1–4 – vessels with a dash ornament; 6–7 – vessels with a dash and pierced ornament;
5, 8–10 – vessels with a pierced and pitted ornament;

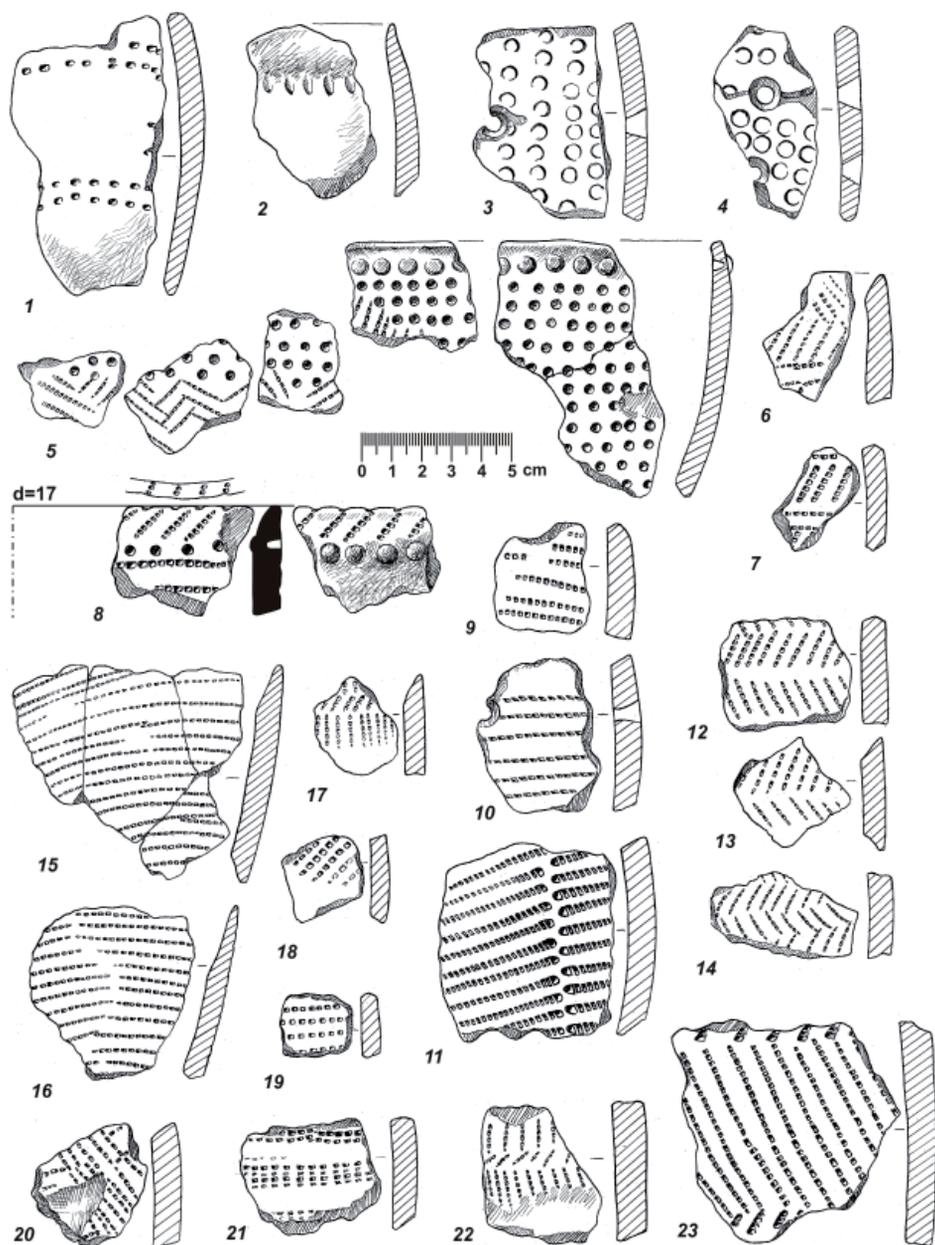

Рис. 4. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV:

1–4 – сосуды с накольчатым и ямчатым орнаментом; 5 – сосуд (ямчатый) накольчато-гребенчатым орнаментом; 9–11, 15–16, 18–20 – сосуды орнаментированные оттисками длинного гребенчатого штампа; 12–14, 17, 21–22 – сосуды орнаментированные оттисками короткого гребенчатого штампа; 6–8, 23 – сосуды орнаментированные оттисками короткого и длинного гребенчатого штампа;

Fig. 4. Neolithic ceramics from Chekalino IV site:

1–4 – vessels with a pierced and pitted ornament; 5 – a vessel (pitted) with a pierced-comb pattern; 9–11, 15–16, 18–20 – vessels ornamented with imprints of a long comb stamp; 12–14, 17, 21–22 – vessels decorated with imprints of a short comb stamp; 6–8, 23 – vessels ornamented with imprints of a short and long comb stamp;

ми линиями длинного штампа и горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого штампа (рис. 5: 2). Один прямой с приостренным срезом венчик орнаментирован расположенными под углом друг к другу диагонально ориентированными оттисками короткого гребенчатого штампа, разделенными горизонтальными линиями длинного штампа (рис. 4: 6). Еще два сосуда данной группы представлены фрагментами стенок, украшенными горизонтальными или диагональными линиями длинного гребенчатого штампа, разделенными горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого штампа (рис. 4: 7, 23).

По итогам морфологической группировки керамический материал стоянки Чекалино IV может быть разделен на два культурно-хронологических комплекса. К раннему неолиту отнесены сосуды первой – пятой групп, а также сосуд № 1 шестой группы. Как уже говорилось, ранне-неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV является одним из опорных при характеристике елшанских гончарных традиций и неоднократно представлялся в ряде обобщающих работ. Наиболее близки материалам стоянки Чекалино IV ранне-неолитические комплексы стоянок Ивановка, Нижняя Орлянка II, Ильинка, Большая Раковка II (Моргунова, 1988; Колев и др., 1995; Мамонов, 1988; Барынкин, Козин, 1991). К развитому неолиту (средневожской культуре) могут быть отнесены сосуды, в орнаментации которых преобладают наколы, ямочный орнамент и оттиски гребенчатого штампа (группы семь–десять и сосуды №№ 2–7

шестой группы). Спецификой керамического комплекса развитого неолита стоянки Чекалино IV является незначительная доля накольчатого орнамента. При этом преобладают наколы округлой формы (ямки), представленные в незначительном количестве в комплексах других неолитических стоянок Поволжья. В то же время посуда, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа, находит широкий круг аналогий в комплексах неолитических стоянок Самарского Поволжья (Большая Раковка II, Калмыковка I) (Барынкин, Козин, 1991; Андреев и др., 2017).

Данные по радиоуглеродному датированию материалов стоянки Чекалино IV. Что касается хронологии рассмотренных материалов, как для стоянки Чекалино IV, так и подавляющего числа памятников елшанской и средневожской культур получена значительная серия радиоуглеродных дат (Выборнов и др., 2009; Андреев и др., 2012; Андреев и др., 2016).

Часть из них сделана по раковинам пресноводных моллюсков. Они имеют рамки от 8450 до 7500 лет BC (табл. 1, 1) что явно противоречит археологическим представлениям о хронологии неолита Поволжья, т.к. соответствуют времени мезолитических памятников. Эти даты нельзя признать валидными, так как они явно подвержены влиянию резервуарного эффекта. Аналогичная ситуация с датами, относящимися к 5000–4500 лет BC. Они совпадают с хроноинтервалом хвалынской энеолитической культуры и поэтому не могут быть признаны корректными (табл. 1, 2).

Остаются две группы дат для елшанских материалов стоянки Чекалино IV. Первая группа представлена

Таблица 1

Радиоуглеродные даты стоянки Чекалино IV

№	Стоянка	Лаб.индекс	Возраст ВР	Возраст ВС	Материал
1	Чекалино IV	Le – 4781	8990±100	2σ 8450-7750	Раковины
2	Чекалино IV	Ki – 14688	5870±80	2σ 4940-4540	Керамика
3	Чекалино IV	Le – 4782	8000±120	2σ 7300-6600	Раковины
4	Чекалино IV	Gin – 7086	7950±130	2σ 7250-6450	Раковины
5	Чекалино IV	Spb – 424	7660±200	2σ 7050-6050	Керамика
6	Чекалино IV	Poz – 42051	7250 ±60	2σ 6230-6010	Уголь
7	Чекалино IV	Spb – 1731	7127±150	2σ 6400-5700	Керамика
8	Чекалино IV	Spb – 2249	5807±120	2σ 4948-4441	Керамика

датой, сделанной по неорнаментированной керамике, включая профилированный венчик: 7050–6050 лет ВС (табл. 1, 5). Она вполне согласуется с датами по аналогичной керамике с Ивановской стоянки: 7060 и 7020 лет ВС. К этой же группе можно отнести две даты по елшанской керамике, включая коническое дно, с Ивановской стоянки: 6700 и 6500 лет ВС. По профилированному венчику с просверленной ямкой на тулове, аналогичному чекалинским, со стоянки II Большераковская получены две даты: 7200–6200 и 6700–6200 лет ВС. Таким образом, фиксируется диапазон: первая половина VII тыс. до н. э.

Вторая группа дат керамики елшанского облика стоянки Чекалино IV представлена по коническому дну: 6230–6000 лет ВС (табл. 1, 6) и фрагментам с двойным прочерченным горизонтальным зигзагом: 6400–5700 лет ВС (табл. 1, 7). Иначе говоря, вторая половина VII тыс. до н. э. Следует отметить, что верхние границы интервалов дат с Ивановской и II Большераковской стоянок совпадают с нижней границей интервала двух чекалинских дат второй группы.

Керамика с разреженными треугольными наколами может быть отне-

сена к более позднему времени. Для этого есть определенные основания. Так, сходная посуда с Ивановской стоянки получила 4 даты от 6200 до 5700 лет ВС. Их значения практически стыкуются с интервалами второй группы дат керамики елшанского типа.

Группа керамики с зубчатым штампом по датам, полученным по аналогичной посуде с памятников Волго-Камья, датируется в рамках: 5600–5200 лет ВС. Для фрагментов, украшенных гребенчатым штампом, имеется серия дат в интервале от 5000 до 4500 лет ВС. Эта датировка относится и к сосудам, несущим композицию в виде плетенки («шахматную») из чередования зубчатых и гребенчатых отпечатков, аналогичных сосуду с Чекалино IV (рис. 5: 2). Другой сосуд с гребенчатой орнаментацией на данном памятнике (рис. 5: 1) получил дату (табл. 1, 8), что согласуется с ранее полученными значениями по данному типу посуды.

Даты по органике в керамике, полученные для сосудов разных типов на стоянке Чекалино IV вполне укладываются в хронологические рамки соответствующих типов посуды интересующей территории. Кроме того, они

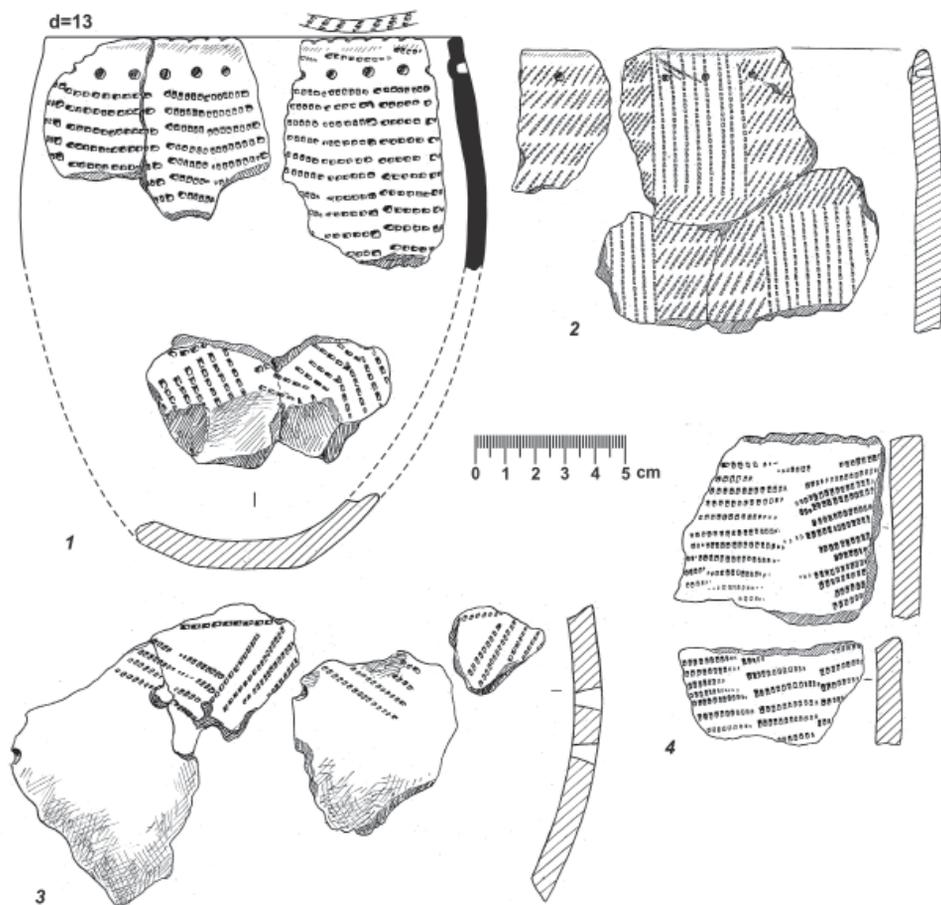

Рис. 5. Неолитическая керамика стоянки Чекалино IV:

1, 3–4 – сосуды орнаментированные отпечатками длинного гребенчатого штампа; 2 – сосуд орнаментированный отпечатками короткого и длинного гребенчатого штампа;

Fig. 5. Neolithic ceramics from Chekalino IV site:

1, 3–4 – vessels ornamented with imprints of a long comb stamp; 2 – a vessel ornamented with imprints of a short and long comb stamp;

подтверждают сделанные до получения дат предположения исследователей, основанные на типологических разработках. Все это подтверждает и вывод специалистов по радиоуглеродному анализу о приемлемости датировок по органике в керамике (Зайцева и др., 2011).

Таким образом, новые даты по материалам елшанской культуры стоянки Чекалино IV подтверждают ее достаточно ранний возраст среди культур неолита Восточной Европы.

Гончарная технология. Исследование технологии изготовления неолитической керамики стоянки Чекалино IV проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, основанного на методике А.А. Бобринского (бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования) (Бобринский, 1978; 1999). Подробная характеристика применения данной методики к керамическим материалам разных неолитических памятников

неоднократно опубликована (Васильева, 2006; 2011; Васильева, Выборнов, 2013; 2016), поэтому в данной статье она не дается. Важно лишь заметить, что опыт изучения фрагментированной керамики неолитических стоянок привел к необходимости уделять основное внимание двум элементам гончарной технологии: представлениям об исходном пластичном сырье (ИПС) и традициям составления формовочных масс (ФМ). Понятие «представления о сырье» в широком смысле включает традиции отбора ИПС на видовом уровне (илы, илестые глины, глины), а также приемы подготовки формовочных масс. Представления о пластичном сырье принадлежат наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, группе субстратных навыков, которые даже в условиях смешения разных групп населения остаются неизменными очень долгое время, что позволяет обратиться к истории сложения этих трудовых навыков.

Всего было изучено 84 образца неолитической керамики, из них: фрагментов венчиков – 52, стенок – 25, придонных частей – 4, развалов – 3². Техничко-технологический анализ керамики стоянки Чекалино IV позволил определить два вида ИПС: *илы и илестые глины* (рис. 6). Качественный состав илов и илестых глин довольно

² Необходимо заметить, что анализ части керамики производился в 90-е годы, и общие выводы были использованы А.Е. Мамоновым в его работах. После перемещения коллекции в новое хранилище, произошла утрата некоторых фрагментов керамики, поэтому в разделе о гончарной технологии использовано большее количество образцов, чем в морфологической группировке, произведенной недавно.

близок. К илам отнесено сырье, в котором зафиксированы большая и средняя степени концентрации, к илестым глинам – небольшая и единичная. В илах присутствуют довольно крупные остатки (часто углефицированные) водной и наземной растительности. В качестве естественных минеральных компонентов встречаются: 1) мелкие обломки раковины пресноводных моллюсков; 2) песок размером 0,1–0,5 мм; 3) различные железистые включения; 4) не растворившиеся комочки чистой глины. В состав илестых глин входят практически все вышеперечисленные компоненты, за исключением растительности: она представлена в этом виде сырья детритом (мелкими фрагментами разложившихся растений). На уровне подвидов ИПС выделены два: «тощие» и «жирные». К «тощим» подвидам ИПС отнесены сильно-и-среднезапесоченные, к «жирным»: слабо-и-незапесоченные. Варианты ИПС определяются по наличию или отсутствию в сырье естественных обломков раковины пресноводных моллюсков.

Формовочные массы (ФМ) могут быть составлены из ИПС без искусственных примесей, а также из смеси сырья и специально введенных органических и минеральных добавок. Микроскопическое изучение керамики Чекалино IV выявило следующие искусственные добавки: 1) органические растворы (ОР); 2) шамот (Ш) – порошок, получившийся в результате дробления старых сосудов, с размером частиц 0,5–2 мм, реже до 3 мм; 3) шамот–обожженная глина (Шо/г) – обожженная в виде комков, а затем раздробленная, сильно ожеженная глина. Следует отметить, что концентрация минеральных при-

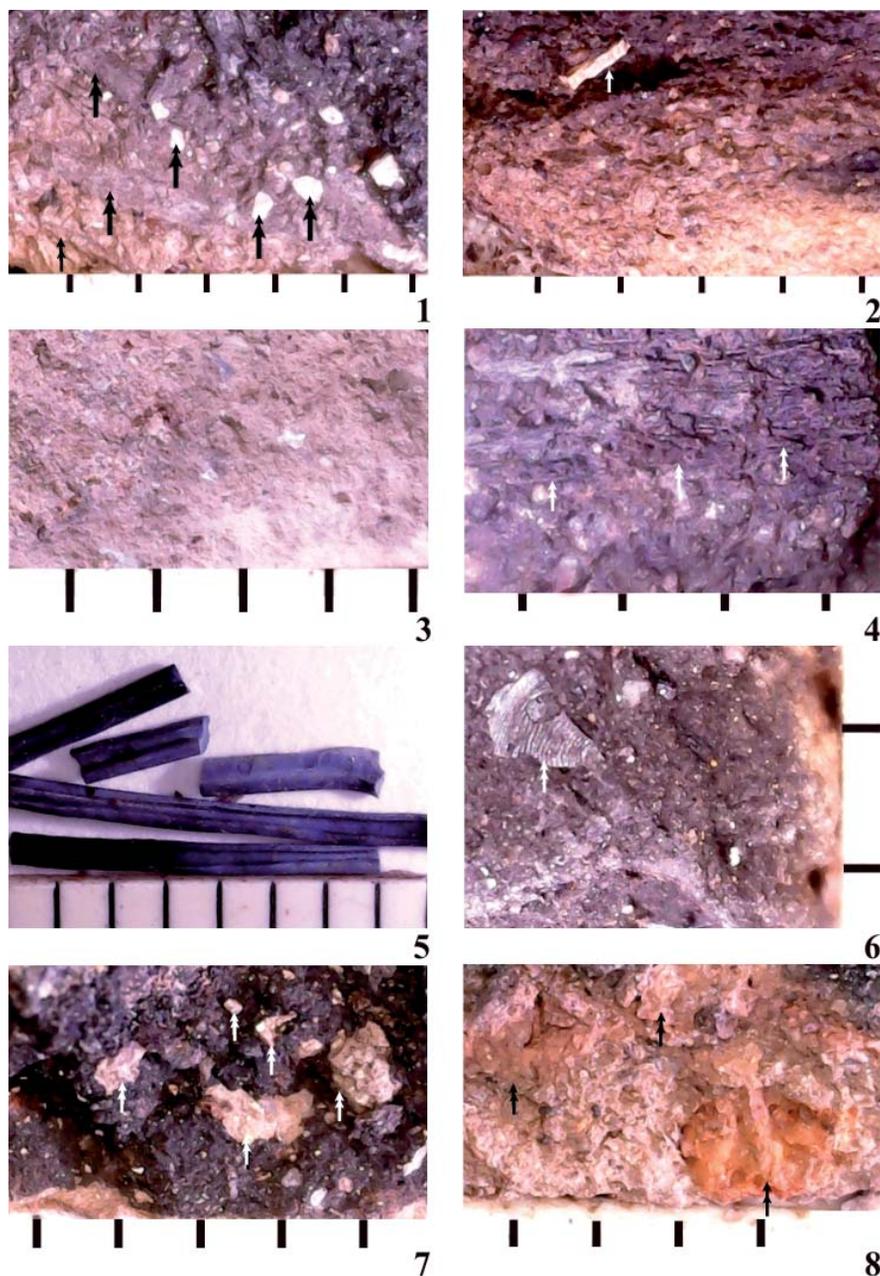

Рис. 6. Микрофотосъемка неолитической керамики стоянки Чекалино IV
 1 – тощий ил с включениями естественной раковины; 2 – тощая илестая глина с единичными включениями раковины; 3 – жирная илестая глина без раковины;
 4 – отпечатки водорослей в илестой глине; 5 – кость рыбы из черепка сосуда, сделанного из ила; 6 – фрагмент чешуи рыбы в илестой глине; 7 – шамот;
 8 – шамот-обожженная глина.

Fig. 6. Microphotography of Neolithic Ceramics from Chekalino IV site:
 1 – lean silt with natural shell inclusions; 2 – thin silt clay with individual shell inclusions; 3 – rich clay with no shell inclusions; 4 – imprint of algae in silt clay; 5 – fish bone from the a vessel shard made of silt; 6 – fragment of fish scales in silt clay; 7 – chamomile; 8 – chamomile-burnt clay.

месей в керамике изучаемой стоянки не превышала следующих значений: единичной, 1: 5, 1: 4, редко 1: 3. Данные факты указывают на то, что ИПС использовались в качестве основного пластичного сырья.

1. *Елшанский керамический комплекс.* Результаты изучения ИПС керамики данного комплекса, представленные в таблице 2, свидетельствуют о массовом преобладании илстых глин. Число сосудов, изготовленных из илов, составляет всего 6%. К ним относятся три сосуда без орнамента: две небольшие чаши (рис. 1: 3–4) и фрагмент верхней части прямостенного сосуда. Наиболее массовыми были приемы отбора тощих илстых глин, не содержащих естественную примесь обломков раковины. Среди илистого сырья преобладали тощие илы с раковинной (табл. 2). Сравнение данных об использовании илов и илстых глин при изготовлении керамики различных групп елшанского комплекса показало, что из илов изготовлены только сосуды без орнамента. Сосуды всех остальных групп, форма и орнаментация которых наиболее характерны для елшанских традиций, сделаны из илстых глин. Илы и илстые глины использовались в состоянии естественной увлажненности.

На ступени составления ФМ керамики елшанского комплекса выявлены следующие рецепты (табл. 3): 1) ИПС+ОР (органические растворы) (74%); 3) ИПС+ОР+Ш (шамот) (4%); 4) ИПС+ОР+Шо/г (шамот-обожженная глина) (22%). Таким образом, наиболее массовым рецептом ФМ елшанских сосудов являлся: ИПС+ОР. Сравнение сосудов, изготовленных из ила и илстых глин, позволило установить, что все сосуды из ила со-

держали в своем составе только ОР. Рецепты с минеральными добавками использовались в гончарствах, основанных на илстых глинах. Общее число сосудов елшанского облика стоянки Чекалино IV с примесью шамота составляет 4%, что дает возможность констатировать очень незначительное распространение «шамотной» традиции. Обращает на себя внимание традиция добавления в ФМ шамота-обожженной глины, которая ранее не фиксировалась в ранних елшанских материалах. Полученные данные свидетельствуют о вероятности формирования этой традиции в среде елшанского населения уже на раннем этапе бытования.

Изучение керамического материала елшанского комплекса позволило определить, что большая часть сосудов изготовлена лоскутным налепом с использованием различных форм-моделей. Процесс налепливания был достаточно организованным, возможно, спиралевидным. Размеры строительных элементов (лоскутков) были небольшими: 1,5–2,5 см. Более крупные сосуды (особенно это касается сосудов с S-видным профилем) обнаружили признаки зонального налепа. В силу сохранности материала, можно уверенно говорить о примазывании верхней части сосуда в качестве отдельной зоны высотой 4–5 см к уже сделанному тулову. Способы обработки поверхностей елшанских сосудов: простое заглаживание и сплошное уплотнение. Тщательному уплотнению подвергались внешняя поверхность сосудов и часто верхняя часть внутренней. У большинства же сосудов внутренняя поверхность шероховатая, с неровностями и статическими складками. Все имеющиеся

Таблица 2

Результаты изучения исходного пластичного сырья керамики стоянки Чекалино IV

Комплексы, группы керамики, виды орнамента	Виды ИПС										ИТОГО:
	ИЛЫ					ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ					
	тощие		жирные		Всего:	тощие		жирные		Всего:	
	рак.	б/р	рак.	б/р		рак.	б/р	рак.	б/р		
Елшанский комплекс											
Без орнамента	2	1			3	4	12		-	16	19
Ямочно / жемчужный поясок					-	3	9		3	15	15
Насечки по срезу венчика					-		2	1		3	3
Прочерченный					-		8			8	8
Прочерченно-накольчатый					-	1	2			3	3
Насечки, точечные наколы					-	1	-			1	1
Придонные части, без орнамента					-	1	3			4	4
Всего:	2	1			3/6%	10	36	1	3	50/94%	53/100%
Средневожский комплекс											
Накольчатый							6			6	6
Ямочный		1			1		1	1		2	3
Гребенчатый	1	2			3	6	9	4		19	22
Всего:	1	3			4/13%	6	16	5	9	27/87%	31/100%
ИТОГО:	3	4	-	-	7/8%	16	42	6	12	77/92%	84/100%

Сокращения: ИПС – исходное пластичное сырье; рак. – ИПС с естественной раковиной; б/р – ИПС без естественной раковины; ед.изучения – образец (отдельный сосуд).

в настоящее время факты свидетельствуют о возможности применения как форм-основ, так и форм-емкостей при конструировании елшанской керамики. Представляется, что вполне была вероятна и смена различных моделей в процессе изготовления одного сосуда. Поэтому статические следы фиксируются как на внешней, так и внутренней поверхностях сосудов. Излом черепка изученных образцов в основном трехслойный (с осветленными поверхностными прослоями мощностью 0,1–1 мм и темно-серой сердцевинной), реже – однотонный серый или двухслойный. Можно предположить, что придание прочности и

устранение влагопроницаемости сосудов осуществлялось путем обжига с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°).

II. *Средневожский керамический комплекс.* К данному комплексу отнесены группы керамики с накольчатым, ямочным, ямочно-гребенчатым и гребенчатым орнаментом.

Число образцов керамики с *накольчатой орнаментацией* немногочисленно (6 обр.). Все они обнаружили признаки изготовления из илистых тощих глин, без раковины (табл. 2). Пять

Таблица 3

Результаты изучения формовочных масс керамики стоянки Чекалино IV

Комплексы, группы керамики, виды орнамента	Формовочные массы			ИТОГО:
	ОР	Шо/г+ОР	Ш+ОР	
Елшанский комплекс				
Без орнамента	16	3	-	19
ямочно/жемчуж.поясок	6	6	3	15
Насечки по срезу венчика	2	1	-	3
Прочерченный	6	2	-	8
Прочерченно-накольчатый	3	-	-	3
Насечки, точечные наколы	1	-	-	1
Придонные части, без орнамента	4	-	-	4
Всего:	38/74%	12/22%	3/4%	53/100%
Средневожский комплекс				
Накольчатый	5	1	-	6
Ямочный	1	-	2	3
Гребенчатый	3	-	19	22
Всего:	9/29%	1/3%	21/68%	31/100%
ИТОГО:	47/56%	13/15%	24/29%	84/100%

Сокращения: ФМ – формовочные массы; ОР – органический раствор; Ш - шамот; Шо/г – шамот-обожженная глина; ед.изучения – образец (отдельный сосуд).

сосудов сделаны из ФМ, в которые введены только ОР. Еще один (рис. 3: 8) содержал в своем составе ОР+Шо/г (табл. 3). Приемы их конструирования и формообразования были связаны с лоскутным налепом и применением форм-моделей. Два экземпляра (рис. 3: 8 и рис. 4: 1) были сделаны посредством зонального лоскутного налепа. Обращает на себя внимание, что строительными элементами служили комки ФМ, которые размазывались по стенкам форм-моделей. В одном случае (рис. 4: 1) зафиксированы признаки использования мягкой прокладки при конструировании на форме-основе. Сосуды обожжены в нестабильной среде с кратковременным пребыванием в условиях температур каления (выше 650°). Все эти факты могут свидетельствовать о том, что посуда с накольчатой орнаментацией сделана в рамках гончарных производств, в которых преобладали елшанские

технологические традиции. В то же время в составе приемов конструирования сохранялись субстратные навыки, наиболее характерные для нижневожского неолитического гончарства (комковатый лоскутный налеп). По-видимому, данная группа посуды принадлежала смешанному в культурном отношении населению.

Группа керамики с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом представлена 3 сосудами. Их объединяет использование ямочного орнамента, который наносился полую костью. На одном из них он сочетался с ямочно-жемчужным пояском под венчиком и оттисками гребенчатого штампа (рис. 4: 5). Несмотря на немногочисленность данной группы, она обнаружила существенную неоднородность в представлениях о сырье среди ее изготовителей и в существовании разных рецептов ФМ. Один сосуд был изготовлен из запесоченного ила, без ра-

ковины, с примесью только ОР (рис. 4: 3). Два других экземпляра сделаны из илистых глин: один из жирной ИГ с единичными включениями естественной раковины; второй – из тощей ИГ, без раковины (рис. 4: 5). Они оба содержали в своем составе ОР+Ш в концентрации 1:5/6. Размер частиц шамота составлял в основном менее 1 мм. Следует отметить факт применения приема заглаживания гребенчатым штампом частично внешней и полностью внутренней поверхности на одном из изученных сосудов, что не фиксировалось в рамках вышеописанных групп керамики.

Группа керамики с гребенчатым штампом включает сосуды, орнаментированные коротким и длинным гребенчатыми штампами и их сочетанием. Изучение видов ИПС показал преимущественное распространение приемов отбора илистых глин (86% от общего числа изученных образцов данной группы). Самой массовой была традиция отбора илистых тощих глин без раковины (табл. 2). В общем объеме ИПС керамики с гребенчатым орнаментом доля илов в качестве сырья составляла 14% (от общего числа изученных образцов данной группы). Можно сделать вывод об определенной неоднородности гончарных традиций населения, которое изготавливало такую посуду. При этом данная неоднородность прослежена по керамике как с коротким гребенчатым штампом, так и с длинным гребенчатым штампом. Состав традиций составления ФМ гребенчатой керамики выделяется среди других существенным преобладанием традиции составления ФМ с шамотом и ОР (86% от общего числа изученных образцов данной группы). Лишь три

сосуда изготовлены из ФМ с добавкой только ОР (табл. 3). Обращает на себя внимание разнообразие рецептов с шамотом: использовался мелкий (менее 1 мм) и крупный (менее 3 мм) шамот, концентрация этой примеси в ФМ составляла 1: 3, 1: 4, 1: 5. Сосуды данной группы конструировались лоскутным налепом, преимущественно с помощью форм-моделей: основ и емкостей. Можно отметить наличие приемов изготовления сосудов с помощью более крупных строительных элементов, возможно, коротких жгутов (длиной до 4 см). В то же время зафиксирован случай использования комков размером 2×3 см. Приемы термической обработки были связаны с костровым обжигом с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах калия (650–700°).

Обобщение данных технико-технологического анализа керамики стоянки Чекалино IV позволяет охарактеризовать структуру неолитической гончарной технологии как простейшую (для неорнаментированной керамики) и как простую (при появлении орнаментальных традиций) (Бобринский, 1999, с. 11). Уровень большей части производств неолитической керамики стоянки относится к протогончарству; производства с приемами составления ФМ с минеральными примесями – к архегончарству.

Ранняя хронологическая позиция стоянки Чекалино IV в неолите Самарского Заволжья дает возможность конкретизировать елшанские гончарные традиции на раннем этапе. К ним относятся: 1) распространение взглядов на илистые глины как сырье; 2) отбор в основном тощего ожелез-

ненного сырья без раковины; 3) увлажненное состояние ИПС; 4) существование двух традиций составления ФМ: с одним только органическим раствором и с минеральными примесями (шамотом и шамотом-обожженной глиной) в сочетании с органическим раствором, причем последняя традиция не получила широкого распространения; 5) распространение приемов лоскутного налепливания в процессе конструирования сосудов; 6) применение форм-моделей для придания окончательной формы сосудам; 7) простое заглаживание и уплотнение – на ступени обработки поверхностей сосудов; 8) распространение смешанных способов придания прочности с помощью холодных (введение ОР) и горячих (термических) воздействий на гончарные изделия и использование приемов неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в результате чего они приобретали 2–3-слойную окраску в изломе. Судя по результатам изучения елшанской керамики многих стоянок Среднего Поволжья, совокупность этих технологических приемов обладала большой устойчивостью и передавалась от поколения к поколению в течение очень длительного времени.

Изучение накольчатой керамики стоянки показало, что изготавливавшее ее население практически уже перешло на елшанские гончарные традиции. В ее керамическом комплексе отсутствует накольчатая посуда, сделанная в соответствии с традициями южных групп населения с накольчатой керамикой (орловской культуры).

Технология изготовления сосудов с гребенчатым орнаментом обнаружила существенное отличие от камской гончарной технологии, для которой характерны приемы отбора природных глин, дробления их в сухом состоянии и составления ФМ с большой концентрацией шамота и ОР (Васильева, Выборнов, 2013). Местное население, изготавливавшее керамику с гребенчатым орнаментом, использовало илы и илистые глины во влажном состоянии.

В целом введение в научный оборот материалов одного из опорных памятников елшанской культуры позволило уточнить его хронологическую позицию в системе неолитических культур региона, а также конкретизировать данные по морфологической группировке и технологии изготовления керамики стоянки Чекалино IV.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 193–199.
2. Андреев К.М., Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г., Медоуз Д., ван дер Плихт Й., Филиппсен Б. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 3(2). С. 155–163.
3. Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Сомов А.В. Неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 172–180.
4. Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплек-

сов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 94–119.

5. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

6. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.

7. *Васильева И.Н.* К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья / Ред. И.Н. Васильева. Вып. 4. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2006. С. 426–439.

8. *Васильева И.Н.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2(46). С. 70–81.

9. *Васильева И.Н., Выборнов А.А.* О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.

10. *Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки. Датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2016. С. 5–20, 197–198.

11. *Выборнов А.А.* Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.

12. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: Восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 58–65.

13. *Колес Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 50–110.

14. *Мамонов А.Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской России / Ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1988. С. 92–105.

15. *Мамонов А.Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 3–25.

16. *Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Вып. 1. Самара: СГПУ, 1999. С. 15–43.

17. *Моргунова Н.Л.* Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: изд-во КГПИ, 1988. С. 106–122.

18. *Мочалов О.Д.* Отчет о раскопках поселения Чекалино IV в Сергиевском районе Самарской области в 2007 году. Самара, 2008 / Архив археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета. Ф. 65. Д. 14.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

NEOLITHIC CERAMIC COMPLEX OF CHEKALINO IV SITE: MORPHOLOGY, TECHNOLOGY, CHRONOLOGY

K.M. Andreev, I.N. Vasil'eva, A.A. Vybornov

The paper contains the results of studying ceramics from Chekalino IV site located on the Sok River in the Samara region. It is a reference monument in the development of the issues of the Early Neolithic of the Volga region. The analysis involved materials of 1990s publications, as well as the new excavations of 2007, which have not been published in detail. The study was conducted with the use of a complex approach, including the morphological classification of ceramics; serial radiocarbon dating of complexes and groups of Neolithic ceramics; studying of pottery technology using the A. A. Bobrinsky's method based on binocular microscopy, traseology and experiment in the form of physical modelling. Ceramic materials from the following territories of Eastern Europe were analyzed within the framework of a unified research approach and the application of similar methods: Northern Caspian region, steppe Lower Volga region, Middle Volga region, Cis-Kama region, Sura-Moksha interfluve, and Mari Volga region. Of particular importance is the inclusion of materials from one of the main monuments of Elshanka culture in this source database. New radiocarbon dating results obtained on the basis of materials from the site are introduced into scientific discourse. The paper features an interpretation of obtained results and establishes the cultural and chronological position of Chekalino IV site within the system of Neolithic antiquities of the Volga region.

Keywords: archaeology, forest-steppe Volga region, the Neolithic, Elshanka culture, Middle Volga culture, ceramics, morphological classification, radiocarbon dating, pottery technology, cultural traditions.

REFERENCES

1. Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 14, no. 1, 193–199 (in Russian).
2. Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A., Oinonen, M., Possnert, G., Medouz, D., van der Plikht, I., Filippsen, B. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 3(2), 155–163 (in Russian).
3. Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Vasil'eva, I. N., Somov, A. V. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 19, no. 3, 172–180 (in Russian).
4. Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 94–119 (in Russian).

The work was prepared within the framework of the State Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No. 33.1907.2017/PCh “Traditional and Innovative Models of the Development of the Ancient Population in the Volga Region” and the Russian Foundation for Basic Research grant “Correlation of the Chronology of Neolithic Cultures of the Steppe, Forest-Steppe and Forest Areas from Don to Irtysh”, project No.18-09-00040.

5. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara State Pedagogical University, 426–439 (in Russian).
8. Vasil'eva, I. N. 2011. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 70–81 (in Russian).
9. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
10. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 12. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 5–20. 197–198 (in Russian).
11. Vybornov, A. A. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Stone Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 177–215 (in Russian).
12. Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 58–65 (in Russian).
13. Kolev, Yu. I., Lastovskii, A. A., Mamonov, A. E. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 50–110 (in Russian).
14. Mamonov, A. E. 1988. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia rannego neolita lesnoi polosy Evropeiskoi Rossii (Issues of Late Mesolithic–Early Neolithic in the Forest Belt of European Russia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 92–105 (in Russian).
15. Mamonov, A. E. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–25 (in Russian).
16. Mamonov, A. E. 1999. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–43 (in Russian).
17. Morgunova, N. L. 1988. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Cultures of the Northern Caspian Region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 106–122 (in Russian).
18. Mochalov, O. D. 2008. *Otchet o raskopkakh poseleniia Chekalino IV v Sergievskom raione Samarskoi oblasti v 2007 godu (Report on Excavations at Chekalino IV Settlement in the Sergievsky District of Samara Region in 2007)*. Samara. Archive of the archaeological laboratory of Samara State Pedagogical University. Inv. 65, dossier 14 (in Russian).

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Vasil'eva Irina N. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в номер 25.01.2018 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.28.55>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОВЧАРОВО-ГОРАТА (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ)

© 2018 г. Н.Н. Скакун, Б. Матева, И. Ангелова

Географическое расположение, природные и климатические особенности являлись причиной неравномерного освоения человеком северо-восточной Болгарии, что привело к многообразию проявлений археологических культур на этой сравнительно небольшой территории (конец VII–V тыс. до н. э.). Долгое время из-за слабой изученности района считалось, что в неолите он не был заселен. В ходе планомерных разведочных работ было открыто ранненеолитическое поселение Овчарово-гората. Статья посвящена результатам комплексных исследований кремневого производственного инвентаря этого памятника. В результате предпринятого авторами комплексного анализа охарактеризованы технико-морфологические и функциональные особенности кремневых изделий. Проведено их сравнение с материалами одновременных поселений Болгарии и соседних регионов, выявлена и описана структура хозяйства памятника.

Ключевые слова: археология, неолит, северо-восток Болгарии, орудия труда, морфология, функция, комплексные исследования.

Многослойное поселение Овчарово-гората (рис. 1), площадью 0,45 га, окруженное массивным валом из мелких камней, относится ко второму периоду раннего неолита и является единственным полностью раскопанным объектом этого времени в северо-восточной Болгарии. Оно было открыто в 1972 году, археологические исследования проводились с 1974 до 1979 года под руководством И. Ангеловой (Ангелова, 1992). В результате раскопок и радиоуглеродного датирования проб из I и IV горизонтов было установлено, что поселение просуществовало около 200 лет (5750–5000 ± 50 Cal). Жилища самого нижнего горизонта представляли собой полуземлянки, характерные и для других одновременных памятников этой части страны и примыкающих к ней районов Румынии (Тодорова и др., 1975; Тодорова и др., 1983; Димов,

1982, 1988, 1992, 2003; Тодорова, Вайсов, 1993; Бояджиев, 1992; Николов, 1996). Полуземлянки – овальные или восьмиугольные в плане сооружения – имели ступенчатый вход, глинобитную печь или открытый очаг. В некоторых жилищах расчищены остатки деревянных платформ, уложенных на пол. Поселки трех других строительных горизонтов состояли из наземных построек, повторявших конструкцию жилищ поселений Фракийской долины (Ангелова, 1992; Тодорова, Вайсов, 1993). Пространство между ними было устлано мелкими камнями. Большинство домов, за исключением четырех, по два в третьем и четвертом горизонтах, представляли собой одно помещение с утрамбованным полом и стенами из переплетенных прутьев, обмазанных глиной. Двухскатная крыша поддерживалась рядом столбов. В жилищах у входа

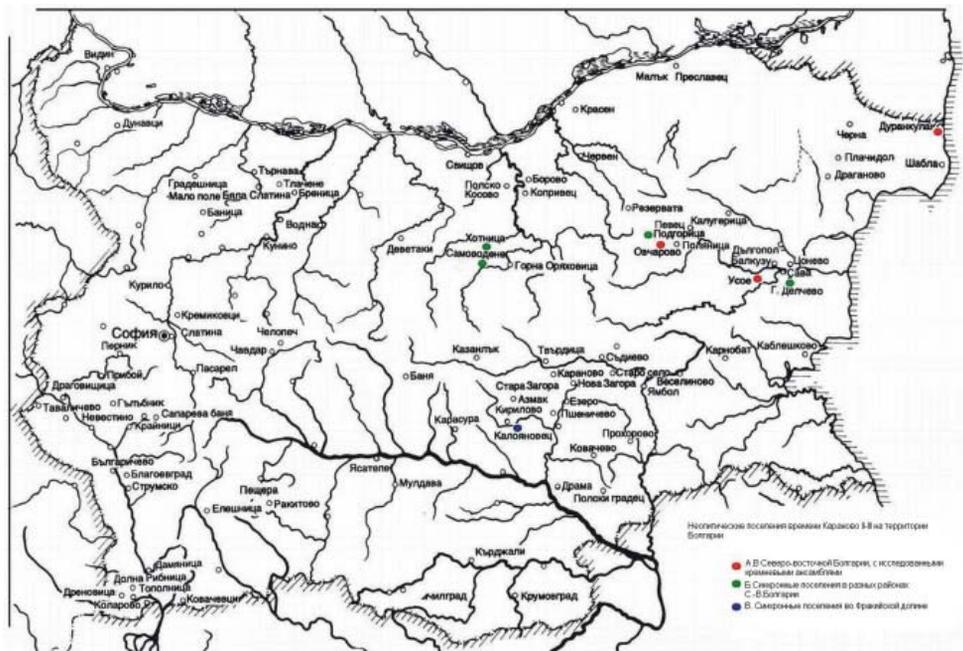

Рис. 1. Карта-схема расположения неолитических поселений на территории северо-восточной Болгарии.

Fig. 1. Location the Neolithic settlements on the territory of north-eastern Bulgaria.

имелась перегородка, за которой располагались печь или очаг и зернотерка. Керамический комплекс всех четырех горизонтов поселения имеет одинаковые характеристики. Типичными формами столовой керамики являются полусферические миски, тюльпанообразные сосуды с ручками и без них, бокалы с низко поставленной ручкой. Ряд сосудов имел высокие цилиндрические поддоны. Наиболее распространенный орнамент столовой посуды – каннерюры типа «плиссе». Кухонная керамика представлена простыми полусферическими и горшкообразными формами с врезным и накольчатым орнаментом (Ангелова, 1992; Тодорова Х., Вайсов Ив., 1993).

На поселении собрана богатая коллекция антропоморфной и зооморфной глиняной пластики, найдены разнообразные предметы из кости и рога.

Многие материалы из Овчаровогората имеют параллели в многослойном поселении Самоводене (Станев, 1989, 1982, 2002; Тодорова, Вайсов, 1993), расположенном недалеко от г. В. Търново, что дало основание некоторым исследователям объединить их в культуру Овчарово – Самоводене (Станев, 2002; Джанфезова и др., 2014; Kraus et al., 2014). Она характеризуется хорошо выраженным керамическим комплексом, развивавшимся в течение нескольких периодов, хронологически близких к фракийским культурам Караново II–III и имеющим параллели в восточном варианте культуры Криш и Бугоднестровкой культуре (Савранская фаза) (Ангелова, 1992; Тодорова, Вайсов, 1993; Николов, 1992, 1996; Comsa, 1959; Rădulescu, 1970; Маркевич, 1974).

Кремневые изделия поселения Овчаровогората представляют собой

Диagr. 1. Типологическая классификация кремневых изделий.

Diagr. 1. Typological classification of flint articles.

многочисленную и разнообразную коллекцию (Ангелова, Бин, 1988). Изучение этих материалов по слоям не показало существенной разницы между ними и выявило только некоторые элементы своеобразия в количественном отношении. Это позволяет дать суммарную технико-морфологическую и функциональную характеристику всему инвентарю, также как это было сделано для керамического комплекса (Ангелова 1992, Тодорова, Вайсов 1993).

В типологической классификации было учтено 1349 предметов. Из них 16,75% составляют морфологически выраженные орудия труда, 63,09% изделия без вторичной обработки, 7,56% – нуклеусы и их обломки, 12,38% – осколки кремня (табл. 1, диagr. 1). Необходимо отметить, что приведенные количественные данные несколько расходятся с прежними статистическими подсчетами (Ангелова, Бин, 1988), в которых были учтены предметы, не имеющие точной

стратиграфической привязки. Кроме того, в нашей работе для проведения корректных сравнений используются типологические разработки уже примененные к другим неолитическим и энеолитическим памятникам северо-восточной Болгарии (Скакун, 1982, 1994, 2006; Скакун, Матева, 2000; Скакун и др., 2016; Гюрова, 2001; Матева, 2003, 2012, Mateva, 2014).

Основным сырьем для орудий из Овчарово-гора служили мелкие и средние конкреции местного кремня, различных оттенков серого и коричневого цветов, последние часто с белесыми каплевидными пятнами (Начев и др., 1981; Кънчев, 1990; Начев, 2009). Они нередко имеют внутри желвачные пустоты, каверны и другие изъяны. В настоящее время аналогичный кремень вымывается из оврагов, расположенных вблизи поселения. Невысокое качество и небольшие размеры исходных желваков отразились на всем облике кремневого инвентаря, только отдельные изделия с по-

Таблица 1

Типологическая классификация кремневых изделий

Класс	Группа	Тип	Подтип	Название	Число	% от всех изделий	% от класса	% от группы
А.				Орудия	226	16,75	100	
	<i>I.</i>			<i>Скребки</i>	70	5,19	30,97	100
		1.		Скребки на пластинах	13	0,96	5,75	18,57
			а.	Концевые	8	0,59	3,54	11,43
			б.	Концево-боковые	4	0,29	1,77	5,71
			в.	Двойные	1	0,08	0,44	1,43
		2.		Скребки на отщепях	55	4,08	24,34	78,57
			а.	Концевые	23	1,71	10,18	32,86
			б.	Боковые	20	1,48	8,85	28,57
			г.	округлые	10	0,74	4,43	14,28
			в.	Концевые-боковые	2	0,15	0,88	2,86
		3.		нуклевидные скребки	2	0,15	0,88	2,86
	<i>II.</i>			<i>Скребла</i>	22	1,63	9,73	100
	<i>III.</i>			<i>Резцы</i>	6	0,44	2,66	100
		1.		Резцы срединного типа	6	0,44	2,66	100
	<i>IV.</i>			<i>Сверла</i>	9	0,67	3,98	100
		1.		Стержневые	8	0,59	3,54	88,89
		2.		С плечиками	1	0,08	0,44	11,11
	<i>V.</i>			<i>Проколки на пластинах</i>	9	0,67	3,98	100
	<i>VII.</i>			<i>Долотовидные орудия</i>	7	0,52	3,1	100
	<i>IX.</i>			<i>Пластины с ретушью</i>	15	1,11	6,64	100
		1.	а.	Пластины с ретушью по бок. сторонам	15	1,11	6,64	100
	<i>X.</i>			<i>Отщепы с ретушью</i>	66	4,89	29,21	100
	<i>XI.</i>			<i>Геометрические микролиты</i>	3	0,22	1,33	100
	<i>XIII.</i>			<i>Отбойники</i>	10	0,74	4,42	100
	<i>XIV.</i>			<i>Обломки орудий</i>	9	0,67	3,98	100
Б.				Изделия без вторичной обработки	851	63,09	100	
	<i>I.</i>			<i>Пластины</i>	103	7,64	12,1	100
		2.		Отщепы	748	55,45	87,9	100
В.				Нуклеусы и их обломки	102	7,56	100	
		1.		Нуклеусы	65	4,82	63,73	100
		2.		нуклевидные обломки	37	2,74	36,27	100
Г.				Осколки кремня	167	12,38	100	
Д.				Кремневые гальки	3	0,22	100	
Итого:					1349	100		

верхности памятника, выделенные нами в особую группу, изготовлены из кремня, аналогичного по цвету добруджскому, широко использовавшемуся в разных районах Болгарии в эпоху энеолита.

Сырьевой материал определил небольшую величину нуклеусов Овчарово-гората (рис. 2; 3). Нуклеусы и их обломки составляют 7,56% от всего числа кремневых изделий.

Наиболее крупные, судя по размерам найденных пластин, достигали в длину 7 см, величина самых мелких не превышала трех см. По форме нуклеусы, несмотря на небрежную отделку или предельную истощенность, можно разделить на несколько типов: I – призматические с одной или двумя противолежащими ударными площадками и односторонним или круговым скалыванием (рис. 2: 3, 5); II – конусо-

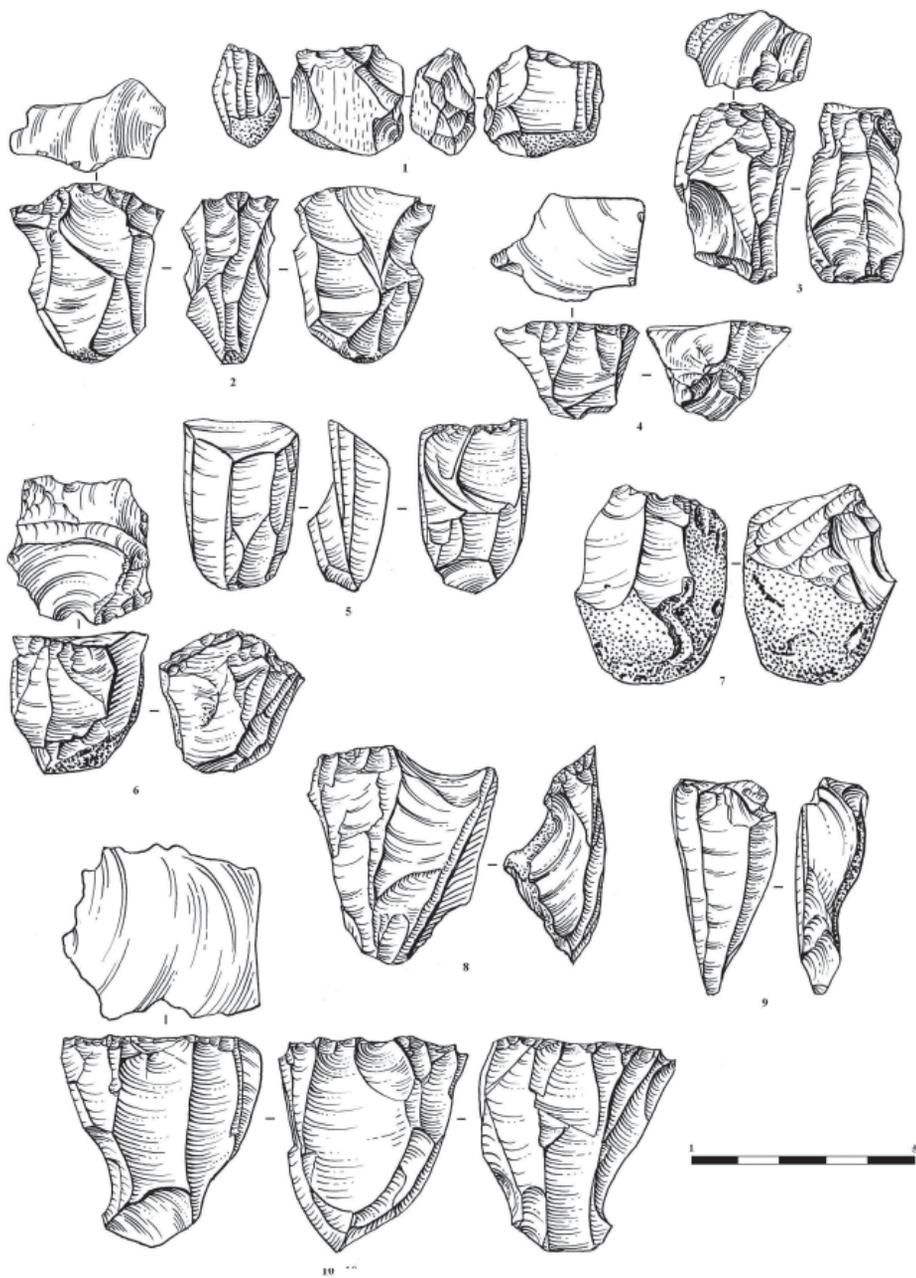

Рис. 2. Кремневые изделия: 1–10 – нуклеусы.

Fig. 2. Flint articles: 1–10 – cores.

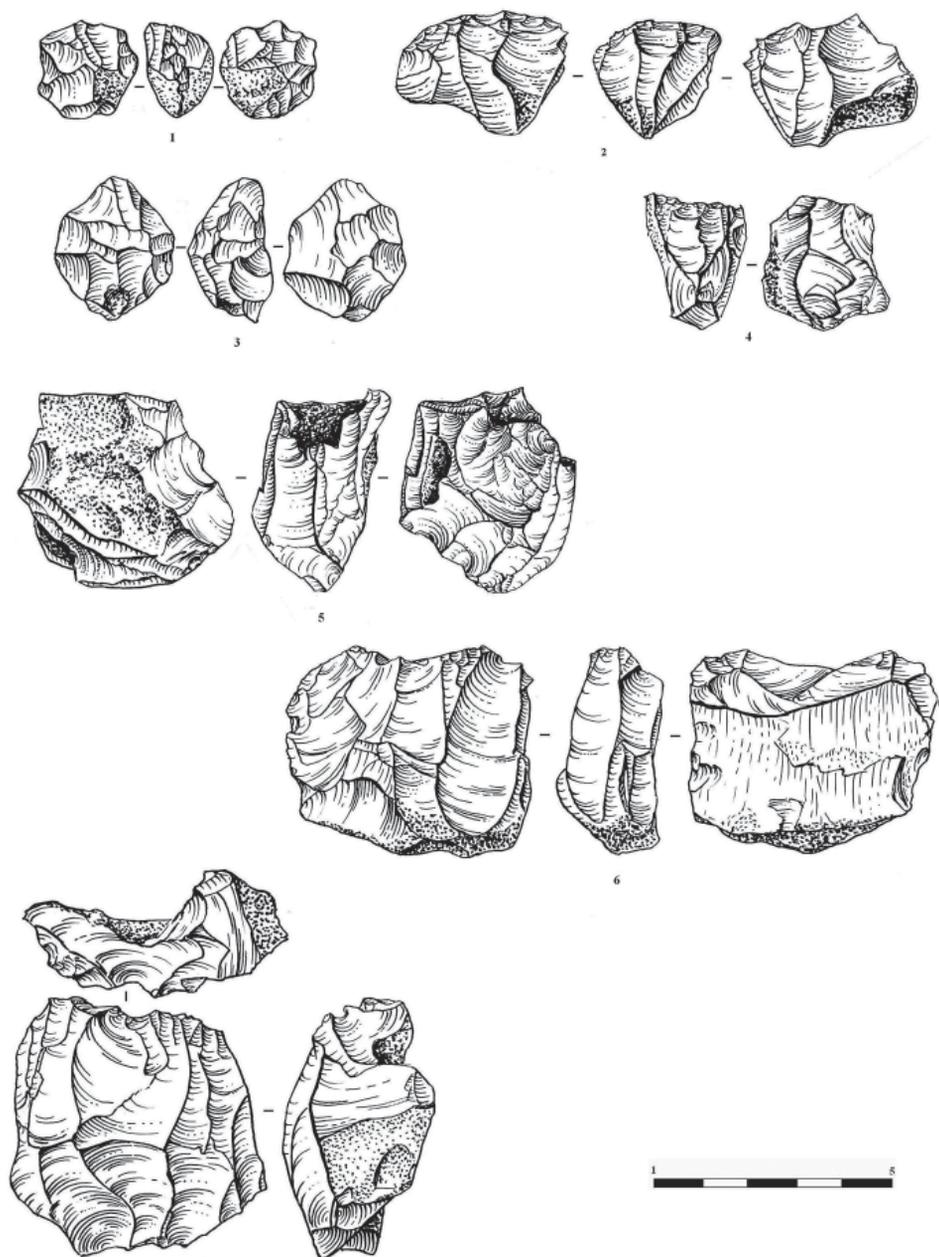

Рис. 3. Кремневые изделия: 1–7 – нуклеусы.

Fig. 3. Flint items: 1–7 – cores.

видные или пирамидальные с одной ударной площадкой и односторонним или круговым скалыванием (рис. 2: 2, 4, 6, 8–10; рис. 3: 4, 5); III – кубовидные с несколькими смежными ударными площадками (рис. 3: 6, 7); IV – нуклеусы с торцовым скалыванием, выделенным ребром, с подтесанными боковыми сторонами и одной ударной площадкой (рис. 2: 1); V – дисковидные с радиальным скалыванием (рис. 3: 1, 3); VI – аморфные (вероятно, вследствие интенсивного истощения), трудноопределимой формы с несколькими ударными площадками (рис. 3: 2).

Вторичная обработка наблюдается только на 140 предметах – 9,27% от всех изделий коллекции (табл. 2, диагр. 2). Наиболее распространенным видом вторичной обработки являлось ретуширование – 89,28%, применявшееся для оформления рабочих лезвий и обушковых частей орудий. В большинстве случаев использовалась затупливающая ретушь, при этом часть изделий обработана с брющка. Техника резцового скола, подтески применялись ограниченно.

Основными заготовками для орудий служили отщепы и пластины, причем среди последних наибольшее число – изделия средних размеров (шириной до 1,5 см), микропластины (шириной до 0,9 см) – единичны.

Морфологически оформленные орудия составляют 16,75% (табл. 1, диагр. 1). Одна из самых больших типологических групп – скребки – 5,19%. Формы этих орудий из отщепов разнообразны: подчетыреугольные, подтреугольные, округлые (рис. 4: 1–4, 8, 10–12, 14–18, 22–24; рис. 5: 24–26, 29, 31–33). Среди первых встречены предметы как с конце-

вым, так и боковым рабочим лезвием, нередко ретушированным не со спинки, а с брющка. Округлые скребки, как правило, имеют плоскую спинку, рабочая часть их обработана по всему периметру или на 2/3 (рис. 4: 4, 17, 18; рис. 5: 25, 33). Некоторые орудия сделаны из нуклевидных отщепов с высокой спинкой и массивным рабочим краем. Скребки из пластин изготовлены на заготовках средних размеров (рис. 4: 5–7, 13, 19–21; рис. 5: 1–7, 27, 28, 30). Их рабочие края – выпуклые, прямые или скошенные, обработаны со спинки затупливающей ретушью, отдельные скребки отретушированы дополнительно и по боковым сторонам. Два изделия имеют двойные торцевые противоположащие лезвия (рис. 4: 9; рис. 5: 8). Весьма незначительное число скребков изготовлено из микропластин.

Заметное место в коллекции принадлежит скреблам с разнообразными формами и размерами – 1,63% (рис. 6: 1–9). Как правило, заготовками для них служили массивные отщепы, реже осколки нуклеусов или кремня. Многие из них имеют высокую спинку с радиально расположенными сколами. Их прямые, выпуклые или слегка вогнутые рабочие лезвия обработаны крупными сколами, а по самой кромке – высокой затупливающей ретушью.

Немногочисленные резцы представлены срединным типом и составляют 0,44% (рис. 8: 22).

Следующая группа – сверла на пластинах и отщепах – 0,67% (рис. 5: 13–16, 19–22). Они разделяются на орудия с острием, расположенным симметрично или асимметрично относительно их длинной оси. Рабочие части сверл, различных по

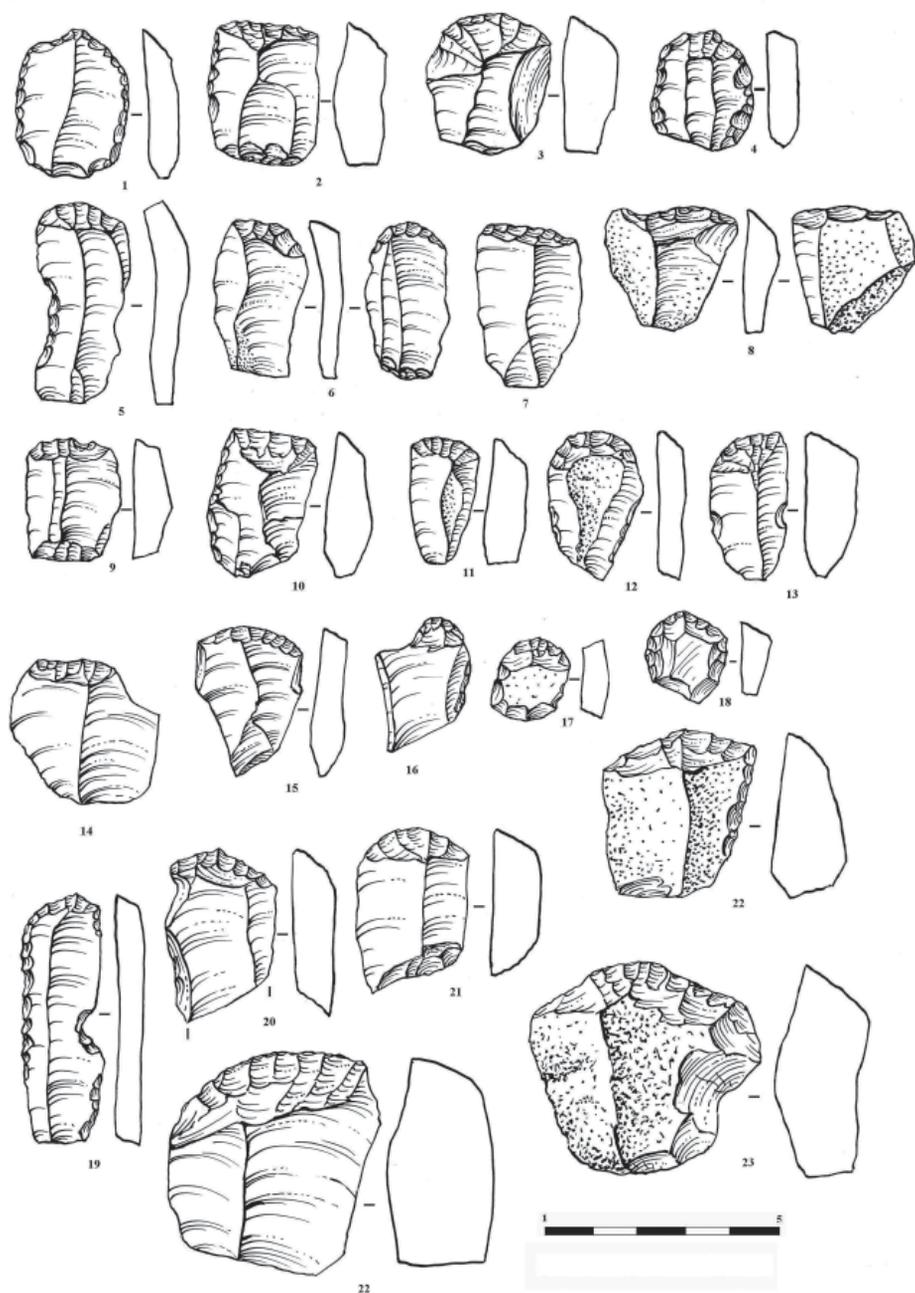

Рис. 4. Кремневые изделия: 1–24 – скребки.

Fig. 4. Flint articles: 1–24 – scrapers.

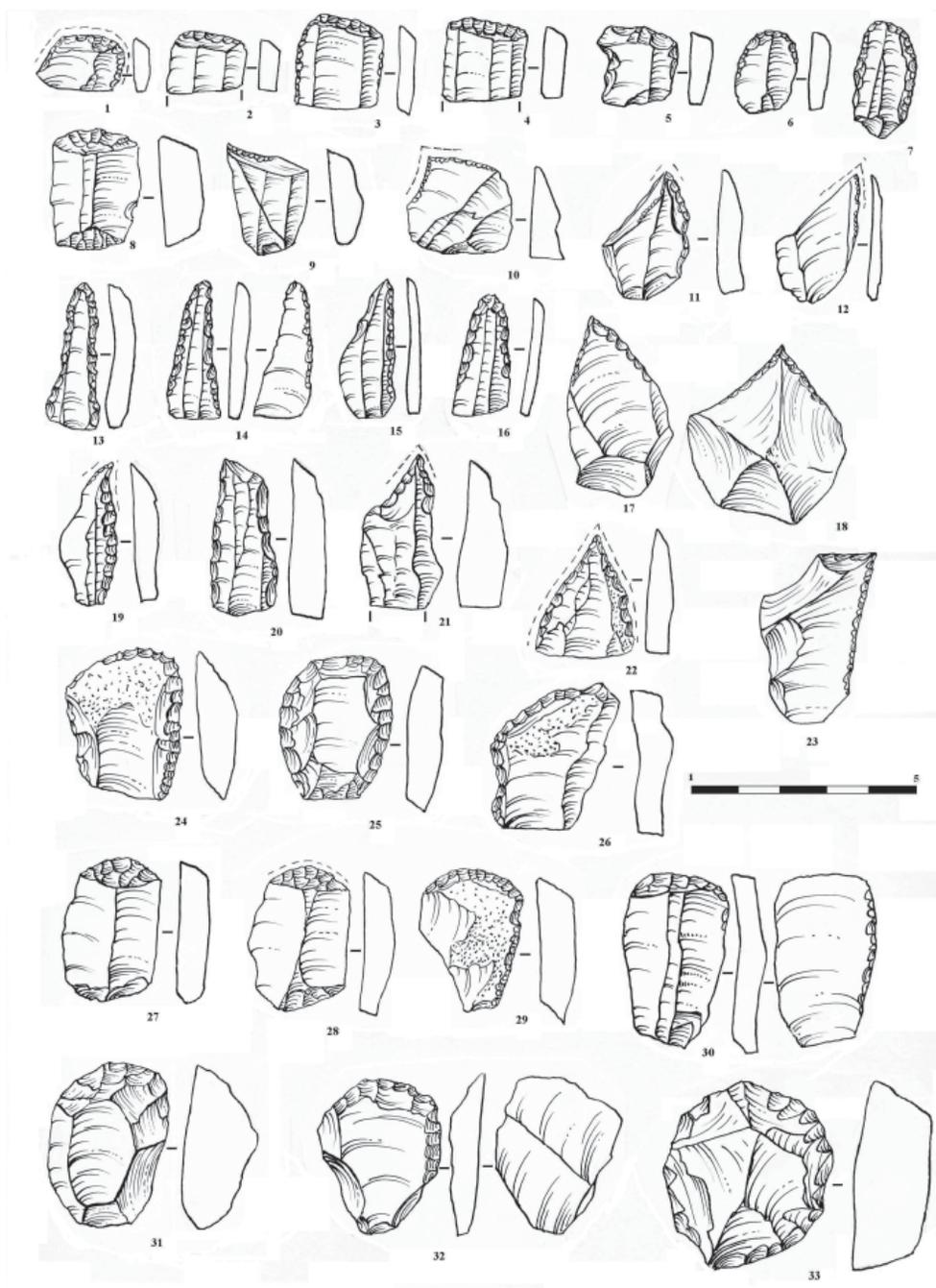

Рис. 5. Кремневые изделия: 1–8, 24–33 – скребки;
9–12, 17, 18, 19, 23 – проколки; 13–16, 20–22 – сверла.

Fig. 5. Flint articles: 1–8, 24–33 – scrapers; 9–12, 17, 18, 19, 23 – punches; 13–16, 20–22 – drills.

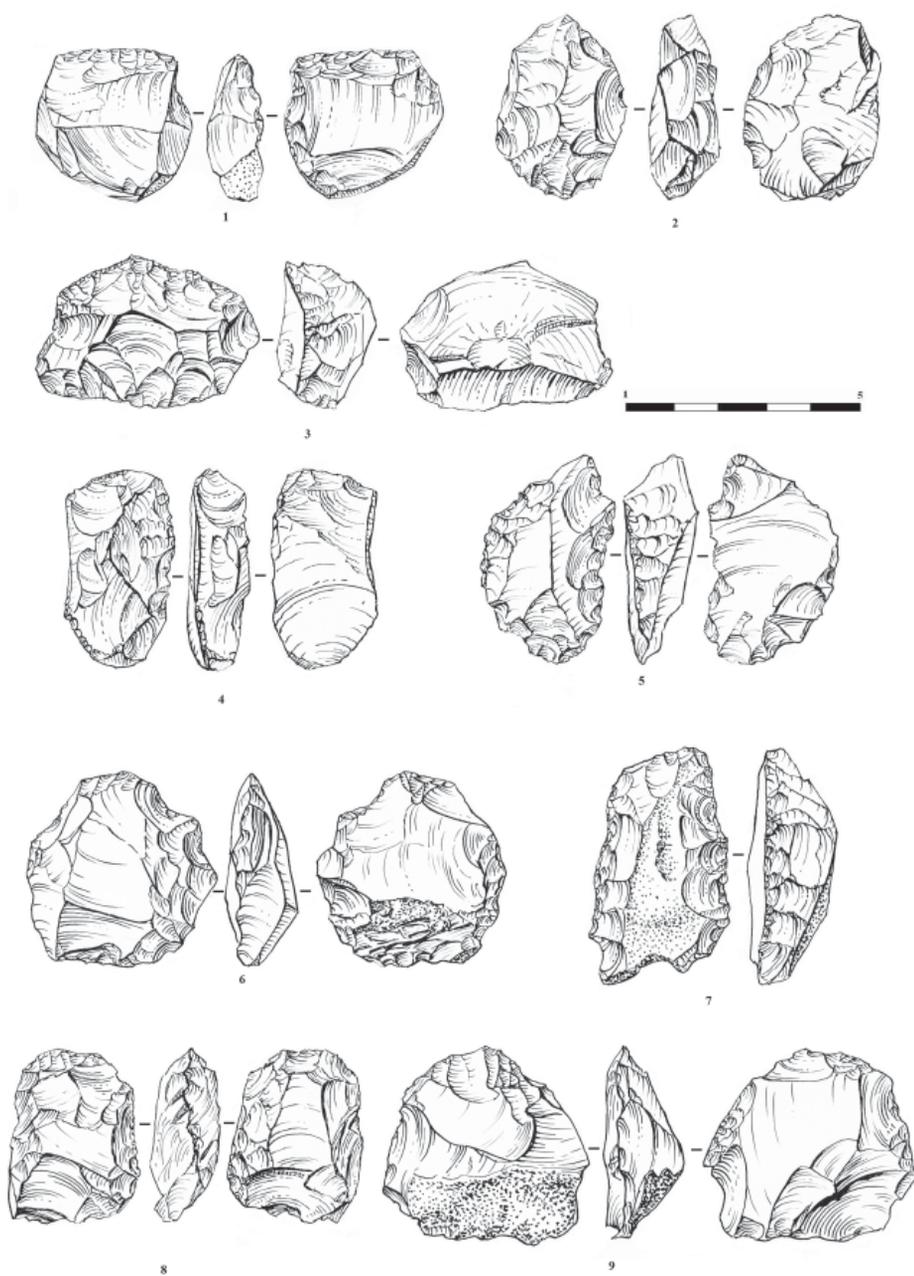

Рис. 6. Кремневые изделия: 1–9 – скребла.

Fig. 6. Flint articles: 1–9 – side-scrapers.

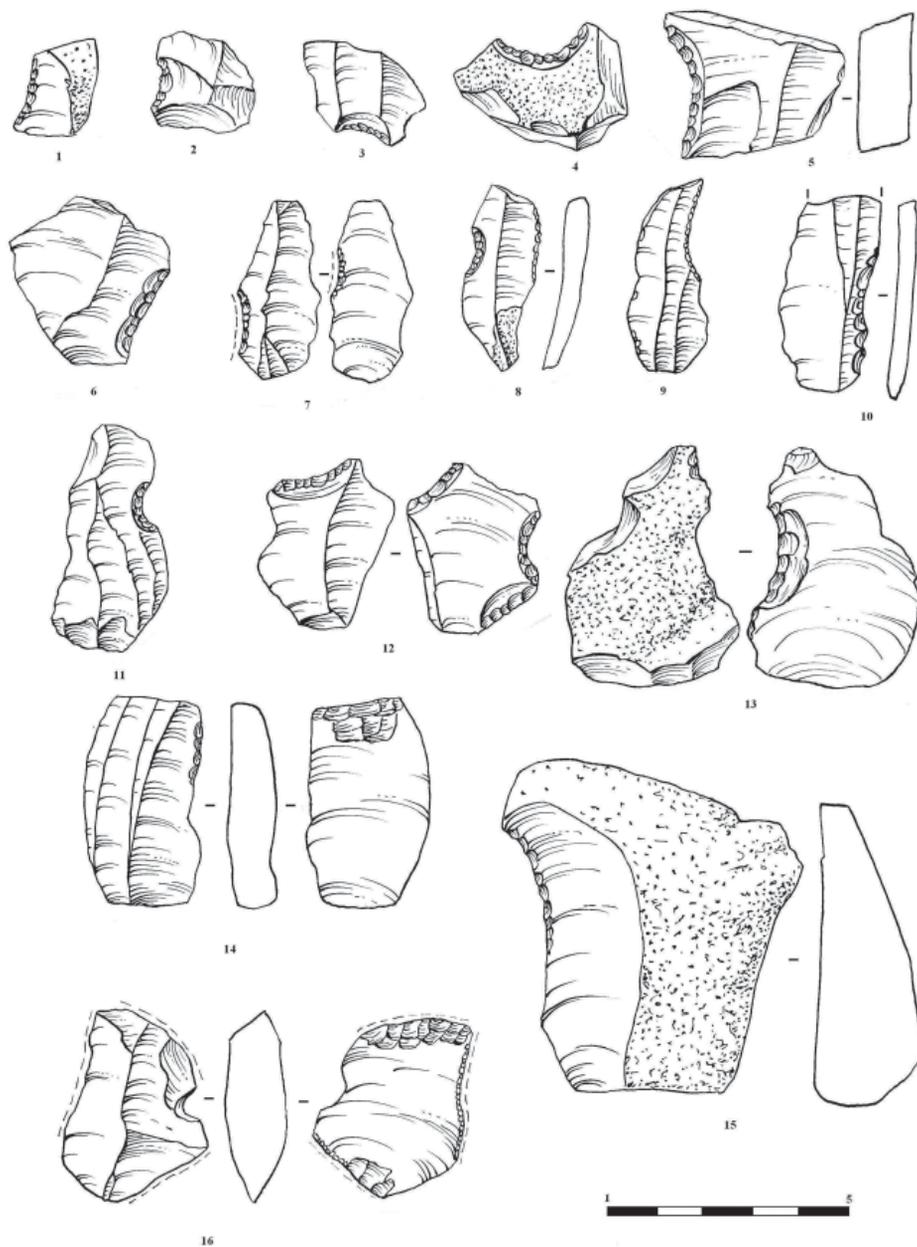

Рис. 7. Кремневые изделия: 1–13, 15 – пластины и отщепы с ретушированными выемками; 14, 16 – долотовидные орудия.

Fig. 7. Flint articles: 1–13, 15 – blades and flakes with retouched notches; 14, 16 – chisel type tools.

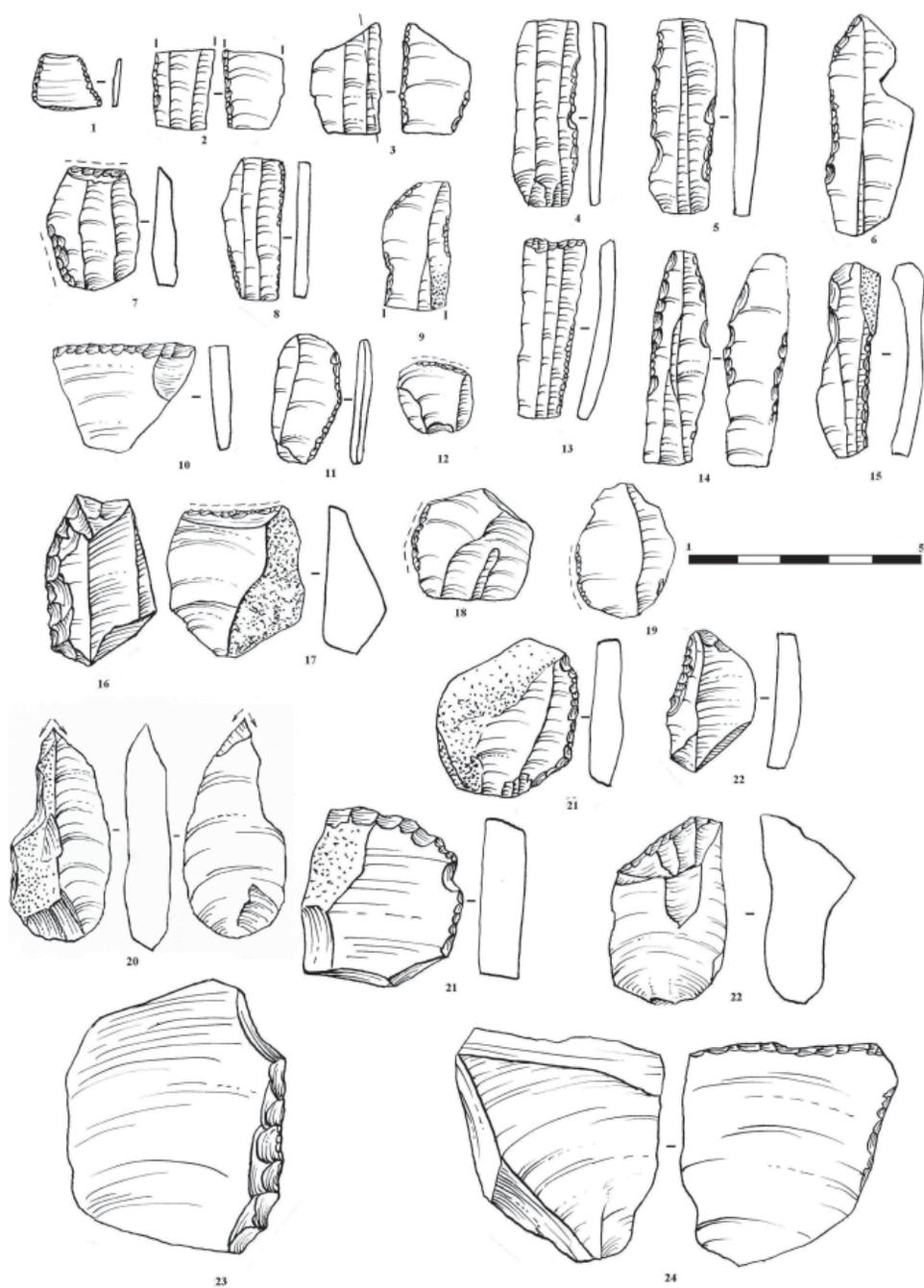

Рис. 8. Кремневые изделия: 1 – трапеция; 2–21, 23–26 – пластины и отщепы с ретушью; 22 – резец.

Fig. 8. Flint articles: 1 – trapeze; 2–21, 23–26 – blades and flakes with retouching; 22 – burin.

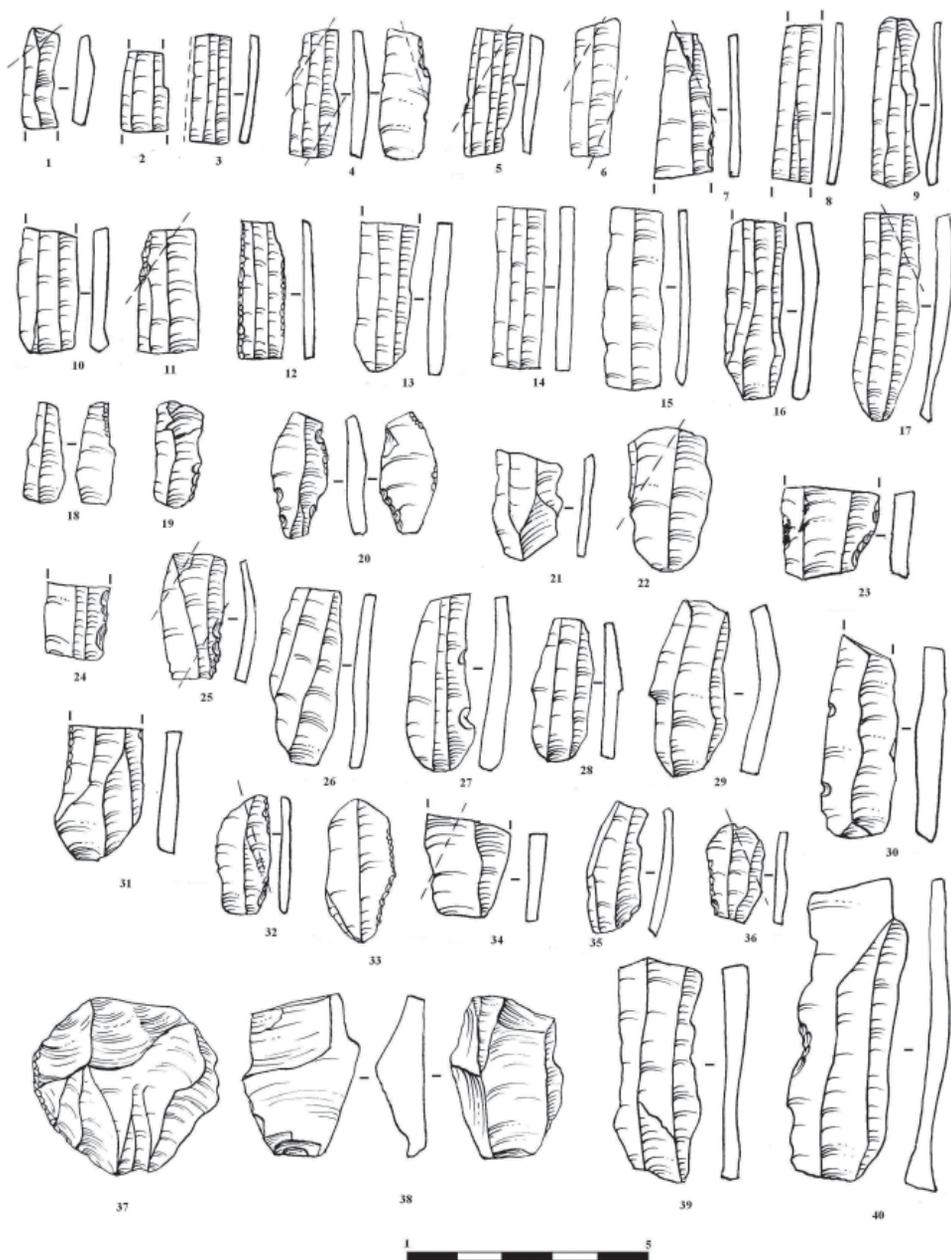

Рис. 9. Кремневые изделия: 1–40 – пластины и отщепы без вторичной обработки.

Fig. 9. Flint articles: 1–40 – blades and flakes with no secondary processing.

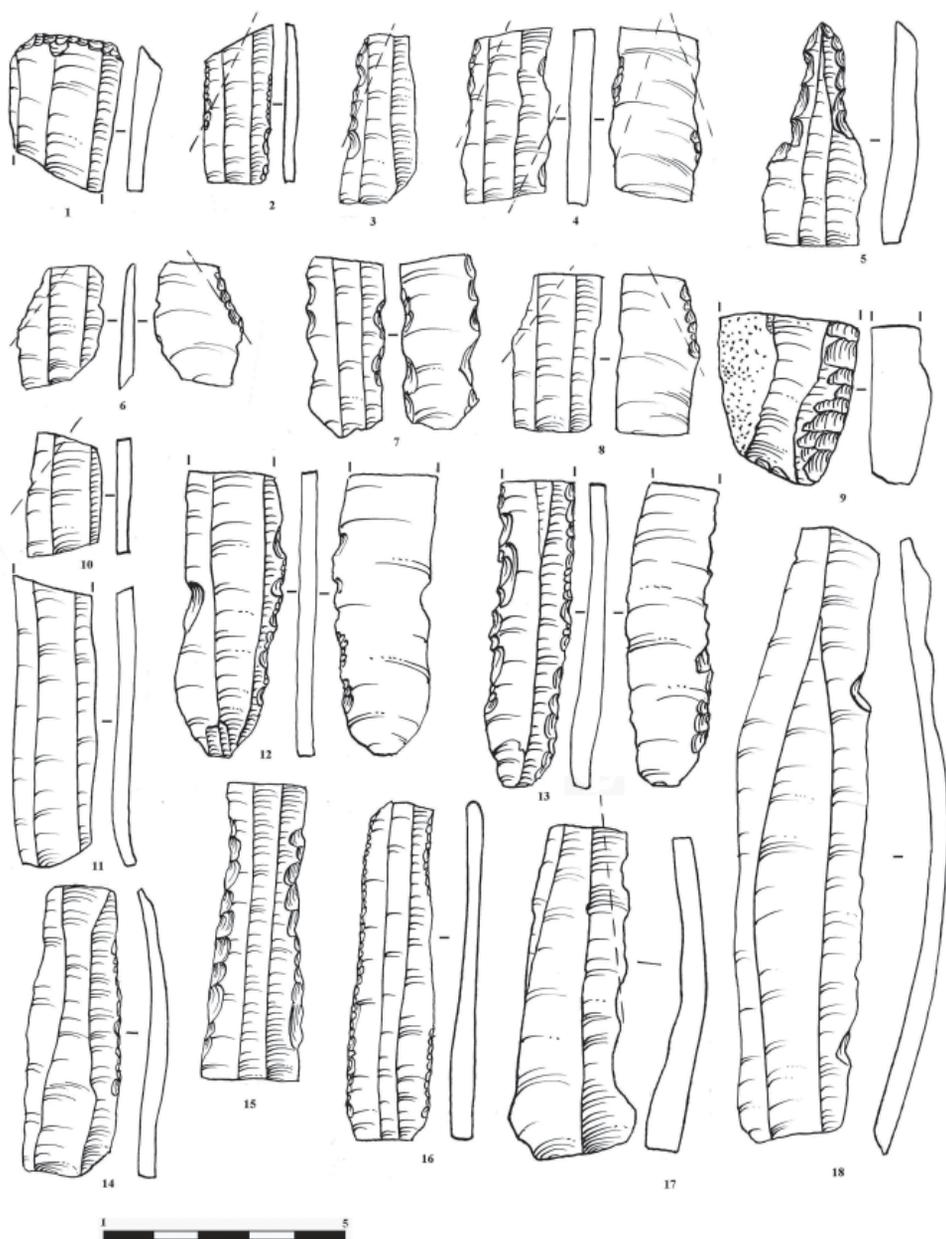

Рис. 10. Кремневые изделия из добруджского кремня.

Fig. 10. Flint products made of Dobrush flint.

Таблица 2

Классификация видов вторичной обработки

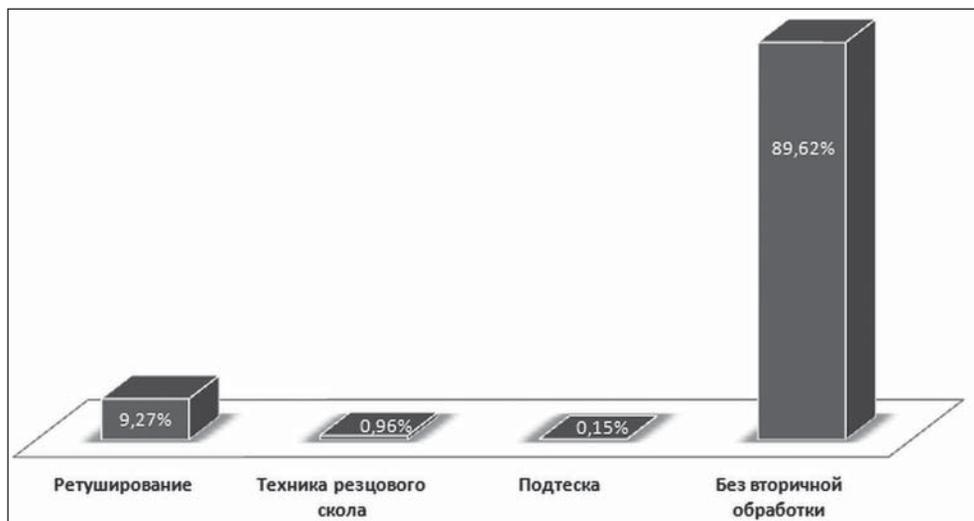
Класс/ Группа	Тип	Подтип	Название	Число	% от всех изделий	% от класса	% от группы	% от изделий со втор. обр.
A.			Ретуширование	125	9,26	100		89,28
I.			Затупливающая ретушь	114	8,48	91,2	100	81,43
	1.		<i>Затупливающая со спинки</i>	<i>104</i>	<i>7,74</i>	<i>83,2</i>	<i>91,23</i>	<i>74,29</i>
		а.	По одному концу	22	1,64	17,6	19,3	15,72
		б.	По 1 концу и 1 боковой ст.	6	0,45	4,8	5,26	4,29
		в.	По двум концам	1	0,07	0,8	0,88	0,71
		г.	По 1 концу и 2 боковым ст.	3	0,22	2,4	2,63	2,14
		д.	По одной боковой стороне	57	4,24	45,6	50	40,71
		е.	По двум боковым сторонам	15	1,12	12	13,16	10,72
	2.		<i>Затупливающая с брюшка</i>	<i>10</i>	<i>0,74</i>	<i>8</i>	<i>8,77</i>	<i>7,14</i>
		а.	По одной боковой стороне	9	0,67	7,2	7,9	6,43
		б.	По двум боковым сторонам	1	0,07	0,8	0,87	0,71
2.			Заостряющая ретушь	5	0,37	4	100	3,57
	1.		<i>Заостряющая со спинки</i>	<i>4</i>	<i>0,3</i>	<i>3,2</i>	<i>80</i>	<i>2,86</i>
		а.	По одной боковой стороне	4	0,3	3,2	80	2,86
	2.		<i>Заостряющая с брюшка</i>	<i>1</i>	<i>0,07</i>	<i>0,8</i>	<i>20</i>	<i>0,71</i>
		а.	По одной боковой стороне	1	0,07	0,8	20	0,71
3.			Встречная ретушь	1	0,07	0,8	100	0,71
	1.		<i>По одной боковой стороне</i>	<i>1</i>	<i>0,07</i>	<i>0,8</i>	<i>100</i>	<i>0,71</i>
4.			Комбинированная ретушь	5	0,37	4	100	3,57
	1.		<i>С 1 ст. затупливающая рет.</i>	<i>2</i>	<i>0,15</i>	<i>1,6</i>	<i>40</i>	<i>1,43</i>
			<i>со спинки, с 2-с брюшка</i>					
	2.		<i>С 1 ст. затупливающая рет.</i>	<i>3</i>	<i>0,22</i>	<i>2,4</i>	<i>60</i>	<i>2,14</i>
			<i>с другой-резовый скол</i>					
B.			Техника скола	13	0,97	100		9,29
I.			Ступенчатый скол	7	0,52	53,85	100	5
	1.		<i>Ступенчатый скол с 2 сторон</i>	<i>7</i>	<i>0,52</i>	<i>53,85</i>	<i>100</i>	<i>5</i>
2.			Резцовый скол	6	0,45	46,15	100	4,29
	2.		<i>Резцовый скол с двух сторон</i>	<i>6</i>	<i>0,45</i>	<i>46,15</i>	<i>100</i>	<i>4,29</i>
B.			Подтеска	2	0,15	100		1,43
Итого:				140	10,41			100

длине и ширине, чаще всего обработаны крупной и мелкой затупливающей ретушью, реже – встречной.

Проколки более миниатюрны, чем сверла (0,67%). Обычно их рабочей частью служили естественные острые верхние концы пластин или заостренные части отщепов (рис. 5: 9–12, 17,

18, 23). Самые кончики проколов подработаны мелкой затупливающей ретушью.

Долотовидные орудия (0,52%) изготовлены на отщепках, некоторые из них – на пластинчатых отщепках или осколках кремня (рис. 7: 14, 16). Прямые или слегка вогнутые рабочие лез-

Диagr. 2. Соотношение кремневых изделий со вторичной обработкой и без нее.

Diagr. 2. Ratio of flint articles with and without secondary processing.

вия оформлены с помощью подтески ступенчатыми сколами, нанесенными с одной или двух сторон.

Изделия со вторичной обработкой включают ретушированные пластины (1,11%) и отщепы (4,89%) (рис. 7: 1–13, 15, 16; рис. 8, 2–19, 21–26). В этот разряд отнесены только предметы, обработанные регулярной ретушью. Артефакты с ретушью утилизации не учитывались. Среди ретушированных изделий выделяются пластины и отщепы с выемками. Расположение и количество выемок разнообразно и не имеет стабильности.

Из геометрических микролитов в Овчарово-гората найдены три трапеции (0,22%). Одна из них правильная с параллельными основаниями и симметричными боковыми сторонами сделана из сечения средней пластины, две другие, асимметричные из фрагментов пластин, причем боковые стороны их отретушированы с брюшка (рис. 8: 1).

Завершают типологическую характеристику кремневых инструментов шаровидные отбойники (0,74%). Их сферическая форма образована с помощью обивки кремневых галек средних размеров (диаметром 3–5 см) крупными и мелкими сколами.

Большую часть исследованной коллекции составляют пластины и отщепы без вторичной обработки – 63,09% (рис. 9: 1–40). Часть из них с тонкими, ломкими боковыми кромками либо, наоборот, очень массивные с большим углом заострения. Данный факт, а также масса первичных изделий с галечной коркой показывают, что большинство из них не результат целенаправленного расщепления, а технические отходы обработки кремня или неудачные заготовки.

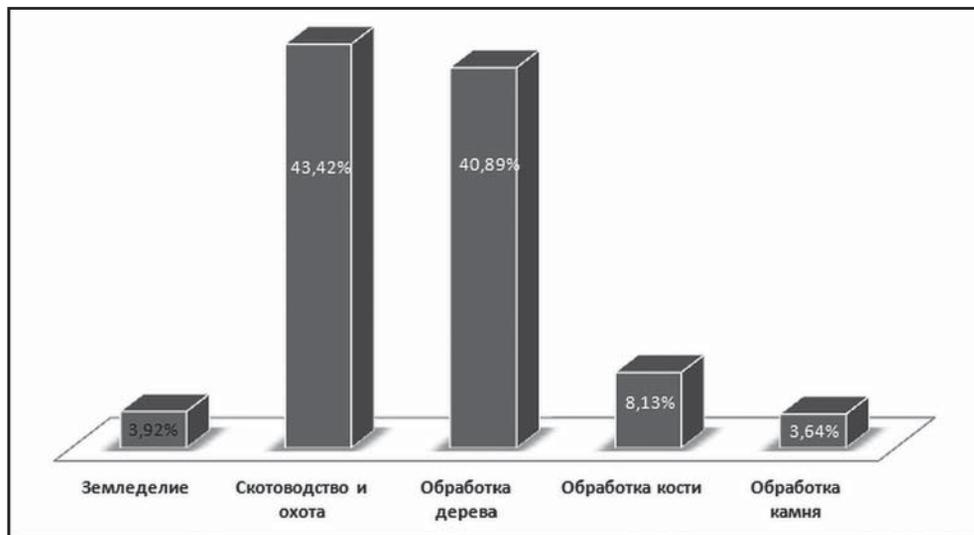
Осколки кремня насчитывают 12,38%, а необработанные кремневые гальки составляют 0,22%.

Таким образом, из приведенного выше описания явствует, что проана-

Таблица 3

Функциональная классификация кремневых орудий, отраслей хозяйства, производств

Класс	Группа	Тип	Подтип	Название	Число	% от всех орудий	% от класса	% от группы		
А.				Земледелие	14	3,92	100			
	1.			<i>Жатвенные орудия</i>	14	3,92	100	100		
		1.			Вкладыши серпа	14	3,92	100	100	
				а	С 1 рабочим лезвием	11	3,08	78,57	78,57	
			б	с 2 рабочими лезвиями	3	0,84	21,43	21,43		
Б.				Скотоводство и охота	155	43,42	100			
	1.			<i>Кожеобрабатывающие орудия</i>	88	24,65	56,78	100		
		1.			Скребки	70	19,61	45,16	79,55	
				а	С 1 рабочим лезвием	67	18,77	43,22	76,14	
				б	с 2 рабочими лезвиями	3	0,84	1,94	3,41	
			2.		Скребла	2	0,56	1,29	2,27	
			3.		Проколки	7	1,96	4,51	7,95	
			4.		Развертка	1	0,28	0,65	1,14	
			5.		Раскроечные ножи	5	1,4	3,23	5,68	
			6.		Лощила для кожи	3	0,84	1,94	3,41	
			2.		<i>Орудия для разделки мяса</i>	67	18,77	43,22	100	
			1.		Мясные ножи	67	18,77	43,22	100	
					а	С 1 рабочим лезвием	55	15,41	35,48	82,09
					б	с 2 рабочими лезвиями	12	3,36	7,74	
			1.			Обработка дерева	146	40,89	100	100
			1.			Скобели	79	22,13	54,11	54,11
					а	С 1 рабочим лезвием	64	17,93	43,84	43,84
					б	с 2 рабочими лезвиями	13	3,64	8,9	8,9
					в	с 3 рабочими лезвиями	2	0,56	1,37	1,37
		2.			Пилки	26	7,28	17,81	17,81	
			а	С 1 рабочим лезвием	19	5,32	13,01	13,01		
			б	с 2 рабочими лезвиями	7	1,96	4,8	4,8		
	3.			Строгальные ножи	27	7,56	18,49	18,49		
			а	С 1 рабочим лезвием	26	7,28	17,81	17,81		
			б	с 2 рабочими лезвиями	1	0,28	0,68	0,68		
	5.			Долотовидные орудия	11	3,08	7,54	7,54		
	6.			Сверла	3	0,84	2,05	2,05		
	1.			Обработка кости	29	8,13	100	100		
	1.			скобели	6	1,68	20,69	20,69		
	2.			строгальные ножи	3	0,84	10,35	10,35		
	3.			пилки	10	2,81	34,48	34,48		
	4.			Резцы	6	1,68	20,69	20,69		
	5.			резчики	4	1,12	13,79	13,79		
	1.			Обработка камня	13	3,64	100	100		
	1.			Отбойники	9	2,52	69,23	69,23		
Итого:	2.			Ретушеры	4	1,12	30,77	30,77		
					357	100				

Диagr. 3. Соотношение видов хозяйственной деятельности.

Diagr. 3. Correlation of the types of economic activity.

лизированный инвентарь не только многочисленен, но и разнообразен в типологическом отношении.

Сравнение кремневых изделий поселений Овчарова-гората и Самоводене показывает, что сырьем для обоих памятников служили мелкие галечные конкреции. Среди нуклеусов общими формами являлись призматические, конусовидные, дисковидные, но торцовые ядра с выделенным ребром для получения микропластин в Самоводене отсутствуют. Характерными заготовками для орудий являлись средние пластины и отщепы, микропластины обнаружены в незначительном количестве. Среди орудий общими формами представлены концевые скребки на пластинах и отщепах, округлые скребки на отщепах, сверла с симметричным и асимметричным острием, пластины и отщепы с ретушированными выемками (Станев, 2002). В Самоводене не обнаружены характерные для Овчарова-гората скребки на нуклеидных отщепах, боковые

скребки, ретушированные с брюшка, долотовидные орудия, скребла, отсутствуют геометрические микролиты, которых и в Овчарово-гората найдено всего 3 экземпляра. Поиски аналогий между кремневыми находками Овчарово-гората и находками из объектов, находящихся в том же микрорайоне вблизи г. Торговище Овчарово – Платото I и Овчарово – Земника 1, а также Цонево – нижний горизонт телля Голямо Делчево в Северо-Восточной Болгарии затруднено, так как материалы этих памятников опубликованы весьма фрагментарно (Тодорова и др., 1983; Тодорова и др., 1975). Тем не менее просмотр авторами данной статьи коллекций и анализ публикаций показывает, что их индустрии аналогичны по сорту используемого сырья – мелких речных галек, заготовок, среди которых преобладают отщепы и пластины средних размеров и таких морфологических типов, как концевые скребки на пластинах и подчетыреугольные, подтреугольные, округлые

на отщепах, орудия с ретушированными выемками. Более детальное сравнение может быть проведено материалами памятников поздней фазы неолита Северо-Восточной Болгарии Усое I и Дуранкулак-Блатница, кремневый инвентарь которых был исследован полностью (Скакун, 1982, 1994; Тодорова, Вайсов, 1993; Гацов, 1985, 1992 а, 1992 б; Gatsov, 1990; Димов, 1982, 1988, 1992; Скакун и др., 2016). Общими чертами индустрий этих трех объектов является также использование в качестве основного сырья мелкогалечного кремня. Среди нуклеусов общими формами являются, кроме широко распространенных в неолите призматической и конусовидной, дисковидная, а в Усое I, как и в Овчарово-гората, обнаружены еще и торцовые изделия с выделенным боковой подтеской ребром, служившие для получения микропластин, причем процент этих заготовок на всех неолитических памятниках данного региона Болгарии невелик, также как нехарактерны геометрические микролиты. Трапеции обнаружены в единичных экземплярах, причем в Овчарово-гората две из них отретушированы с брюшка. Среди скребков на отщепах нет столь миниатюрных экземпляров, как в Дуранкулак-Блатнице, а оригинальной особенностью исследуемой коллекции являются орудия на нуклевидных отщепах, боковые скребки с рабочей частью, обработанной с брюшка. В сравниваемых материалах трех памятников представлены общие формы концевых скребков на пластинах, округлых на отщепах, сверл, проколов, выемчатых орудий, но значительное число скребел, долотовидных орудий присутствует только материалам Овчарово-

гората, в Усое I они имеются в единичных экземплярах. К сожалению, в настоящее время детальное сравнение кремневого инвентаря Овчарово-гората с материалами классических неолитических центров Фракийской долины времени Караново II–III не представляется возможным из-за частичной опубликованности производственного инвентаря, хотя этот анализ имеет первостепенное значение для решения многих кардинальных вопросов неолитизации разных районов Балканского полуострова. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в индустриях неолитических памятников Фракийской долины, а также Западной Болгарии отсутствуют долотовидные орудия, скребки на нуклевидных отщепах, скребла, некоторое сходство наблюдается в группе округлых скребков на отщепах, сверл с симметричным острием, проколов, пластин и отщепов с ретушью. В целом для фракийских и западно-болгарских памятников в большей степени характерны орудия труда на пластинах, причем более правильных стандартных очертаний, чем пластинчатые заготовки из Овчарово-гората (Kunchev, 1983, Кынчев, 1990, 2000; Гацов, 1992а, б; Gatsov, 1993; Николов, 1992; Гюрова, 1999, 2001, 2005; Gurova, 1997, 2001, 2014; Тодорова, Вайсов, 1993). В особенности заметные отличия обнаруживаются с изделиями из поселений более раннего неолита: Гълыбник, Перник, среди которых имеются крупные правильные ретушированные пластины, не характерные для большинства неолитических ансамблей Болгарии (Gatsov, 1993).

Подчеркнем еще раз, что кремневый инвентарь поселения Овчарово-

гора и комплексы других поселений Северо-Восточной Болгарии: Самоводене, Блатница-Дуранкулак, Усое – при отмеченных отличиях достаточно близки друг к другу в технико-морфологическом отношении.

В собрании кремневых находок из Овчарово-гората выделяются отдельные типы, выпадающие из неолитического контекста и поэтому не учтенные в нашем исследовании (рис. 10). Это очень широкие пластины (2,5 см), иногда обработанные зубчатой ретушью, а также концевые скребки из этих заготовок (рис. 10: 1–18). Подобные изделия по облику напоминают более поздние энеолитические материалы; кроме того, кремь, из которого они сделаны, близок по цвету и качеству добруджскому. Однако их малочисленность и типологическое однообразие, а также залегание преимущественно в верхних горизонтах памятника, частично разрушенных современными строительными работами, не позволяют однозначно решить вопрос атрибуции: являются ли они первыми признаками зарождения энеолитических традиций в недрах предшествующей эпохи или их попадание в неолитический комплекс случайно. Во всяком случае, в настоящее время Овчарово-гората – единственный неолитический памятник на северо-востоке Болгарии, где найдены артефакты аналогичные энеолитическим, для которых характерно использование крупновалунного добруджанского кремня. Его расщепление было направлено исключительно на получение крупных правильных пластин, что способствовало полному изменению типологического облика производственного инвентаря этого

времени от кремневых изделий эпохи неолита (Скакун, 2006).

Трасологическому анализу была подвергнута вся коллекция неолитических кремневых предметов из Овчарово-гората (1349 экз.). В ходе исследований выяснилось, что среди отходов кремнеобрабатывающего производства имеются предметы со следами использования в разных функциях, но все же их основное количество являлось технологическими сколами или обломками неудачных заготовок. Большинство типологически определяемых орудий несут хорошо выраженные следы утилизации, причем некоторые из них имеют несколько рабочих лезвий, использовавшихся в одной и той же или разных функциях. Инструменты со слабо изношенными лезвиями, их обломки, назначение которых определить не удалось, составляют 0,67% от числа морфологически оформленных орудий. Функционально определяемые орудия насчитывают 357 предметов – 26,46% от числа всех исследованных кремневых изделий (табл. 3, диагр. 3).

К земледельческим инструментам относятся вкладыши серпов с угловой зеркальной заполировкой – 3,92% (от числа всех трасологически определенных орудий). Ее расположение свидетельствует о том, что они вставлялись в рукоять под углом, образуя рабочую часть серпа «карановского» типа. Интересным фактом является использование в качестве заготовок для вкладышей кроме фрагментов средних пластин еще и мелких тонких плоских отщепов. Как правило, рабочая часть вкладышей не имеет дополнительной обработки, лишь иногда на обушковой стороне наблюдается

мелкая ретушь, нанесенная для более плотного закрепления предмета в пазу рукояти. На поверхностях нескольких изделий под микроскопом обнаружены плотные частицы какого-то вещества, но без проведения специальных анализов невозможно однозначно определить его природу. Однако по аналогии с находками в Болгарии целых серпов с вкладышами *in situ* можно предполагать, что это остатки клеящей массы, фиксировавшей их в пазах роговых рукоятей. Специальные исследования выявили в составе культурных растений, возделывавшихся на неолитических поселениях Болгарии, несколько видов пшеницы, что свидетельствует о достаточно развитом земледельческом хозяйстве (Тодорова, Вайсов, 1993).

Орудия для обработки шкур и кож представлены значительным числом – 24,65% – и традиционным составом. Скотоводство и охота, по данным палеозоологии, давали достаточное количество сырья для кожеобработывающей и костообработывающей отраслей (Ангелова, 1992; Тодорова и др., 1975). Среди кожеобработывающих орудий большинство составляют морфологически оформленные скребки, большая часть которых изготовлена на отщепках, меньшая – на пластинах. Рабочие лезвия этих инструментов имеют хорошо выраженный износ, на некоторых экземплярах удается проследить следы крепления в рукояти. Как показывают эксперименты, вариабельность в размерах и формах рабочих частей скребков часто зависят от типа рабочей операции и вида обрабатываемого сырья. Орудия с занозистым скребковым краем были наиболее производительны при мездрении больших толстых сухих шкур,

снятии волосяного покрова, а скребки с округлым краем, обработанным высокой затупливающей регулярной ретушью, предназначались для пушения бахтормы (Семенов, Коробкова, 1983; Skakun, Plisson, 2014). Мелкие орудия применялись для отделки труднодоступных участков (лапок и т.д.) или обработки небольших, тонких шкур. В скребковой функции, кроме морфологически оформленных инструментов, часто использовались боковые стороны фрагментов пластин и отщепы без вторичной обработки, а также некоторые скребла с массивным рабочим краем. Несколько инструментов с разной степенью изношенности из заготовок без вторичной обработки применялись для резания шкур и кож.

Для прокалывания отверстий при сшивании шкур и кож служили проколки. Одни из них имели специально выделенное ретушью тонкое острие, у других рабочей частью служило естественное заострение заготовки. Одно орудие – развертка – на фрагменте пластины использовалось для расширения проделанных отверстий. На боковых сторонах изделия были зафиксированы симметрично расположенные следы утилизации. В коллекции среди мелких кремневых галек с частично снятой галечной коркой обнаружены ложила, служившие для выглаживания обработанных поверхностей кож.

В качестве ножей для мяса использовались фрагменты пластин и подходящие для этой функции отщепы с ровными боковыми краями без дополнительного ретуширования (18,77%). Одни из них являлись вкладышами в прямой рукояти, другие использовались без рукоятей и нередко имели

обушок для упора пальца, образованный торцовым сколом или отретушированной кромкой.

Разнообразна группа орудий, связанных с костеобрабатывающим производством (8,13%). Среди них: скобели, пилки, строгальные ножи, резцы, резчики. Следы их использования были прослежены при изучении многих костяных и роговых изделий, в том числе костяных «ложек», обнаруженных в Овчарове-гората. Изготовление этих предметов производилось на самом поселении, так как в коллекции имеются предметы в разной степени готовности. Исследование их поверхностей позволило проследить технологию обработки от выбора заготовки, придания ей определенной формы с помощью выпиливания, выстругивания поверхности, зачистки скоблением и окончательной доделки шлифованием и полировкой.

Обработка дерева занимала существенное место в хозяйстве исследуемого памятника (40,89%). Орудия этого производства составляют многочисленную и разнообразную в функциональном отношении группу и включают: сверла, скобели, пилки, строгальные ножи. Заготовками для морфологически не выраженных инструментов служили изделия без вторичной обработки, долотовидными орудиями являлись как типологически оформленные инструменты, так и подходящие для этой функции отщепы и осколки кремня.

Последнюю группу составляют орудия, применявшиеся в камнеобработке (3,64%). Это шаровидные отбойники из кремневых галек, служившие для первичной обработки желваков, подготовки и расщепления нуклеусов; ретушеры с типичными следами

износа, применявшиеся при получении заготовок и оформлении орудий, а также пилки для распиливания мягкого камня при изготовлении топоров и долот. Находки нуклеусов в разной стадии эксплуатации (от начальной до полной истощенности), масса отходов производства и технологических сколов свидетельствуют о применении при расщеплении кремня ударной и отжимной техник. Обращает на себя внимание наличие в коллекции торцовых нуклеусов с выделенным ребром, предназначенных для получения микропластин. Негативы сколов показывают, что они имели правильную форму, а их ширина не превышала 0,5 см. Однако в исследованной коллекции изделий такого типа обнаружено всего несколько экземпляров, причем все они не имеют четко выраженного износа. Возможно, эти микропластины предназначались для вкладышевого охотничьего оружия. Значительно число нуклеусов, отходов производства, а также находок орудий, связанных с кремнеобработкой, является доказательством функционирования кремнеобрабатывающего производства на территории самого поселения.

Таким образом, судя по функциональному составу кремневых орудий, найденных на поселении Овчарово-гората, и данным палеоботаники, палеозологии, основными пищедобывающими отраслями хозяйства являлись земледелие, скотоводство, охота. Среди основных производств выделяются: камнеобрабатывающее, кожеобрабатывающее, деревообрабатывающее, костеобрабатывающее (табл. 4, диагр. 4). Кроме того, имеются археологические свидетельства о функционировании многих других

видов производственной деятельности, когда использовались инструменты не из кремня, а из других пород камня, а также кости, рога, глины и т.д. В первую очередь, можно назвать керамическое производство, затем прядение и ткачество (их существование подтверждается находками пряслиц и ткацких грузил), плетение различных вещей из растительных материалов, производство минеральной краски и пр.

Функциональный состав орудий, выявленных среди кремневых находок поселения Овчарово-гората, в целом показывает сходство с перечнем инструментов из других объектов Северо-Восточной Болгарии – Самоводене, Усое I, Дурануклак-Блатница

(Скакун, 1982, 1994; Скакун и др., 2016; Станев, 2002). Хозяйство этих памятников было земледельческо-скотоводческим с соответствующим набором видов домашних промыслов.

Таким образом, проведенные исследования материалов из Овчарово-гората и памятников других районов Болгарии (Кынчев, 1990; Скакун, 1982, 1994; Skakun, 1993, Скакун и др., 2016; Гюрова, 2001, 2005; Mateva, 2014) свидетельствуют о том, что в неолите фиксируется определенное единство в общей направленности развития производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства, в структуре которого функционировали различные производства, необходимые для жизнеобеспечения населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелова И.* Предварительные результаты раскопок неолитического поселения Овчарово-гората // *Studia Praehistorica*. Кн. 11–12. 1992. С. 41–50.
2. *Ангелова И., Бин Н.* Кремниевые артефакты из неолитного поселения Овчарово-гората Тырговиштского округа // *Studia Praehistorica*. Кн. 9. 1988. С. 16–33.
3. *Бояджиев Я.* Хронология на праисторическите култури на територията на Добруджа // *Добруджа*. Кн. 9 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Изд-во Г. Бакалов, 1992. С. 10–20.
4. *Гацов И.* Кремъчният ансамбъл от неолитното селище Усоето (техничко-типологическа характеристика) // *Добруджа*. Кн. 2 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Изд-во Г. Бакалов, 1985. С. 105–115.
5. *Гацов Ив.* Производство кремневых орудий в неолите на территории Северо-Восточной Болгарии // *Studia Praehistorica*. 1992а. Кн. 11–12. С. 196–199.
6. *Гацов Ив.* Характер и специфика на кремъчното производство през неолита в днешна Западна България // *Археология*. XXXIV. Кн. 2. София, 1992б. С. 1–13.
7. *Гюрова М.* Трасологически анализ на раннеолитни кремъчни колекции от Тракия // *Старини*. Кн. 2. София: Изд-во БАН, 1992. С. 66–76.
8. *Гюрова М.* Функционален анализ на кремъчен ансамбъл от селищна могила Капитан Димитриево // *Археология*. Кн. 3–4. София, 2001. С. 38–47.
9. *Гюрова М.* Кремъчните артефакти в контекста на диагностичните находки // *ГДА НБУ*. Т. VI. София, 2005. С. 89–104.
10. *Гюрова М.* Кремъчният фактор в неолитизационния дебат // *Laurea*. In honorem Margaritae Vaklinova. Кн. II / Гл. ред. Б. Петрунова. София: Изд-во БАН, 2009. С. 1–14.
11. *Джанфезова Т., Дохърти К., Еленски Н.* Откапваме ли мы раннеолитически пакет? // *Самарский научный вестник*. 2015. № 3(12). С. 63–71
12. *Димов Т.* Землянка от неолитното селище при с. Дуранкулак, Толбухински окръг // *Археология*. XXIV. Кн. 1. София, 1982. С. 33–48.
13. *Димов Т.* Принос към проучванията на новокаменната епоха в Южна Добруджа // *Terra antiqua Balkanica*. 1988. Vol. III. С. 20–25.

14. Димов Т. Културата Хаманджия в Добруджа // Добруджа. Кн. 9 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Бряг-принт, 1992а. С. 20–35.
15. Димов Т. Топография, стратиграфия и архитектура на селищата от праисторическата култура Хаманджия в Добруджа // Изследвания в чест на ст. н. с. I ст. д. и. н. Хенриета Тодорова / Добруджа. Кн. 21 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Бряг-принт, 2003. С. 123–144.
16. Кънчев К. Орудия труда неолита България – сурьева база, типология и место в хозяйственном развитии: Автореф. дис... док. ист. наук. СПб. 1990. 30 с.
17. Кънчев К. Относно проучването на праисторическите кремъчни артефакти в България // Карановски конференции за праисторията на Балканите I. Тракия и съседните райони през неолита и халколита. Тез. докл. София, 2000. с. 141–146
18. Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1974. 176 с.
19. Матева Б. Раскопки поселения среднего энеолита в северо-восточной Болгарии // Археологические вести. Вып. 10 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2002. С. 75–79.
20. Матева Б. Результаты типологического анализа кремневых изделий с верхних слоев телля Хотница, Северо-восточная Болгария // Земледельцы и скотоводы древней Европы-проблемы, новые открытия, гипотезы / Отв. ред. : В.В. Отрощенко. Киев; СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 109–114
21. Начев И., Ковнурко Г., Кънчев К. Кремъчните скали в България и тяхната експлоатация // Интердисциплинарни изследвания. Т. VII–VIII. София, 1981. С. 41–59.
22. Начев Ч. Основните типове флинт в България като суровини за направа на артефакти // Интердисциплинарни изследвания. Т. XX–XXI. София, 2009. С. 7–22.
23. Николов В. Раннонеолитно жилище от Слатина (София) // Разкопки и проучвания № 25. София: БАН, 1992. 163с..
24. Николов В. Неолитната култура в българските земи в контекста на Анатолия и Балканите // ГДА НБУ. № 2–3. София: НБУ, 1996. С. 133–144.
25. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древних производств. Л.: АН СССР, 1983. 253 с.
26. Скакун Н.Н. Орудия на труда от неолитното селище при с. Дуранкулак, Толбухински окръг (типологично-трасологически анализ) // Археология. XXIV. Кн. 1. София, 1982. С. 49–53.
27. Скакун Н.Н. Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Наука, 1994. С. 85–119.
28. Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. Т. XXI. СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с.
29. Скакун Н.Н., Матева Б. Значение кремневого инвентаря для решения культурно-хронологических проблем (по материалам неолита и энеолита северо-восточной Болгарии) // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д. и. н. Н.Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 27 ноября – 2 декабря 2000 г. / Отв. ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 72–73.
30. Скакун Н.Н., Матева Б., Димов Т. Результаты исследования производственного инвентаря поздненеолитического поселения Дуранкулак-Благница // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 83–102
31. Станев П. Стратиграфия и периодизация на неолитните обекти и култури по басейна на р. Янтра // ГМСБ. Т. VIII. Варна: Г. Бакалов, 1982.
32. Станев П. Палеоикономика и обществени структури през неолита в басейна на р. Янтра // ГМСБ. Т. XV. Варна: Г. Бакалов, 1989.
33. Станев П. Самоводене, неолитна селищна могила. В.Търново, 2002. 380 с.

34. Тодорова Х., Вайсов Ив. Новокаменната епоха в България. София: Наука и изкуство, 1993. 288 с.
35. Тодорова Х., Василев В., Янушевич З., Ковачева М., Вълев П. Овчарово / Разкопки и проучвания. Т. IX. София: Изд-во БАН, 1983. 128 с.
36. Тодорова Х., Иванов Ст., Василев В., Хопф М., Кол Г. Селищната могила при Голямо Делчево // Разкопки и проучвания. Т. V. София: БАН, 1975. 332 с.
37. Янушевич З.В. Находки культурных растений из позднеэнеолитических слоев Овчарова // Овчарово / Разкопки и проучвания. Кн. IX. София: БАН, 1983. С. 106–117.
38. Comsa E. La civilization Cris sur le territoire de la R.P. Roumanie. In *Acta Archaeologica Carpathica*. Vol. 2. București, 1959. P. 173–190.
39. Gatsov I. L'industrie lithique du site neolithie Ussoe. In: *Studia Praehistorica*, 1990. Vol. 10. София, 1990. P. 91–101.
40. Gatsov I. Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria. Krakow: Jagiellonian University; Institute of Archaeology, 1993, 54 p.
41. Gurova M. Neolithic flint assemblages from Bulgaria // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 94–108.
42. Gürova M. Gebrauchsspurenanalyse des neolithischen Feuersteininventars. In: S. Hiller, V. Nikolov (eds.). *Karanovo I, Die Ausgrabungen im Südsektor 1984–1992*. Salzburg – Sofia, 1997. P. 363–375.
43. Kraus R., Elenski N., Wenige B., Clare L., Cakirlar C. and Zidarov R. Beginning of the Neolithic in Southeast Europe: the Early Neolithic sequence and absolute dates from Dzulunitza-Smardesh (Bulgaria). In: *Documenta Praehistorica* Vol. XLI. Ljubljana, 2014. P. 51–77.
44. Kunchev K. Neolithic tools in Bulgaria. In: *Papers to the international Symposium in the Ancient History and Archaeology of Bulgaria*, 1981. Nottingham, 1983. P. 135–153.
45. Mateva B. Flint tools processing and use in north-eastern Bulgaria at the end of Late Neolithic // Abstracts of XVII world UISPP Congress. Burgos, 2014. P. 426–427.
46. Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României / *Biblioteca de arheologie*. XV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1970. 359 p.
47. Skakun N., Plisson H. Some Results of the Experimental-Traceological Expedition at Bodaki. In: *Sprawozdania Archeologiczne*. Vol. 66. Krakow, 2014. P. 83–90.
48. Skakun N.N. Results of traceological examination of flint implements from Neolithic settlements in Western Bulgaria // I. Gatsov. *Neolithic Chipped Stone Industries in Western Bulgaria*. Krakow: Jagiellonian University; Institute of Archaeology, 1993. P. 52–54. Appendix.

Информация об авторах:

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru

Матева Боряна, директор, Исторический музей г. Исперих (г. Исперих, Болгария); boryamateva@yahoo.com

Ангелова Илка, пенсионер, г. Тарговиште, Болгария mangelov1948@abv.bg

RESULTS OF STUDYING FLINT INVENTORY FROM THE NEOLITHIC SETTLEMENT OF OVCHAROVO-GORATA (NORTH-EAST BULGARIA)

N.N. Skakun, B. Mateva, I. Angelova

The geographical location, natural and climatic features were the reason why North-East Bulgaria non-uniformly colonized which resulted in a variety of manifestations of archaeological cultures in this comparatively small area (late 7th – 5th Millennium B.C.). For a long

period of time it was considered to be unpopulated in the Neolithic due to the fact that the area was understudied. An early Neolithic settlement of Ovcharovo-gorata was discovered in the course of the scheduled exploratory works. The paper considers the results of comprehensive research of flint production inventory from this site. The authors conducted a comprehensive research which resulted in the characterization of the technical-morphological and functional features of the flint articles. They were compared with the materials of coexisting settlements in Bulgarian and the neighbouring regions, and the structure of the monument's utilization was identified and described in detail.

Keywords: archaeology, Neolithic, North-East Bulgaria, implements, morphology, function, comprehensive research.

REFERENCES

1. Angelova, I. 1992. In *Studia Praehistorica* 11–12, 41–50 (in Russian).
2. Angelova, I., Bin, N. 1988. In *Studia Praehistorica* 9, 16–33 (in Russian).
3. Boyadzhiev, Ya. 1992. In Kuzmanova, A. (ed.). *Dobrudzha (Dobruja)* 9. Varna: “Georgi Bakalov” Publ., 10–20 (in Bulgarian).
4. Gatsov, Iv. 1985. In Kuzmanova, A. (ed.). *Dobrudzha (Dobruja)* 2. Varna: “Georgi Bakalov” Publ., 105–115 (in Bulgarian).
5. Gatsov, Iv. 1992. In *Studia Praehistorica* 11–12, 196–199 (in Russian).
6. Gatsov, Iv. 1992. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2 (XXXIV). Sofia, 1–13 (in Bulgarian).
7. Giurova, M. 1992. In *Starini (Starini)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 66–76 (in Bulgarian).
8. Giurova, M. 2001. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3–4. Sofia, 38–47 (in Bulgarian).
9. Gyurova, M. 2005. In *Godishnik na Departament Arkheologiya na Nov Bălgarski Universitet (Yearbook of the Archaeology Department, New Bulgarian University)* VI, 89–104 (in Bulgarian).
10. Gyurova, M. 2009. In Petrunova, B. (ed.). *Laurea. In honorem Margaritae Vaklinova* II. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1–14 (in Bulgarian).
11. Dzhanfezova, T., Dokh"rti, K., Elenski, N. 2015. . In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (3), 63–71 (in Russian).
12. Dimov, T. 1982. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1 (XXIV). Sofia, 33–48 (in Bulgarian).
13. Dimov, T. 1988. In *Terra antiqua Balkanica* III, 20–25 (in Bulgarian).
14. Dimov, T. 1992. In Kuzmanova A. (ed.). *Dobrudzha* 9. Varna: “Bryag-print” Publ., 20–35 (in Bulgarian).
15. Dimov, T. 2003. In Kuzmanova, A. (ed.). *Izsledvaniya v chest na st. n. s. I st. d. i. n. Khenrieta Todorova (Studies in honorem Senior Research Fellow, Doctor of Historical Sciences Henrieta Todorova)*. Series: *Dobrudzha (Dobruja)* 21. Varna: “Bryag-print” Publ., 123–144 (in Bulgarian).
16. Kynchev, K. 1990. *Orudiia truda neolita Bolgarii-syr'evaia baza, tipologiya i mesto v khoziaistvennom razvitiu (Neolithic Implements of Bulgaria - Raw Materials, Typology and Place in Economic Development)*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
17. K"nchev, K. 2000. In *Karanovski konferentsii za praistoriata na Balkanite I. Trakia i s"sednite raioni prez neolita i khalkolita. Tez. dokl. (Karanovsky Conference on the Prehistoric Period of Balkanite I. Trakia and the Neighbouring Areas in the Neolithic and the Chalcolithic. Abstracts)*. Sofia, 141–146 (in Bulgarian).
18. Markevich, V. I. 1974. *Bugo-dnestrovskaia kul'tura na territorii Moldavii (The Bug-Dniester Culture on the Territory of Moldova)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
19. Mateva, B. 2002. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 10. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 75–79 (in Russian).
20. Mateva, B. 2012. In *Otroshchenko, V. V. (ed.). Zemledel'tsy i skotovody drevnei Evropy - problemy, novye otkrytiia, gipotezy (Farmers and Herdsmen of Ancient Europe - Issue, Now Discoveries*

and Hypotheses): Kiev; Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 109–114 (in Russian).

21. Nachev, I., Kovnurko, G., Kanchev, K. 1981. In *Interdistsiplinari izsledvaniya (Interdisciplinary Studies)* VII–VIII, 41–59 (in Bulgarian).

22. Nachev, Ch. 2009. In *Interdistsiplinari izsledvaniya (Interdisciplinary Studies)* 20–21, 7–22 (in Bulgarian).

23. Nikolov, V. 1992. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* 25. Coŝiya: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

24. Nikolov, V. 1996. *Godishnik na departament arkeologiya na Nov b'lgarski universitet (Annual Publication of the Department of Archaeology of the New Bulgarian University)* 2–3. Coŝiya: **New Bulgarian University**, 133–144 (in Bulgarian).

25. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevnikh proizvodstv (Ancient Manufacturing Technology)*. Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

26. Skakun, N. N. 1982. In *Arkeologiya (Archaeology)* 1 (XXIV). Sofia, 49–53 (in Bulgarian).

27. Skakun, N. N. 1994. In Korobkova, G. F. (ed.). *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniia v arkeologii (Experimental Use-Wear Studies in Archaeology)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ., 85–119 (in Russian).

28. Skakun, N. N. 2006. *Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Tools and Economy of the Ancient Farming Tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic (with Particular Reference to the Materials of the Varna Culture))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XXI. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

29. Skakun, N. N., Mateva, B. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the East European Neolithic)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 72–73 (in Russian).

30. Skakun, N. N., Mateva, B., Dimov, T. 2016. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 83–102 (in Russian).

31. Stanev, P. 1982. In *Godishnik na muzeite v Severna B'lgariia (Yearbook of the Museums of North Bulgaria)* VIII. Varna: “Georgi Bakalov” Publ. (in Bulgarian).

32. Stanev, P. 1989. In *Godishnik na muzeite v Severna B'lgariia (Yearbook of the Museums of North Bulgaria)* 15. Varna: “Georgi Bakalov” Publ. (in Bulgarian).

33. Stanev, P. 2002. *Samovodene, neolitna selishchna mogila (Neolithic Settlement of Samovodene)* V.T"rnovo. 380 s.

34. Todorova, Kh., Vajsov, Iv. 1993. *Novokamennata epokha v B'lgariya (Neolithic Age in Bulgaria)*. Sofia: “Nauka i izkustvo” Publ. (in Bulgarian).

35. Todorova, Kh., Vasilev, V., Yanushevich, Z., Kovacheva, M., V'alev, P. 1983. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* IX. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

36. Todorova, Kh., Ivanov, St., Vasilev, V., Hopf, M., Kohl, G. 1975. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* V. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

37. Ianushevich, Z. V. 1983. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* IX. Coŝiya: Bulgarian Academy of Sciences, 106–117 (in Bulgarian).

38. Comsa E. La civilization Cris sur le territoire de la R.P. Roumanie. In *Acta Archaeologica Carpathica*. Vol. 2. Bucureŝti, 1959. P. 173–190.

39. Gatsov I. 1990. In: *Studia Praehistorica*, 10. Coŝia, 91–101 (in French).

40. Gatsov, I. 1993. *Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria*. Krakow: Jagiellonian University, Institute of Archaeology.

41. Gurova, M. 2014. Neolithic flint assemblages from Bulgaria. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 3 (8), 94–108.

42. Gurova M. 1977. In: S. Hiller, V. Nikolov (eds.). *Karanovo I, Die Ausgrabungen im S'udsektor 1984–1992*. Salzburg – Sofia, 363–375.

43. Kraus R., Elenski N., Weninge B., Clare L., Cakirlar C. and Zidarov R. 2014. In: *Documenta Praehistorica*, XLI. 51–77.

44. Kunchev K. 1983. In: *Papers to the international Symposium in the Ancient History and Archaeology of Bulgaria*, 1981. 135–153.
45. Mateva, B. 2014. Flint tools processing and use in north-eastern Bulgaria at the end of Late Neolithic. *Abstracts of XVII world UISPP Congress*. Burgos, 426–427.
46. Păunescu Al. 1970. *Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. Biblioteca de arheologie XV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
47. Skakun N., Plisson H. 2014. In: *Sprawozdania Archeologiczne*, 66. 83–90.
48. Skakun, N. N. 1993. Results of traseological examination of flint implements from Neolithic settlements in Western Bulgaria. In Gatsov, I. *Neolithic Chipped Stone Industries in Western Bulgaria*. Krakow: Jagellonian University, Institute of Archaeology, 52–54. Appendix (in Russian).

About the Authors:

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Mateva Boryana. Historical Museum, Isperrikh. Tsar Osoboditel St., 6, Isperrikh, 7400, Bulgaria; boryamateva@yahoo.com

Angelova I. Targovishte, Bulgaria; mangelov1948@abv.bg

Статья поступила в номер 05.02.2018 г.

УДК 903.01/09

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.56.73>

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОТВЕРСТИЙ БОЛЬШОГО ДИАМЕТРА В КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЯХ НЕОЛИТА-БРОНЗЫ УРАЛА

© 2018 г. Ю.Б. Сериков

В статье рассматривается техника изготовления отверстий большого диаметра – от 1,5 см и больше на примере каменных изделий эпохи неолита – бронзы, найденных на Урале. Это группа предметов неутилитарного назначения: фигурные молоты, булавы, орнаментированные диски, а также боевые и рабочие топоры-молоты, сверленные молоток и кирка. Изготовление отверстий происходило разными способами. У фигурных молотов длина отверстий доходит до 10 см. Для их изготовления использовались полые сверла. Практически все фигурные молоты и топоры-молоты сверлились с двух сторон. Сверление начиналось с нижней стороны изделия. Для сверления булав использовались в основном костяные полые сверла. Сверление производилось чаще с двух сторон, причем подгонка отверстий к цилиндрической форме не применялась. Большая часть дисков просверлена методом встречного сверления. Применялись как костяные, так и каменные сверла. Этому способствовали небольшая толщина дисков и мягкое минеральное сырье. Отверстия в некоторых дисках пробивались с использованием техники пикетажа. Точное совмещение отверстий при встречном сверлении предполагает наличие у древних мастеров простейших измерительных инструментов. Экспериментальным путем были выявлены детали, позволяющие определить способ сверления и материал сверла (камень или кость). Этому способствовал и проведенный трасологический анализ каменных сверл большого диаметра. Трудоемкость изготовления предметов с отверстиями большого диаметра однозначно свидетельствует о высоком социальном статусе их владельцев.

Ключевые слова: археология, Урал, неолит, бронзовый век, фигурные молоты, булавы, орнаментированные диски, топоры, сверление, отверстия большого диаметра.

На территории Урала сверленные изделия известны с начальной поры верхнего палеолита. В конце верхнего палеолита сверленные подвески и бусы из камня, зубов животных, раковин и бивня мамонта присутствуют уже в целом ряде палеолитических комплексов Южного, Среднего и Северного Урала. Единственное изделие с отверстием большого диаметра найдено на стоянке Троицкая I (Челябинская обл.) возрастом около 16,3 тыс. лет. Это пястная кость уральской лошади со сквозным отверстием диаметром 1,8–2 см у дистального

конца. Отверстие прорезано каменным орудием (Широков и др., 1996, с. 11; рис. 2: 1).

Обычно все сверленные изделия имеют небольшой диаметр отверстий – у украшений от 0,2 до 0,5 см, у пряслиц – до 0,7–0,8 см. Изделия с отверстиями большого диаметра (1,5 см и больше) на территории Урала встречаются достаточно редко. Датируются они в широком хронологическом диапазоне от неолита до бронзового века. Именно такие изделия и являются предметом нашего исследования.

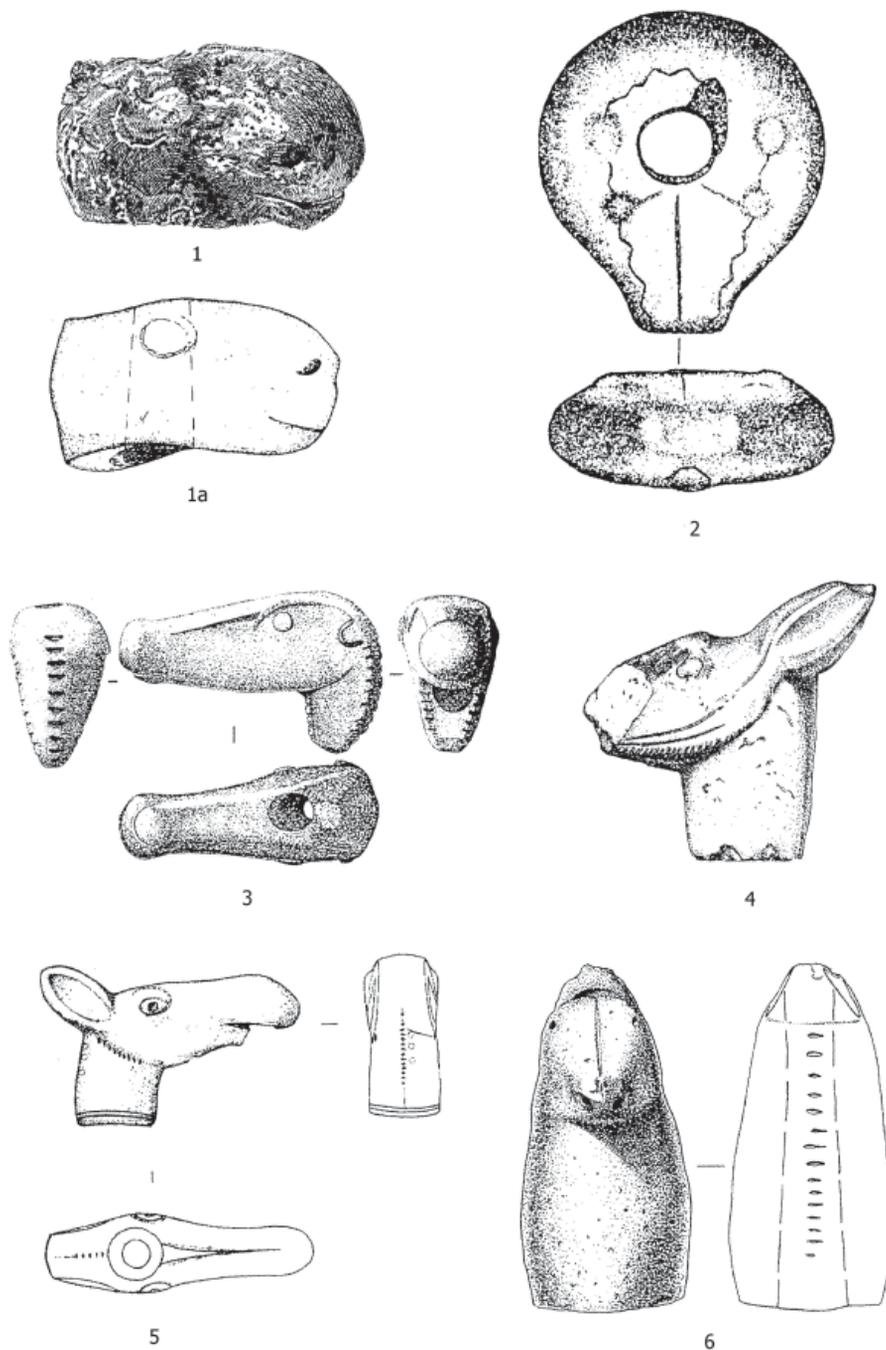

Рис. 1. Фигурные молоты (1 – Евстуниха I; 2 – Кокшаровский холм; 3 – окрестности Новоорска; 4 – окрестности Байгильдино; 5 – окрестности Фершенпенуаз; 6 – окрестности Нижней Туры) (размеры изделий здесь и далее приведены в тексте).

Fig. 1. Figured hammers (1 – Evstyunikha I, 2 – Koksharovsky hill, 3 – Novoorsk area, 4 – Baigildino area, 5 – Ferschenpenuaz area, 6 – Nizhnyaya Tura area) (article sizes are hereinafter specified in the text).

Наиболее выразительными изделиями этой группы являются фигурные молоты в виде голов животных. Они известны на Среднем и Южном Урале в количестве 10 экз. Только один молот с Кокшаровского холма найден в процессе раскопок, все остальные являются случайными находками на памятниках и вне их. Самые ранние из них происходят с неолитических памятников.

На неолитической стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил) обнаружен молот длиной 8 см, изготовленный из талька с примесью змеевика в виде головы лося (рис. 1: 1) (Сериков, 2014, с. 7). По центру изделия проходит отверстие длиной 4,2 см в форме усеченного конуса. В верхней части оно имеет диаметр 1,4 см, в нижней – 1,8 см. Отверстие получено односторонним сверлением полую костью. Сверление производилось с нижней стороны молота. Конический профиль отверстия объясняется тем, что при сверлении боковые стенки кости стираются, в результате чего сверло уменьшается в диаметре. С.А. Семёнов отмечал, что такой результат одностороннего сверления не смущал неолитических мастеров. Разницу в диаметре отверстия они использовали для заклинивания верхнего конца рукоятки (Семёнов, 1968, с. 64–65).

Молот с неолитического Кокшаровского холма (Свердловская обл.) имеет форму неправильного овала диаметром 8,8–9,9 см. Изделие изображает животное с округлой плоской головой, по-видимому, бобра (рис. 1: 2) (Сериков, 2015, с. 7–8). Изготовлен молот из мягкой хлоритизированной породы. Толщина молота в месте сверления – 3,7 см. Просверленное отверстие имеет форму двух конусов,

соединенных вершинами. Его диаметр 2,5 см в нижней части изделия и 1,9 см – в верхней. Место соединения конусов находится в 1,1 см от верхнего края молота. Сверление производилось полую костью с нижней стороны молота на глубину до 2,6 см. Оставшиеся 1,1 см толщины изделия просверлили уже с верхней стороны молота. После завершения сверления каменной разверткой был удален пояс-утолщение в месте соединения конусов. В результате отверстие приобрело почти цилиндрический профиль.

Большой интерес представляет фигурный молот в виде головы белки (рис. 1: 6). Место и обстоятельства его находки точно не известны. Изготовлен молот из талька коричневатосерого цвета. Высота фигуры 10,7 см, диаметр основания 5 см. Через голову и шею проходит отверстие длиной 10 см, выполненное в технике встречного сверления. В нижней части молота его диаметр составляет 2,5 см, в верхней – 2 см. В месте соединения сверлин диаметр равен 1,4 см. Поясок в месте соединения сверлин находится в 2,5 см от верхнего края молота (Ченченкова, 2004, с. 256–257). Сверление производилось полую костью с нижней стороны молота на глубину до 7,5 см, затем досверливалось с верхней стороны. Проведенный эксперимент показал, что для изготовления отверстия такой длины необходимы были несколько сменных сверл. Встречное сверление с верхней части молота соединило обе сверлины. Показывает точность, с которой мастер совместил обе сверлины.

В Свердловском краеведческом музее хранится еще один фигурный молот из камня. Время и место его

находки неизвестно, вид сырья не установлен. Молот не закончен в обработке, он имеет Г-образную форму высотой и длиной 11 см. На одной половине изделия присутствует незаконченное отверстие. Сверлили его с двух сторон навстречу друг другу. Сверлина на нижней стороне имеет диаметр 2,3 см и глубину 3 см. Прodelана сверлина полой костью. На верхней стороне сохранилась глухая сверлина диаметром 1 см и глубиной всего 0,4 см. Отверстие не было завершено, так как древний мастер не смог точно совместить направление двух сверлин (Ченченкова, 2004, с. 264; рис. 128).

Фигурный молот в виде головы зайца найден у с. Байгильдино (Башкортостан) (рис. 1: 4). Высота молота от основания до кончика ушей около 13,5 см. Отверстие длиной около 10 см сверлилось с двух сторон сквозь шею животного. Его диаметр сверху 2,2 см, внизу – 2,75 см. Снизу сверлом было пройдено 8 см, сверху – 1,55 см. Место соединения сверлин в виде узкого пояса было подработано узким металлическим орудием (Ченченкова, 2004, с. 259). Как и в вышеописанных случаях, сверление производилось полой костью сначала с нижней стороны молота, а досверливалось – с верхней.

С территории Башкортостана происходит еще один фигурный молот, найденный на р. Белой (рис. 5: 4). Его длина 9,7 см, ширина 7 см и толщина 5 см. Изготовлен из плотного и твердого кварцитопесчаника. Изделие обработано пикетажем с последующим заглаживанием абразивом. Молот выполнен в виде головы животного, возможно, бобра. В центре молота полой костью встречным сверлением проделано биконическое отверстие. Его диаметр 3 и 2,8 см по краям и 1,7 см в

центре (Сериков, 2014, с. 8–9). Входное отверстие на верхней стороне молота пытались расширить узким абразивом.

Фигурный молот в виде головы лося обнаружен у дер. Фершенпенуаз (Челябинская обл.). Скульптура Г-образных очертаний имеет длину 15 см, высоту 9 см, ширину 4,5 см. Изготовлен молот из зеленовато-коричневого серпентинита. Отверстие длиной около 8,3 см проделано полой костью методом встречного сверления. Его диаметр сверху 3 см, внизу – 2,6 см (рис. 1: 5) (Ченченкова, 2004, с. 260–261).

Молот с изображением головы лошади из Оренбургского краеведческого музея найден около железнодорожной станции Новоорск (Оренбургская обл.) (рис. 1: 3). Он также имеет Г-образную форму длиной 12 см, шириной 4,5 см и высотой 7,3 см. Изготовлен из серпентина темно-коричневого цвета. В отличие от других фигурных молотов конической формы отверстие проделано не через шею животного, а через голову и проходит слегка наискосок от горла к макушке. Сверлили молот полой костью снизу, диаметр отверстия внизу 1,9 см, сверху – 1,3 см (Ченченкова, 2004, с. 262–263).

Представляет интерес фигурный молот из рога лося (Шигирский торфяник). Отверстие в его средней части имеет диаметр снизу 2,4 см, сверху – 2 см, а в средней части – 1,8 см. Изготовлено оно при помощи костяного сверла.

Таким образом, все отверстия у фигурных молотов изготовлены при помощи костяного полого сверла. Применялось в основном двустороннее встречное сверление в шести случаях.

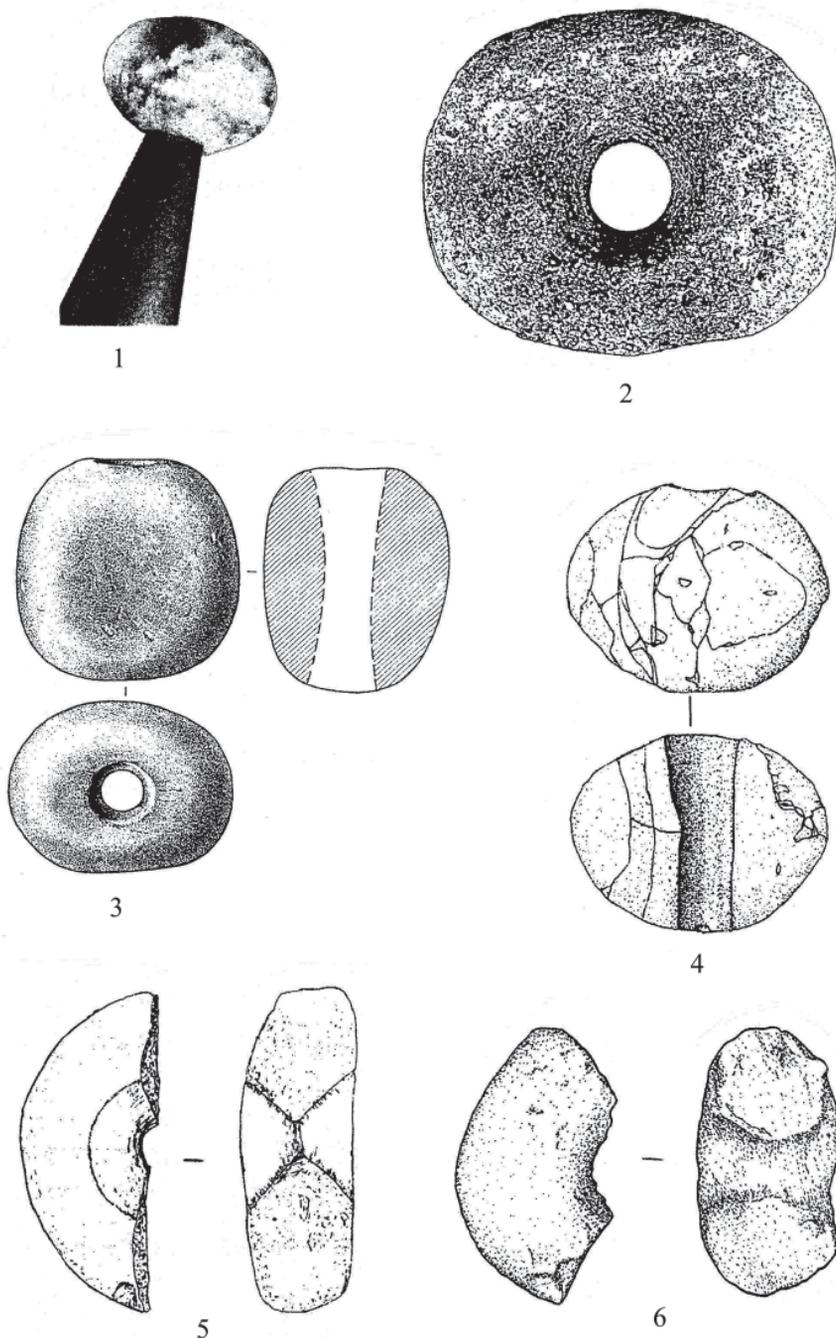

Рис. 2. Каменные булавы: 1 – Кизильское поселение; 2 – дно Шигирского озера; 3 – могильник Сатыга XVI; 4 – Гладунино-3; 5 – Усть-Комус; 6 – Усть-Вагильский холм; 1 – по: Юшкин; 3 – по: Сатыга XVI; 4 – по: Шилов, Маслюженко, 2002; 5 – по: Семенов, Несанелене, 1997.

Fig. 2. Stone maces: 1 – Kizil settlement, 2 – bottom of Shigir Lake, 3 – Satyga XVI burial ground, 4 – Gladunino-3, 5 – Ust-Komus, 6 – Ust-Vagilsky hill, 1 – after: Юшкин; 3 – after: Сатыга XVI; 4 – after: Шилов, Маслюженко, 2002; 5 – after: Семенов, Несанелене, 1997.

Одностороннее сверление зафиксировано дважды – у молота с Евстюнихи I и у рогового молота с Шигирского торфяника. В двух случаях (Малый Липовый и Новоорск) способ сверления установить не удается. У двух молотов (Кокшаровский холм и Байгильдино) предпринимались попытки убрать соединительный пояс-утолщение при помощи развертки или срезания. Большая часть фигурных молотов изготовлена из мягких пород камня (талька (3), серпентинита (2), сланца, рога). Из твердых пород (кварцитопесчаника и диабаз) изготовлено два молота с Южного Урала.

По всей видимости, близко к фигурным молотам по функциональному назначению и сакральному использованию стояли и каменные булавы. Их количество на территории Урала также невелико – автору известно всего 14 булав.

Уникальной находкой, обнаруженной в одном из кизильских курганов бронзового века (Челябинская обл.), является навершие булав в виде хрустального шара (рис. 2: 1). Оно представляет собой одноосный эллипсоид диаметром 5,7 см, высотой около 4 см (3,5–3,8 см). Шар отшлифован, но не отполирован. Даже при незначительном освещении шар аккумулирует свет и сверкает. В центре шара проделано сквозное коническое отверстие диаметром в широкой части 1,9 см, в узкой – 1,1 см. Академик Н.П. Юшкин подчеркивает, что изготовление подобного шара требовало наличия больших прозрачных кристаллов хрусталя, которые встречаются довольно редко, а также большого умения и затрат труда (Юшкин, 2005, с. 74).

Также в погребении (могила 2, так называемое погребение «литей-

щика») могильника бронзового века Сатыга XVI (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) залегала сверленная булава из крупной округлой гальки кварцитопесчаника (рис. 2: 3). Ее размеры – 8,1×7,9×6,5 см (Сатыга XVI, 2011, с. 12, 49). Отверстие диаметром по краям 2,6 и 2,4 см проделано полый костью методом встречного сверления. В месте соединения сверлин их диаметр сужается до 1,7 см.

Единственная булава с Северного Урала происходит со стоянки бронзового века Усть-Комыс (Республика Коми) (рис. 2: 5). Авторами публикации она определена как обломок массивного рыболовного грузила (Семёнов, Несанелене, 1997, с. 117). Однако большие трудозатраты по оформлению отверстия не характерны для изготовления такого обычного и повседневно изделия, как рыболовное грузило. Диаметр булав 7,7 см, толщина 2,8 см. Сырье изделия не указано. Сверление производилось полый костью с двух сторон. Диаметр входного отверстия с одной стороны 2,9 см, с противоположной – 3,2 см. В месте соединения сверлин диаметр составляет 0,8 см.

Целая булава из гранодиорита найдена во время подводных археологических раскопок на дне Шигирского озера (рис. 2: 2). Собой она представляет изделие овальной формы размером 10,2×7,7 см при толщине 2,3 см. Поверхность булав пришлифована. В ее центре находится отверстие диаметром 1,9 см. Проделано оно костяным сверлом большого диаметра методом встречного сверления. Входной диаметр отверстия доходит до 3,5 см (Сериков, 2015, с. 496).

Две расколотые каменные булавы обнаружены на культовом памятнике

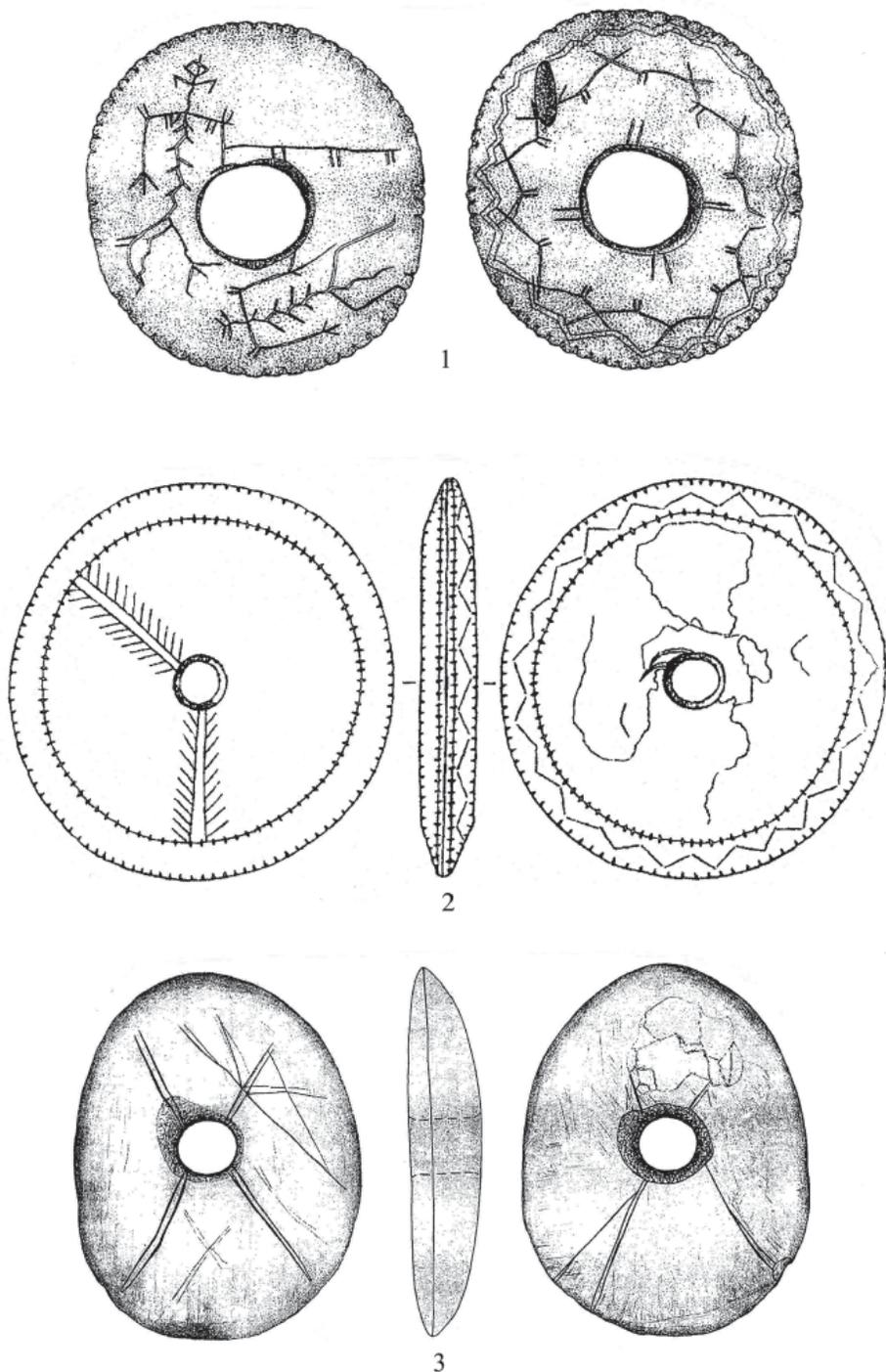

Рис. 3. Каменные диски: 1 – окрестности Антоновска; 2 – Башкортостан; 3 – Шайдуриха 33; 2 – по: Федоров, 2011; 3 – по: Савченко, Жилин, 2016.

Fig. 3. Stone discs: 1 – Antonovsk area, 2 – Bashkortostan, 3 – Shaidurikha 33, 2 – after: Федоров, 2011; 3 – after: Савченко, Жилин, 2016.

Усть-Вагильский холм (Свердловская обл.). Обе изготовлены из мелкозернистой породы. Их поверхности обработаны пикетажем с последующей пришлифовкой. Диаметры булав устанавливаются приблизительно: у одной – около 10,5 см, у второй – около 8,5 см. Толщина булав соответственно 3 и 3,6 см. Отверстия образованы встречным сверлением. У первой булав диаметр отверстия 2 см, у второй внешний диаметр 2,5 см, внутренний – 1,2 см (рис. 2: 6).

От булав с Махтыльского холма (Свердловская обл.) сохранилось не более трети. Она выполнена из бурого железняка. Ее диаметр около 7,5 см, толщина – 5,5 см. Цилиндрическое отверстие диаметром 2,4 см получено сверлением полой костью.

Еще одна расколотая пополам булав также из бурого железняка залегала в энеолитическом погребении Гладунино-3 (Курганской обл.) (рис. 2: 4). Диаметр булав 8,6 см, толщина – 6,2 см (Шилов, Маслюженко, 2002, с. 166–168; рис. 2). Отверстие образовано посредством встречного сверления полой костью. Его диаметр с одной стороны 2,4 см, с другой – 1,9 см, в средней части диаметр отверстия сужается до 1,7 см.

Таким образом, большая часть булав происходит из погребальных (3) или культовых (7) памятников. Целыми найдено только три булав, две в погребениях и одна на дне озера. Условия нахождения булав не дают возможности (за исключением погребений) точно привязать их к определенной культуре и даже эпохе. По-видимому, как и фигурные молоты, булав появляются в неолите и продолжают бытовать до бронзового века. Для сверления булав использо-

вались в основном костяные полые сверла. Одностороннее сверление полой костью зафиксировано в двух случаях на Махтыльском холме и на хрустальной булаве с Южного Урала. Двустороннее сверление костью отмечено на шести булавах (Гладунино-3, Сатыга XVI, Усть-Вагильский холм (2), Усть-Комыс, Шигирское озеро). Во всех случаях подгонка отверстия к цилиндрической форме не производилась. Для изготовления булав использовалось разное минеральное сырье. К относительно мягким породам можно отнести сланец, серпентинит и бурый железняк (твердость от 3 до 5,5 ед.). Твердые породы представлены гранитами, кварцитопесчаником и горным хрусталем (твердость в пределах 6,5–7 ед.).

Таковыми же навершиями булав или жезлов можно считать и крупные сверленные диски, которые иногда украшались гравировками.

Уникальный диск с гравировками обнаружен в окрестностях г. Нижнего Тагила у пос. Антоновский (Свердловская обл.) (рис. 3: 1) (Сериков, 2014, с. 87–88). Изделие имеет овальную форму, диаметр длинной оси 14 см, короткой – 11,8 см. Толщина диска 1,5 см. Изготовлен он из мягкой хлоритовой породы. Все поверхности – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы. Диск богато украшен геометрическим орнаментом. На лицевой стороне диска выгравированы два антропоморфных фантастических существа. В центре изделия имеется круглое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. Оно образовано путем двустороннего пикетирования. Затем внутренние стенки отверстия были выровнены продольной шлифовкой. Поскольку гравировки на

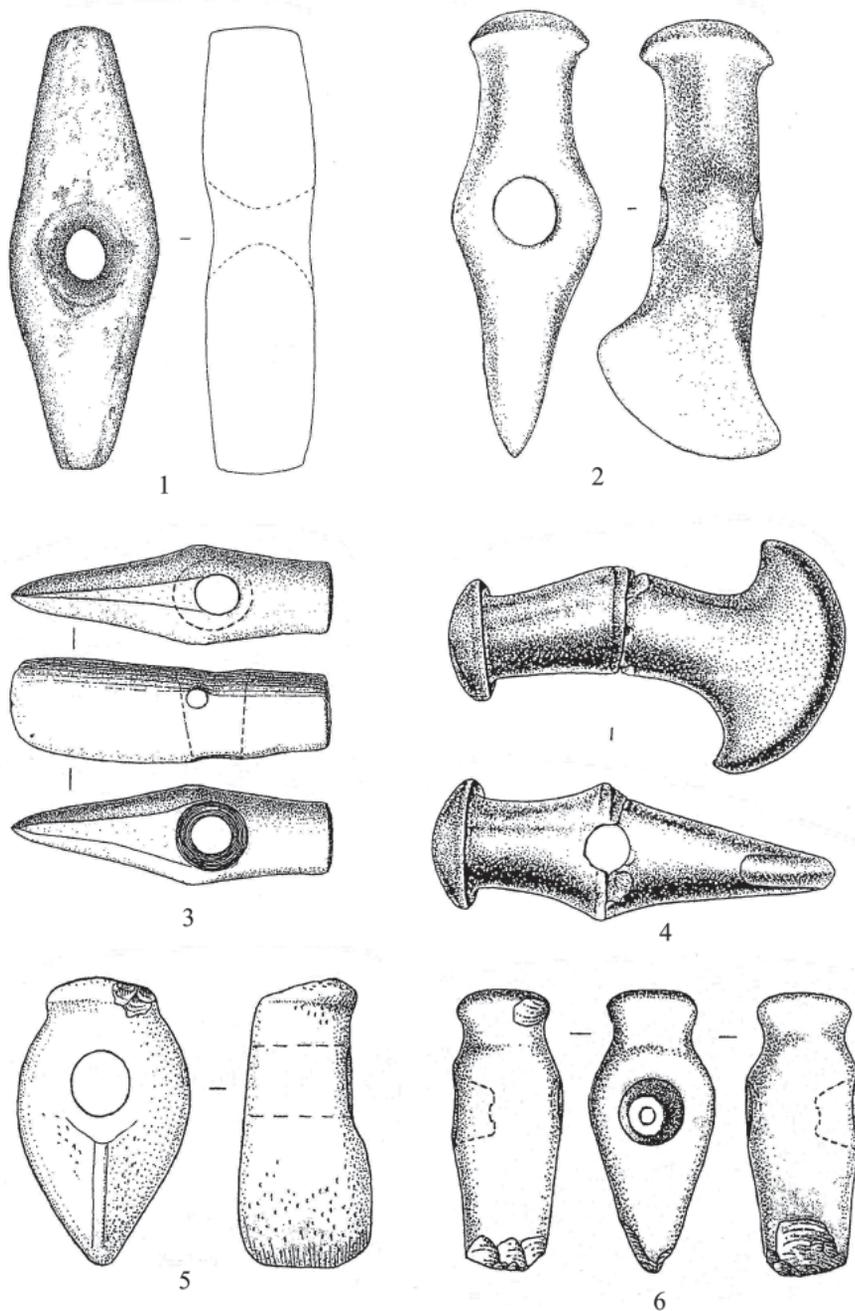

Рис. 4. Сверленные изделия из камня: 1 – Мурзинка; 2 – Коркино I; 3 – Кушнаренковский р-н Башкортостана; 4 – Мирный; 5 – река Белая; 6 – с. Кувыково; 2, 4 – по: Ченченкова, 2004; 3 – по: Котов, Кадыров, 2011; 5 – по: Котов, Курмаев, 2011; 6 – по: Котов, Кузьминых, 2011.

Fig. 4. Drilled stone articles: 1 – Murzinka, 2 – Korkino I, 3 – Kushnarenkovsky district of Bashkortostan, 4 – Mirny, 5 – the Belaya river, 6 – Kuvyково village, 2, 4 – after: Ченченкова, 2004; 3 – after: Котов, Кадыров, 2011; 5 – after: Котов, Курмаев, 2011; 6 – after: Котов, Кузьминых, 2011.

диске выполнены каменными и металлическими орудиями продатировать изделие можно эпохой энеолита. Учитывая количество насечек на гранях диска, можно предположить, что он являлся своеобразным календарем и служил для фиксации и определения определенных астрономических явлений.

Таким же календарем, по-видимому, являлся и диск из камня серо-розового цвета диаметром 22,5 см из числа случайных находок на территории Башкортостана (рис. 3: 2). В центре диска толщиной 3,6 см встречным сверлением проделано отверстие диаметром 3 см. На обеих сторонах диска присутствует орнамент в виде елочек и зигзага (Федоров, 2011, с. 136).

Еще два гравированных диска происходят с озерных памятников Среднего Зауралья. Один из них найден на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбурга), имеет овальную форму размером 12×9,5×1,8 см. С обеих сторон диск покрыт сложным геометрическим орнаментом (рис. 5: 3) (Сериков, 2014, с. 95). В центре диска просверлено отверстие. Внешний диаметр у него доходит до 3,2 см, внутренний – до 2,4 см. Сверление производилось каменным сверлом с двух сторон. Изготовлен диск из мягкой породы типа туффита.

Второй диск с гравировкой найден на поселении Шайдуриха 33 (Аятское озеро, Свердловская обл.) (рис. 3: 3). Изготовлен он из зеленовато-серой хлоритовой породы. Диск имеет овальную форму размером 15,6×12,7×3,5 см. Обе поверхности диска орнаментированы редкими прочерченными линиями. С двух сторон в

центре диска техникой пикетажа пробито овальное отверстие. Отверстие имеет неправильную овальную форму размером 2,7×2,4 см. Стенки отверстия были выровнены шлифовкой (Савченко, Жилин, 2016, с. 138–139).

Небольшой диск с гравировкой найден в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I (окрестности г. Екатеринбурга) (рис. 5: 1). Он имеет неправильную округлую форму диаметром 6–6,4 см и толщиной до 1,4 см. На одной из плоскостей выгравированы три ромбических фигуры. В центре диска находится отверстие диаметром 1,5 см (Чаиркина, 2005, с. 252). Характер сверлины показывает, что диск сверлили полую костью со стороны гравированных изображений. Сравнение двух дисков с Антоновска и Шувакиша показало, что изготовлены они из идентичного материала.

Большая часть отверстий на дисках изготовлена методом встречного сверления. Применялись как костяные, так и каменные сверла. Этому способствовали небольшая толщина дисков (от 1,5 до 3,5 см) и мягкое минеральное сырье, из которого они изготовлены. Отверстия в самых крупных дисках пробивались пикетированием.

Уникальное изделие – каменный сверленный молоток – найдено в дер. Мурзинка (Свердловская обл.) (рис. 4: 1). Его длина 16,4 см, ширина в средней части 5,8 см, толщина 3,9 см. В центре молотка методом встречного сверления проделано отверстие. Диаметр входного отверстия 3,7 см, диаметр в месте состыковки сверлин – 1,3 см. Отверстие просверлено костяным полым сверлом, в месте сверления хорошо прослеживаются линейные следы в виде концентрических кругов. Изготовлено

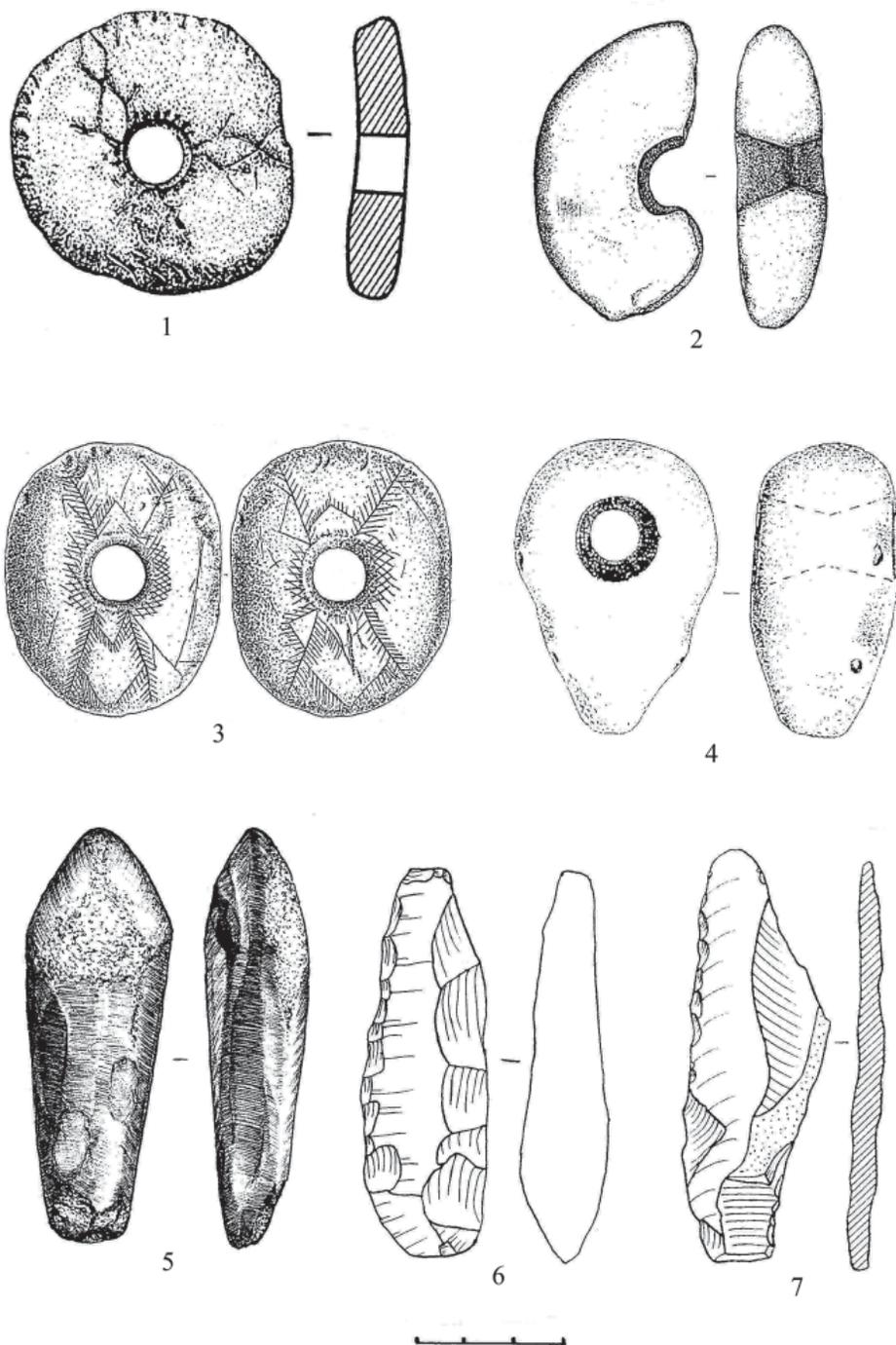

Рис. 5. Сверленные изделия из камня (1–4) и каменные сверла (5–7): 1 – Шувакиш I; 2 – Шигирский торфяник; 3 – Палатки II; 4 – река Белая; 5 – Кокшаровский холм; 6 – Усть-Вагильский холм; 7 – Полуденка I.

Fig. 5. Drilled stone articles (1–4) and stone drills (5–7): 1 – Shuvakish I, 2 – Shigir peat swamp, 3 – Palatki II, 4 – the Belaya river, 5 – Koksharovsky hill, 6 – Ust-Vagilsky hill; 7 – Poludenka I.

изделие из плотной породы типа диорита. Аналогий данному орудию неизвестно (Сериков, 2015, с. 499).

Также единичным изделием представлена просверленная каменная кирка, обнаруженная на поселении Калмацкий Брод (Свердловская обл.). Длина кирки составляет 27,5 см, ширина в средней расширенной части – 7 см, толщина – 5,6 см. В средней части кирки встречным сверлением проделано отверстие. Диаметр сверлин по краям отверстия 3,8 и 3,5 см, диаметр в центре – 2 см (Дмитриев, 1934, с. 16–17).

Интересны находки фигурных топоров в Челябинской обл. На поселении бронзового века Коркино I найден сверленный топор-молот с секирообразным лезвием (рис. 4: 4). Длина изделия 18 см. Цилиндрическое отверстие диаметром 2 см проделано через расширенную часть топора (Ченченкова, 2004, с. 246–247). Еще один топор-молот находился в погребении бронзового века у пос. Мирный (рис. 4: 2). Он имеет длину 16,5 см, ширину в месте сверления 5,7 см. Диаметр отверстия вверху 2,3–2,5 см, внизу – 2,7 см (Ченченкова, 2004, с. 250–251). Оба топора-молота просверлены поллой костью.

Оригинальным изделием является каменный топор из Башкортостана (рис. 4: 3). Изготовлен он из черного диабаз с красными и белыми прожилками. Его размер – 16,4×5,1×5,2 см. Отверстие имеет коническую форму, его диаметр в нижней части изделия 3,5 см, в верхней – 2,5 см (Сериков, 2015, с. 501).

Таким образом, изготовление отверстий большого диаметра происходило разными способами. Для их получения использовались полые

сверла. На территории Урала это были диафизы трубчатых костей копытных и других животных. Дистальный конец большой берцовой кости лося, как и плюсна лошади, имели круглое сечение диаметром до 3,5 см. Отверстия меньшего диаметра могли получать при помощи трубчатых костей более мелких животных (волка, лисы и др.). Точное совмещение сверлин при встречном сверлении позволяет предполагать наличие у древних мастеров простейших измерительных инструментов. Сверление производилось буром вручную. Иногда применялись утяжелители. Практически все фигурные молоты и топоры-молоты сверлились с двух сторон. Причем сверление начиналось с нижней стороны изделия. Сверлины имели слабо выраженный конический профиль. Отход от цилиндрического профиля объясняется истиранием боковых стенок сверла-бура. Поясок-утолщение в месте соединения сверлин убирался при помощи развертки или абразива. Если изделие сверлилось с одной стороны, то диаметр входного отверстия всегда превышал диаметр выходного. Эксперименты с полым сверлением в Ангарской экспедиции С.А. Семёнова показали большую трудоемкость этого способа. На изготовление отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы было затрачено 10 часов работы (Семёнов, 1968, с. 62–65).

Эксперименты под руководством автора по сверлению поллой костью позволили уточнить некоторые наблюдения С.А. Семёнова. Проведенные эксперименты показали необходимость фиксации сверла на каменной заготовке. Прежде всего, она необходима при сверлении твердых ми-

нералов. В начальной стадии сверления сверло бура начинает елозить по ровной поверхности. И происходит это до тех пор, пока сверло не сможет зафиксироваться в полученном углублении. В результате входное отверстие получается «разъезженным», его диаметр заметно превышает рабочий диаметр сверла. Такая разъезженность входного отверстия хорошо фиксируется на многих сверленных изделиях (булавах со дна Шигирского озера, Усть-Вагильского холма, р. Белой, Палатках II, Сатыги XVI, кирке с Калмацкого брода, молотке из Мурзинки, на некоторых топорах Башкортостана). Данная деталь позволяет легко определять, чем производилось сверление (камнем или костью) даже по качественным фотографиям и рисункам просверленных изделий. Рабочая поверхность каменного сверла во много раз меньше поверхности костяного. Поэтому для фиксации каменного сверла достаточно было предварительно сделать любым заостренным отщепом небольшое углубление.

Экспериментальным путем удалось выяснить, что производительность сверления заметно увеличивается, если на режущей кромке сверла сделать несколько (в наших опытах от 8 до 20) надрезов глубиной 2–4 мм. Их наличие существенно увеличивает скорость углубления сверла в обрабатываемый материал. Происходит это за счет увеличения количества абразива, соприкасающегося с обрабатываемым материалом. Однако при этом сверло начинает быстро изнашиваться, и надрезы необходимо было постоянно подновлять.

У некоторых просверленных изделий профиль сверлины имеет хорошо выраженный биконический характер.

Создается впечатление, что отверстие с таким профилем могло быть получено с использованием каменного сверла. Однако в результате экспериментов выяснилось, что боковые стенки костяных сверл сильно стачиваются. При встречном сверлении это приводит к образованию биконической сверлины, у которой входной диаметр заметно превышает диаметр отверстия в месте соединения сверлин.

В этом плане большой интерес представляет топор с недосверленным отверстием из числа случайных находок в Башкортостане (рис. 4: 6). Он изготовлен из серо-желтого кварцита, твердость которого достигает 7 ед. по шкале Мооса. Длина топора 12 см, ширина 5,5 см, толщина 5 см. На одной из сторон присутствует глухое отверстие диаметром 2,8 см во входной части и 1,8 см в конечной части сверлины. Топор был просверлен на глубину 1,9 см, но по какой-то причине отверстие не было завершено. Сверление производилось полый костью: на дне сверлины сохранилась часть высверлины (Котов, Кузьминых, 2011, с. 145–146). Таким образом, при сверлении костью твердого минерала на глубину 1,9 см диаметр сверла уменьшился на 1 см. Причем не факт, что сверление производилось одним сверлом, а не несколькими сменными.

В наших экспериментах плитку мрамора (твердость 3,5–5 по шкале Мооса) толщиной 1,75 см удалось просверлить за 3 часа 29 минут. Сверление производилось двумя сверлами диаметром 2,5 см. Отверстие получилось биконическим, диаметр на одной стороне плитки составил 2,8 см, на противоположной – 2,9 см. Диаметр в месте соединения сверлин равнялся 2,3 см. В результате сверления обра-

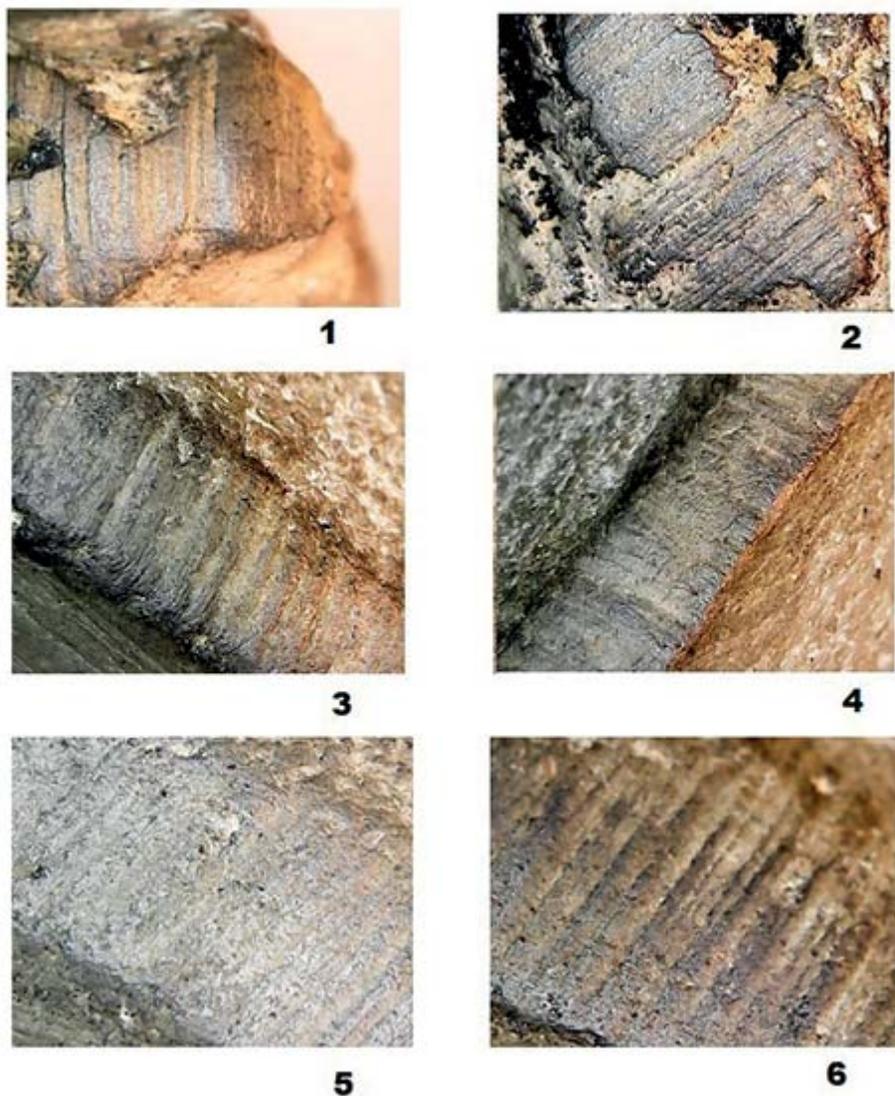

Рис. 6. Микрофотографии рабочих поверхностей сверл-проверток:
1–2 – Усть-Вагильский холм; 3–6 – Кокшаровский холм. Увеличение $\times 5$.
Fig. 6. Microphotographs of working surfaces of piercing drills: 1–2 – Ust-Vagilsky hill,
3–6 – Koksharovskiy hill, $5\times$ fold magnification.

зовалась высверлина длиной 1,7 см и диаметром 1,3 см (Канаука, 2017, с. 127–131).

Таким образом, проведенные эксперименты показали, что древний человек мог проделывать отверстия большого диаметра в мягких породах с минимальными затратами труда.

Больших трудозатрат требовали изделия из твердых пород камня. Также выяснилось, что при сверлении кость стачивается быстро, поэтому для изготовления цилиндрического отверстия необходимо заготавливать несколько сверл одинакового диаметра. Удивляет отсутствие на территории Урала

высверлин, которые получались при сверлении полым сверлом.

Каменные сверла большого диаметра на Урале встречаются очень редко. Автором они выявлены пока только на четырех памятниках. В качестве сверла использовался обломок массивного тщательно обработанного наконечника дротика из зеленоватого алевротуфа с памятника Шайтанское озеро II. Длина сохранившейся части дротика 9,7 см, ширина 2,1 см. На неолитическом поселении Полуденка I найдено сверло диаметром 1,2 см. Оттуда же происходит и развертка из плитки сланца длиной 10 см и диаметром до 2,2 см (рис. 5: 7) (Сериков, 1975, с. 160). Четыре сверла большого диаметра выявлены на Усть-Вагильском холме. Одним сверлом служила заготовка наконечника длиной 4,4 см. Она обработана двусторонним ретушированием. Диаметр сверла – до 1,5 см, глубина проникновения в обрабатываемый материал 1 см. Второе сверло также выполнено в виде наконечника стрелы длиной 7,7 см и толщиной до 1,4 см. Его диаметр 0,9 см, глубина проникновения в обрабатываемый материал 0,9 см. Оба сверла изготовлены из качественного кремнистого сланца.

Наибольший интерес представляют два массивных сверла. Одно из них изготовлено из светло-серого сланца, частично оббито по периметру. Оно имеет длину 7,9 см, ширину до 2,9 см и толщину до 1,8 см (рис. 5: 6). Диаметр сверла колеблется от 1,2 см на рабочем конце до 2,5 см в расширенной части. Сверло проникало в обрабатываемый материал на 3,5 см. На выступающих участках боковых граней даже невооруженным глазом хорошо просматриваются четкие, идущие

по кругу линейные следы (рис. 6: 1–2). Подобное сверло-развертка есть в коллекции Свердловского краеведческого музея. Оно представляет собой грубо оббитое до уровня заготовки наконечника массивное острие длиной 7,3 см, шириной – 2,8 см и толщиной – 2,5 см. Изготовлено из гальки светло-серой породы. На выступающих трех гранях острия (на стертых участках) присутствуют линейные следы от работы в качестве сверла-развертки. Диаметр сверла – до 2,9 см, глубина проникновения в обрабатываемый материал – 2,8 см. Сверла такого диаметра подходят для сверления булав.

Самое необычное сверло, а точнее – развертка, выявлено на Кокшаровском холме (рис. 5: 5). Оно представляет шлифованное изделие из зеленоватого алевролита. Его длина 8,3 см, максимальная ширина 3 см, толщина 2 см. Орудие имеет биконическую форму. Высота верхнего заостренного конуса 2,2 см. По его бокам расположены две фаски, на которых на протяжении 2 и 2,2 см фиксируются линейные следы (рис. 6: 3–4). На заостренном кончике конуса линейные следы отсутствуют. Это значит, что орудие применялось для рассверливания уже готовых отверстий. Противоположный конец изделия имеет форму сильно вытянутого конуса. Он также служил разверткой. На противоположных сторонах орудия отшлифованы две плоские фаски, которые служили ребрами сверла и помогли производить сверление. Линейные следы сверления начинаются в 2,5 см от кончика сверла (рис. 6: 5–6). Диаметр сверла в этом месте 2,2 см. Выше следы фиксируются еще на протяжении 4,1 см. Максимальный диаметр сверла в этой части составля-

ет 3 см. Линейные следы идут на выступающих участках прерывисто по кругу параллельно друг другу (рис. 6: 5–6) (Сериков, 1975, с. 162). Именно этой разверткой могли обработать отверстие на фигурном молоте в виде головы бобра, найденном на этом памятнике.

Обращает на себя внимание малочисленность изделий с отверстиями большого диаметра. Функционально все изделия этой группы условно можно отнести к навершиям – все они насаживались на рукояти и являлись статусными предметами. Практически все рассмотренные выше изделия строго индивидуальны в

исполнении (за исключением дисков без орнамента). Определенная часть этих наверший изготовлена из твердых пород камня при помощи затратных технологий (пикетажа и сверления). По всей видимости, трудоемкость в изготовлении подобных предметов являлась одним из условий повышения их статусного уровня. Некоторые изделия выполнены из редких и эффектных видов минерального сырья. Все это позволяет данную группу изделий отнести к предметам престижных технологий, главной задачей которых является демонстрация престижа, статуса, богатства и власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев П.А.* Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети. Свердловск, 1934. 24 с.
2. *Канаука Н.В.* Эксперименты по сверлению разных пород камня полый костью // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Материалы 20-й научной конференции. Том XX / Ред. А.М. Асхабов, Т.П. Майорова и др. Сыктывкар: Геопринт, 2017. С. 127–131.
3. *Котов В.Г., Кузьминых С.В.* Случайные находки орудий бронзового и раннего железного веков с территории Башкортостана // Наследие веков. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 143–148.
4. *Савченко С.Н., Жилин М.Г.* Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье) // РА. 2016. № 3. С. 136–151.
5. *Сатыга XVI:* сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 183 с.
6. *Семенов В.А., Несанелене В.Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 169 с.
7. *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
8. *Сериков Ю.Б.* Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимица. М.: Наука, 1975. С. 158–163.
9. *Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.
10. *Сериков Ю.Б.* Об одном из признаков статусных изделий // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 492–504.

11. Федоров В.К. Случайные находки из фондов Октябрьского историко-краеведческого музея им. А.П. Шокурова // «Наследие веков». Выпуск 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 135–137.

12. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

13. Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 366 с.

14. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 24 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 165–191.

15. Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.

16. Юшкин Н.П. Кварцевые шары в материальной культуре человека // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара / Отв. ред. Н.П. Юшкин. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 74–77.

Информация об авторе:

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета). (Нижний Тагил, Россия); u.b.serikov@mail.ru

ON THE TECHNIQUE OF MAKING APERTURES WITH LARGE DIAMETERS IN STONE ARTICLES OF THE NEOLITHIC AND BRONZE AGE OF THE URALS

Yu.B. Serikov

The paper considers the technique of making apertures with a large diameter of not less than 1.5 cm at the example of stone articles of the Neolithic and Bronze Age discovered in the Urals. It is a group of non-practical implements: figured hammers, maces, ornamented disks, as well as battle and working axes-hammers, a drill hammer and a pickaxe. The apertures were made using various techniques. The length of apertures in figured hammers was up to 10 cm. Hollow drills were used for their manufacture. Almost all the figured hammers and axes-hammers were drilled from two sides. Drilling started from the underside of the article. Maces were generally drilled with the use of hollow bone drills. Drilling was more frequently carried out from two sides, whereas the apertures were not adjusted to cylindrical shape. Most of the discs are drilled using the counter-drilling method. Both bone and stone drills were applied. This was facilitated by the small thickness of the discs and the soft mineral raw materials. In certain discs, the apertures were made with the use of the picketage technique. Precise alignment of the apertures during counter-drilling suggests the availability of simple measuring instruments at the disposal of the ancient masters. Experimental studies revealed details allowing to determine the drilling method and drill material (stone or bone). This was facilitated by the conducted trace evidence analysis of stone drills with a large diameter. The complexity of the manufacture of articles featuring apertures with a large diameter clearly indicates the high social status of their owners.

Keywords: archaeology, the Urals, Neolithic, Bronze Age, figured hammers, maces, ornamented disks, axes, drilling, large diameter apertures.

REFERENCES

1. Dmitriev, P. A. 1934. *Raskopki stoianki "Kalmatskii Brod" na r. Iseti (Excavations at Kalmatskiy Brod Site on the Iset River)*. Sverdlovsk (in Russian).
2. Kanauka, N. V. 2017. In Askhabov, A. M., Majorova, T. P. et al. (eds.). *Geologo-arkheologicheskie issledovaniia v Timano-Severoural'skom regione (Geological and Archaeological Studies in the Timan-Northern Ural Region)* 20. Syktyvkar: "Geoprint" Publ., 127–131 (in Russian).
3. Kotov V. G., Kuz'minykh S. V. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 143–148 (in Russian).
4. Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2016. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 136–151 (in Russian).
5. In Trufanov A. Ya. (ed.). 2011. *Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Satyga 16: Seimino-Turbino burial mound in the Forest Region of Western Siberia)* Ekaterinburg: "Ural'skii rabochii" Publ. (in Russian).
6. Semenov, V. A., Nesanelene, V. N. 1997. *Evropeiskii Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkar'skogo universiteta) (European Northeast in the Bronze Age (on the Basis of Excavations Materials from the Syktyvkar University))*. Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).
7. Semenov, S. A. 1968. *Razvitie tekhniki v kamennom veke (Technical Development in the Stone Age)* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Serikov, Yu. B. 1975. In Kozhin, P. M., Kol'tsov, L. V. et al. (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the Ancient History of Eurasia)* M.: "Nauka" Publ. 158–163 (in Russian).
9. Serikov, Yu. B. 2014. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala (Essays on the Primeval Art of the Urals)* Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).
10. Serikov, Yu. B. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 492–504 (in Russian).
11. Fedorov, V. K. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 135–137 (in Russian).
12. Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (The Eneolithic of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
13. Chenchenkova, O. P. 2004. *Kamennaia skul'ptura lesostepnoi Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n.e. (Stone Sculpture of Forest-Steppe Asia in the Paleometal Period in the 3rd–1st centuries B.C.)*. Ekaterinburg: "Tezis" Publ. (in Russian).
14. Shilov, S. N., Masliuzhenko, D. N. 2002. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 24. Ekaterinburg: Ural State University, 165–191 (in Russian).
15. Shirokov, V. N., Kosintsev, P. A., Volkov, R. B. 1996. In Grigor'ev, S. A. *Novoe v arkheologii Iuzhnogo Urala (New Trends in the Archaeology of the Southern Urals)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 3–17 (in Russian).
16. Yushkin, N. P. 2005. In Yushkin, N. P. (ed.). *Arkheomineralogiia i ranniia istoriia mineralogii: materialy Mezhdunarodnogo seminara (Syktyvkar, 30 maia – 4 iunია 2005 g.) (Archaeomineralogy and Early History of Mineralogy: Materials of International Seminar (Syktyvkar, May 30 – June 4))*. Syktyvkar: "Geoprint" Publ., 74–77 (in Russian).

About the Author:

Serikov Yuri B. Doctor of Historical sciences, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Institute (branch of Russian State Professional-Pedagogical University. Krasnogvardeyskaya str., 57, Nizhny Tagil, 622031, Sverdlovsk region, Russian Federation; u.b.serikov@mail.ru.

Статья поступила в номер 15.02.2018 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.74.90>

СИНТАШТА КАК ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2018 г. Н.Б. Виноградов

Статья посвящена обоснованию понимания памятников синташтинского типа рубежа среднего и позднего бронзового века в Южном Зауралье как транскультурного феномена, формирование и функционирование которого было связано с кланами горняков-металлургов-литейщиков-кузнецов культур Южного Урала рассматриваемого периода. По мнению автора, разнообразие керамических комплексов синташтинских могильников указывает на переосмысление нескольких культурных традиций и на своеобразный характер семейно-брачных отношений в кланах-общинах синташтинского типа.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, бронзовый век, памятники синташтинского типа, древняя металлургия и металлообработка, транскультурный феномен.

К настоящему времени в Южном Зауралье и прилегающих районах Северного Казахстана известно не менее 23 синташтинских укрепленных поселений (Виноградов, 2011, с. 26). Предположение в приуроченности синташтинских укрепленных поселений в Южном Зауралье к месторождениям медьсодержащих минералов было высказано еще четверть века назад (Виноградов, 1995, с. 25). Для исследователей постепенно стало очевидным их тяготение к территории богатого месторождениями медьсодержащих минералов Зауральского пенеблена, от широты р. Уй на севере (укрепленное поселение Степное) до северо-восточных пределов Оренбуржья (укрепленное поселение Аландское). Именно здесь в последние годы были обнаружены несколько рудников с бесспорными свидетельствами их эксплуатации в бронзовом веке (Зайков, Юминов, Анкушев и др., 2013, с. 176–177).

Традиция приуроченности поселений кланов горняков-металлур-

гов-литейщиков к зонам медной минерализации присутствует в Южном Зауралье как на протяжении эпохи палеометаллов, так и в раннем железном веке. Для позднего бронзового века Южного Урала относительно недавно стали известны поселения и целые микрорайоны поселений, специализированные на переработке руд в металл и расположенные рядом с месторождениями медьсодержащих минералов (Ткачев, 2011; Куприянова Е.В., 2016; Ткачев, 2017, с. 110–111). В раннем железном веке модель специализированной на металлопроизводстве общины вновь возрождается в рамках истории иткульской культуры горнолесной части Урала (VII–III в. до н. э.). И вновь мы видим укрепленные поселения (городища), за стенами которых трудятся специализированные на производстве металла коллективы. Их локализация также была связана с расположенными в непосредственной близости месторождениями медьсодержащих минералов (Бельтикова, 1993,

с. 93–106; Кузьминых, Дегтярева, 2017, с. 32).

Стационарное исследование синташтинских укрепленных поселений и могильников предоставило в распоряжение археологов значительное количество разнообразных свидетельств ведущей наряду со скотоводством роли металлопроизводства в хозяйственно-экономической жизни синташтинских общин (кланов) (Виноградов, 2005, с. 5–15; Виноградов, 2011, с. 83–90; Епимахов, Берсенева, 2016, с. 3–9). Это руины теплотехнических сооружений для плавления руды и вторичного переплава, куски медьсодержащих минералов, обломки железной «шляпы» и образцы глин, перекрывавших месторождения, металлургические шлаки, разнообразные заготовки и законченные изделия.

Таксономическая атрибуция памятников синташтинского типа не страдает единодушием. Часть авторов наделяют их статусом культуры (Зданович, 1989, с. 179; Зданович, Зданович, 1995, с. 48; Епимахов, Берсенева, 2016). Другие видят в них лишь особый тип памятников, население которых специализировалось помимо скотоводства на металлопроизводстве (Виноградов, 1995, с. 25; Anthony, 2007, p. 391)

Попытки ученых отыскать в этнографической ретроспективе или в современном мире некие аналоги не имели успеха (Черных, 2007, с. 133–173). Ответ на вопрос: «Почему именно в Южном Зауралье с завидным постоянством в древности возникали специализированные на металлопроизводстве общества?» – необходимо искать в счастливом соединении в пределах одной сравнительно небольшой по площади территории ме-

сторождений медьсодержащих минералов, технологий извлечения из них металла, достаточно высокого уровня готовности общества для овладения опытным знанием металлопроизводства, создания определенной номенклатуры конечной продукции. К перечисленным факторам должно причислить и благоприятную ситуацию в межкультурных отношениях, наличие выраженного спроса на продукты металлопроизводства, производимые этими специализированными общинами. Исследователи утверждают о наличии всех этих факторов для времени бытования синташтинских памятников.

Пока не доказано, что синташтинские укрепленные поселения функционировали строго в одно и то же время даже в пределах единой хронологической ниши (XXI–XIX в. до н. э.) и тем более образовывали некие одновременно существовавшие «территориальные округа» (Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 55).

Полная заселенность синташтинских укрепленных поселений, скорее всего, была сезонной (Ткачев, 2007, с. 136; Виноградов, 2011, с. 85) и зависела от возможности ведения работ по добыче руды и переработке ее в металл. И в позднем бронзовом веке Южного Урала и прилегающих районах Мугоджар сезонность функционирования специализированных на металлопроизводстве поселений сохранялась (Ткачев, 2017, с. 111).

* * *

В перечне инноваций, которые связываются учеными с населением синташтинских укрепленных поселений находим:

– разделение синташтинской территории на две подзоны – внутрен-

нию с укрепленными поселениями и могильниками рядом – и внешнюю с одиночными курганами или даже единичными погребениями (например, под Царевым курганом на Тоболе) (Сальников, 1967, с. 33, 84, рис. 13, 9);

– традиция использования практически исключительно укрепленных поселений;

– нелогичное, с точки зрения практики фортификации, расположение в рельефе самих укрепленных поселений;

– геометризованная модель пространства для жизни, включая архитектурный стиль как следствие владения некоей, необходимой, прежде всего, для процессов, связанных с металлопроизводством, системой абсолютных величин – мер длины, веса и объема и приемов обращения с ними; высокий уровень и особенности организации металлопроизводства;

– высокий уровень и особенности организации металлопроизводства;

– оригинальная гончарная технологическая традиция, предполагавшая использование в качестве формоснов старых сосудов необходимого объема;

– многочисленные разнотипные жертвенные комплексы, как на поселенческих, так и особенно на погребальных памятниках;

– оригинальная концепция погребальных памятников и особенности их функционирования;

– сложная и разнообразная погребальная обрядность.

При этом остается лишь посетовать на то, что за небольшим исключением синташтинские памятники в последние десятилетия XX века исследовались без широкого применения всего спектра современ-

ных естественнонаучных методов. Автор убежден, что количество инноваций при этом подходе было бы большим.

Примечательно то, что этот достаточно сложно организованный мир, насыщенный «высокими технологиями» того времени, сконцентрированный за стенами укрепленных поселений, на рубеже III–II тыс. до н. э. соседствовал с традиционным хозяйством и бытом конца каменного века местных квазиэнеолитических культур.

Автор уже обращался к проблеме обоснования некорректности сравнения памятников синташтинского типа и пастушеских алакульских культур Южного Зауралья и Казахстана (Виноградов, 2017). В укрепленных поселениях синташтинского типа еще около четверти века назад было предложено видеть места сезонного обитания общин (кланов), хозяйство которых в значительной степени было основано помимо пастушеского придомного скотоводства на добыче меди из руд и разнообразной переработке металла (Виноградов, 1995).

Модель функционирования общин (кланов), обитавших в укрепленных поселениях синташтинского типа, изученная преимущественно на археологическом уровне, далека от подобных моделей жизни, созданных для носителей «стандартных» пастушеских скотоводческих культур бронзового века степей Евразии.

Процесс оформления, внутренняя структура, система функционирования кланов горняков – металлургов – кузнецов – литейщиков, к которым автор относит синташтинские общины с их тотальной «вписанностью» в практику специальной магии, своеобраз-

ной, судя по данным этнографии, системой семейно-брачных отношений, разительно отличаются от параметров «стандартных» пастушеских обществ (к примеру, культур алакульской культурно-исторической общности Южного Урала и Северного Казахстана).

По мнению автора данной статьи, в отличие от пастушеских скотоводческих культур алакульской культурно-исторической общности синташтинские кланы-общины являли собой, скорее, специфический по способу формирования *транскультурный феномен с оригинальной моделью организации жизни, объединявший кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков иногда нескольких соседних археологических культур* (курсив мой. – Н.В.), в частности, абашевской культуры Южного Урала, некоей «протосрубной» культуры Южного Урала и квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана (Виноградов, 2017, с. 43).

Синташтинский феномен как сообщество кланов горняков – металлургов – кузнецов функционировал относительно самостоятельно, вне или в условиях частичной юрисдикции (?) элит упомянутых выше культур (Черных, 2007, с. 134–169).

Высказанную автором гипотезу коллеги посчитали, скорее, экстравагантным «мыслительным конструктом». К сожалению, очевидные и серийные свидетельства металлопроизводящей специализации синташтинских общин коллеги порой интерпретируют весьма аморфно и неопределенно (например, Епимахов, Берсенева, 2016). Вероятно, сдержанность выводов в подобных случаях обусловлена как относительно малой степенью изученности синташтин-

ских укрепленных поселений, так и неполнотой исследования и значительными утратами содержания синташтинских погребальных памятников, а также весьма ограниченным использованием естественнонаучных методов анализа археологических материалов.

Данная статья – одна из попыток автора более аргументированно объяснить свою позицию.

Аргументы в пользу высказанной выше гипотезы разнообразны. Первый из них предоставляют палеоантропологи. Вывод, сделанный А.А. Хохловым и Е.П. Китовым на основании исследования серий антропологических материалов, указывает на «максимальную разнородность» краниологических серий из синташтинских и петровских могильников (Китов, 2011, с. 7, 18–19; Хохлов, Китов, 2014, с. 131–142).

Для автора данной статьи это заключение – свидетельство правильности избранной интерпретации сообщества синташтинских памятников.

Синташтинские погребальные памятники предоставляют и иные аргументы в пользу высказанной гипотезы. Лишь небольшая часть синташтинских могильников может служить реальным источником увеличения наших знаний по этой проблеме. Прежде всего, из-за размеров и сохранности синташтинских некрополей.

По данным Н.А. Берсеновой (автор выражает ей искреннюю признательность за предоставленные не прошедшие публикацию данные), общее количество погребенных в исследованных синташтинских могильниках колеблется от 4-х (курган Халвай 3 в Верхнем Притоболье в Кустанайской

области Республики Казахстан) до 99 (могильник Каменный Амбар-5 – некрополь укрепленного поселения Ольгино – Каменный Амбар на р. Карагайлы-Аят в Карталинском районе Челябинской области). Относительно небольшое количество погребенных в большинстве синташтинских могильников привело А.В. Епимахова к идее селективного отбора претендентов на погребение в них (Епимахов, 2005, с. 149).

Архитектура синташтинских укрепленных поселений не дает ни малейшего повода для суждений о наличии в населявших их общинах военной элиты. Автор, напротив, считает, что синташтинские могильники отражают не социальный отбор (воинскую элиту?), а модель функционирования – частичную заселенность укрепленных поселений большую часть года. Косвенно сезонную модель функционирования синташтинских укрепленных поселений, на взгляд автора данной статьи, подтверждает именно несоответствие монументальности самих поселений и несоразмерно малых некрополей тяготеющих к ним. Предполагая, что конкретная группа погребений (погребальная площадка) могильника принадлежала большой патриархальной семье, занимавшей одно из помещений в укрепленном поселении, можно предположительно утверждать, что круглогодично в поселении жили лишь несколько семей. В таком случае именно умершие представители этих семей и захоронены на погребальных площадках могильника.

Если следовать этой логике, то количество погребенных в пределах конкретной погребальной площадки могильника зависело от длительно-

сти проживания именно этой семьи в данном укрепленном поселении. Косвенно эту гипотезу подтверждают, правда, единичные примеры резервирования места на подкурганной площадке для конкретных персон из состава общины (Епимахов, 2005, с. 146).

При этом в контексте рассматриваемой проблемы принципиален тот факт, что виды обращения с телом погребенного в некоторых синташтинских могильниках (на боку скорченно, на спине с поднятыми в коленях ногами, «пакетные» захоронения) не отличаются единообразием, это может также косвенно свидетельствовать о возможном наличии различных культурных традиций в пределах одного могильника. Однозначно это разнообразие вряд ли можно трактовать. Однако пока оставим этот аспект без комментариев.

Из исследованных синташтинских некрополей по масштабам и соответственно количеству погребенных выделяются два. Это, прежде всего, эпонимный Синташтинский могильник (81 погребенный). Здесь необходима ремарка о том, что в реальности количество погребенных в этом могильнике людей должно было быть намного больше. В известной монографии авторы раскопок указывают что, по предварительным подсчетам, только в 40 погребениях т.н. «Большого грунтового» (СМ) могильника обнаружены останки 60–65 погребенных (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 378). Другой могильник – Каменный Амбар-5 (99 погребенных).

На представительной выборке керамики из погребений указанных могильников в контексте решаемой проблемы и сосредоточим внима-

ние. Здесь будет уместно сообщить об уникальности керамического комплекса всех синташтинских памятников. О многообразии керамических традиций в пределах одного и того же синташтинского памятника археологи пытались говорить с первых лет исследования Синташтинского культурного комплекса ((Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 119; Гутков, 1994, с. 66–69; Гутков, 1995, с. 143, 146). И в наши дни исследователи считают достаточно сложной задачу типологизации синташтинской керамики именно вследствие ее разнообразия и размытости признаков (Зданович, Малютина, 2004).

Автор данной статьи в свое время попытался выполнить эту задачу и распределить то, что мы называем сейчас синташтинской керамикой, по нескольким основным типам (группа А типологии 1983 года) (Виноградов, 1983; Виноградов, Алаева, 2013, с. 153–165). В рамках изучения гончарно-технологической традиции была предпринята успешная попытка реконструкции синташтинской гончарной технологии (Виноградов, Мухина, 1985). Кроме того, был поставлен вопрос о в различной степени выраженном присутствии в керамике синташтинских могильников нескольких культурных традиций: «абашевской», «протосрубной», «квазиэнеолитической» и, наконец, петровской Северного Казахстана (Виноградов, 2011, с. 55–56). Важно то, что *черты, присущие перечисленным выше культурным составляющим, в синташтинской керамике выглядят порой переосмысленными, переработанными в ином культурном контексте*. Может быть, именно это обстоятельство и делает типологиза-

цию синташтинской керамики весьма хлопотным делом.

Изучение керамики из синташтинских могильников Южного Зауралья привело автора к парадоксальному заключению. Выяснилось, что каждый из исследованных синташтинских могильников, безусловно считаясь синташтинским по облику керамики, тем не менее, своеобразен. Свообразие это в керамике обусловлено именно *различной степенью представленности черт перечисленных выше групп*. Исследователи и ранее подмечали, например, выраженную в различных пропорциях для разных памятников, в частности «синташтинско-петровскую», смешанность материалов памятников Южного Урала и Северного Казахстана (Зданович, Малютина, 2004, с. 56), но внимание на этом факте не акцентировали и не пытались интерпретировать.

В керамике Синташтинского могильника также достаточно ярко представлены, в частности, «абашевская» (рис. 1) и т.н. «протосрубная» (рис. 2) группы.

Обратим внимание на характерный для орнаментики сосудов абашевской южноуральской культуры геометризм (рис. 1, 1), группы насечек, расположенных по шейке в шахматном порядке (рис. 1, 4), «фестоны» (рис. 1, 2).

Следует оговориться, что В.И. Стефанов и А.В. Епимахов, обсуждая керамику Синташтинского III кургана, несмотря на перечисленные ими же позиции (небольшой набор геометрических элементов орнамента, расположение орнаментальных поясов преимущественно в верхней части сосудов), предпочитают не видеть явные следы присутствия здесь «срубного мира» (Стефанов, Епима-

Рис. 1. Синташтинский могильник. Керамика с «абашевскими» чертами. 1 – Синташтинский I могильник (С I). Яма 2; 2 – Синташтинский II могильник (С II). Яма 2; 3, 5 – Синташтинский грунтовый могильник (СМ). Яма 12; 4, 6 – Синташтинский грунтовый могильник (СМ). Яма 39; 7 – Синташтинский I могильник (С I). Яма 14.
По: Генинг, Зданович, Генинг, 1992.

Fig. 1. Syntashta burial ground. Ceramic with "Abashevo" features. 1 – Syntashta I burial ground (I). Pit 2; 2 – Syntashta II burial ground (II). Pit 2; 3, 5 – Syntashta burial ground (CM). Pit 12; 4, 6 – Syntashta burial ground (CM). Pit 39; 7 – I Syntashta burial ground (I). Pit 14.
After: Генинг, Зданович, Генинг, 1992.

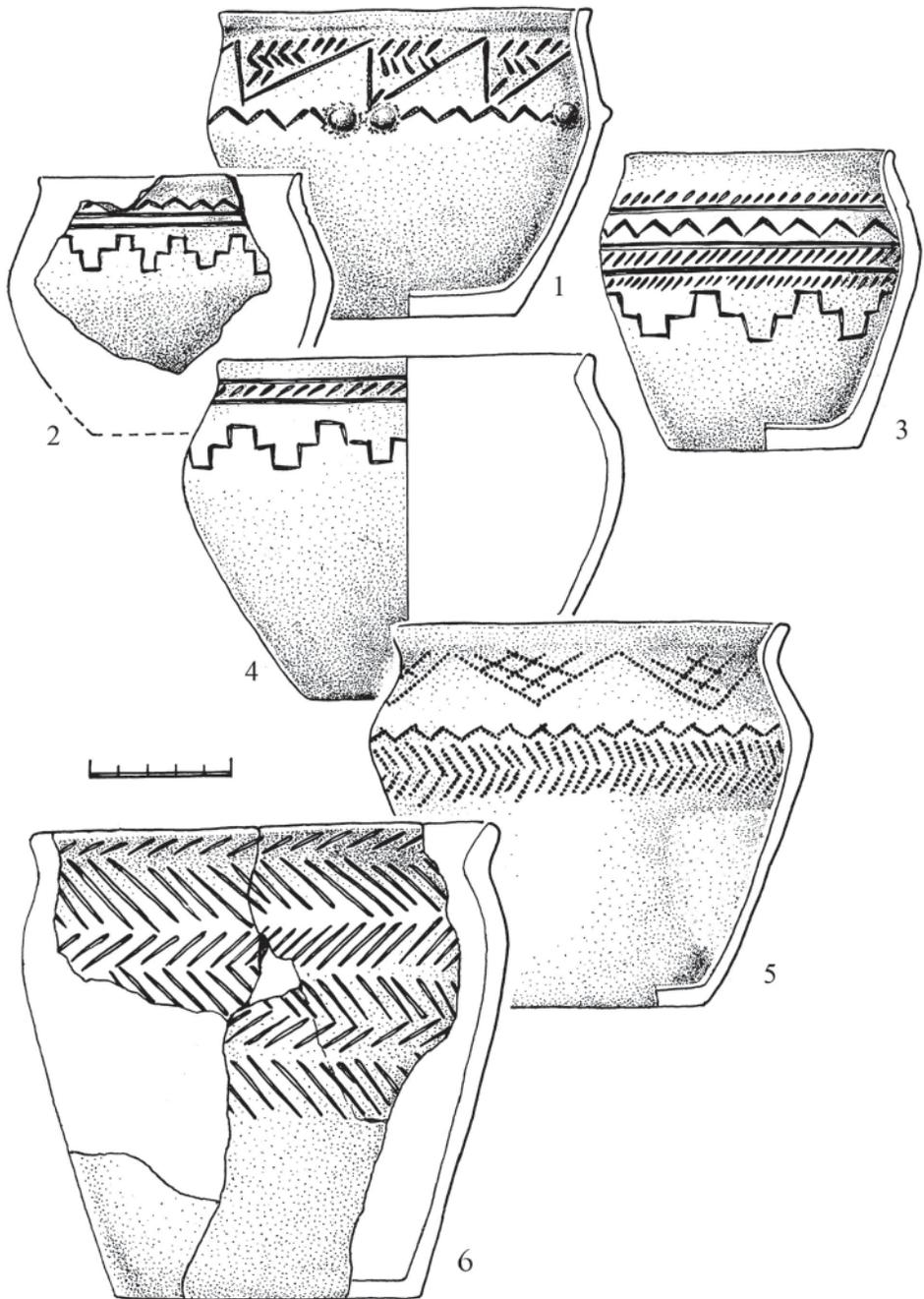

Рис. 2. Синташтинский III (Малый) курган. Керамика с «протосрубными» признаками. 1, 2 – насыпь; 3–6 – керамика из погребения. По: Стефанов, Епимахов, 2006.

Fig. 2. Syntashta III (Small) mound. Ceramic with "Proto-Srubnaya culture" features .

1, 2 – The vessels from embankment; 3–6 – ceramics from the burials.

After: Стефанов, Епимахов, 2006.

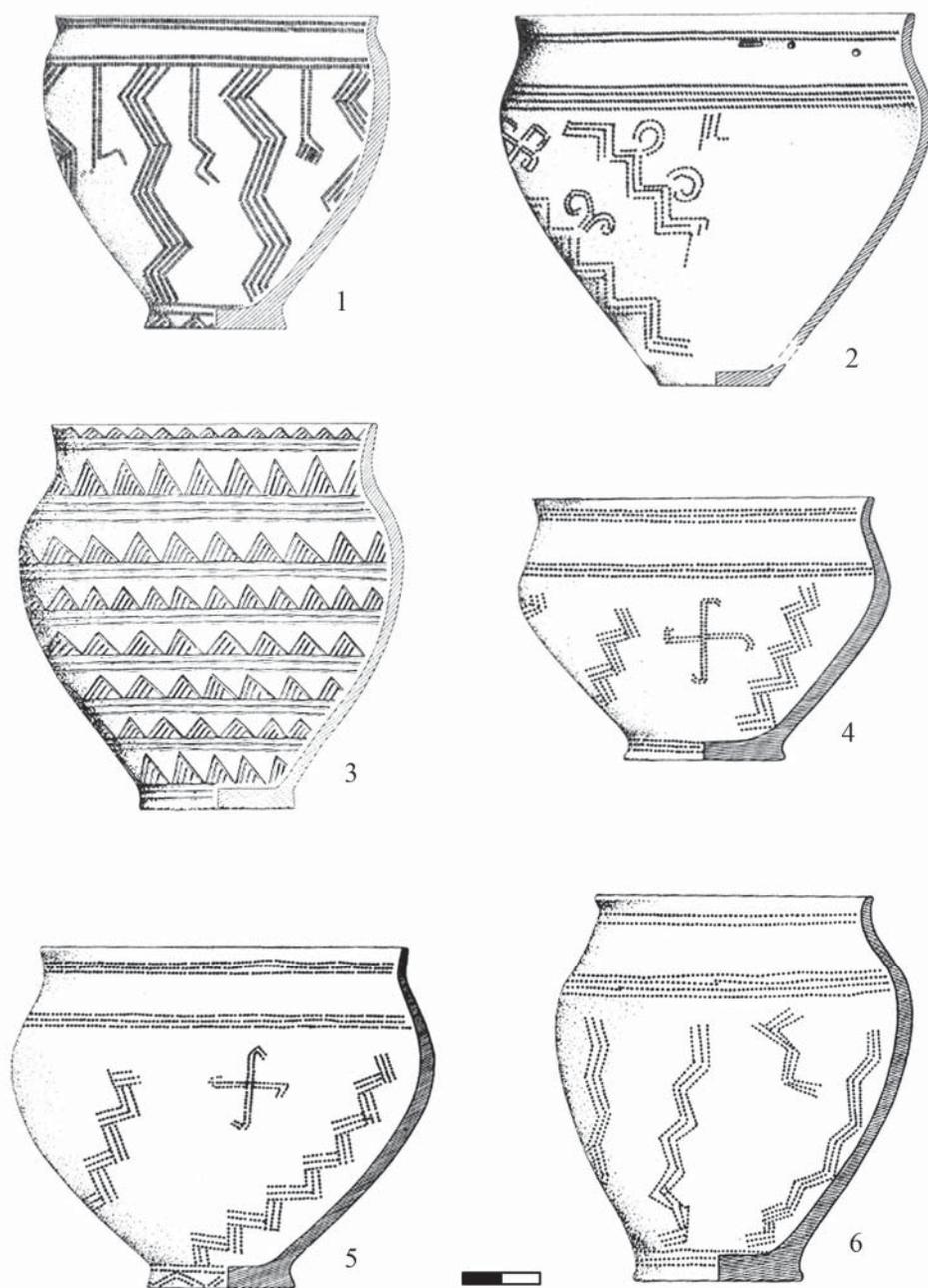

Рис. 3. Синташтинский грунтовый могильник (СМ). Керамика с «квазиэнеолитическими» орнаментальными реминисценциями. 1 – яма 32; 2 – яма 8; 3 – яма 35; 4–5 – яма 2; 6 – яма 3. По: Генинг, Зданович, Генинг, 1992.

Fig. 3. Syntashta burial ground (СМ). Ceramic with "quasieneolithic" ornamental reminiscences. 1 – Pit 32; 2 – Pit 8; 3 – Pit 35; 4–5 – Pit 2; 6 – Pit 3. After: Генинг, Зданович, Генинг, 1992.

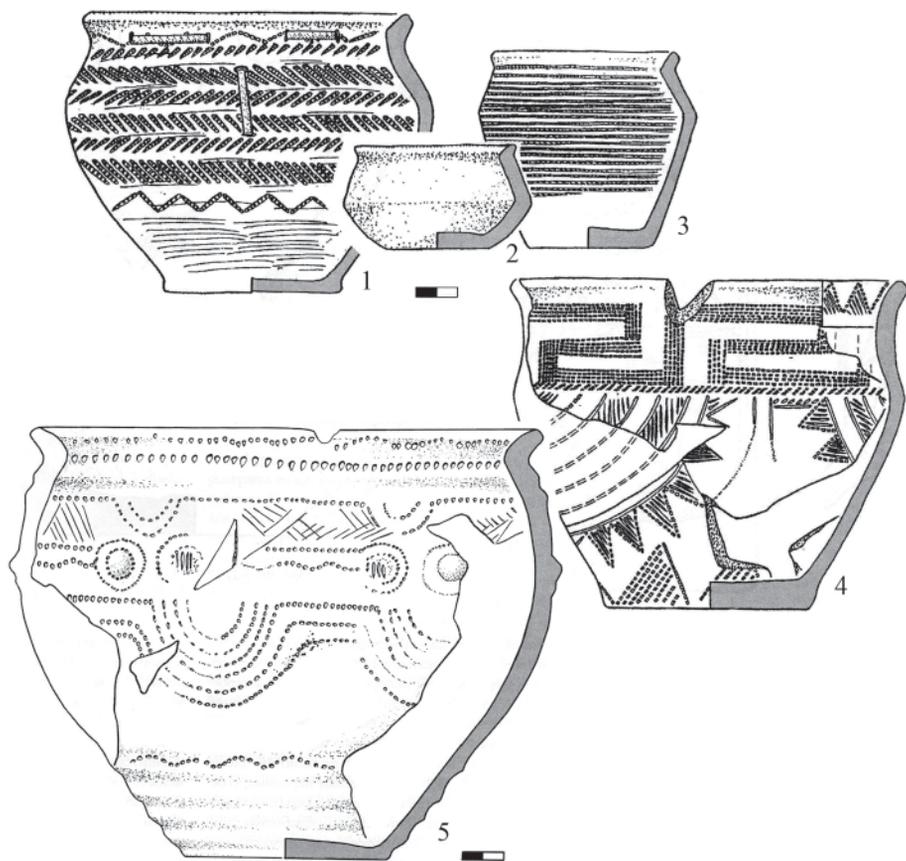

Рис. 4. Могильник Каменный Амбар-5. Керамика с «абашевскими» чертами. 1–3 – яма 15; 4 – яма 16; 5 – сосуд из кургана 3. По: Епимахов, 2002.

Fig. 4. Kamenny Ambar-5. The Burial Ground. Ceramic with "Abashevo" features. 1–3 – Pit 15; 4 – Pit 16; 5 – a vessel from mound 3. After: Епимахов, 2002.

хов, 2006, с. 269–270, рис. 4). Возможно, потому что в керамическом комплексе того же Синташтинского III кургана имеются сосуды, близкие по облику и к абашевской керамике Южного Урала. Но подчеркнем, что и первое и второе предстают здесь в некоем переосмысленном и переработанном виде.

Некоторые сосуды из раскопок этого памятника могут быть сопоставлены с керамикой энеолитических культур Южного Урала и Север-

ного Казахстана (рис. 3). Нахождение в ямах 2 и 8 «Большого грунтового могильника» (СМ) (термин – авторов раскопок) *in situ* как остросеребряных и плавно профилированных форм керамики с вертикальной организацией орнаментальных зон, авторы раскопок вполне логично объясняют тем, что в этих ямах погребены родственники «с разными этническими традициями» (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 119). Автор данной статьи солидарен с этим мнением. Во всяком случае,

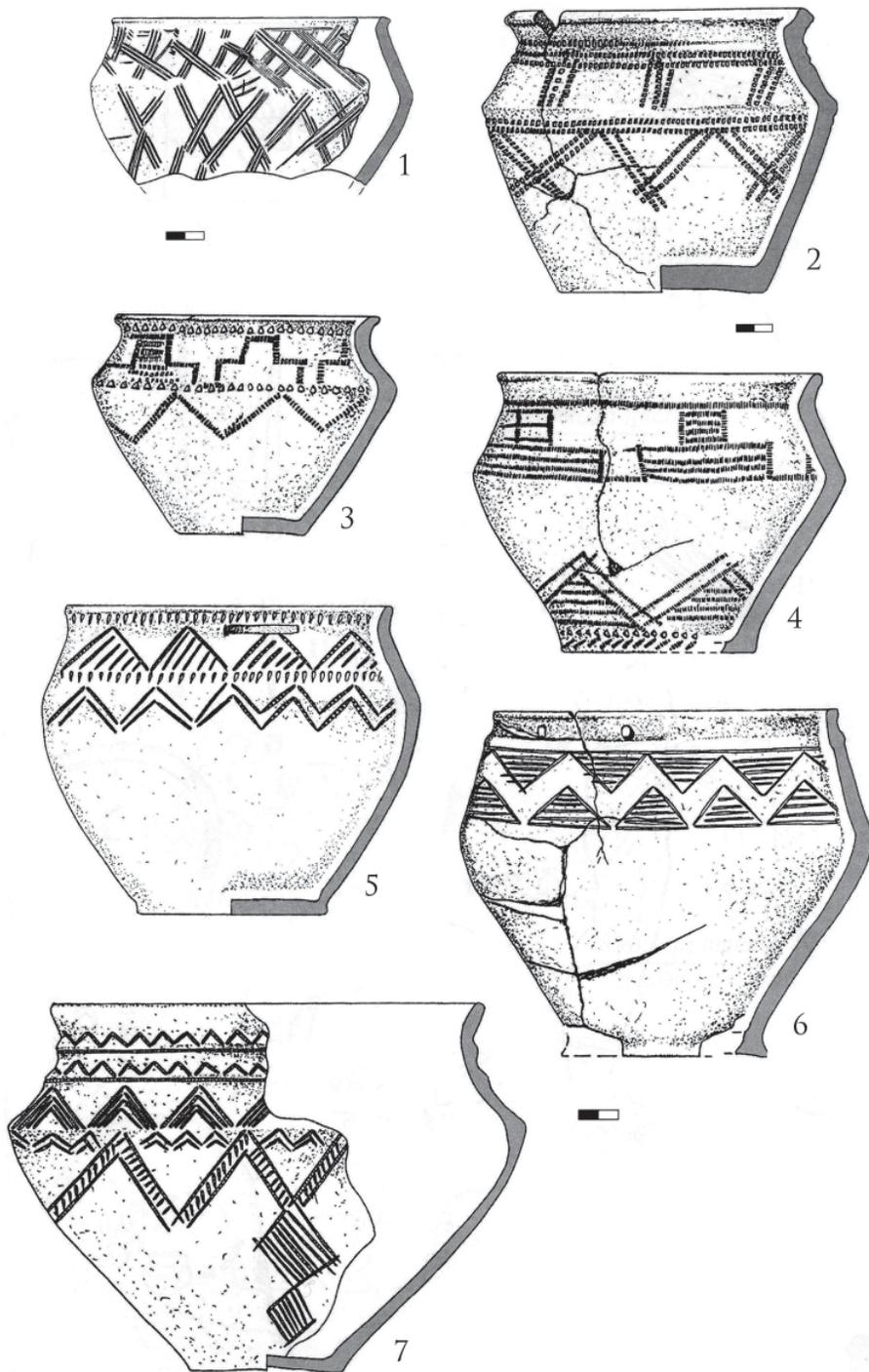

Рис. 5. Могильник Каменный Амбар-5. Керамика с «протосрубными» признаками. 1–2 – курган 2. Яма 8; 3–7 – курган 2. Яма 12. По: Епимахов, 2002.

Fig. 5. Kamenny Ambar - 5. The Burial Ground. Ceramic with "Proto-Srubnaya culture" features. 1–2 – mound 2. Pit 8; 3–7 – mound 2. Pit 12. After: Епимахов, 2002.

явно не случайна традиция выполнения орнаментации на плавнoproфилированных сосудах из упомянутого могильника оттисками гребенчатого штампа, вертикальное расположение орнаментальных фризов – черты, весьма характерные и для терсекской и суртандинской культуры (Калиева, Логвин, 1997, с. 75, рис. 18; с. 79, рис. 20; с. 81, рис. 21; Калиева, 2005, с. 176, рис. 1; Матюшин, 1982, с. 298, рис. 58). Есть примеры подобного рода и для «синташтоидной» керамики из раскопок могильника Бестамак (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007, с. 125, рис. 1, 1). С определением этой группы керамики Синташтинского могильника как «протофедоровской» (Кузьмина, 1994, с. 39) вряд ли можно согласиться.

Стоит подчеркнуть, что все эти группы керамики Синташтинского могильника связываются с одним и тем же временем истории укрепленного поселения Синташта I (курсив мой. – Н.В.).

В керамике могильника Каменный Амбар-5 – некрополя укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар), вновь видим соседство как «абашевской» (рис. 4), так и «протосрубной» (рис. 5) составляющих, но при значительной выраженности именно «протосрубной». Автор раскопок и сам подчеркивает, что в керамическом комплексе рассматриваемого памятника «значительна доля ... сосудов ... имеет близкие аналоги в петровских и ранних срубных материалах», правда, причину этого он видит в относительно позднем времени функционирования этого укрепленного поселения (Епимахов, 2005, с. 161). В этом вопросе автор раскопок солидарен с Г.Б. Здановичем и Д.Г. Здановичем

(Зданович, Зданович, 1995, с. 57). Однако, по мнению автора данной статьи, нет никаких оснований для тезиса о позднем времени функционирования памятника. Сосуды с чертами раннесрубной культуры отложились в основных погребениях могильника, в одних и тех же могилах с сосудами других групп синташтинской керамики (Епимахов, 2005, с. 28, рис. 23; с. 39, рис. 32; с. 99, рис. 75). Это означает, что группы относительно одновременны и связаны с одним и тем же периодом истории укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар), в отличие от петровской керамики, (курсив мой. – Н.В.), встреченной по периферии погребальных площадок.

Выводы

1. В отличие от пастушеских скотоводческих культур алакульской культурно-исторической общности синташтинские кланы-общины, по мнению автора, являли собой скорее специфический по способу формирования транскультурный феномен с оригинальной моделью организации жизни, объединявший кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков иногда нескольких соседних археологических культур (курсив мой. – Н.В.), в частности, абашевской культуры Южного Урала, некоей «протосрубной» культуры Южного Урала и квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана.

2. Синташтинский феномен как общество кланов горняков – металлургов – кузнецов функционировал относительно самостоятельно, вне или в условиях частичной юрисдикции(?) элит упомянутых выше культур.

3. На историческом уровне приведенные автором факты, касающиеся как погребальной обрядности, так и

керамики, могут быть поняты как отражение особенностей, прежде всего, системы семейно-брачных отношений в пределах специализированных сообществ. И явно не случайно керамика синташтинских могильников несет в себе часто переосмысленные (особенно это касается орнаментации) следы нескольких культурных традиций. Разнообразие керамических комплексов синташтинских памятников и переосмысленность, переработанность маркерных элементов орнамента на сосудах свидетельствуют, на взгляд автора статьи, о своеобразии, специфике семейно-брачных отношений в синташтинских общинах-кланах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. Л.Л. Косинская. Свердловск: Издательство УрГУ, 1993. С. 93–106.
2. *Виноградов Н.Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1983. 22 с.
3. *Виноградов Н.Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. История. 1995. № 1. С. 16–26.
4. *Виноградов Н.Б.* Металлопроизводство и синташтинская проблема // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2005. Вып. 3. С. 5–15.
5. *Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
6. *Виноградов Н.Б.* Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 38–48.
7. *Виноградов Н.Б., Мухина М.А.* Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 79–84.
8. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало–Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
9. *Гутков А.И.* Исходное сырье и формовочные массы керамики Большекараганского могильника // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1994. С. 66–69.
10. *Гутков А.И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 135–147.
11. Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.: ил.
12. *Етимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
13. *Етимахов А.В.* Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

14. *Епимахов А.В., Берсенева Н.А.* Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры Южного Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 1. С. 3–9.
15. *Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В.* Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. 1 (2). С. 174–195.
16. *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало–Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 179–189.
17. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Протогородская цивилизация “Страны городов” Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Матер. III международной конф. Ч. V. Кн. 1. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. С. 48–62.
18. *Зданович Г.Б., Малютина Т.С.* Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
19. *Калиева С.С.* О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлГУ, 2005. С. 173–177.
20. *Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры). Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. 176 с.
21. *Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
22. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Изд-во ВИНТИ, 1994. 464 с.
23. *Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 18–35.
24. *Куприянова Е.В.* Поселение Томино 1 – форпост освоения новых территорий населением Южного Зауралья в эпоху бронзы // Горизонты цивилизации. № 7. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 46–58.
25. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В.* Исследования могильника Бестамак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. Алматы: Институт археологии, 2007. С. 123–126.
26. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
27. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.
28. *Стефанов В. И., Епимахов А.В.* Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья / Ред. И.Н. Васильева. Вып. 4. Самара: Изд-во Самар. НТЦ, 2006. С. 263–272.
29. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
30. *Ткачев В.В.* Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.
31. *Ткачев В.В.* Освоение меднорудных ресурсов южных отрогов Уральских гор в контексте адаптационной стратегии населения эпохи поздней бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия –2017. Научное издание. Материалы IV Всероссийской молодежной научной школы. Екатеринбург – Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2017. С. 108–113.

32. Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2014. С. 131–142.

33. Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов) / Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

34. Anthony D.W. The Horse, the Wheel and Language. How bronze-age riders from the Evrasian steppes shaped the modern world. Princeton University Press. Princeton and Oxford. 2007. 553 p.

Информация об авторе:

Виноградов Николай Борисович, доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Россия); vinogradov_n@mail.ru

SINTASHTA AS A TRANSCULTURAL PHENOMENON

N.B. Vinogradov

The paper features a substantiation of the understanding of Sintashta-type monuments dating back to the boundary of the Middle and Late Bronze Ages in the Southern Trans-Urals as a transcultural phenomenon, the establishment and operation of which has been associated with the clans of miners, smelters and smiths of the Southern Ural cultures of the studied period. In the author's opinion, the variety of ceramic complexes from Sintashta burial mounds suggest a reconsideration of several cultural traditions and the peculiar nature of family and marriage relations practiced by the clans of Sintashta-type communities.

Keywords: archaeology, Southern Trans-Urals, Bronze Age, Sintashta-type monuments, ancient metallurgy and metalworking, transcultural phenomenon..

REFERENCES

1. Bel'tikova, G. V. 1993. In Kosinskaia, L. L. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 21. Sverdlovsk: Ural State University, 93–106 (in Russian).
2. Vinogradov, N. B. 1983. *Iuzhnoe Zaural'e i Severnyi Kazakhstan v rannealakul'skii period (po pamiatnikam petrovskogo tipa) (Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan in the Early Alakul Period (According to the Petrovka Type of Monuments))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
3. Vinogradov, N. B. 1995. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Istoriiia (Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical Institute. History Series)* 1, 16–26 (in Russian).
4. Vinogradov, N. B. 2005. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 3, 5–15 (in Russian).
5. Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Iuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd Millennium B.C. (Monuments of the Sintashta and Petrovka Type))*. Cheliabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
6. Vinogradov, N. B. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 37 (2), 38–48 (in Russian).

7. Vinogradov, N. B., Mukhina, M. A. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 79–84 (in Russian).
8. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo–Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Monuments of Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).
9. Gutkov, A. I. 1994. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e (Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 66–69 (in Russian).
10. Gutkov, A. I. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim. Issledovaniia, poiski, otkrytiia (Arkaim. Studies, Searches and Discoveries)*. Cheliabinsk: “Kamennyi poias” Publ., 135–147 (in Russian).
11. In Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e. Ukrepленное poselenie bronzovogo veka v Iuzhnom Zaural'e: kollektivnaia monografiia (Ancient Ustie. Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals: Collective Monograph)*. Cheliabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).
12. Epimakhov, A. V. 2002. *Iuzhnoe Zaural'e v epokhu srednei bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Cheliabinsk: South Ural State University (in Russian).
13. Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) (Early Complex Societies of Central Eurasia (Based on Materials of Kamenny Ambar-5 Burial Ground) 1)*. Cheliabinsk: “Cheliabinskii dom pečati” Publ. (in Russian).
14. Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. 2016. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (1), 3–9 (in Russian).
15. Zaikov, V. V., Yuminov, A. M., Ankushev, M. N., Tkachev, V. V., Noskevich, V. V., Epimakhov, A. V. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 1(2). 174–195 (in Russian).
16. Zdanovich, G. B. 1989. In *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii (Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 179–189 (in Russian).
17. Zdanovich, G. B., Zdanovich, D. G. 1995. *Kul'tury drevnikh narodov stepnoi Evrazii i fenomen protogorodskoi tsivilizatsii Iuzhnogo Urala. Rossiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia (Cultures of Ancient Peoples from Steppe Eurasia and the Phenomenon of the Proto-Urban Civilization of the Southern Urals. Russia and the East: Issues of Interaction)*. Cheliabinsk: Cheliabinsk State University, 48–62 (in Russian).
18. Zdanovich, G. B., Maliutina, T. S. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 67–82 (in Russian).
19. Kalieva, S. S. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti (Western and Southern Siberia in Antiquity)*. Barnaul: Altai State University, 173–177 (in Russian).
20. Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 1997. *Skotovody Turgaia v tret'em tysiacheletii do nashei ery (Скотоводы Тургаия в третьем тысячелетии до нашей эры)*. Kustanai: “Kustanaiskii pečatnyi dvor” Publ. (in Russian).
21. Kitov, E. P. 2011. *Paleoantropologiya naseleniia Iuzhnogo Urala epokhi bronzy (Paleoanthropology of the Population of the Southern Urals in the Bronze Age)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
22. Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoiranii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: “VINITI” Publ. (in Russian).
23. Kuzminykh, S. V., Degtiareva, A. D. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuzminykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods) 4*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 18–35 (in Russian).
24. Kupriianova, E. V. 2016. In *Gorizonty tsivilizatsii (Horizons of Civilization)* 7. 46–58 (in Russian).

25. Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Kolbina, A. V., Neteta, A. V. 2007. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniiax po gosudarstvennoi programme «Kul'turnoe nasledie» v 2006 godu (Report on Archaeological Studies conducted under the State Program "Cultural Heritage" in 2006)*. Almaty: Institute of Archeology, 123–126 (in Russian).
26. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Chalcolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
28. Stefanov, V. I., Epimakhov, A. B. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 263–272 (in Russian).
29. Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy: monografiia (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages: Monograph)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology.
30. Tkachev, V. V. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 43–55 (in Russian).
31. Tkachev, V. V. 2017. *Geoarkheologiia i arkheologicheskaiia mineralogiia –2017. Nauchnoe izdanie. Materialy IV Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy - 2017. Scientific Publication. Proceedings of the 4th All-Russian Youth Scientific School)*. Ekaterinburg – Miass: Institute of Mineralogy. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 108–113 (in Russian).
32. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2014. *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii) (The process of Cultural Genesis of the Initial Period of the Late Bronze Age in the Volga-Ural Region (Issues of Chronology, Periodization and Historiography))*. Samara: Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities, 131–142 (in Russian).
33. Chernykh, E. N. 2007. *Kargaly: Fenomen i paradoksy razvitiia; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsii; Potaennaia (sakral'naia) zhizn' arkhaiskikh gornikov i metallurgov (Kargaly: The Phenomenon and the Paradoxes of Evolution; Kargaly in the System of Metallurgical Provinces; the Hidden (Sacred) Aspects of Life of Archaic Miners and Metallurgists)*. Series: Kargaly 5. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
34. Anthony, D. W. 2007. *The Horse, the Wheel and Language. How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world*. Princeton University Press. Princeton and Oxford.

About the Author:

Vinogradov Nicolay B. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, South Ural's State Gumanitarian-Pedagogical University, Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; vinogradov_n@mail.ru

Статья поступила в номер 08.02.2018 г.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

© 2018 г. Н.Б. Виноградов, Р.К. Хайрятдинов

В статье вводятся в научный оборот новые уникальные археологические материалы – каменные проушные топоры, полученные при обследовании поселений позднего бронзового века в окрестностях г. Пласт Челябинской области. В результате изучения этих топоров, относящихся к кабардино-пятигорскому типу, делаются выводы о появлении их в Южном Зауралье не ранее 17 в. до н.э. и использовании в культовой практике. Выдвинута гипотеза о широком распространении в среде населения алакульской культурно-исторической общности Южного Урала культа полубога-кузнеца Тваштара ведической традиции, следствием чего было появление каменных проушных топоров данного типа.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, поздний бронзовый век, каменные проушные топоры, кабардино-пятигорский тип, алакульская культурно-историческая общность, Тваштар..

Настоящая статья посвящена исследованию места каменных проушных топоров и их миниатюрных реплик в социально-культовой практике населения Южного Зауралья позднего бронзового века (XIX–XII в. до н. э.).

Повод к ее созданию дали два предмета, хранящиеся в фондах историко-краеведческого музея г. Пласта.

Описание. Первый из них (инвентарный номер Пластовского историко-краеведческого музея № 421/7) представляет миниатюрное воспроизведение каменного проушного топора кабардино-пятигорского типа (рис. 1, 2). Предмет происходит из разрушенного культурного слоя поселения позднего бронзового века Кочкарь I, которое было открыто С.В. Марковым в 1982 году на юго-восточной окраине современного села Кочкарь Пластовского района Челябинской области, в 170 м от впадения р. Кочкарь в р. Кабанку (Марков, 1982). Повторно памятник был осмотрен Р.К. Хай-

рятдиновым в середине 1990-х годов. Он и поднял описываемый предмет с поверхности площадки поселения. Артефакт изготовлен из местного серпентинита серого цвета. Его месторождение локализовано Р.К. Хайрятдиновым в непосредственной близости от площадки поселения Кочкарь I. Предмет миниатюрный. Его длина не превышает 6,3 см. Обух оформлен грибовидным навершием (частично утрачено в древности). Лезвие – в форме лопасти. Рабочая поверхность на окончании лопасти скруглена (рис. 2Г).

На поверхностях предмета визуально фиксируются следы работы орудиями, при помощи которых он был изготовлен: ножа, абразива и сверла.

Ножом был оформлен сам предмет. Следы работы ножом по обушной части не уничтожены вторичной обработкой и отчетливо прослеживаются. Лопасть лезвия подработана и загла-

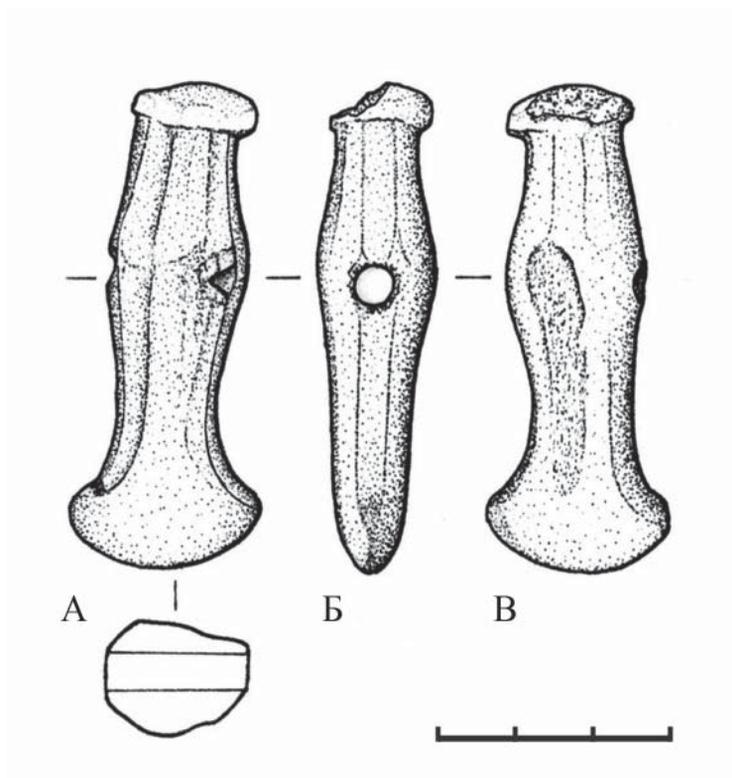

Рис. 1. Каменная миниатюрная модель топора кабардино-пятигорского типа.
Поселение Кочкарь I. Серпентинит.

Fig. 1. A stone miniature model of an axe of the Kabardino-Pyatigorsk type.
Kochkar I settlement. Serpentine.

жена абразивом, следы работы которым сохранились на поверхностях (рис. 2В). Сверлом выполнено двустороннее (встречное) сверление сквозного отверстия. Диаметр отверстия – 0,3–0,4 см. Следует отметить выраженную сглаженность (стертость?) краев отверстия (рис. 2Д), что, на наш взгляд, может говорить о ношении предмета с помощью некоего шнура.

Второй предмет (инвентарный номер 421/19) также хранится в фондах Пластовского историко-краеведческого музея. Артефакт был поднят учащимися средней школы с. Демарино с поверхности разрушенного культурного слоя Старокумлякского поселения позднего бронзового века, открытого

и впервые обследованного в 1986 г. С.В. Марковым (Марков, 1986). Поселение расположено на левом берегу старичного русла р. Кумляк в 1 км северо-восточнее с. Старый Кумляк Пластовского района Челябинской области.

Изделие выполнено из светло-серого талька и представляет собой обломок обушной части модели проушного топора, с грибовидным окончанием обуха (рис. 3–4). В результате некоего удара (?) модель топора раскололась по сквозному отверстию – имитации проушины для крепления рукояти. Направленность этого отверстия ясно показывает, что обушная часть модели была выполнена

Рис. 2. Каменная миниатюрная модель топора кабардино-пятигорского типа.
Поселение Кочкарь I. Проекция А–Д

Fig. 2. A stone miniature model of an axe of the Kabardino-Pyatigorsk type.
Kochkar I Settlement. A-D projections

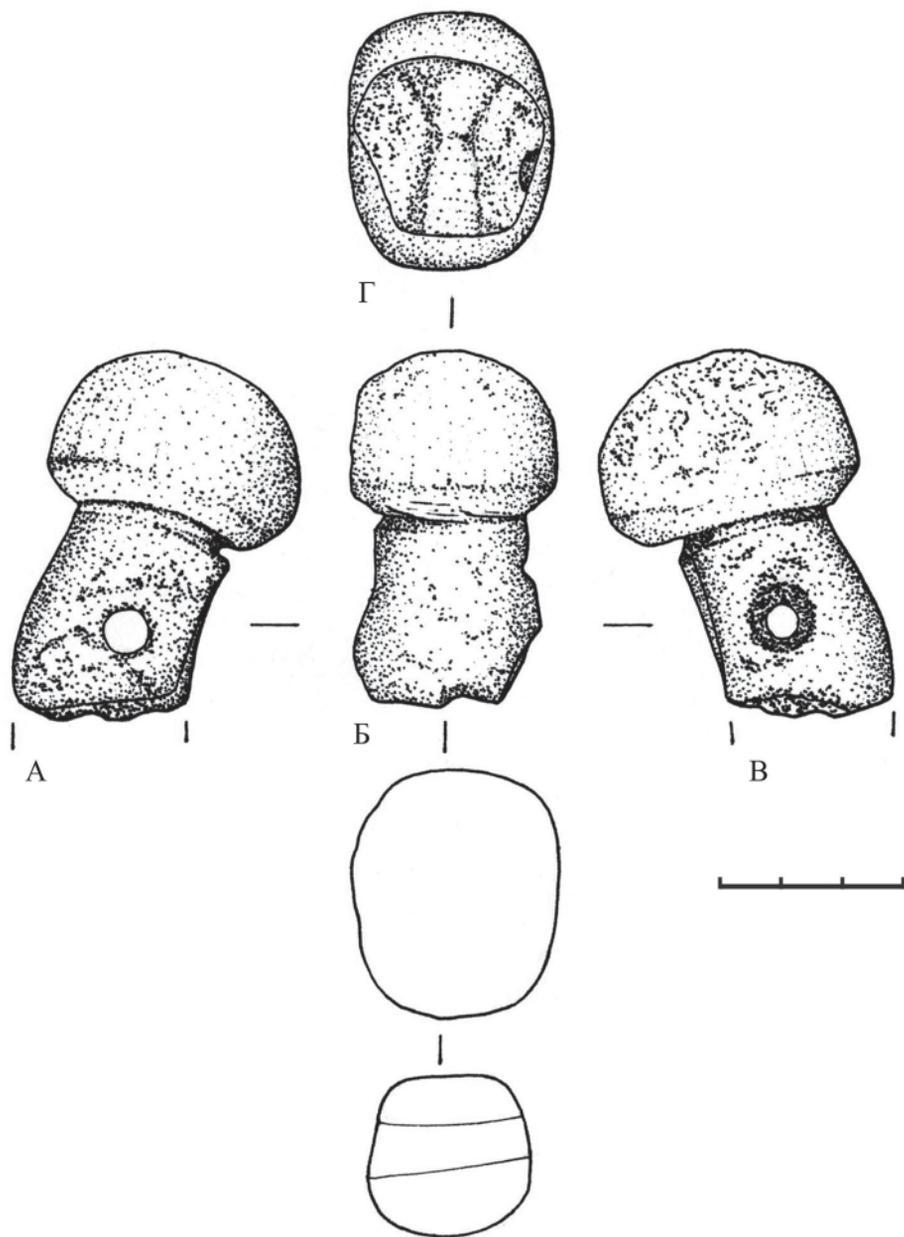

Рис. 3. Старокумлякское поселение. Обломок обушной части проушного топора кабардино-пятигорского типа. Тальк.

Fig. 3. Stary Kumlyak settlement. A fragment of the head portion of an axe of the Kabardino-Pyatigorsk type. Talc.

под небольшим углом к лезвийной. На сохранившемся фрагменте имеется еще одно сквозное отверстие (для подвешивания?), выполненное в перпендикулярной первому плоскости. Что касается абсолютных размеров, то длина сохранившегося обломка не превышает 6,2 см, а размеры грибовидного окончания обуха – 4,2 см (рис. 4В). Диаметры отверстий составляют 0,75–1,0 см (рис. 4Г).

На поверхностях артефакта – четкие следы работы ножом. Оба отверстия выполнены коническим сверлом встречным (двусторонним) способом.

Материал изготовления, детали формы и сам общий облик описанных предметов позволяют сделать следующие промежуточные выводы:

Эти предметы по ряду признаков: материалу изготовления, размерам, деталям конструкции (диаметр отверстия топора из Старокумлякского поселения) уверенно можно определить как нефункциональные, т.е. не употреблявшиеся по первоначальному (боевому) назначению.

Отверстия, явно предназначенные для ношения или подвешивания этих предметов, позволяют определить их как некие фетиши – значимую часть социально-культовой практики степного населения бронзового века Южного Зауралья.

Обсуждение. Для дальнейшего обсуждения этой проблемы необходимо очертить пространство, в рамках которого обращались подобные предметы. Оно было намечено впервые в статье Д.В. Нелина (Нелин, 1996). Автор приводит сведения о девяти каменных топорах, обнаруженных на территории от Зауральской Башкирии до Западной Сибири (окрестности Тюмени). Помимо двух подтипов то-

поров кабардино-пятигорского типа (гладких полированных и граненых), Д.В. Нелин включил в свою сводку подобных находок и каменные проушные клиновидные топоры, найденные на памятниках бронзового века в пределах Южно-Уральского региона. Вероятно, с этим мнением стоит согласиться хотя бы по той причине, что ни один из типов каменных проушных топоров не имеет прототипов на этой территории. В данной статье мы будем рассматривать лишь каменные топоры кабардино-пятигорского типа и их миниатюрные реплики (табл. 1; рис. 5; 6).

Впервые на страницах археологической печати подобная находка зафиксирована в известной популярной книге К.В. Сальникова (Сальников, 1949, с. 54). Эта находка была случайно сделана 1927 году у с. Пески в Катайском районе Курганской области. К.В. Сальников описывает его как «просверленный шлифованный каменный топор-молоток великолепной сложной и красивой формы» (Сальников, 1949, с. 54). Топор из с. Пески сломан *на уровне сквозного отверстия (курсив авторов)*, подобно описанному выше обломку модели топора из сборов на Старокумлякском поселении.

Известны обломки трех керамических миниатюрных реплик каменных проушных топоров, происходящих из культурного слоя поселения позднего бронзового века Малая Березовая 4 в Нагайбакском районе Челябинской области (Алаева, 2007, с. 129, рис. 1), еще один каменный проушный топор из раскопок укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) (не опубликован) и обломок топора из раскопок укрепленного поселения Арка-

Таблица 1

Находки топоров кабардино-пятигорского типа в Южном Зауралье

№	Место находки	Условия находки	Количество артефактов	Литература
1	С. Пески Катайского района Курганской области	Случайная находка	1	Сальников К.В. 1949. С. 54
2	Челябинская область, Брединский район. Могильник Мирный II, курган 2 погребение 2	С сосудом срубной культуры	1	Корочкова О.Н., Корякова Л.Н., 2005. С. 140. Рис. 3, 3
3	Еткульский район Челябинской области. Поселение Коркино I.	Слой с алакульскими материалами	1	Чемякин Ю.П., 1976. С. 206–207
4	Карталинский район Челябинской области. Укрепленное поселение бронзового века Каменный Амбар (Ольгино)	Сборы с поверхности	1 фрагмент	Тарасов Ю. В., 1982. Отчет.
5	Юргамышский район Курганской области	Случайная находка	1	Нелин Д.В., 1996. С. 87
6	Карталинский район Челябинской области, пос. Краснотал-Д	Слой с алакульскими материалами	1	Нелин Д.В., 1996. С. 88
7	Земли совхоза «Красная Башкирия» Абзелиловского района Республики Башкортостан	Случайная находка	1 (не закончен)	Нелин Д.В., 1996. С. 88
8	Пластовский район Челябинской области. Поселение позднего бронзового века Кочкарь I	Сборы с поверхности	1	Не опубликован
9	Пластовский район Челябинской области. Старокумлякское поселение позднего бронзового века	Сборы с поверхности	1 (фрагмент)	Не опубликован
10	Карталинский район Челябинской области. Поселение Елизаветпольское -7 позднего бронзового века	Слой с раннеалакульскими и срубными материалами	1 (заготовка)	Алаева И.П., 2009. С. 13. Рис. 6, 16

им (Зданович, 1995, с. 32, рис. 6, 11). Эти материалы полноценно включить в анализируемую серию по разным причинам пока не представляется возможным.

За пределами Южного Зауралья Д.В. Нелин приводит находку близкого по типу описанным топора в окрестностях г. Тюмень, на берегу р. Туры (Нелин, 1996, с. 91).

Экземпляр топора кабардино-пятигорского типа известен в пограничном с Южным Зауральем регионе Северного Казахстана из раскопок Лисаковского III могильника (погребальное сооружение 3 (ограда) (Памятники Лисаковской округи..., 2013) (рис. 7).

Если резюмировать сведения о пространстве обращения каменных

А

Б

В

Г

Рис. 4. Старокумлякское поселение. Обломок обушной части проушного топора кабардино-пятигорского типа. Проекция А–Г.

Fig. 4. Stary Kumlyak settlement. A fragment of the head portion of an axe of the Kabardino-Pyatigorsk type. A–G projections.

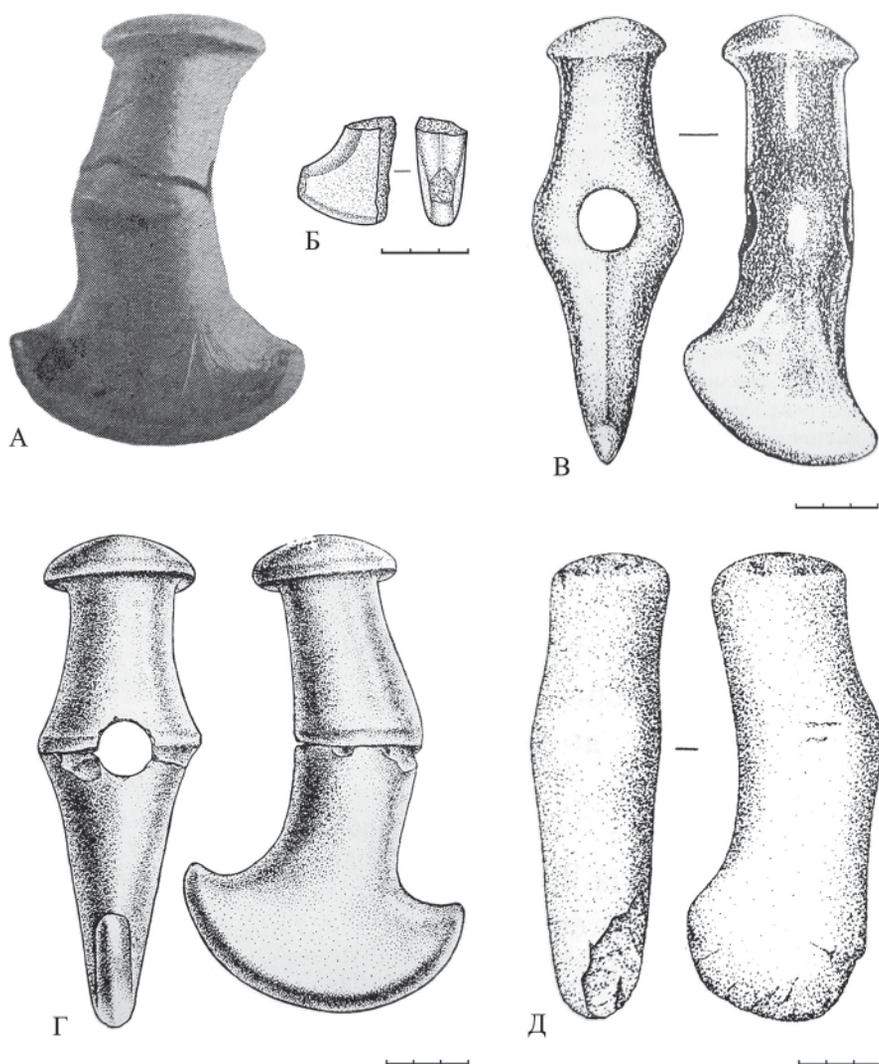

Рис. 5. Топоры кабардино-пятигорского типа из находок в Южном Зауралье и сопредельных районах. А – Курганская область, Катайский район, с. Пески (по: К.В. Сальников, 1949); Б – Челябинская область, Карталинский район, укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино); В – Челябинская область, Брединский район, могильник Мирный II (по: Корочкова О.Н., Корякова Л.Н., 2005); Г – Челябинская область, Еткульский район, поселение Коркино I (по: Чемякин Ю.П., 1976); Д – Челябинская область, Карталинский район, поселение Елизаветпольское –7 (по: Алаева И.П., 2009).

Fig. 5. Axes of the Kabardino-Pyatigorsk type discovered in the Southern Trans-Urals and the neighbouring areas. А – Kurgan region, Kataysky district, Peski village (after: К.В. Сальников, 1949); Б – Chelyabinsk region, Kartalinsky district, Kamenny Ambar fortified settlement (Olgin); В – Chelyabinsk region, Bredinsky district, Mirny II burial mound (after: Корочкова О.Н., Корякова Л.Н., 2005); Г – Chelyabinsk region, Yetkulsky district, Korkino I settlement (after: Чемякин Ю.П., 1976); Д – Chelyabinsk region, Kartalinsky district, Elizavetpolskoe-7 settlement (after: Алаева И.П., 2009).

проушных топоров кабардино-пятигорского типа, то речь идет о территории культур алакульского круга Южного Зауралья, Среднего Притоболья (рис. 7).

Западнее Южного Урала каменные топоры близкого к кабардино-пятигорским облика известны в памятниках срубных культур в Поволжье, а также в составе известного Бородинскогоклада.

Что касается периода функционирования каменных топоров кабардино-пятигорского типа в бронзовом веке Южного Урала и Поволжья, то это время истории алакульских и срубных культур. И в этом смысле чрезвычайно важны находки трех подобных изделий *in situ*, т.е. в ходе регулярных раскопок.

1. Топор из могильника Мирный II (курган 2, погребение 2) (Корочкова, Корякова, 2005, с. 140, рис. 3: 1–3). Культурную принадлежность могильника авторы определяют как срубную, хотя алакульские включения все-таки дают повод для дискуссии как о культурной принадлежности, так и о времени совершения погребения (Корочкова, Корякова, 2005, с. 144–145).

2. Топор из раскопок поселения позднего бронзового века Коркино I из слоя с алакульской керамикой. Автор приводит датировку алакульского слоя этого поселения по радиоуглероду – 17 в. до н. э. (Чемякин, 2004, с. 386).

3. Заготовка каменного топора, извлеченная И.П. Алаевой из культурного слоя поселения Елизаветпольское-7, также сопровождалась материалами позднего бронзового века (Алаева, 2009, с. 11–12, рис. 4–5).

Старокумляжское поселение и поселение Кочкарь I функционировали

в позднем бронзовом веке. В частности, самые ранние керамические материалы из культурного слоя Старокумляжского поселения могут быть определены как петровские (раннеалакульские).

Обломки миниатюрных моделей проушных топоров неясного типа, выполненных из глины, также найдены в слое с алакульской керамикой на поселении позднего бронзового века Малая Березовая 4 в Нагайбакском районе Челябинской области (Алаева, 2007, с. 129, рис. 1).

К позднему бронзовому веку относит Д.В. Нелин и функционирование поселения Краснотал-Д в Карталинском районе.

В Лисаковском III могильнике (Северный Казахстан) в погребальной камере были обнаружены кости нескольких погребенных, 5 сосудов позднего бронзового века *федоровско-алакульского облика с орнаментацией, выполненной как по «косой», так и по «прямой» сетке* (курсив авторов) (Памятники Лисаковской округи..., 2013, с. 161, рис. 19, 2, 16, 17, 27, 28) и «полированный топор-молот из двуцветного камня» (рис. 7). Топор-молот уверенно определяется как принадлежащий к подтипу гладких кабардино-пятигорского типа. От остальных южноуральских находок этого круга данный топор отличает кольцевой (?) желобок на уровне проушины и остатки деревянной рукояти (Памятники Лисаковской округи..., 2013, с. 170, рис. 28: 9–10).

В то же время в синташтинских и петровских (раннеалакульских) могильниках Южного Зауралья, по нашей информации, нет ни одной подобной находки *in situ*.

Рис. 6. Заготовка топора кабардино-пятигорского типа из фондов Магнитогорского краеведческого музея. Проекции А–Г.
 Fig. 6. Blank for an axe of the Kabardino-Pyatigorsk type from the collections of Magnitogorsk Local Lore Museum. A–G projections.

Все, без исключения, исследователи не видят местных корней для появления каменных проушных топоров кабардино-пятигорского типа как для носителей алакульских, так и срубных культур. Единодушно они считаются заимствованием из района Северного Кавказа, где они учтены С.Н. Кореневским в 44-х погребальных комплексах, а их бытование охватывает, по мнению того же автора, период со второй половины III по середину II тыс. до н. э. (Кореневский, 1993, с. 85).

По С.Н. Кореневскому, на Северном Кавказе каменные топоры – принадлежность погребального инвентаря мужских захоронений. Что касается мотивации появления этой категории в составе погребальных артефактов, то каменные проушные топоры могли быть, по С.Н. Кореневскому, как маркером воинского статуса погребенного, так и *указателем*

на принадлежность погребенного к корпорации специалистов по металлопроизводству, в частности, кузнецов (курсив авторов) (Кореневский, 1993, с. 87–88). Некоторые археологи видят связь каменных топоров с культом огня (Мерперт, 1975, с. 172). Отдельные ученые видят в погребениях с топорами знак высокого социального статуса (Цимиданов, Евглевский, 1993). Сам по себе культ топора, по мнению Н.Я. Мерперта, явление для обществ с производящей экономикой весьма древнее. Но он исключает возможность зарождения этого культа в степных районах Европы (Мерперт, 1975, с. 170–171).

Заключение. Д.В. Нелин рассматривает появление у населения Южного Урала северо-кавказских форм каменных проушных топоров в связи с процессом заимствования навыков металлопроизводства степными сообществами из района Северного Кав-

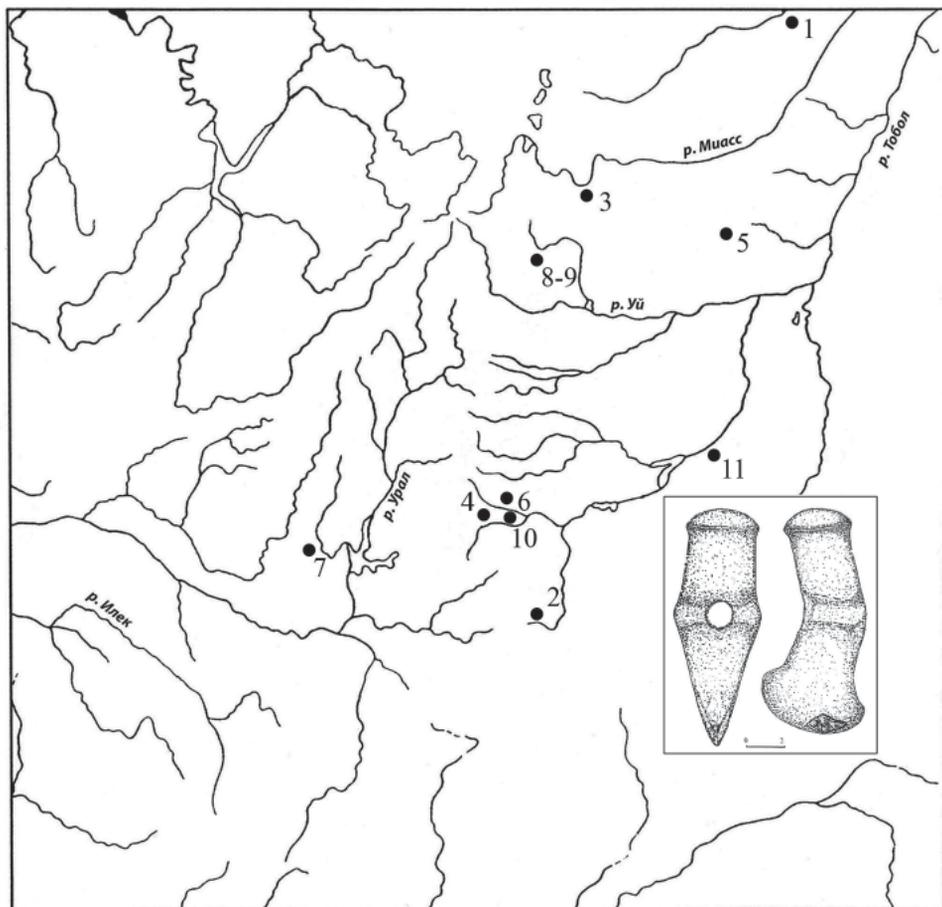

Рис. 7. Карта-схема распределения находок каменных проушных топоров кабардино-пятигорского типа на территории Южного Урала и в прилегающих районах: 1 – Курганская область, Катайский район, село Пески; 2 – Челябинская область, Брединский район. Могилище Мирный II; 3 – Челябинская область, Еткульский район. Поселение Коркино I; 4 – Челябинская область, Карталинский район. Укрепленное поселение бронзового века Каменный Амбар (Ольгино); 5 – Курганская область, Юргамышский район; 6 – Челябинская область, Карталинский район. Поселение Краснотал-Д; 7 – Республика Башкортостан, Абзелиловский район. Земли совхоза «Красная Башкирия»; 8 – Челябинская область, Пластовский район. Поселение Кочкар I; 9 – Челябинская область, Пластовский район. Старокумлякское поселение; 10 – Челябинская область, Карталинский район. Поселение Елизаветпольское-7; 11 – Республика Казахстан. Костанайская область. Могилище Лисаковский III.

Fig. 7. Distribution map of stone socket axes of the Kabardino-Pyatigorsk type discovered in the territory of the Southern Urals and the neighbouring areas: 1 – Kurgan region. Kataysky district. Peski village; 2 – Chelyabinsk region, Bredinsky district. Mirny II burial mound; 3 – Chelyabinsk region. Yetskulsky district. Korkino I settlement; 4 – Chelyabinsk region. Kartalinsky district. Kamenny Ambar fortified settlement of the Bronze Age (Olgino); 5 – Kurgan region. Yurgamyshsky district; 6 – Chelyabinsk region. Kartalinsky district. Krasnotal-D settlement; 7 – The Republic of Bashkortostan. Abzelilovskiy district. Plots of the Red Bashkiria collective farm; 8 – Chelyabinsk region. Plastovskiy district. Kochkar I settlement; 9 – Chelyabinsk region. Plastovskiy district. Staro Kumlyak settlement; 10 – Chelyabinsk region. Kartalinsky district. Elizavetpolskoe-7 settlement; 11 – The Republic of Kazakhstan. Kostanay region. Lisakovskiy III burial mound.

каза. Он считает возможным связывать их появление здесь со временем перехода от периода средней бронзы к позднему бронзовому веку и с историей памятников синташтинского типа (Нелин, 1996, с. 92). Однако имеющиеся факты пока говорят о появлении и распространении каменных проушных топоров на территории Южного Зауралья в постсинташтинское, а, возможно, даже и в постпетровское время. Мы считаем, что топоры кабардино-пятигорского типа появляются в Южном Зауралье не ранее 17 века до н. э., когда в среде родственного степного населения в пределах срубно-алакульского «мира» оформляется система не известных пока, широтно ориентированных коммуникаций. С их функционированием и связано появление на памятниках позднего бронзового века Южного Урала этой своеобразной категории артефактов. Точнее, появляются импортные прототипы (Корочкова, Корякова, 2005, с. 143), которые по неким веским причинам тиражируются уже на месте местными мастерами из местных пород камня. Как подтверждение этого суждения – *заготовки* топоров кабардино-пятигорского типа из раскопок поселения Елизаветпольское-7 и из случайных находок в районе Магнитогорска.

В пределах очерченных территорий эти предметы использовались именно как важная составляющая неких обрядовых действий. Авторы не могут согласиться с С.Н. Кореневским и Д.В. Нелиным по поводу возможности боевого применения каменных проушных топоров до проведения исчерпывающих экспериментальных исследований. В качестве аргументов «против» приведем материал из

готовления топоров: за небольшим исключением, это мягкие серпентиниты или тальк. Разрушение некоторых топоров на уровне проушины или сколы на лезвии не обязательно надо рассматривать как результат их боевого применения. Размеры проушин в сравнении с весом самих топоров также свидетельствуют не в пользу утилитарного их назначения. Заключение Г.Ф. Коробковой об отсутствии следов работы на лезвии ряда топоров из погребений на Северном Кавказе, приведенное С.Н. Кореневским (Кореневский, 1993, с. 86), не обязательно свидетельствует о том, что их помещали в могилы *новыми*. Они могли использоваться в течение определенного времени в различных обрядах, не предполагавших разрушение или порчу.

Наконец, миниатюрные размеры целого ряда подобных изделий не оставляют сомнения по поводу области их применения. Перед нами – материализованные следы устойчивой культовой практики, маркером которой был символ экзотического для Южного Зауралья типа топора-молота, часто мобильный, предназначенный для повседневного ношения, выполненный из мягких пород камня либо из глины.

Среди археологов утвердилось представление об индоиранских степных скотоводческих племенах срубно-андроновского круга Восточной Европы и примыкающих районов степей Азии как о творцах древнейших частей Вед и Авесты (Кузьмина, 1994, с. 262–263).

По мнению авторов данной статьи, широкую популярность у оседлого скотоводческого населения позднего бронзового века степей Восточной

Европы и прилегающих районов Азии топоры кабардино-пятигорского типа в этот период могли получить как следствие распространения культа полубога – героя-кузнеца – творца всего сущего – Тваштара. Тваштар – единственный персонаж ведического пантеона, кого тексты Ригведы связывают с металлопроизводством. Его фигура таинственна, в текстах гимнов не конкретизирована, а деятельность чрезвычайно разнообразна. Колесницы, металлургию и ряд ремесел – все это дал людям Тваштар (Кузьмина, 2010, с. 54). В контексте обсуждаемой проблемы укажем, что, в частности, порождением Тваштара был бог огня – Агни – покровитель кузнецов и металлопроизводства.

И главное. *Именно Тваштар создал для порожденного им же бога Индры его молот* (курсив авторов) (Macdonell, A. A., 1897, p. 116).

Возможно, как воспроизведение молота Индры с характерным грибовидным навершием в экзотическом для степного населения Южного Урала исполнении и воспринимались достаточно многочисленные реплики топоров кабардино-пятигорского типа. Поскольку регламентации правил и соответственно каноничного использования этих фетишей не существовало, имели место варианты изделий как носимые, так и снабженные отверстиями для стационарного подвешивания. И в том и другом случае наличие рукояти не предполагалось.

Благодарности. Авторы признательны почетному профессору отделения индологии и Южной Азии университета Хельсинки (Финляндия) Аско Парпола за чрезвычайно полезную консультацию по фигуре Тваштара в ведической традиции; ведущему научному сотруднику Института истории и археологии УрО РАН, д.и.н. А.В. Епимахову, а также С.В. Кузьминых – к.и.н., старшему научному сотруднику Института археологии РАН (г. Москва) за неоценимую помощь в формировании информационного фонда для данной статьи. Авторы

Култ Тваштара был широко распространен в пределах срубно-алакульского «мира» и отражен не только в разнообразных каменных репликах проушных топоров, но и в керамических их миниатюрных моделях, а также, возможно, в предельно редко встречающихся элементах орнамента керамических сосудов (лопасти-фестоны).

Последнее: вполне допустимо, что этот культ особенно был распространен в пределах корпораций специальностей, связанных с металлопроизводством, например, в среде кузнецов. Его широкое распространение предварительно можно связать с кардинальными изменениями в организации металлопроизводства, которые свершились именно в период истории алакульских и срубных культур в Южном Зауралье. Косвенным, но веским подтверждением этой гипотезы может служить прекращение уже в петровское (раннеалакульское) время практики функционирования за стенами укрепленных поселений специализированных на металлопроизводстве общин (кланов). С этого времени семьи (кланы) специалистов металлопроизводства интегрируются в скотоводческие общины алакульских культур Южного Зауралья и Северного Казахстана. Вероятнее всего, тогда же и распространяются маркеры культа Тваштара, изображающие топор-молот.

искренне благодарны и заведующей отделом археологии и религии Магнитогорского краеведческого музея Г.И. Стариковой за предоставленную информационную поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаева И.П.* Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 128–130.
2. *Алаева И.П.* Поселение бронзового века Елизаветпольское – 7 // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 7–21.
3. *Бочкарев В.С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Вып. 2 / Ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 48–54.
4. *Зданович Г.Б.* Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21–42.
5. *Корневский С.Н.* Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральной Предкавказье // Социальная дифференциация общества / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Наука, 1993. С. 78–92.
6. *Корочкова О.Н., Корякова Л.Н.* Курганы срубной культуры у поселка Мирный // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. С. 134–147.
7. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев, М.: «Восточная литература», 1994. 463 с.
8. *Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
9. *Марков С.В.* Отчет об археологической разведке по р. Кабанка в районе г. Пласта Челябинской области в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9990.
10. *Марков С.В.* Отчет об археологической разведке, проведенной в 1986 г. по р. Кумляк в Пластском и Уйском районах Челябинской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 11465.
11. *Мерперт Н.Я.* Ритуальные модели топоров из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред.: П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 163–172.
12. *Нелин Д.В.* Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. С. 86–92.
13. Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Сб. ст. / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда – Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. 336 с., ил.
14. *Сальников К.В.* В глубине веков. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1949. 112 с.
15. *Тарасов Ю.В.* Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 году / Архив ИА РАН. Р-1, № 9233.
16. *Цимиданов В.В., Евлевский А.В.* Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. № 2 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донеччина, 1993. С. 99–112.

17. Чемякин Ю.П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 206–207.

18. Чемякин Ю.П. Коркино I // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 3 / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный Пояс, 2004. 386 с.

19. Macdonell, A. A., 1897. Vedic mythology. (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, III:1:A.) Strassburg: Karl J. Trübner. 189 pp. Reprinted, Delhi: Motilal Banarsidass, 1974, 1995, 2013.

Информация об авторах:

Виноградов Николай Борисович, доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Россия); vinogradov_n@mail.ru

Хайратдинов Равиль Касимович, научный сотрудник, Пластовский историко-краеведческий музей (г. Пласт Челябинской области, Россия); murpm@mail.ru

NEW EVIDENCES OF CULT PRACTICES OF THE POPULATION OF THE SOUTHERN TRANSURALS LATE BRONZE AGE

N.B. Vinogradov, R.K. Hairiatdinov

This article introduces into scientific circulation new and unique materials – stone axes, obtained during examination of the settlements of the late bronze age near the town of Plast, Chelyabinsk region. The authors put forward a hypothesis about a broad distribution from Alakul population of the Southern Transurals, especially among specialists in metallurgy and metalwork cult demigod-Smith Tvashtar the Vedic tradition

Keyword: Southern Transurals, the late Bronze Age, stone axes Kabardino-Pyatigorsk type, Alakul cultural-historical community, Tvashtar.

REFERENCES

1. Alaeva, I. P. 2007. In Kovaleva, V. T., Trufanov, A. Ya. (eds.). XVII *Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchaniye: materialy nauchnoi konferentsii. (19th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 128–130 (in Russian).
2. Alaeva, I. P. 2009. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Problemy arkeologicheskogo izucheniia Iuzhnogo Urala: sbornik nauchnykh statei (Issues of the Archaeological Study of the Southern Urals)*. Cheliabinsk: "ABRIS" Publ., 7–21 (in Russian).
3. Bochkarev, V. S. 1978. In Artamonov, M. I., Klein, L. S. (eds.). *Problemy arkeologii (Issues of Archaeology)* 2. Leningrad: Leningrad State University, 48–54 (in Russian).
4. Zdanovich, G. B. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim: Issledovaniia. Poiski. Otkrytiia (Arkaim. Studies. Searching. Discoveries)* Cheliabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 21–42 (in Russian).
5. Korenevskii, S. N. 1993. In Afanasyev, G. E. (ed.). *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (Social Differentiation of the Society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 78–92 (in Russian).
6. Korochkova, O. N., Koriakova, L. N. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkeologiya Urala i Zapadnoi Sibiri. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Fedorovicha Geninga (Archaeology of the Urals and Western Siberia. To the 80th Anniversary of Vladimir Fedorovich Gening)*. Ekaterinburg: Ural State University, 134–147 (in Russian).
7. Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoirantsev (Origins of the Indo-Aryan Peoples. Material Culture of Andronovo Communion Tribes and Origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

8. Kuz'mina E.E. 2010. *Predystoriia Velikogo shelkovogo puti: dialog kul'tur Evropa – Aziia (Prehistory of the Great Silk Road: a Dialogue of Cultures between Europe and Asia)*. Moscow: “Kom-Kniga” Publ. (in Russian).
9. Markov, S. V. *Otchet ob arkhеologicheskoi razvedke po r. Kabanka v raione g. Plasta Cheliabinskoi oblasti v 1982 g. (Report on Archaeological Surveying along the Kabanka River in the Vicinity of the Town of Plast in the Chelyabinsk Region in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 9990 (in Russian).
10. Markov, S. V. *Otchet ob arkhеologicheskoi razvedke, provedennoi v 1986 g. po r. Kumliak v Plastskom i Uiskom raionakh Cheliabinskoi oblasti (Report on Archaeological Surveying Conducted in 1986 along the Kumlyak River in the Plastovsky and Uysky Districts of the Chelyabinsk Region)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 11645 (in Russian).
11. Merpert N. Ya. 1975. In Kozhin, P. M., Kol'tsov, L. V., Zimina, M. P. (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the Ancient History of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Nelin, D. V. 1996. In Basin, S. G. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 86–92 (in Russian).
13. In Usmanova, E. R. (ed.). 2013. *Pamiatniki Lisakovskoi okrugi: arkhеologicheskie siuzhety (Archaeology of Lisakovskiy Area)*. Karaganda – Lisakovsk: “Tengri Ltd” Publ. (in Russian).
14. Sal'nikov, K. V. 1949. *V glubine vekov (In the Depths of Centuries)*. – Sverdlovsk: Sverdlovsk Regional State Publishing House (in Russian).
15. Tarasov, Yu. V. 1982. *Otchet ob arkhеologicheskoi razvedke v Kartalinskom raione Cheliabinskoi oblasti v 1982 godu (Report on Archaeological Exploration in the Kartalinsky District of Chelyabinsk Region in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 9233 (in Russian).
16. Tsimidanov, V. V., Evglevskii, A. V. 1993. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 2. Donetsk: “Donechchina” Publ., 99–112 (in Russian).
17. Chemiakin, Yu. P. 1975. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: “Nauka” Publ., 206–207 (in Russian).
18. Chemiakin, Yu. P. 2004. In Bochkarev, K. N. (ed.). *Cheliabinskaiia oblast'. Entsiklopediia (Chelyabinsk Region. Encyclopaedia)* 3. Cheliabinsk: “Kamennyi poias” Publ. (in Russian).
19. Macdonell, A. A., 1897. *Vedic mythology. (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, III:1:A.)* Strassburg: Karl J. Trübner. 189 pp. Reprinted, Delhi: Motilal Banarsidass, 1974, 1995, 2013.

About the Authors:

Vinogradov Nicolay B. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, South Ural's State Gumanitarian-Pedagogical University, Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; vinogradov_n@mail.ru

Hairiatdinov Ravil K. Plast's district Historical museum, Oktyabrskaiia St. 56a, Plast, Chelyabinsk region, 457020 Russian Federation; murpm@mail.ru

Статья поступила в номер 12.02.2018 г.

Археология эпохи раннего железа

УДК 902.3, 902.62, 903.43

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.107.136>

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДИЩ ВОЛГО-КАМЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2018 г. А.А. Хисьяметдинова, А.А. Чижевский

В статье излагаются методические аспекты комплексных археологических и геолого-геоморфологических исследований оборонительных сооружений раннего железного века – раннего средневековья. Авторами установлено, что расположенные на мысовых площадках городища с остатками земляных сооружений и поселений в том виде в каком они дошли до наших дней являются природно-антропогенными комплексами с тремя составляющими: археологической, геоморфологической и геологической, и должны изучаться методами соответствующих наук. История развития мысовых городищ подразделяется на три периода: догородищенский, городищенский, постгородищенский (реликтовый). Городищенский период подразделяется на три этапа: ранний, связанный с носителями ананьинской культурно-исторической области раннего железного века (около IX–III вв. до н.э.); средний, связанный со строительной деятельностью населения пьяноборской, азелинской и мазунинской культур (II в. до н.э. – IV в. н.э.); и поздний, связанный с именьковской культурой и синхронным ей культурами раннего средневековья (IV–VII вв.). Анализ данных, полученных в результате изучения оборонительных сооружений мысовых городищ, позволяет прийти к выводу, что выделенные этапы являются историческими этапами развития фортификации на территории Волго-Камья.

Ключевые слова: археология, геоморфология, геология, Волго-Камье, ранний железный век, раннее средневековье, городища, оборонительные сооружения, методика комплексных исследований.

Открытие городищ раннего железного века произошло в середине XVIII века, когда П.И. Рычков произвел осмотр Уфимского «Чортового» городища (Рычков, 1762, с. 194). В дальнейшем, в течение второй половины XVIII – первой половины XIX в., они неоднократно привлекали внимание географов, историков и даже чиновников министерства внутренних дел (Чижевский, 2013а, с. 41, 44, 45). Однако первые научные исследования начались с 1881 г. после выступления П.А. Пономарева с программой изучения первобытных древностей Волго-

Камья (Чижевский, 2013б, с. 88–91). С этого времени и вплоть до 1917 г. активно изучались сами городища, снимались топографические планы, изредка производились разрезы валов (подробнее Чижевский, 2013б).

Одновременно с открытием городищ началась дискуссия об их назначении, итоги которой подвели П.А. Пономарев и М.Г. Худяков, которые определили данные памятники как места поселений (Пономарев, 1914, с. 4; Худяков, 1917, с. 8, 9). С этого времени валы и рвы стали рассматриваться в качестве оборонитель-

ных сооружений городищ. В XX в. исследования городищ были продолжены: раскапывались поселенческие площадки, разрезались валы, снимались топографические планы, однако и в этот период изучение памятников проводилось археологами исключительно с применением археологических методов (Збруева, 1940, 1947, 1952; Халиков, 1977; Иванов, 1984; Борзунов, 1997, 1997а; Черных, 2000, 2009; Черных и др., 2002; Ашихмина, 2014).

В начале XXI в. появилось осознание того, что исследование городищ, а точнее оборонительных сооружений городищ, традиционными (археологическими) методами не может ответить на значительную часть вопросов, которые ставят при полевых работах археологи, таких как: причины выбора именно этого места для строительства; характер ландшафта к началу строительства сооружения; технологии строительства, употребляемые древними, и т.д. Стало понятно, что для выявления более полной картины строительства и функционирования оборонительных сооружений необходимо привлечение специалистов из естественнонаучных областей знания.

Работы по комплексному изучению оборонительных сооружений раннего железного века на городищах Волго-Камья с привлечением таких специалистов начались с 2012 г. (руководитель проекта А.А. Чижевский) в составе НЦАИ ИИ АН РТ, а с 2014 г. в составе ИА АН РТ. За 2012–2017 гг. обследованию подверглось 21 городище (рис. 1).

На городищах Сорочьегорское, Скорняковское, Тихогорское I, Гремячий Ключ, Маклашеевское II, Балымерское «Шолом», Черепашье,

Сухой Берсут, Казанка II производились археологические, геолого-геоморфологические, палинологические, археозоологические исследования, на отдельных городищах получены результаты по радиоуглеродному датированию (Скорняковском, Маклашеевском II), на одном городище (Маклашеевском II) проводились почвоведческие исследования и инженерно-геологические испытания образцов из насыпи вала. На городищах Грахань, Казанка I, Каравашек (Свиногорское), Тихогорское II, Сазузовское (Бельский Шихан), Зуевключевское I, Верхнемалиновское, Муновское II, Малиновское малое, Малиновское большое, Троицко-Урайское I и Троицко-Урайское II проведены обследования современного состояния мыса и оборонительных сооружений. Результаты обследования отдельных городищ по этому проекту опубликованы в ряде статей (Черных и др., 2013; Чижевский и др., 2014; Хисяметдинова, Чижевский, 2014; Чижевский и др., 2016; Чижевский и др., 2016а, Чижевский и др., 2017 и др.).

На каждом из изученных городищ археологические, геологические и геоморфологические наблюдения и их фиксация (фотодокументация, зарисовка и послойное описание разреза) осуществлялись авторами статьи в поле. Изучение напластований сопровождалось отбором образцов на различные виды анализов. Лабораторные исследования и анализ образцов (палинологический, археозоологический, палеопедологический и радиоуглеродный методы, инженерно-геологические испытания и др.) осуществлялись специалистами соответствующего профиля.

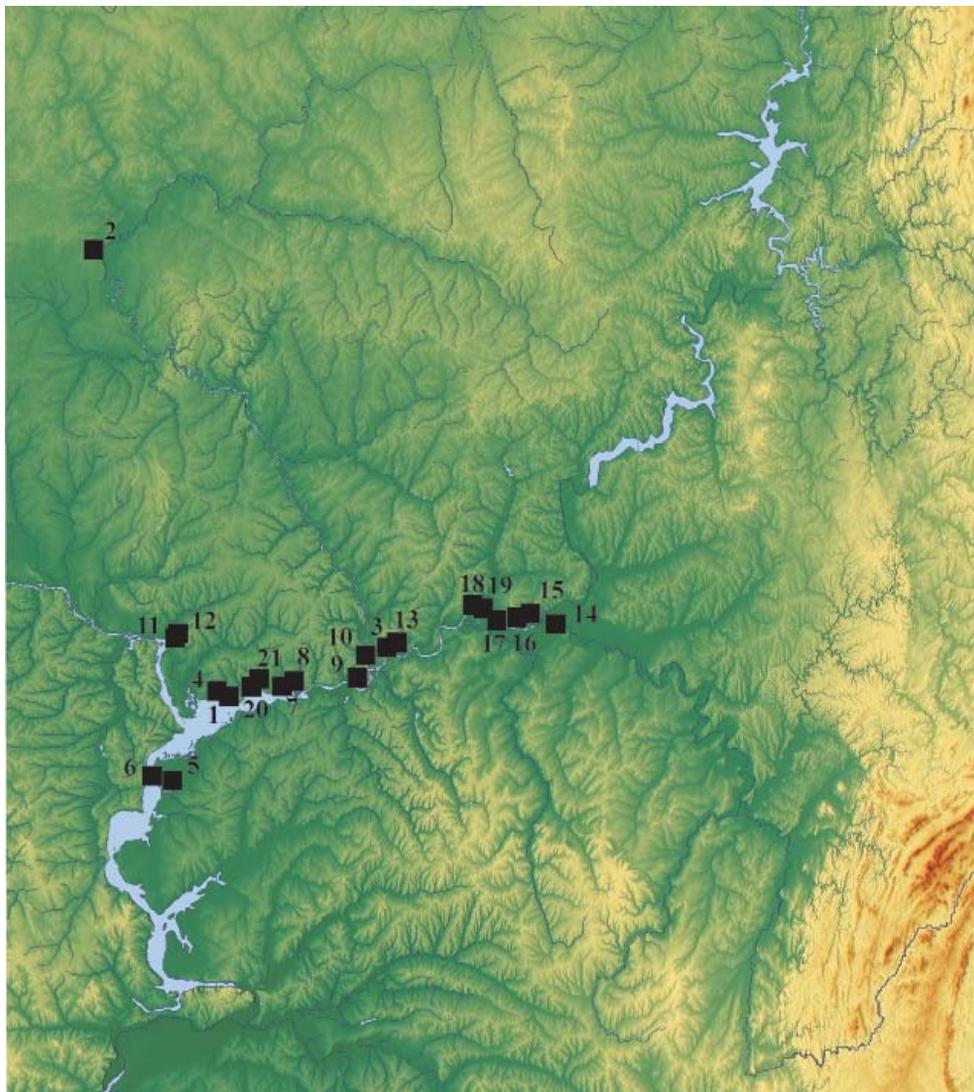

Рис. 1. Местоположение изученных городищ. 1 – Сорочегорское, 2 – Скорняковское; 3 – Тихогорское I, 4 – Гремячий Ключ, 5 – Маклашеевское II, 6 – Балымерское «Шолом», 7 – Черепашье, 8 – Сухой Берсут, 9 – Грахань, 10 – Каравашек (Свиногорское), 11 – Казанка I, 12 – Казанка II, 13 – Тихогорское II, 14 – Саузовское (Бельский Шихан), 15 – Зуевоключевское I, 16 – Верхнемалиновское, 17 – Муновское II, 18 – Малиновское малое, 19 – Малиновское большое, 20 – Троицко-Урайское I, 21 – Троицко-Урайское II.

Fig. 1. The location of the studied hillforts. 1 – Sorochii Gory, 2 – Skorniaki; 3 – Tikhie Gory I, 4 – Gremiachiy Kliuch, 5 – Maklasheevka II, 6 – Balymery “Sholom”, 7 – Cherepashie, 8 – Sukhoi Bersut, 9 – Grakhan, 10 – Karavashek (Svinogorie), 11 – Kazanka I, 12 – Kazanka II, 13 – Tikhie Gory II, 14 – Sauz (Belskii Shikhan), 15 – Zuevy Kliuchi I, 16 – Verkhnemalinovskoe, 17 – Munovskoe II, 18 – Malinovskoe small, 19 – Malinovskoe large, 20 – Troitskii Uray I, 21 – Troitskii Uray II.

Рис. 2. Сочетание природных и антропогенных составляющих определяют городище как природно-антропогенный комплекс. Вид с северо-востока на вал Малиновского Большого городища, съемка 2017 г.

Fig. 2. The combination of natural and anthropogenic components determines the settlement as a natural and anthropogenic complex. View from North-East to the shaft of the Malinovskoe large hillfort, shooting, 2017.

Авторами установлено, что расположенные на мысовых площадках городища с остатками земляных сооружений и поселений в том виде, в каком они дошли до наших дней, являются **природно-антропогенными комплексами** с тремя составляющими: археологической, геоморфологической и геологической (рис. 2).

По многочисленным свидетельствам остатков человеческой деятельности – находкам изделий из керамики, кости и металла, по остеологическим сборам, присутствию деревянных конструкций, наличию хозяйственных ям, валгангов – данные сооружения являются археологическими объектами, созданными сознательной и целенаправленной деятельностью человека.

Обустройство городища и строительство оборонительных сооружений включало следующие виды человеческой деятельности:

- выбор подходящего места для размещения городища и укреплений (рис. 3);
- использование определенных технологий (рис. 4);
- ритуальные действия в процессе строительства (выкладки жертвенных животных) (рис. 5а, 5б).

Стандартная ситуация обустройства городища выглядела следующим образом: до закладки оборонительных сооружений на мысах существовали неукрепленные поселения эпохи финальной бронзы или начала раннего железного века; первоначальное строительство производилось носи-

Рис. 3. Типичное размещение городищ на мысу, между двумя оврагами. Балымерское городище «Шолом», вид с востока – юго-востока, съемка 2014 г.

Fig. 3. Typical placement of fortifications on a promontory, between two ravines. Balymery “Sholom” hillfort, view from the East-South-East, shooting 2014.

телями АКИО, затем оборонительная система надстраивалась с изменениями и перестройками представителями пьяноборской и/или азелинской и др. культур, а затем именьковской и синхронными ей культурами.

Пока городища были заселены, валы и рвы, предназначенные в качестве оборонительных сооружений, строились, ремонтировались (после пожаров, перегнивания деревянных конструкций и естественных обрушений). В промежутках между отсыпками при функционировании городища и «перерывах в обитании», они подвергались воздействию природных процессов, причем наиболее существенные преобразования происходили уже после полного прекращения

жизни на городище. Поэтому остатки валов с оплывшими склонами и рвов, полупогребенных продуктами разрушения насыпи вала, по своему современному состоянию можно рассматривать только в качестве **реликтов** оборонительных сооружений городища.

Земляные насыпные валы и рвы по ряду признаков – по морфологии и морфометрическим параметрам, внутреннему строению, литологическому составу, связи с окружающим рельефом и геологическим субстратом – соответствуют природным объектам, поэтому к ним применимы методы геологических и геоморфологических исследований. В напластованиях вала наблюдаются следы эрозионного

Рис.4. Отсыпка насыпи с использованием слоев разной плотности. Скорняковское городище, разрез вала, вид с северо-запада, съемка 2012 г.

Fig.4. Filling the mound using layers of different density. Skorniaki hillfort, the section of the rampart, the view from the North-West, shooting 2012.

размыва, зачатки почвообразования, следы физического и химического выветривания: незначительные в относительно кратковременные промежутки между отсыпками и существенные после ухода людей с городища. Мысы за свою трехтысячелетнюю историю также претерпели существенные изменения и разрушения, особенно те, что находятся на береговой полосе водохранилищ. Поэтому для восстановления истории строительства оборонительных сооружений, необходима предварительная реконструкция первичного рельефа мыса, что возможно через изучение геологического строения продуктов разрушения по обрамлению останца и использования

материалов аэрофото- и космической съемки разных лет.

Таким образом, и мыс, и остатки валов и рвов, находятся в реликтовом состоянии и образуют в современном ландшафте полигенетическую форму рельефа, для которой правомерно название **мысовое городище**¹. Практически все укрепленные городища являются мысовыми (рис. 6). Плановый рисунок городищ повторяет контур мыса, а строение оборонительных сооружений зависит от микрорельфа

¹ Термин ввел П.А. Раппопорт для древнерусских городищ (Раппопорт, 1956, с. 22), применительно к Волго-Камью впервые использован В.А. Ивановым для городищ АКИО (Иванов, 1984, с. 42).

Рис. 5. Ритуальные действия в процессе строительства 2012 г. 5а – фрагмент выкладки из черепов лошади у подошвы вала Скорняковского городища; 5б – череп лошади в основании вала Сорочьегогорского городища.

Fig. 5. Ritual actions in the process of defensive construction, shooting 2012:
5A – fragment of the laying out skulls of the horses at the shaft foot of the Skorniaki hillfort;
5Б – a skull of horse in the shaft base of the Sorochii Gory hillfort.

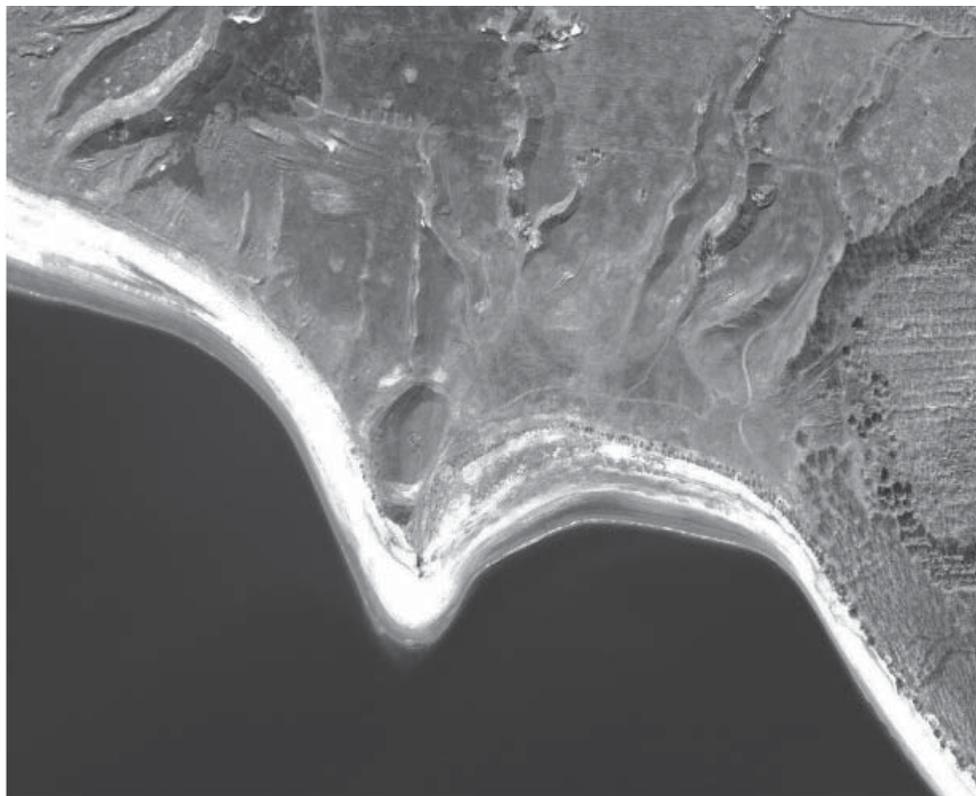

Рис. 6. Типичное мысовое городище. Аэрофотосъемка Маклашеевского II городища. Полевые геолого-геоморфологические исследования.

Fig. 6. Typical promontory hillfort. Aerial photography Maklasheevka II hillfort. Field geological and geomorphological studies

поверхности мыса и литологии слагающих мыс коренных пород и рыхлых отложений. Термин мысовое городище является актуальным для городищ территории Волго-Камья (Среднего Поволжья), существовавших со значительными перерывами с раннего железного века до раннего средневековья.

Выбор места и освоение мысов под поселения произошли на рубеже бронзового и раннего железного века. Пионерами заселения мысов являются носители маклашеевской культуры, а закладку городищ со строительством оборонительных сооружений осуществляли уже носители АКИО. Ананьинские городища функциониро-

вали самое продолжительное время, располагались на большей территории и строение их оборонительных сооружений отличается бóльшим разнообразием чем более поздние пьяноборские, азелинские, именковские и др.

Именно представителям ананьинской КИО принадлежит ведущая роль в основании городищ на мысах и строительстве их оборонительных сооружений.

Комплексные исследования преследуют своей целью установление общих закономерностей развития (в системе человек–природа) оборонительной системы мысовых городищ, возникших на территории Волго-Камья в раннем железном веке и про-

существовавших со значительными временными перерывами до раннего средневековья. Достижение поставленной цели авторы видят через решение следующих задач:

1. Выявление общих закономерностей в обустройстве городищ и строительстве оборонительных сооружений ананьинской КИО.

2. Реконструкция истории развития отдельно взятых многослойных мысовых городищ по периодам (догородищенский – городищенский – постгородищенский).

3. Через корреляцию изученных и известных по опубликованным и отчетным материалам городищ установление общих закономерностей развития мысовых городищ на территории Волго-Камья в пространстве и во времени.

Предметом исследования является история строительства и функционирования оборонительных сооружений городищ.

Формат объекта исследований по каждому из трех научных направлений существенно отличается в силу специфики полевых археологических, геологических и геоморфологических методов исследования.

Объектом *археологических исследований* являются сами оборонительные сооружения и погребенный под ними догородищенский культурный слой, культурный слой на поселенческой площадке и территории «посада». Сами насыпные слои вала также относятся к категории культурного слоя. Мысовое городище как археологический объект представляет собой поселение, расположенное на мысу и укрепленное валами и рвами. Археологические памятники такого типа в пределах территории Волго-Камья

возникли на рубеже бронзового и раннего железного века на месте неукрепленных поселений и просуществовали с перерывами до раннего средневековья.

Объектом *геоморфологических исследований* является рельеф археологического памятника (вал, ров, мыс) и рельеф прилегающей к нему территории. Вал и ров необходимо рассматривать, с одной стороны, на фоне более крупных элементов рельефа (мыса, террасы, коренного борта, речной долины), а с другой – в направлении детализации внутренней формы, вскрываемой путем раскопа или расчистки (т.е. вскрытия погребенных более ранних элементов вала и рва). В результате такого структурированного геоморфологического анализа устанавливаются морфология, происхождение и внутреннее строение мыса и прилегающей территории.

В геоморфологическом отношении городищенский мыс является полигенетической формой рельефа, которая состоит из крутосклонного мыса, заключенного между двумя оврагами либо между оврагом и главной рекой, и выровненной субгоризонтальной поселенческой площадки, которая с внутренней стороны мыса обрамляется насыпным валом (положительная (+) форма рельефа) и рвом (отрицательная (–) форма рельефа). В современном виде валы и рвы являются реликтами оборонительных сооружений городищ РЖВ – раннего средневековья. Морфология мыса и окружающий рельеф являются важнейшей составной частью оборонительной системы городищ.

При рассмотрении оборонительных сооружений как компонента *геологической среды* в сферу обследо-

вания помимо насыпных отложений разреза вала и сопряженного с ним рва необходимо включать: породы природного основания, погребенную почву, почвенно-культурный слой и отложения разрушающегося вала и мыса, что на языке геологов означает: насыпные слои вала, подстилающие и перекрывающие отложения. Геологические образования субстрата являются основным источником стройматериалов, поэтому при расшифровке технологии строительства укреплений важно знать не только литологический состав отсыпанного грунта, но и его естественное залегание в разрезе. Наименование насыпных грунтов вала и их характеристики даются по классификации, разработанной Евразийским советом по стандартизации, метрологии и сертификации (ГОСТ 25100–2011), применяемой при производстве современных инженерных изысканий, проектировании и строительстве зданий и сооружений.

В геологическом отношении мысовое городище составляют: 1) коренные породы и рыхлые отложения мыса с выработанной на них почвой (подстилающие, или догородищенские, отложения); 2) насыпные слои вала (собственно городищенские отложения), которые являются природными грунтами и одновременно – насыпными культурными слоями; 3) продукты разрушения мыса и вала (постгородищенские отложения). Перечисленные отложения составляют основу стратиграфической колонки, которая охватывает временной интервал около 3 тыс. лет.

Ожидаемые результаты комплексных исследований

1. При археологических исследованиях устанавливается культурная

принадлежность материальных остатков, среди которых встречаются индивидуальные находки, являющиеся основным датировочным материалом. Именно эти данные являются основанием для стратиграфических расчленений. В результате раскопок получается информация о строении вала и рва в плане и в разрезе по нескольким пересечениям, что позволяет делать реконструкции оборонительных сооружений в формате 3D. Также выявляются вспомогательные сооружения (подпорные стенки, настилы и др.), определяются следы воздействия человека на насыпные грунты (обжиг, ритуальные выкладки отдельных частей жертвенных животных, ритуальные захоронения людей, грабительские вкопы).

2. Изучение геоморфологического строения мыса, вала и рва включает такие характеристики, как морфологию, морфометрию и происхождение мыса, приуроченность оборонительных сооружений к микрорельефу мыса. Также фиксируется последовательность изменения и усложнения внутренней структуры вала и рва в пространстве и во времени. Важной для реконструкции первичных параметров городища является информация о современных экзодинамических процессах, способствующих разрушению мыса и сооружений на нем. Устанавливается рельеф и природная среда ближайшего окружения городища.

В результате геоморфологических исследований устанавливается мотивация выбора для проживания участка местности, оптимального с экологических позиций, выбор подходящего мыса для размещения городища в качестве фундамента для строительства

и стратегического расположения, использование микрорельефа поверхности мыса для размещения вала и рва. Непосредственно на оборонительных сооружениях устанавливается последовательность изменения морфологии и параметров вала и рва в развитии.

3. По результатам геологических исследований, которые включают установление последовательности напластований вала и сопряженного с ним рва, изучение состава и строения подстилающих отложений и отложенный разрушающегося вала, разрабатывается литолого-стратиграфическая шкала. На подразделениях шкалы отмечаются индивидуальные находки материальной культуры, сборы археозоологических остатков, места отбора образцов на СПА, МБА, ^{14}C и др. виды анализов, также фиксируются следы конкретной деятельности человека, отмечаются установленные экофакты. К последним относятся слои природного происхождения (делювиальные, коллювиальные, эоловые и др.), перерывы в осадконакоплении, размывы, геохимические преобразования, следы почвообразования и другие экзогенные процессы.

Таким образом, изучение мысовых городищ базируется главным образом на археологических, геологических и геоморфологических методах, которые частично взаимно корректируются (в части внутреннего строения вала) и вместе с тем каждый из них привносит и дополнительную информацию. На основе синтеза археологических и геолого-геоморфологических данных на каждом отдельно взятом городище производится реконструкция стратиграфических подразделений. Она включает: 1) предысторию городи-

ща (поздний неоплейстоцен – начало I тыс. до н. э.); 2) историю строительства, функционирования, ремонта и перестроек оборонительных сооружений городища (в интервале времени с IX в. до н. э. до VIII в. н. э.); 3) историю реликтового состояния (с IX в. и до наших дней). Значительная часть мысовых ананьинских городищ не осваивалась в дальнейшем представителями других культур, поэтому реликтовое состояние таких мысовых городищ продолжается 2,5–2,2 тыс. лет.

Методика исследований

Исследовательский процесс по каждому из трех направлений включает методы полевых, камеральных и кабинетных исследований (табл. 1). С помощью полевых методов осуществляется целенаправленный сбор специальной информации, он заключается в дифференцированном сборе фактического материала на каждом отдельно взятом городище. Затем при камеральной обработке данные по археологии, геологии и геоморфологии сопоставляются и сводятся в таблицы, наносятся на карты, планы, используются при разработке схем и шкал. В дальнейшем в кабинетных условиях через анализ и синтез всех полученных данных мы получаем развернутую картину: 1) предыстории городища; 2) истории строительства и функционирования оборонительных сооружений во время существования городищ; 3) истории реликтового состояния городища. Далее с целью выявления общих закономерностей проводится корреляция и сопоставление городищ между собой по обобщенным показателям.

Полевые археологические исследования включают составление си-

Таблица 1

Методы исследования мысовых городищ

Объекты	Виды работ	Методы исследования и результаты
На отдельно взятом мысовом городище	Полевые	Дифференцированный подход к исследованию вала, рва, мыса и прилегающей территории с применением следующих методов: - археологических, - геоморфологических, - геологических. Отбор образцов на различные лабораторные исследования: ¹⁴ C, палинологические, археозоологические, инженерно-геологические исследования.
	Камеральные	По результатам камеральной обработки полевых материалов получаем следующие материалы: - литологический разрез (профиль) вала; - определения археологических находок, обосновывающие стратиграфические подразделения; - литолого-стратиграфическую схему расчленения вала; - таблицу параметров мыса, вала и рва; - геoarхеологический профиль мыса; - план современного состояния мысового городища - геоморфологическую карту мыса с прилегающей территорией и др. материалы.
	Кабинетные	Обобщение материалов по археологии, геологии и геоморфологии с учётом результатов лабораторных исследований (сопряжённый анализ, взаимная корректировка и синтез) Итогом исследований является: - реконструкция строительства и строительных технологий; - восстановление истории возникновения, существования и разрушения мысового городища.
По всей выборке мысовых городищ	Кабинетные	Корреляция разрезов валов, синтез и сравнительный анализ основных составляющих изученных нами и известных по опубликованным данным городищ. По результатам этих работ устанавливается: - история развития мысовых городищ; - история фортификационного строительства и развития технологий строительства оборонительных сооружений с РЖВ по РС; - типы городищ и их распространение по территории.

туационного плана; инструментальную съёмку топографического плана городища в целом и оборонительных сооружений в частности; подробную фотофиксацию всех элементов рельефа городища как оборонительной системы, так и элементов макрорельефа; собственно исследование оборонительных сооружений, включающее: разбивку раскопа; выборку с точной фиксацией артефактов и архе-

зоологических останков; зарисовку в масштабе и фотофиксацию разреза вала; выявление последовательности насыпных слоев и описание стратиграфии в полевом дневнике.

Более подробного изложения заслуживает полевое исследование оборонительных сооружений, которое представляет собой разрез или разрезы вала и рва в поперечном и/или продольном сечении. Для полу-

Рис. 7. Способы исследования оборонительных сооружений: а – пластами одинаковой глубины по всему профилю оборонительных сооружений. Скорняковское городище, съемка 2012 г.; б – горизонтальными пластами, от вершины вала до его подошвы с отбивкой глубины пласта измерительными приборами. Маклашеевское II городище, съемка 2014 г.

Fig. 7. Methods of research of defensive structures: a – by layers of the same depth throughout the profile of defensive structures. Skorniaki hillfort, survey 2012; b – by horizontal layers, from the top of the shaft to his feet through instrumental measurement of the depth of the layer. Maklashevka II hillfort, survey 2014.

чения максимально полного профиля, отражающего значительную часть аспектов строительства и функционирования оборонительных сооружений, раскоп желательно закладывать с захватом поселенческой площадки и «посада». Ширина и место размещения разреза, зависят от решаемых исследователем задач, в последнее время раскапывать предпочитают разрушаемые участки вала, но для получения более полной информации об объекте возможно вскрытие наиболее полно сохранившихся отрезков оборонительных сооружений. Раскопки оборонительных сооружений можно производить двумя способами:

1. Раскопки пластами одинаковой глубины (обычно 10–20 см) по всему профилю оборонительных сооружений (одним раскопом или отдельными раскопами ввиду больших трудозатрат при проведении данных исследований), с остановкой работ на местах выхода материка (рис. 7а). В таких случаях наиболее продолжительные работы происходят на валу, а на поселенческой (городищенской) площадке и иногда во рву они заканчиваются раньше. Вариантом этого способа является выборка насыпи вала пластами по выявленным в ней отдельным слоям отсыпки, превышающим стандартные 10–20 см или, наоборот, составляющим меньшие величины. Этот способ позволяет выбирать насыпные слои, последовательно двигаясь от поздних слоев к более древним.

2. В случае большой крутизны склонов оборонительных сооружений или размещении их на склонах крутых мысов, проведение работ первым способом невозможно ввиду опасности получения травм. В таком случае возможна работа горизонтальными

пластами, от вершины вала до его подошвы с отбивкой глубины пласта измерительными приборами (рис. 7б). Таким способом обычно исследуют курганные насыпи от вершины, постепенно расширяясь к подошве кургана. Основной проблемой, встающей перед исследователями в этом случае, является рассечение раскопом разновременных отсыпок насыпи и соответственно трудность привязки артефактов к тем или иным строительным горизонтам. Бровки, расположенные поперек длинной оси разреза не только могут быть распорными, но и позволяют уточнить стратиграфию оборонительных сооружений.

При раскопках насыпи вала и тем и другим способом происходит фиксация каждого пласта (графическая и фотографическая) не только по вертикальной стенке разреза, но и в горизонтальной плоскости по пластам выборки. Артефакты из разреза фиксируются по слоям отсыпки.

Подобная методика используется и при раскопках дяковских валов (Кренке, 1986; 2011; Коваль, 2011, 2013).

Полевые геолого-геоморфологические наблюдения включают: 1) метод маршрутного обследования территории, прилегающей к городищу; 2) продольное и поперечное профилирование городищенского мыса; 3) литолого-стратиграфический метод расчленения разреза вала и природного основания (или принципы стратиграфического расчленения оборонительных сооружений; 4) изучение естественных обнажений и зачисток по обрамлению мыса.

Метод маршрутного обследования прилегающей к городищу территории. В процессе полевых работ на каждой

точке обследования одновременно фиксируются в полевом дневнике геологические и геоморфологические наблюдения, так как процесс осадконакопления и формирование рельефа происходит одновременно. Разграничение данных производилось в процессе камеральной обработки материалов. В работе также использовались космоснимки, топографические (гипсометрические) и специализированные карты (палеографические, геологические, палеоландшафтные, инженерно-геологические и др.) различных масштабов, опубликованные и архивные материалы. Таким образом, происходит сбор имеющейся информации о природной среде, в которой жили обитатели городища на всем протяжении его существования.

В результате комплексного анализа компонентов природной среды (орография, гидрография, климат, растительность, рельеф, геологическое строение, состав и свойства пород и др.) выявляются особенности ландшафта местности, которые были определяющими при выборе места первичного поселения, а затем были использованы для жизнеобеспечения обитателей городища и при строительстве оборонительных укреплений.

Метод продольного и поперечного геолого-геоморфологического профилирования городищенского мыса. Линия продольного профиля проводится (на топографической основе, на крупномасштабном плане или составляется инструментально) по центру мыса от его подножья через поселенческую площадку городища, пересекает вал, ров и далее продолжается по мысу вплоть до перехода мыса в террасу, коренной борт или водораздел долины. Также делается

несколько профилей поперек мыса. Описание точек наблюдения производится в местах перегиба рельефа поверхности по естественным обнажениям и искусственным зачисткам, кроме того, обследуются отдельные (изолированные) формы рельефа. На профилях отражается геологическое строение и морфология мыса и наложенных микроэлементов рельефа. С них считываются все морфометрические параметры, относительные и абсолютные высоты отдельных элементов. Полученные данные позволяют понять происхождение мыса и меру использования природных компонентов при планировке и строительстве оборонительных сооружений.

Литолого-стратиграфический метод (или принципы стратиграфического расчленения оборонительных сооружений). Непосредственно на раскопе или разрезе оборонительных сооружений археологические, геологические, геоморфологические наблюдения фиксируются в полевом дневнике, ведется зарисовка (в масштабе), послышное описание геологического разреза оборонительных сооружений и фотодокументация вскрытых стенок. На профиль разреза наносятся места отбора и номера сборов остатков материальной культуры и образцов на различные виды анализов. Значительная часть находок керамики поддается определению в поле, на основании чего делается предварительное расчленение насыпи вала по времени его создания. В камеральных условиях с получением окончательных определений керамики и результатов других анализов (СПА и ^{14}C) эти данные корректируются.

В качестве литолого-стратиграфических единиц насыпных грунтов

вала используются геологические термины: формация, серия, толща и слой с добавлением прилагательного «насыпная», так как генезис этих образований связан с деятельностью человека (Хисяметдинова, Чижевский, 2014, с. 377; Чижевский и др., 2016а, с. 68–69). **Насыпная формация (н. ф.)** включает все отложения насыпи вала на каждом отдельно взятом городище с сохранением названия городища (например, насыпная формация Маклашеевского городища). Насыпная формация содержит от одной и более **насыпных серий (н. с.)**. Название насыпной серии определяется по содержанию в них артефактов той или иной культуры. Например, насыпная формация Сорочьегорского городища представлена только ананьинской, а Скорняковского городища – ананьинской, пьяноборской и еманаевской насыпными сериями. На Маклашеевском II городище между ананьинской и именьковской насыпными сериями залегают осадки природного происхождения, которые образованы за счет плоскостного и эрозионного смыва продуктов разрушения вала, перемежающиеся с эоловыми песками и др. осадками. Это стратиграфическое подразделение именуется как **серия природных осадков, разрушающегося вала**.

В свою очередь, насыпная серия подразделяется на две и более **насыпные толщи (н. т.)**: при 2-членном делении – на нижнюю и верхнюю, при 3-членном делении – на нижнюю, среднюю и верхнюю, при 4-членном и более делении – по номерам толщ.

Например, еманаевская насыпная серия (Em) Скорняковского городища подразделяется на первую (Em₁), вторую (Em₂), третью (Em₃) и чет-

вертую (Em₄) насыпные толщи. Выделение насыпных толщ обусловлено литологическими различиями (по гранулометрическому составу, цвету, наличию включений, текстурным признакам и др. свойствам), отчетливыми границами раздела, обусловленными перерывами в отсыпке грунта (в осадконакоплении по геологической терминологии). Внутри насыпной толщи наблюдаются от 1–2 до 5–6 **насыпных слоев (н. сл.)**.

Литолого-стратиграфическим подразделением: (насыпные) формация – серии – толщи – слои соответствуют следующие временные подразделения: период – этап – стадия – акт отсыпки. Формирование насыпной формации относится к периоду строительства и функционирования оборонительных сооружений городища. Ему предшествует период существования неукрепленного поселения, а его продолжением является период реликтового состояния оборонительных сооружений городища. Все три периода в совокупности являются временем формирования мысового городища как природно-археологического комплекса. Продолжительность всех трех периодов на каждом мысовом городище индивидуальна, а вот общая продолжительность существования мысовых городищ единая и составляет около 3 тыс. лет.

Период строительства и функционирования оборонительных сооружений городища подразделяется на этапы строительства, на исследованных городищах это: (ананьинский (An), пьяноборский (Pb), азелинский (Az), еманаевский (Em), именьковский (Im), в ряде случаев имеется этап природных преобразований. Этапы подразделяются на раннюю и позднюю

или раннюю – среднюю – позднюю стадии строительства. Стадии строительства состоят из актов отсыпки вала.

В результате полевых комплексных исследований и последующей камеральной обработкой материалов по каждому городищу получаем следующие материалы:

- литологический разрез (профиль) вала;

- определения артефактов из раскопа, обосновывающие основные стратиграфические подразделения;

- литолого-стратиграфическую схему оборонительных сооружений (табл. 2);

- таблицу параметров мыса, вала и рва (табл. 3);

- геоархеологический профиль (рис. 8);

- план современного состояния мысового городища (рис. 9а, 9б) или геоморфологическую карту мыса с прилегающей территорией.

- др. материалы (образцы на спорово-пыльцевой анализ, фитолиты, радиоуглеродный анализ, археозоологические сборы).

По результатам проведенных работ составляется геоморфологическая карта района городища и геоархеологический профиль, таблица морфометрических параметров мыса, вала и рва, стратиграфическая схема расчленения отложений городища, включая его природное основание и антропогенную надстройку, состоящую из почвенно-культурного слоя, насыпи вала и погребенного под склоновыми отложениями фрагмента оборонительного рва.

Кабинетные исследования включают:

1. Обобщение результатов исследований по каждому городищу. В результате сопряженного анализа полученных данных по археологии, геологии и геоморфологии каждого изученного нами природно-антропогенного комплекса восстанавливается история возникновения, строительства, функционирования и разрушения оборонительных сооружений и мыса, разделенная на такие временные отрезки, как: периоды, этапы, стадии строительства с учетом отдельных актов отсыпки (табл. 4).

2. Корреляцию разрезов городищ. В результате корреляции между собой разрезов насыпных валов изученных городищ составляется: 1) относительная хронология последовательности существования археологических культур, участвовавших в строительстве городищ на территории Волго-Камья; 2) стратиграфическая схема расчленения мысовых городищ Волго-Камья (табл. 5); 3) схема геоморфологического строения мысовых городищ.

Установлена следующая общая закономерность.

В истории мысовых городищ на территории Волго-Камья основным является период их функционирования и строительства оборонительных сооружений – **городищенский период** (РЖВ – раннее средневековье). Ему предшествует **догородищенский период** (финал эпохи бронзы – начало РЖВ). Возникновение неукрепленного поселения на мысу свидетельствует о выборе подходящего места под строительство (правильный выбор подходящего для строительства мыса равнозначен строительству фундамента здания в архитектуре).

Таблица 2

Литолого-стратиграфическая схема внутреннего вала городища Черепашье.

ОБЩАЯ СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ШКАЛА		ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВАЛА		ВЫСОТА ШКАЛА	ЛИТОЛОГИЯ	ОБРАЗЦЫ НА СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОЙ АНАЛИЗ	КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЛОЖЕНИЙ (Расшифровка литологической колонки)		
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ СИСТЕМА	ГОЛОЦЕН	НАСЫПНАЯ ФОРМАЦИЯ ГОРОДИЩА ЧЕРЕПАШЬЕ	ИМЕНЬКОВСКАЯ НАСЫПНАЯ СЕРИЯ (Im) (V-VII вв)	ТОЛЩА РАЗРУШЕНИЯ (Im2)	3,3 м		СПА 1/15 (3,36 м)	смешанная делювиально-осыпными процессами почва гумусированные супеси, темно-серого, почти черного цвета - современная почва, выработанная по разрушенным отложениям насыпи вала	
				НАСЫПНАЯ ТОЛЩА (Im1)	3,1 м		СПА 1/14 (3,18 м) СПА 1/13 (3,0 м) СПА 1/12 (2,82 м)		гумусированные супеси (темно-серые) - переотложенная или выработанная (?) почва
			АЗЕЛИНСКАЯ НАСЫПНАЯ СЕРИЯ (Az) (III-V вв. до н.э.)	НАСЫПНЫЕ ТОЛЩИ		2,74 м		СПА 1/11 (2,64 м) СПА 1/10 (2,42 м)	
				НИЖНЯЯ (Az1)	1,8 м		СПА 1/9 (2,02 м)	насыпной слой супесчано-зольного материала с большим включением древесных угольков размером от 1-2 до 5 мм с редкими невыдержанными линзами (до 1 см) пепла или песчаного материала, залегающие субпараллельно подошве слоя. В зольном материале имеются включения керамики азелинской культуры	
			АНАНИНСКАЯ НАСЫПНАЯ СЕРИЯ (An) (IX-III вв. до н.э.)	НАСЫПНАЯ ТОЛЩА (An)	4 Н.С.	1,54 м			СПА 1/8 (1,66 м)
					ПОЧВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	1,36 м		СПА 1/7 (1,42 м) СПА 1/6 (1,28 м)	насыпные гумусированные супеси, темно-серые с полосчатой текстурой насыпные слабо гумусированные пески, светлого-коричневые
			1,2 м			СПА 1/5 (1,10 м) СПА 1/4 (1,0 м)	насыпные пески гумусированные супеси, темно-серые пласт сажистон гумусированной супеси с линзой золы с артефактами финала эпохи бронзы и РЖВ (АКЮ)		
			0,92 м			СПА 1/3 (0,78 м)		гумусированные пески, темно серые - почва, выработанная на песчаном грунте	
			0,68 м			СПА 1/2 (0,56 м) СПА 1/1 (0,12 м)	пески тонкозернистые, без глинистого заполнителя, сыпучие, светло-коричневые с пятнами ожелезнения, в крошке слабо гумусированные		
			ПОГРЕБЕННАЯ ПОЧВА	0,0 м					
НИЖНИЙ-СРЕДНИЙ	ПРОЛОЖЕНИЕ	ЭОЛОВЫЕ ПЕСКИ							

Таблица морфометрических параметров вала и рва.
Городище Черепашье, внутренний и внешний валы.

Поселенческая площадка	Укрепления	ВАЛ (V)			РОВА (R)			Превышение вала надо рвом
		Ширина	Высота	Длина	Ширина между бровками	Глубина	Длина	
Внутренняя	Ананьинские (An)	4 м	0,8 м	23 м	2,3 м	0,85 м	23 м	1,7 м
	Азелинские (Az)	6–9 м	1,2 м	23 м	5–6 м	1,85 м	23 м	2 м
Внешн.	Азелинские (Az)	12 м	1,0–1,2 м	60 м	8,6 м	1,1 м	28 м	2,05 м

После прекращения жизни на городище, мыс с валами и рвами продолжал существовать вплоть до наших дней, разрушаясь под воздействием природных процессов. Поэтому **постгородищенский период** является периодом реликтового состояния городища, его оборонительных сооружений и мыса в целом. Реликтовый период для разных городищ начинается по-разному: с V–III вв. до н. э. (для некоторых ананьинских городищ), с конца IV в. (для азелинских), с VIII–IX вв. (для раннесредневековых: именьковских, еманаевских и др.) – до наших дней). Приведенные данные свидетельствуют, что продолжительность существования мысовых городищ составляет около 3 тысяч лет.

В результате сравнительного анализа отдельных составляющих изученных городищ: артефактов, геоморфологических и топографических карт, космоснимков, геoarхеологических профилей, морфометрических параметров, литолого-стратиграфических колонок валов, схемы истории функционирования и строительства –

установлена взаимосвязь между морфотипом городищенского мыса, разрезом вала и технологией строительства. На основе выявленной закономерности для раннего этапа городищенского периода, который связан с ананьинской КИО, выделяется нескольких типов городищ (Хисьяметдинова, Чижевский, 2014, с. 376–379).

Городища 1 типа (морфотипа) располагаются на относительно невысоких (17–30 м от уровня реки) террасовидных пологонаклонных поверхностях, обрамленных оврагами. Третья сторона площадки обрывается почти вертикальным уступом к руслу. В строительстве вала применялась самая простая технология. На его начальной стадии с двух сторон выбранного под вал места устанавливались подпорные стенки из бревен, между которыми сваливался грунт, выбираемый с поверхности площадки. Под ров часто использовалось естественное понижение рельефа местности.

Городища 2 типа (морфотипа) находятся на высоком (30–40 м над уровнем русла) водоразделе между

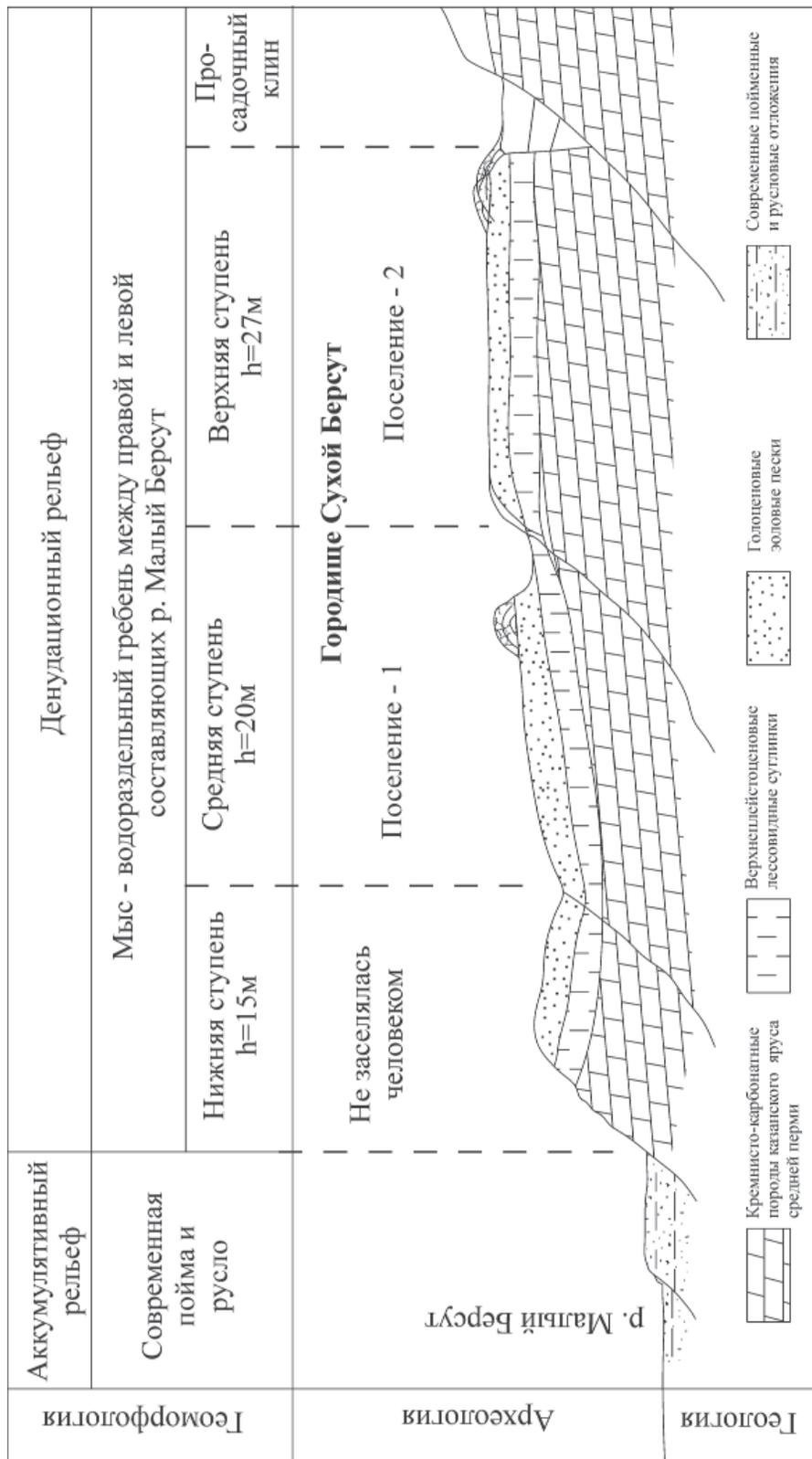

Рис. 8. Геоархеологический профиль. Городище Сухой Берсут.
 Fig. 8. According to geo-archaeological profile. Sukhoi Bersut hillfort.

Таблица 4
 Реконструкция истории оборонительных сооружений каждого отдельного городища. Внутренний вал городища Черепашье.

ОБЩАЯ СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ШКАЛА		ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВАЛА		ВЫСОТА ШЕДЕЛА	ЛИТОЛОГИЯ	ОБРАЗЦЫ НА СПОРОВО-ПЫЛЕЦЕВОЙ АНАЛИЗ	ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ЧЕРЕПАШЬЕ (Комплексная интерпретация разреза)		
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ СИСТЕМА	ГОЮЩЕН	НАСЫЩЕННАЯ ФОРМАЦИЯ ГОРОДИЩА ЧЕРЕПАШЬЕ	ИМЕНЬКОВСКАЯ НАСЫЩЕННАЯ СЕРИЯ (Im) (V-VII вв.)	ТОЛЩА РАЗРУШЕНИЯ (Im2)	3,3 м	СПА 1/15 (3,36 м)	ИМЕНЬКОВСКИЙ ЭТАП (вал именьковской культуры)	СТАВЛЯ	разрушение наблюдательного пункта, засыпка ровов и склонов вала долендально-осыпными отложениями. Подлинне грабительские впады
					3,1 м	СПА 1/14 (3,18 м) СПА 1/13 (3,0 м)		СТАВЛЯ	
			(V-VII вв.)	НАСЫЩЕННАЯ ТОЛЩА (Im1)	2,74 м	СПА 1/12 (2,82 м)		ПОДВЯ	настройка аняньско-азелинского вала (вал-1) собственной конструкцией (наблюдательный пункт?)
			АЗЕЛИНСКАЯ НАСЫЩЕННАЯ СЕРИЯ (Az) (III-V вв. до н.э.)	НАСЫЩЕННЫЕ ТОЛЩИ	2,52 м	СПА 1/11 (2,64 м) СПА 1/10 (2,42 м)	АЗЕЛИНСКИЙ ЭТАП (вал азелинской культуры)	ПОДВЯ	настройка аняньского вала собственной конструкцией на валу-1
					РАННЯЯ СТАВЛЯ	муровый свал лепшой и/или котовой зоны с вершины аняньского вала и строительство вала-2			
			АНАНЬИНСКАЯ НАСЫЩЕННАЯ СЕРИЯ (An) (IX-III вв. до н.э.)	НАСЫЩЕННАЯ ТОЛЩА (An)	1,8 м	СПА 1/8 (1,66 м) СПА 1/7 (1,42 м) СПА 1/6 (1,28 м) СПА 1/5 (1,10 м) СПА 1/4 (1,0 м)	АНАНЬИНСКИЙ ЭТАП (вал АКНО)	СТАВЛЯ	строительство дугообразного вала-1 для укрепления площадки-1, осуществилось в результате 4 актов отсыпки
					СТАВЛЯ	запущенные городища на протяжении 600-800 лет ???			
			ПОЧВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	ПОТРЕБЕННАЯ ПОЧВА	1,54 м	СПА 1/3 (0,78 м) СПА 1/2 (0,56 м)	ПОЧВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ПЭВ и РЖВ, неурешенные поселения	СТАВЛЯ	строительство вала-1, извлекаемый материал шел на отсыпку вала; вал углублялся и расширялся с каждой отсыпкой
					ПОТРЕБЕННАЯ ПОЧВА	погребенная почва, выработана до прихода людей позднего бронзового века			
			ПРИРОДНОЕ ОСНОВАНИЕ	ЗОЛОВЫЕ ПЕСКИ	1,36 м	СПА 1/1 (0,12 м)	ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ (10-4 тыс. л.тн)	СТАВЛЯ	золовые пески, постледниковые, так как залегают на лессовидных супыликах и в свою очередь не несут следов кроющей переработки
					ЗОЛОВЫЕ ПЕСКИ	0,9 м		СПА 1/1 (0,12 м)	

Таблица 5

Стратиграфическая схема расчленения
Волжско-Камских мысовых городищ (геоархеологическая шкала).

по Бэингу-Сернандеру		Временная шкала		Истор.- археологическая периодизация	Стратиграфическая схема расчленения мысовых городищ (геоархеологическая шкала)																
		От наших дней	Относно Р.Х.		Насыпная формация	Насыпная серия		Насыпная толща													
Суббореал (SB)	III тыс. лет	I тыс. л. до н.э.	XX	Новое и новейшее время	Волжско-Камские мысовые городища	Постгородищенские образования	Делювиальные, обвално-осыпные, оползневые отложения, разрушающегося вала и мыса. Значительная часть продуктов разрушения переработана и уничтожена абразией водохранилищ. Динамика разрушения мысового городища прослеживается по АФС, КС и топокартам разных лет исполнения														
			XIX																		
			XVIII																		
			XVII																		
			XVI																		
			XV																		
	II тыс. лет	I тыс. н.э.	XIV	Средневековье						Позднее	Волжско-камская насыпная формация (насыпь вала мысовых городов)	Верхняя	именьковская (Im) (локально - сманаевская (Em))		2-4						
			XIII										Средняя	серия природных отложений		азелинская (Az) или пнянборская (Pb)					
			XII														Нижняя	анавьинская (An)			
			XI											Раннее		Поздняя фаза		позднее	Догородищенские образования	почвенно-культурный слой, маклашеевский или раннесаньинский	
			X														Ранний железный век			Ранняя фаза	Раннее
			I тыс. л. до н.э.											I тыс. н.э.		IX		Ранний железный век	Ранняя фаза		
VIII																					
VII																					
VI																					
V																					
IV																					
III тыс. лет	I тыс. л. до н.э.	III	Ранний железный век	Ранняя фаза	Позднее	Позднее	позднее	позднее	позднее												
		II																			
		I																			
		X																			
		XI																			
		XII																			

главной рекой и боковым оврагом. На городищах этого типа склон, обращенный к главной реке, обрывистый, а склоны, ориентированные в сторону оврага, менее круты.

Во время строительства вала каждый насыпной слой вначале отсыпался минеральным грунтом (доломитовой мукой, песком), а затем укреплялся почвой или щебнем. На ранней стадии, при закладке вала,

отсыпки производились небольшими порциями. Прослой доломита и сыпучего песка перемежали со слоями из органических материалов. На Скорняковском городище, которое относится к данному морфотипу, отмечена подпорная стенка. На основной стадии строительства отсыпка вала производилась минеральным грунтом методом сухой наброски, а затем укреплялась блоками, вырезанными

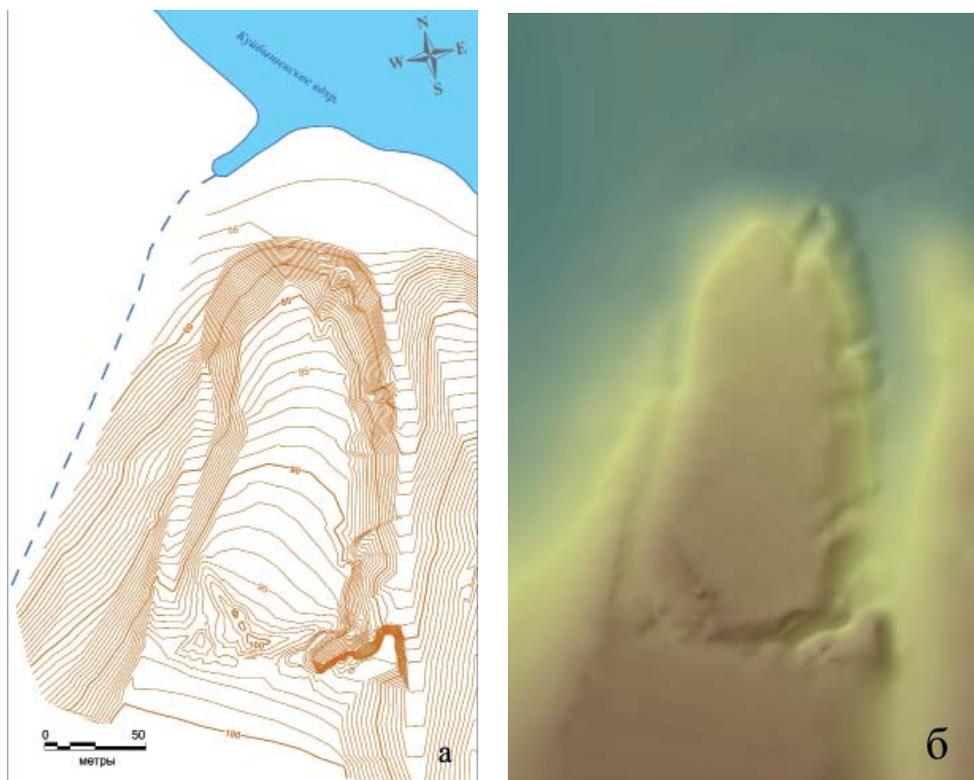

Рис. 9. План современного состояния мысового городища. Городище Грахань: а – топографический план; б – 3D-модель. Съемка Б.М. Усманова, 2015 г.

Fig. 9. Layout of the current state of the promontory hillfort Grakhan: а – topographic map; б – 3D model. Survey by B. M. Usmanov, 2015

в почвенном грунте вместе с дерном. Хорошая сохранность блоков была зафиксирована на валу Скорняковского городища (Чижевский, Черных, Хисяметдинова, 2016а). На валу Сорочьегорского городища, исходя из строения гумусированных прослоев, можно сказать, что отобранные блоки строители переворачивали и клали дерниной вниз (Чижевский и др., 2014, с. 250).

Выводы

Мысовые городища на территории Волго-Камья являются природно-антропогенными комплексами, в которых морфология самого мыса и окру-

жающий рельеф являются важнейшей составной частью оборонительной системы. Мыс – это природное образование, роль человека заключалась в оптимальном выборе места размещения укрепленного поселения с учетом его труднодоступности, его антропогенная составляющая – вал и ров – строились с максимальным учетом микрорельефа поверхности мыса в целях уменьшения трудозатрат и увеличения оборонной мощности укреплений.

История развития мысовых городищ подразделяется на три периода (рис. 10а).

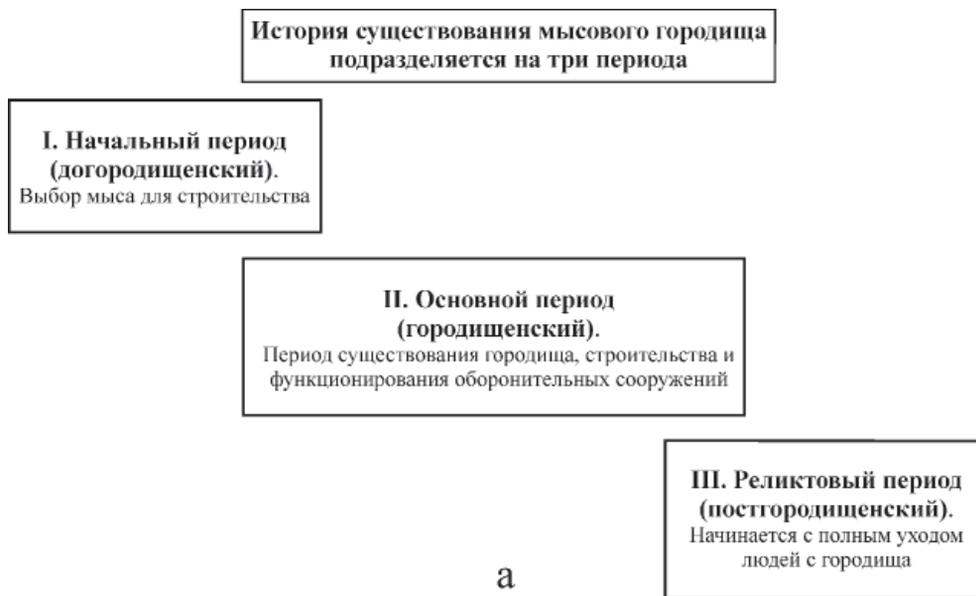

Рис. 10. а – периодизация истории существования городища как природно-антропогенного комплекса.

Fig. 10. a – periodization of the hillfort history as a natural and anthropogenic complex.

Начальный (догородищенский) период приходится на рубеж бронзового и раннего железного веков. Он характеризуется возникновением на мысах неукрепленных поселений маклашеевской культуры или раннего периода АКИО². Большинство этих поселений на мысах предопределили местоположение будущих городищ. Оптимальный выбор мыса был равносильно строительству фундамента под оборонительные сооружения.

Основной (городищенский) период с IX в. до н. э. и до VIII–IX вв. н. э. Он характеризуется как период существования на мысах городищ, строительства и функционирования оборонительных сооружений.

Реликтовый (постгородищенский) период. Начинается после полного ухода людей с городища. Для части ананьинских городищ он начинается с V–III вв. до н. э., для других – после прекращения существования городищ раннего средневековья – с конца IV в. и VIII–IX вв. н. э.

В свою очередь, основной (городищенский) период подразделяется на три этапа: **ранний, средний и поздний** (рис.10б).

Ранний этап связан с носителями ананьинской культурно-исторической области раннего железного века, представители которой первые в регионе начали строительство укрепленных поселений (около IX в. до н. э.). Этот этап самый продолжительный во времени и характеризуется большим разнообразием строительных приемов. Строители оборонительных сооружений на этом этапе много экс-

² Подробнее о хронологии и периодизации АКИО см. Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102.

Основной период (городищенский).

Период существования городища, строительства и функционирования оборонительных сооружений в Волго-Камье с IX в. до н.э. до VIII-IX вв. н.э.

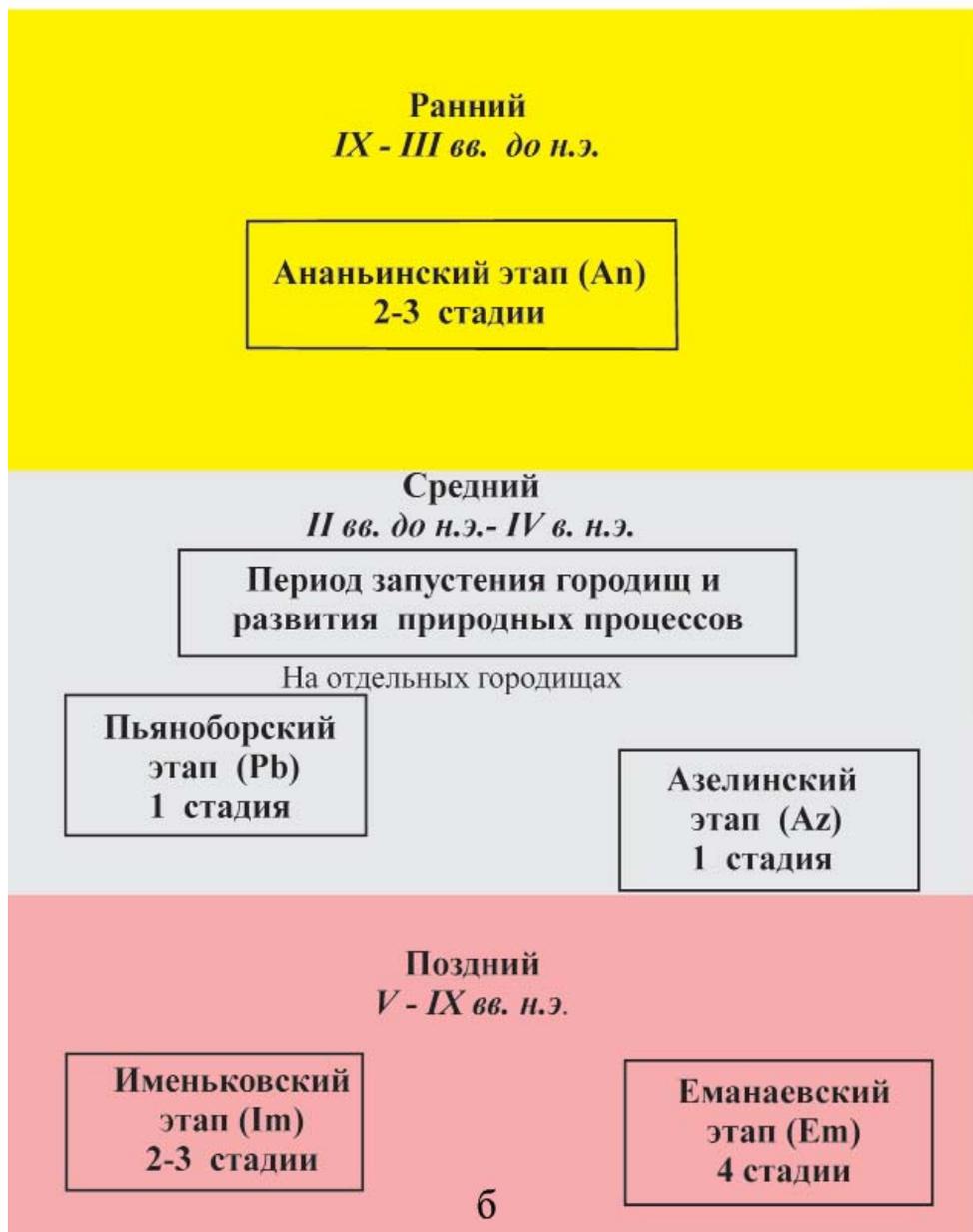

Рис. 10. 6 – основные этапы существования мысовых городищ в Нижнем Прикамье и Казанском Поволжье.

Fig. 10. 6 – the main stages of existence of promontory hillforts on the Low Kama and the Kazan Volga region.

периментировали, приспособиваясь к конкретным условиям местности, рельефу и геологическому строению мыса. Возведение валов подразделялось на две-три строительные стадии, причем в каждую последующую стадию отсыпки происходило перемещение вала в наполную сторону и сопровождалось строительством нового рва. На этом этапе использовались в основном рыхлые (мягкие) грунты в виду отсутствия технологических возможностей работать с твердыми грунтами.

В рамках этапа наблюдается уход населения с одних городищ (на территории Нижней Камы и Средней Волги) и начало строительства новых (на территории Средней Камы и Вятки).

Средний этап связан со строительной деятельностью населения пьяноборской, азелинской и мазунинской культур (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Он характеризуется заселением и реставрацией укреплений на части заброшенных ранее городищ ананьинской КИО и строительством новых городищ, появляются новые типы валов Г-образной и кольцевой формы, возникают мысовые городища, защищенные двумя и тремя валами, ранее не встречающиеся. Судя по результатам строительной деятельности, проживание представителей этих культур на городищах было более кратковременным и, как правило, характеризуется одной строительной стадией.

Поздний этап связан с проникновением на территорию Волго-Камья, нового населения, которое связывают с именьковской культурой, он продолжался с IV в. по VII в. В строительных технологиях этого времени произошел качественный скачок – оборони-

тельные укрепления характеризуется единственным типом валов в виде «шишки» 5–7 м в высоту (валы строились как бы по «типовому проекту»). Внутри вала именьковские строители помещали деревянные конструкции, тем самым предохраняя грунт от оползаний. На этом этапе существенно обогащается инструментарий и строители раннего средневековья начинают использовать грунты тяжелого мехсостава.

В многослойных валах насыпные слои раннего железного века и раннего средневековья разделены: природными осадками, образованными за счет разрушения нижнего, ананьинского, вала (Маклашеевское II городище) или перерывом в осадконакоплении, о чем свидетельствует корка пустынного загара (Скорняковское городище) или почвообразование (Городище Черепашье), а также насыпными слоями пьяноборской или азелинской культур. Эти экофакты в совокупности с археологическими находками в подстилающих и перекрывающих культурных насыпных слоях свидетельствуют об отсутствии жизни и строительной деятельности на городищах на протяжении длительного времени, по крайней мере, со II в. до н. э. и до IV–V в. н. э.

Следует обратить внимание, что каждый из трех этапов связан со строительной деятельностью носителей «новой» культуры. Каждая «новая» культура на части мысовых городищ надстраивала ананьинские оборонительные сооружения, тем самым продолжая городищенские традиции АКИО в регионе. Помимо этого носители постананьинских культур воздвигали собственные оборонительные со-

оружения, осваивая новые места для обустройства городищ (новые мысы) и применяя свои технологии.

Анализ данных, полученных в результате изучения оборонительных сооружений мысовых городищ до-

булгарского населения Волго-Камья, позволяет прийти к выводу, что выделенные этапы строительства являются историческими этапами развития фортификации на территории Волго-Камья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.
2. *Борзунов В.А.* Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // СА. 1997. № 1. С. 163–180.
3. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
4. *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
5. *Кренке Н.А.* Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. М.: Наука, 1986. С. 90–95.
6. *Коваль В.Ю.* «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.
7. *Коваль В.Ю.* Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 53–69.
8. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества (X–XIII вв.). Т. V / МИА. № 52. М.; Л.: АН СССР, 1956. 184 с.
9. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
10. *Хисьяметдинова А. А., Чижевский А.А.* Геологические и геоморфологические реконструкции строительных технологий оборонительных сооружений раннего железного века на Каме и Вятке // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 376–379.
11. *Черных Е.М.* Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск: ИИКНП, 2000. 32 с.
12. *Черных Е.М.* Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 76–97.
13. *Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
14. *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 64–103.
15. *Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш.* Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы /

Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

16. Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешина А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 221–243.

17. Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешина А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторах:

Хисьяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); asiata@yandex.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING FORTIFICATIONS OF HILLFORTS IN THE VOLGA-KAMA REGION OF THE EARLY IRON - EARLY MIDDLE AGES

A.A. Khisiametdinova, A.A. Chizhevsky

The paper considers the methodological aspects of comprehensive archaeological and geological-geomorphological studies of fortifications dating back to the Early Iron Age – Early Middle Ages. The authors determined that settlements with the remains of earthworks and dwellings located on headland platforms in the condition they have retained until the present day are natural-anthropogenic complexes with three components: archaeological, geomorphological and geological, and should be studied using methods of the corresponding sciences. The history of the development of headland settlements is subdivided into the following three periods: pre-settlement, settlement and post-settlement (relic). The settlement period is in turn subdivided into three stages: the early stage associated with the carriers of the Ananyino cultural and historical area of the Early Iron Age (circa 9th – 3rd centuries B.C.); the middle period related to the construction activities of the population of the Piany Bor, Azelino and Mazunino cultures (2nd century B.C. – 4th century A.D.); and the late stage associated with the Imenkovo culture and the coexisting cultures of the Early Middle Ages (4th – 7th cc.). An analysis of information obtained as a result of studying the fortifications of promontory forts allows to conclude that the distinguished stages represent the historical stages of the development of fortifications across the Volga-Kama region.

Keywords: archaeology, geomorphology, geology, Volga-Kama region, Early Iron Age, early Middle Ages, hillforts, fortifications, comprehensive research methods.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings)*). Series: Arkheologiya evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
2. Borzunov, V. A. 1997. In *Sovetskaja Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 163–180 (in Russian).
3. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuju epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkh-

ologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

4. Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

5. Krenke, N. A. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186. Moscow: "Nauka" Publ., 90–95 (in Russian).

6. Koval', V. Yu. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 35–57 (in Russian).

7. Koval', V. Yu. 2012. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 53–67 (in Russian).

8. Rappoport, P. A. 1956. *Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva (X–XIII vv.). T. V (Essays on the History of Russian Military Architecture (10th–13th cc.). Vol. 5)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 52. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

9. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Khisiametdinova A. A., Chizhevsky, A. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 376–379 (in Russian).

11. Chernykh, E. M. 2000. *Stepanovskoe gorodishche – novyi pamiatnik rannego zheleznoogo veka v Srednem Prikam'e (Stepanovka Hillfort - New Site of the Early Iron Age in the Middle Kama Region)*. Izhevsk: Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples (in Russian).

12. Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 76–97 (in Russian).

13. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

14. Chizhevsky, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 64–103 (in Russian).

15. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D., Asylgaraeva G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).

16. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 221–243 (in Russian).

17. Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisiametdinova A. A., Mitriakov A. E., Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Vyatka River)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Khislametdinova Asia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chizevski@mail.ru

Статья поступила в номер 05.02.2018 г.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РАСПОЛОЖЕНИЯ И ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЧУВАШСКОГО ПРИСУРЬЯ

© 2018 г. М.И. Федулов, А.А. Семёнов

Анализ системы расположения городищ раннего железного века позволяет выделить особую береговую группу памятников, расположенную в правобережье р. Сура, в пределах границ Чувашской Республики. Топографические особенности расположения городищ, связь укрепленных и неукрепленных поселений, определение жилых зон является основной задачей пространственного анализа. Авторами установлено, что центральными памятниками микрорегионов являются городища, в двухкилометровой зоне от которого находится несколько тяготеющих к нему объектов. Они могут быть одиночными или групповыми, состоящими из двух близкорасположенных городищ. Картографический метод позволяет выделить группу береговых памятников имеющих четкую привязку к берегу р. Сура. Городища отличаются от других памятников значительностью размеров и разнообразной системой укреплений. Связь поселений и городищ прослеживается авторами на примере группы объектов у селений Ильина Гора, Выселок № 1 и № 2 Ядринского района. Гравитационная модель выявляет слабый коэффициент связей в виду небольшого размера памятников и их удаленности друг от друга.

Ключевые слова: археология, Чувашское Присурье, городецкая культура, городища, укрепления, поселения, система расселения, топография, картографирование, пространственные связи.

На территории Чувашской Республики расположена группа памятников раннего железного века. В ареале распространения городецкой культуры А.П. Смирнов и Н.В. Трубникова выделяли их в северо-восточную группу. На данный момент в междуречье Суры, Волги и Цивили известно о более чем 70 городищах, основная масса которых относится к завершающему этапу существования культуры (Смирнов, Трубникова). В археологической литературе до настоящего времени не было работ, посвященных особенностям топографии городищ. С 1970-х гг. происходит только фиксирование новых объектов без их комплексного изучения. Назрела очевид-

ная проблема создания общей карты расположения объектов и выделения отдельных подгрупп памятников в бассейнах рек.

Попытка пространственного анализа в данной работе дается на примере Чувашского Присурья. Новые сведения существенно дополняют имеющуюся базу данных по данному микрорайону. В границах современных Ядринского и Красночетайского районов Чувашской Республики на данный момент обнаружено 27 городищ (Археологическая карта..., 2014; Археологическая карта..., 2015), 13 из которых образуют длинную цепь береговых памятников (рис. 1). Большие участки леса и сложный ре-

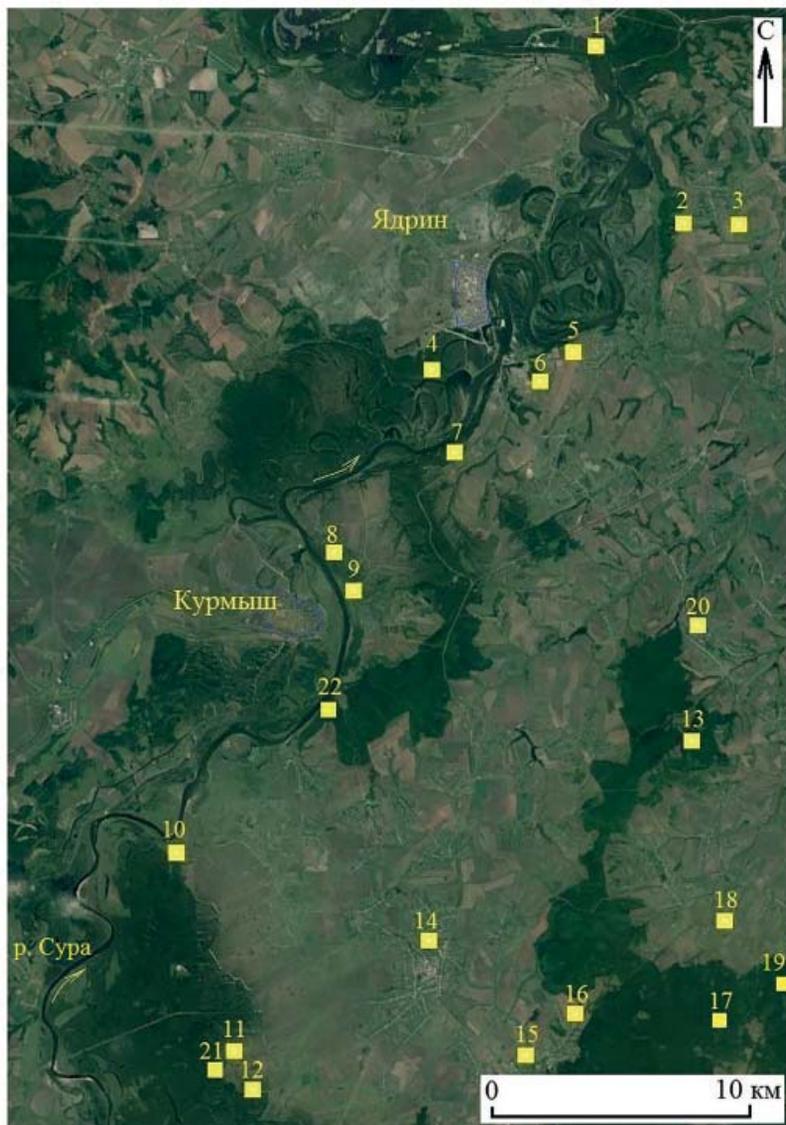

Рис. 1. Карта-схема расположения городищ в бассейне р. Сура.

1 – Засурьевское (Засурское), 2 – Чебаковское I «Кизим Висту», 3 – Чебаковское II «Карсот Виркес», 4 – Ядринское, 5 – Сареевское II «Хыр Карти», 6 – Сареевское I «Ножа Вар», 7 – Козловское, 8 – Выселок № 1, 9 – Выселок № 2, 10 – Питишевское, 11 – Пчелкинское, 12 – Дубовское I, 13 – Николаевское, 14 – Калугинское, 15 – Тоганашское I, 16 – Тоганашское II, 17 – Тиханкинское I, 18 – Тиханкинское II, 19 – Русскоатайское, 20 – Верхнеачакское, 21 – Дубовское II, 22 – Пандиковское.

Fig. 1. Layout of settlements in the basin of the Sura river: 1 – Zasurievsкое (Zasursкое), 2 – Chebakovo I “Kizim Vistu”, 3 – Chebakovo II “Karsot Virkes”, 4 – Yadrino, 5 – Sareevo II “Khyr Karti”, 6 – Sareevo I “Nozha Var”, 7 – Kozlovskoye, 8 – Vyselok No. 1, 9 – Vyselok No. 2, 10 – Pitishevo, 11 – Pchelkino, 12 – Dubovo I, 13 – Nikolaevo, 14 – Kalugino, 15 – Toganashevo I, 16 – Toganashevo II, 17 – Tikhankino I, 18 – Tikhankino II, 19 – Russkoataiskoe, 20 – Verkhnie Achaki, 21 – Dubovo II, 22 – Pandikovo.

льеф местности в Красночетайском районе предполагают наличие еще не выявленных объектов.

Низовья р. Сура характеризуются извилистой поймой шириной до 5–6 км, с большим количеством озер-старич и заболоченных низин. Правый берег (в границах Чувашской Республики) значительно выше левого и изрезан многочисленными оврагами. Мысы коренной террасы имеют протяженность до 500–700 м и в основной массе покрыты лесом. Левый берег представлен заливными лугами и равнинными участками с редкими естественными возвышениями. Сура является второй крупной рекой в Чувашской Республике после Волги.

В 2013–2017 гг. археологической экспедицией Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова проводились систематические разведки присурского региона. Осматривались все известные городища и выявлено семь новых, пять из которых относятся к присурским (береговым) памятникам, что позволяет существенно дополнить их пространственную локализацию. В Ядринском районе в 2013 г. обнаружено два городища у деревень Выселок № 1 и Выселок № 2 (Семёнов, 2013, л. 14–16, 45–56; Семёнов, 2014, л. 9–11, 23–31; Семёнов, 2015, л. 14–15, 23–30; М.И. Федулов, 2016, с. 143–148), в 2016 г. городище у д. Козловка (Федулов, 2017, л. 11–26, 47–88). В 2017 г. в Красночетайском районе совместной экспедицией (Е.П. Михайлов, С.А. Краснов, М.И. Федулов) выявлены городища у д. Пандиково и д. Дубовка¹. Всего за

этот период осмотрено 47 городищ РЖВ, расположенных в северных и центральных районах Чувашской Республики.

Городище у д. Выселок № 1 занимает длинный мыс коренной террасы правого берега р. Сура. Мысовой частью оно выходит на берег р. Сура. Площадка возвышается над уровнем поймы на 25 м. Подступы к городищу затруднены – мыс несколько раз резко сужается до нескольких метров в ширину.

Система укреплений состоит из двух дугообразных мысового и напольного валов и напольного рва. Валы сильно оплыли, на осыпях вала собрана глиняная обмазка. Общая длина площадки городища, включая валы, составляет 57 м, максимальная ширина – 21 м.

На осыпях мысовой части и в шурфе, заложенном у мысового вала, найдены фрагменты керамики и один железный черешковый наконечник стрелы. Керамика грубая, лепная с шамотом и песком в тесте. Обжиг неравномерный. Цвет поверхности варьирует от темно-серого до черного и коричневого.

Городище у д. Выселок № 2 занимает окончание длинного мыса коренной террасы правого берега р. Сура. С южной и юго-западной стороны площадка городища разрушается обрывом, вдоль которого проходит дорога от д. Выселок № 2 в пойму р. Сура и с. Ильина Гора. Сохранившаяся общая длина городища, включая ров, – 20 м, максимальная ширина площадки – 12,5 м.

Система укреплений состоит из одного дугообразного вала и рва. Вал сильно оплыл, местами осыпается, глиняной обмазки не зафиксировано.

¹ Полевые материалы автора. Разведка 2017 г. Открытый лист № 1476.

У южной его оконечности имеется слабо выраженный проезд на площадку городища.

Шурф, заложенный в центральной части городища, не дал находок и не выявил культурного слоя. Незначительные размеры площадки и сохранившихся размеров укреплений позволяют отнести памятник ко временным убежищам.

Козловское городище расположено на мысу коренной террасы и имеет один напольный дугообразный вал. Длина городища составляет свыше 120 м, максимальная ширина площадки городища 50 м. Укрепления представлены невысоким, но широким дугообразным валом (до 22 м) протяженностью 80 м. Ров визуально не прослеживается. Исследование этого памятника начато в 2016 г. и мы можем опираться только на предварительные данные. Шурф и подъемный материал свидетельствуют о многослойном напластовании объекта. Нижние слои содержат лепную керамику РЖВ, а верхние – средневековые находки XV века.

Пандиковское городище расположено на мысу коренной террасы. Длина городища около 200 м, максимальная ширина внутренней площадки составляет 20 м. Укрепления состоят из напольного рва и вала и двух мысовых валов. Напольный вал длиной около 25 м, шириной около 17 м, но в отличие от вышеописанных памятников он шишкообразный и имеет значительную высоту (до 6 м от дна рва и около 3 м от площадки городища). Имеется явно выраженный въезд на городище вдоль обрыва у северной оконечности рва и вала. Шурф в центральной части городища находок не дал, культурный слой

имеет незначительную мощность 5–7 см.

Пчелкинское II городище расположено не на мысу, а на выступе коренной террасы берега р. Сура. Длина городища составляет около 80 м. Укрепления представлены дугообразным напольными рвом и валом. Исследование городища шурфами пока не проводилось.

На данный момент мы располагаем сведениями о 13 городищах, расположенных на берегу или незначительном удалении от берега р. Сура (табл. 1). Они находятся на участке реки протяженностью около 65 км. Степень изученности их сильно разнится. Внутренняя площадка Сареевского городища «Ножа Вар» раскопана практически полностью, остальные памятники, за исключением Дубовского II, изучены шурфами.

Преобладающим типом присурских памятников является надпойменный террасно-мысовой тип. Надлуговой тип распространяется по мере отдаления от р. Сура. Все рассматриваемые городища располагаются на коренном берегу р. Сура. Для его сооружения выбирался длинный и узкий мыс, спускающийся к реке. Овраги служили естественными оборонительными преградами. В большинстве случаев мысы имели подтреугольную форму. Четыре городища расположенные на выступах коренных террас, имели форму широкого треугольника или подквадратную (Дубовское, Ядринское, Пятишевское).

Ядринское городище – единственное из 13 рассматриваемых – находится на левом берегу реки и имеет два ряда полукруглых валов и рвов. На пологом левом берегу подходящее для городища место с естественны-

Таблица 1

№	Расстояние между памятниками, км	
1	Засурье – Чебаково I	7
2	Чебаково I – Чебаково II	3
3	Чебаково I – Сареево II	7
4	Сареево II – Сареево I	2
5	Сареево I – Ядрин	4,5
6	Сареево I – Козловка	4,6
7	Ядрин – Козловка	3,5
8	Козловка – Выселок №1	6,5
9	Выселок №1 – Выселок №2	1,5
10	Выселок №2 – Пандиково	4,4
11	Пандиково – Питишево	9,1
12	Питишево – Пчелка	6,5
13	Пчелка «Хула Сямси» – Дубовка	3
14	Дубовка I – Дубовка II	0,9
	Среднее расстояние (исходя из 14 промеров на 63,5 км)	4,5

ми преградами найти сложнее. Нижнее течение р. Сура также занимает территорию Нижегородской области и Республики Марий Эл. В присурских районах Нижегородской области (левый берег) имеется всего два городища у д. Добровольевка в Пильнинском районе и п. Сосновский в Воротынском районе (Николаенко, 2004, с. 203, 295), но они значительно удалены от Суры. У устья реки сосредоточиваются пять Васильсурских городищ с городецкими и ананьинскими напластованиями (Николаенко, 2004, с. 184–189).

Место для городищ выбиралось среди разветвленной системы оврагов береговой полосы. Мыс доминировал над поймой и был отдален от соседних мысов. В ряде случаев он плавно спускался к воде, спуск от выступов коренных террас был более крутым. Высота мыса варьирует от 20 до 65 м.

Топография памятников определяет их четкую привязку к р. Сура. Очевидно, река могла выступать как

источник пищи или служить своеобразной транспортной артерией. В качестве источника питьевой воды реку рассматривать сложно, т.к. по оврагам есть более близкие и чистые родники и ручьи.

Анализ зон видимости/невидимости объектов проводился на городищах Выселок № 1 и № 2. Здесь устанавливается зона прямой видимости между двумя объектами, даже с учетом современной залесенности склонов. Эту группу видно с Питишевского городища (по прямой видимости), однако расстояние между ними составляет более 4,5 км. Вероятно, визуализация была и у группы Дубовка I и II. В других случаях ландшафт не позволяет видеть даже ближайшие памятники. Следует предположить, что для городища выбиралось место, которое было видно только при максимальном приближении.

В четырех случаях (Чебаково, Сареево, Выселки, Дубовка) городища группировались по два удаленных

Таблица 2

№	Название городища/ населенного пункта	Расположение объекта		Удаленность от, км		Высота над уровнем воды, м
		На мысу	На выступе террасы	Современного уреза воды	Старого русла реки	
1	Засурье	+		0,35	-	40–50
2	Чебаково I «Кизим Вишту»	+		2,5	0,35	55–65
3	Сареево II «Хыр Карти»	+		0,3	-	35–40
4	Сареево I «Ножа Вар»	+		1	0,7	55–60
5	Ядрин		+	1,7	0,1	55–60
6	Козловка	+		0,02	-	30
7	Выселок №1	+		0,4	0,15	35
8	Выселок №2	+		0,4	-	20
9	Пандиково	+		0,05	-	30
10	Питишево		+	0,2	0,04	25–30
11	Пчелка «Хула Сямси»	+		3–4	0,03	20–25
12	Дубовка I «Карман ту»		+	2–3	0,035	30
13	Дубовка II		+	2–3	0,02	25

друг от друга на расстоянии от 0,9 до 3 км. В других случаях они были удалены на расстоянии от 3 до 9 км (табл. 2). Группа объектов Сареево I и II и Выселки I и II состоит из одного жилого городища (с культурным слоем и многочисленными находками) и городища-убежища (со слабым культурным слоем или полным отсутствием слоя и находок).

Все памятники расположены на краю коренного берега реки, самым удаленным городищем является Сареевское I «Ножа Вар» (700 м). Сурская пойма очень широкая, и русло часто меняло свое направление, поэтому удаленность памятников от реки могла существенно варьировать (Дубовка и Пчелка).

Система укреплений данных городищ различается количеством оборонительных сооружений. Простая си-

стема состоит из одного напольного вала и рва, к числу таковых относятся шесть памятников. Три городища имеют один напольный и мысовой вал. Другие окружены сложной системой напольных валов и рвов (2–3), одним мысовым. В случае с Сареевским I городищем выявлены и валы по краю всей площадки.

Рассмотрение топографии памятников невозможно без пространственной локализации и изучения взаимосвязи укрепленных и неукрепленных поселений и могильников. Сделать это сложно в виду практически полного отсутствия изученных могильников (этот вопрос остается дискуссионным в научной литературе) и слабой изученности поселенческих объектов. Лучшим примером в этом случае будет комплекс памятников в районе д. Выселок № 1 и № 2, со-

стоящий из двух городищ, двух селищ (площадью 300 и 500 кв. м) и двух местонахождений керамики (рис. 2). Данная территория достаточно подробно обследована в 1986 г. Е.П. Михайловым и в 2013–2017 гг. М.И. Федуловым (Михайлов, 1986, л. 16, 18–20). В 1980-х гг. выявлению поселенческих памятников способствовала обширная распашка территорий, на которой по подъемному материалу определялись площади поселений. На данный момент распашка ведется нерегулярно, но все обозначенные объекты осматривались и изучались шурфами.

Картография памятников позволяет сделать попытку выделения микрорайона. В нем памятники удалены друг от друга на расстоянии 1,2–2 км без учета рельефа местности, что в среднем составляет 1,5 км. Ядром группы является городище у Выселок № 1. Гравитационная модель выявила слабый коэффициент связей в виду незначительных размеров памятников и удаленности их друг от друга. Местонахождения керамики и поселение у д. Выселок № 1 располагались на возвышенных ровных местах. Следует отметить и их удаленность от водных источников. Попытки найти поселения рядом с городищами не увенчались успехом. Поселение у д. Выселок № 2 располагалось на берегу правого притока Суры (мыс коренной террасы) и занимала низинное положение между двух склонов оврага. В этом случае очевидна привязанность поселения к реке.

Все памятники РЖВ на территории Чувашской Республики находятся в бассейне рек Сура, Б. и М. Цивиль и Волга (табл. 3). Городища на берегу р. Волга (Малахай, Ельниково, Демеш-

кино, Карабаши), кроме городецких напластований имеют ананьинский культурный слой. Расстояние между данными памятниками составляет 41, 10, 10 и 16 км соответственно, что явно превышает показатели по памятникам Присурья. Наблюдается сходство в топографии объектов. Они также занимают мысы коренной террасы и не удалены от современного уровня реки на 20–100 м. Парное расположение памятников зафиксировано только в одном случае – с Новинским I и II городищем, между которыми всего 500 метров. Исходя из этих данных объединить городища, расположенные вдоль р. Волга, в отдельную группу невозможно.

Памятники бассейна р. Б. и М. Цивиль (центральная часть Чувашской Республики) располагаются вдоль многочисленных притоков и значительно удалены друг от друга. В своем большинстве они имеют меньшую высоту мыса, который может не доминировать над окружающими. Привязка к водным источникам затруднительна, т.к. они могут быть значительно удалены от основного русла Цивилия. Встречаются памятники, расположенные между двух сухих оврагов.

На основе имевшихся ранее данных и материалов четырех новых городищ мы можем выделить особую группу присурских береговых памятников. Они отличаются от других городищ топографическими особенностями расположения, значительностью размеров и особенностями систем укреплений. Внушительные размеры мысов коренного правого берега отражались на размерах площадок городищ и их укреплениях. На выступах террас, в отличие от мысов, сооружались конструктивно более

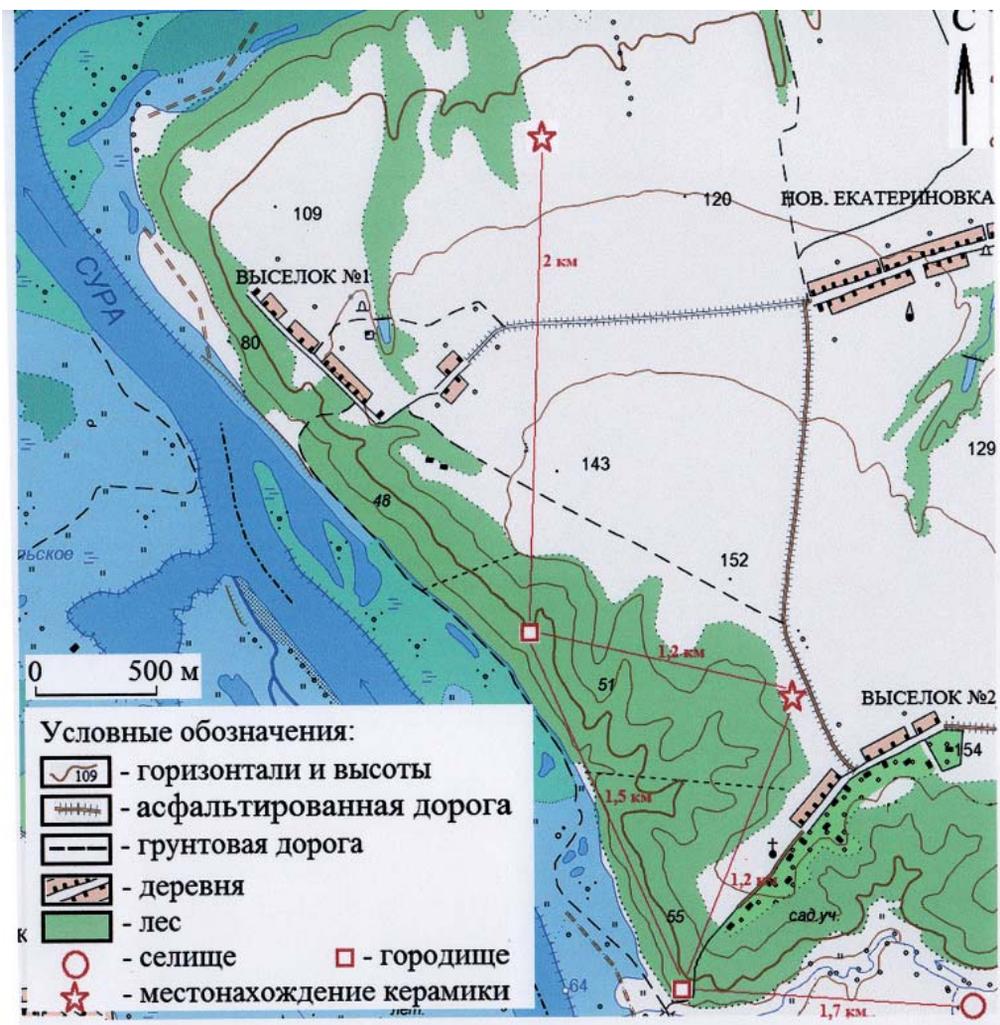

Рис. 2. Расположение памятников РЖВ в окрестностях д. Выселок № 1 и №2 Ядринского района.

Fig. 2. The location of the monuments of the early iron age in the vicinity of the villages Vyselok № 1 and № 2 of Yadrinsky district.

сложные и вытянутые полукруглые валы и рвы.

Все городища подразделяются на жилые, предназначенные для постоянного проживания, и на временные убежища. Жилые – имеют культурный слой, в разной степени насыщенный находками, и более внушительные размеры. На них имеются следы жилых построек и хозяйственной дея-

тельности. Убежища, вероятно, были временным пристанищем для людей на случай опасности и служили местом для загона скота. Убежищам присущ небольшой размер, тонкий культурный слой и отсутствие или незначительное количество находок в нем. Зафиксировано четыре случая расположения городищ группами по два.

Таблица 3

№	Населенный пункт/район	Напольные укрепления		Мысовые укрепления		Валы по краям городища	Бассейн р. Б и М. Цивиль	Бассейн р. Волга	Бассейн р. Сура
		вал	ров	вал	ров				
Ядринский									
1	Выселок №1	1	1	1					+
2	Выселок №2	1	1						+
3	Козловка	1							+
4	Засурье	3	3						+
5	Мурзакасы	1	1						+
6	Чебаково I	1							+
7	Чебаково II	3	2	1					+
8	Николаевское (В. Аккозино)	2	2	1					+
9	Ядрин	2	2						+
10	Сарево I	2	1	1					+
11	Сарево II	3	2						+
12	Верхние Ачаки	1							+
13	Ванькино	1	1						+
14	Юваново	1						+	
15	Ойкас-Осламасы	1							+
Чебоксарский									
16	Шайгильдино	1	1				+		
17	Ельниково	1	1	1				+	
18	Хурынлых	1					+		
19	Эндимиркасы	2	2			2	+		
Моргаушский									
20	Дёмкино	2	2						+
21	Адабай	2	2			1		+	
22	Кадикасы	1	1					+	
23	Каршлых I	3	3					+	
24	Каршлых II	1	1					+	
25	Малахай	2	2					+	
26	Юнга-Поси	2	1	2	1			+	
27	Ягаткино	2	1						+
Аликовский									
28	Верхние Хоразаны	1	1	2		1	+		
29	Изванкино	1	1	1			+		
30	Пизинеры	1	1	1	1				+
31	Пизипово	3	3	1			+		
32	Тури-Выла	1	1						+
33	Тенеево (Кармалы)	1	1	1			+		
34	Шерашево	1	1						+
Козловский									
35	Катергино	2	2	2	2			+	
36	Шималахово	1						+	
37	Чешлама	1	1					+	

№	Населенный пункт/район	Напольные укрепления		Мысовые укрепления		Валы по краям городища	Бассейн р. Б и М. Цивиль	Бассейн р. Волга	Бассейн р. Сура
		вал	ров	вал	ров				
Канашский									
38	Шибьлги	1					+		
Красноармейский									
39	Большая Шатьма	2	1				+		
40	Досаево	2	1	1			+		
41	Кюльхири	2		2	1	1	+		
Красночетайский									
42	Дубовка I	3	3						+
43	Дубовка II	1	1						+
44	Питишево	1	1						+
45	Пчёлка	1	1	1	1				+
46	Русские Атаи	2	2	1					+
47	Тиханкино I	1	1						+
48	Тиханкино II	1	1						+
49	Тоганаши I	1	1						+
50	Тоганаши II	2	1						+
51	Калугино	1		2	1				+
52	Пандиково	1	1	2	1				+
Маринско-Посадский									
53	Большое Камаево	3	3				+		
54	Демёшкино	4	2					+	
55	Ирх-Сирмы-Ронга	2	2				+		
56	Карабаши	3	3					+	
57	Новинское I	2	3					+	
58	Новинское II	2	2					+	
59	Яндашево	2	2				+		
60	Ящерино	1	1	1	1			+	
Шумерлинский									
61	Пояндайкино (Егоркино)	1	1	2	1		+		
Цивильский									
62	Акташкасы	6	6				+		
63	Вторые Тойзи	5	1	1	1			+	
64	Вурмеры	1	1				+		
65	Третьи Вурманкасы	1	1				+		
66	Ивановка	1					+		
67	Липсеры	?					+		
Вурнарский									
68	Кюстюмеры I	2	2	1		1	+		
69	Кюстюмеры II					2	+		
70	Малые Яуши			1		1	+		

Гравитационная связь с неукрепленными поселениями прослеживается слабо. В этом случае сказывается слабая изученность поселений и полное отсутствие данных по могильникам этого периода. Это, в свою очередь, ставит перед археологами задачу комплексного изучения памятников раннего железного века Чувашского Присурья – выявления новых объектов и применение новых методов пространственной археологии.

В археологической литературе принято выделение археологических культур по бассейнам рек. Реки дают свежую питьевую воду, воду для орошения культур, а также дополнительный источник питания – рыбу. Они также являются транспортными и торговыми путями, природными барьера-

ми от врагов. Раскопками укрепленных и неукрепленных поселений дано подтверждение этим утверждениям. Развитие рыболовства и земледелия подтверждается наличием железных и костяных крючков, глиняных грузил, серпов. Возможно, двигаясь по притокам от основного течения р. Сура, население РЖВ осваивало глубинную территорию. На городищах найдены предметы, являвшиеся импортом из соседних племен (украшения, бронзовые бытовые изделия ананьинской и пьяноборской культуры). На завершающих этапах существования городищской культуры ощущается влияние рязано-окских финнов. Формируется древнемордовская культура, ключевым памятником которой становится Ивановский могильник, расположенный в Ядринском районе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2014. 312 с.
2. Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3. / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2015. 367 с.
3. Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведённой летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР / Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. 11590. 94 л.
4. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М.: ООО «Пандора-1», 2004. 384 с.
5. Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году / Архив ИА РАН. Ф. 1.
6. Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чебоксарского и Ядринского районов Чувашской Республики в 2014 году / Архив ИА РАН. Ф. 1.
7. Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского, Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2015 году / Архив ИА РАН. Ф. 1.
8. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура / САИ. Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965. 40 с., 31 табл.
9. Федулов М.И. Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 196 с.
10. Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2016 году / Архив ИА РАН. Ф. 1.

11. Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловки Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.) / Отв. ред.: О.Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 185–187.

Информация об авторах:

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

Семёнов Александр Анатольевич, сотрудник археолого-этнографического учебно-консультационного центра, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); nabauxuru@yandex.ru

SPATIAL ANALYSIS OF PLACEMENT AND TOPOGRAPHY OF EARLY IRON AGE SETTLEMENTS IN CHUVASH SURA REGION

M.I. Fedulov, A.A. Semyonov

An analysis of the arrangement system of ancient fortifications dating back to the Early Iron Age allowed to distinguish a special coastal group of sites located on the right bank of the Sura river within the boundaries of the Chuvash Republic. Determination of the topographical features of settlement arrangement, connection between fortified and unfortified settlements, and residential areas are the primary objectives of the spatial analysis. The authors established that the central sites of the micro-regions are settlements surrounded with several satellites located within two kilometers from the settlements. They can be individual or group sites consisting of two sites located in close proximity to each other. The cartographic method allowed to distinguish a group of coastal monuments clearly associated with the riverbank of the Sura. The settlements differ from other sites by their size and diverse system of fortifications. The association between settlements and fortifications is traced by the authors on the example of a group of sites in the vicinity of Ilyina Gora, Vyselok No. 1 and No. 2 in the Yadrinsky district. The gravitational model reveals a weak association factor due to the small size of the sites and their remoteness from each other.

Keywords: archaeology, Chuvash Sura region, settlement culture, fortifications, fortifications, settlements, settlement system, topography, cartography, spatial associations

REFERENCES

1. Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2014. *Arkheologicheskaya karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 2. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2015. *Arkheologicheskaya karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 3. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Mikhailov E.P. 1986. *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoi razvedki provedennoi letom 1986 g. v Yadrinskom, Cheboksarskom i Morgaushskom raionakh Chuvashskoi ASSR (Report on the Results of Archaeological Exploration conducted in the Summer of 1986 in the Yadrinsky, Cheboksarsky and Morgaushsky districts of the Chuvash ASSR)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 11590 (in Russian).
4. Nikolaenko, T. D. 2004. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Moscow: (in Russian).

5. Semenov, A. A. 2013. *Otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskoi razvedki na territorii Chuvashskoi Respubliki v 2013 godu (Report on the Results of Archaeological Exploration in the territory of the Chuvash Republic in 2013)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
6. Semenov, A. A. 2014. *Otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskoi razvedki na territorii Cheboksarskogo i Iadrinskogo raionov Chuvashskoi Respubliki v 2014 godu (Report on the Results of Archaeological Exploration in the Cheboksarsky and Yadrinsky districts of the Chuvash Republic in 2014)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
7. Semenov A.A. 2015. *Otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskoi razvedki na territorii Iadrinskogo, Cheboksarskogo i Tsivil'skogo raionov Chuvashskoi Respubliki v 2015 godu (Report on the Results of Archaeological Exploration in the Yadrinsky, Cheboksarsky and Tsivilsky districts of the Chuvash Republic in 2015)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
8. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (The Gorodets Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Fedulov, M. I. 2016. *Novye arkhеologicheskie issledovaniia pamiatnikov drevnosti i srednevekov'ia Srednego Povolzh'ia (New Archaeological Studies of the Monuments of Antiquity and the Middle Ages in the Middle Volga Region)*. Cheboksary: Chuvashia State University (in Russian).
10. Fedulov, M. I. 2016. *Otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskoi razvedki na territorii Iadrinskogo i Poretskogo raionov Chuvashskoi Respubliki v 2016 godu (Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2016 году)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
11. Fedulov, M. I. 2017. In Shirokov, O. N. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkhеologii, etnografii, istorii (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V.F. Kakhovskogo i 60-letiiu Chuvashskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii) (Current Issues of Archaeology, Ethnography and History (to the 100th Anniversary of V.F. Kakhovsky and the 60th Anniversary of the Chuvash Archaeological Expedition))*. Cheboksary: "Interaktiv plus" Publ., 185–187 (in Russian).

About the Authors:

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, the Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chvusv@mail.ru

Semenov Alexander A. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; nabauxuru@yandex.ru

Статья поступила в номер 08.02.2018 г.

УДК 904:745.5(470.51)''00/04''(045) <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.150.177>

ЗАСТЕЖКИ С КРЮЧКОМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. Р.Д. Голдина

В статье проанализированы застежки с крючком (ЗК) Тарасовского могильника на Средней Каме (134 экз. из 81 могилы). ЗК предназначены для скрепления ремней с помощью крючка и петли, используемых в костюме (головные уборы, пояс, обувь), и воинской экипировке. Дата ЗК II в. до н. э. – II в. н. э. Они типологически разделены на 8 типов и 17 подтипов, эволюционирующих во времени. Ареал распространения – пьяноборская культурно-историческая общность: тарасовская (чегандинская), карабызская, худяковская культуры. Особый регион – Сурско-Волжское междуречье. ЗК, сосуществующие в разное время с фибулами, сюльгами, пряжками, эполетообразными застежками свидетельствуют о своеобразии и развитии костюмного комплекса пьяноборской эпохи. Традиции создания и использования ЗК – оригинальное явление местной финно-пермской культуры, не имеющее аналогов в евразийском пространстве.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, пьяноборская общность, Тарасовский могильник, II в. до н. э. – II в. н. э., застежки с крючком, пермские финны.

Многолетняя работа над богатыми материалами Тарасовского могильника I–V вв. н. э. на Средней Каме (1880 погребений и более 37 тыс. различных вещей; Голдина, 2003; 2004) позволяет более подробно проанализировать отдельные категории предметов. Одна из самых многочисленных групп находок – застежки с крючками (ЗК) (рис. 1), которые с помощью выступающего шпенька с расплющенной головкой (рис. 2: 13, 14, 17 и др.) или петли с оборотной стороны (рис. 2: 10, 12, 15 и др.), специального отверстия-дужки (рис. 2: 11), или особым образом оформленной обоймы-приемника (рис. 7: 1–4 и др.) крепились к одному из концов ремня, другой конец его, скорее всего, в виде ременной петли, зацеплялся за крючок в передней части предмета и таким образом ремень застегивался. Иногда он просто был привязан к рамчатой конструкции (рис. 2: 26;

3: 2, 6 и др.). Эти предметы использовались преимущественно в костюме для скрепления ремней на поясе, коленях или щиколотке. Они были несовершенны, ременная петля, вероятно, часто соскальзывала, но все-таки ЗК просуществовали в Прикамье несколько столетий и уступили место более надежным изделиям этого рода – пряжкам с подвижным язычком (иглой), которые впервые появились здесь на рубеже эр (Генинг, 1970, рис. 20: 54).

Во многих археологических работах застежки с крючком рассматриваются в категории пряжек, среди которых они иногда выделены в самостоятельный отдел (Мошкова, 1963, с. 40; Старостин, 1978, с. 139; Агеев, 1992, с. 41–42; Пшеничнюк, 1993, с. 45; Зубов, 2007, с. 81; Воробьева, 2012, с. 73 и др.).

По моему мнению, застежка как приспособление для застегивания

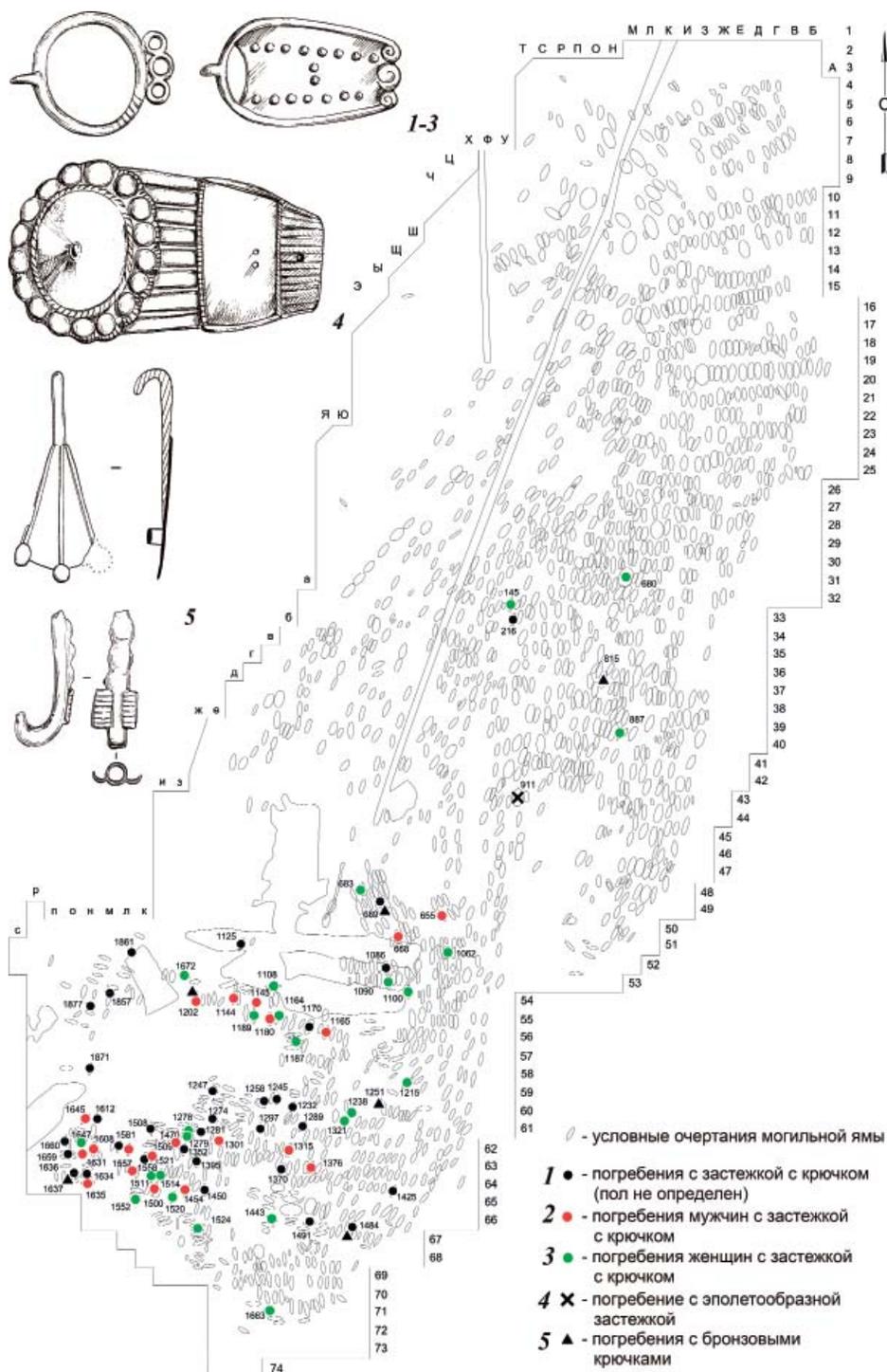

Рис. 1. Планиграфическое распределение бронзовых застёжек с крючками, крючков и эполетообразной застёжки на Тарасовском могильнике.

Fig. 1. Planigraphy of bronze hook fasteners, hooks and an epaulet-shaped fastener in the Tarasovo burial ground.

одежды, обуви, сумочек, портфелей и других предметов имеет множество синонимов: пряжка, фибула, аграф, фермуар и др. Обязательными элементами пряжки должны быть жесткая рамка, в которую продевается ремень и подвижная игла (язычок), которая закрепляется в отверстии на ремне и тем фиксирует его в стабильном состоянии. Таким образом, пряжка – это один из разнообразных вариантов категории застежек.

В пьяноборскую эпоху в Прикамье появилось значительное разнообразие предметов, выполняющих роль застежек: эполетообразные, застежки с неподвижным крючком (ЗНК), сьюльгамы, пряжки, фибулы (Генинг, 1970, с. 33–50). Специализация застежек, их многочисленность и разнообразие форм свидетельствуют о существенных изменениях в костюме местного населения именно в пьяноборское время. Самыми ранними были эполетообразные и застежки с неподвижным крючком (ЗНК по В.Ф. Генингу). Они появились в III/II вв. до н. э. и существовали в Прикамье: первые – до VI в., вторые – до конца II в. н. э. Эполетообразные застежки использовались преимущественно для крепления пояса, ЗНК в костюме как поясные, обувные – для застегивания ремешков на взъеме ноги и на коленях, а также портупейные. Пряжки имели сначала простейшие формы: круглую, овальную, прямоугольную, были сделаны из железа, использовались универсально как в костюме, так и для хозяйственных нужд и появились, по мнению В.Ф. Генинга, не ранее I–II вв. н. э. (там же, с. 48–49). Отдельную категорию составляли сьюльгамы – застежки для одежды. Они особенно были популярны у мордвы и применя-

лись ею в женском костюме до современности. Во всяком случае в словаре В.И. Даля слово «сьюльгам» фигурирует для обозначения застежек костюма мордовских женщин. Появление сьюльгам в пьяноборских памятниках В.Ф. Генинг относил к I–II вв. н. э.

Особая группа застежек, называемая фибулами, имеет длительную историю, начало которой в Европе относится к XIII в. до н. э. Это декоративные броши, работающие по принципу английской булавки, имеющие самые разнообразные формы передней части и служившие для застегивания одежды типа тоги или плаща. Они появились первоначально в Северной Италии и Греции и распространились широко по всей Европе (Брей, Трамп, 1990, с. 264). Прикамье можно считать «бесфибульным», в отличие от Европы, так как некоторые типы римских провинциальных фибул появились здесь лишь в I в. н. э. (Андреевский I курган, тип «Aucissa» Гришаков, Зубов, 2009, с. 28; Новый Сасыкуль, Васюткин, Калинин, 1986, рис. 9: 1 и др.). Наиболее широко здесь фибулы распространились в начале III в. (Голдина, Бернц, 2017, с. 47–72, рис. 2: 4, 9, 10). В III–V вв. в пьяноборской общности возникла самостоятельная школа ремесленников, создавшая многие варианты местных фибул оригинальных форм и декора.

Объект предлагаемого исследования – застежки с крючками (ЗК) пьяноборского времени Тарасовского могильника Среднего Прикамья. Предмет изучения – особенности форм этих изделий, их эволюция во времени, половозрастные характеристики, истоки их формирования, ареал распространения, датировка. В работе использованы методы фор-

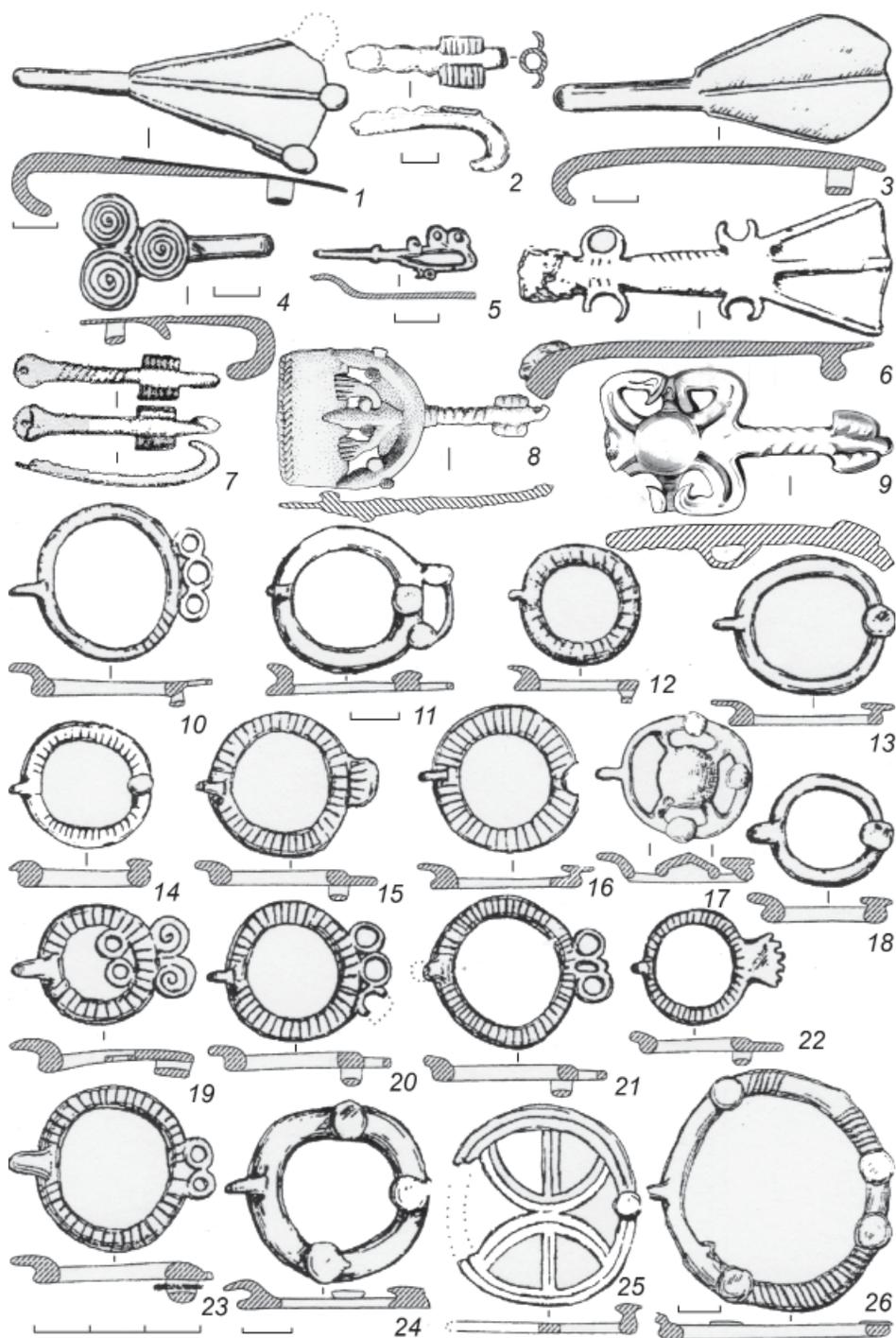

Рис. 2. Бронзовые крючки и застежки с крючками:
7 – Биктимирово; 8 – Кипчаково; 9 – ?; остальные – Тарасово.

Fig. 2. Bronze hooks and hook fasteners.
7 – Biktimirovo; 8 – Kipchakovo; 9 – ?; other – Tarasovo.

мальной типологии, корреляции, аналогий, пространственно-географический анализ и др.

Застежки с крючками встречались в Прикамье на рубеже эр в большом количестве и разнообразии. Например, Б.Б. Агеевым на памятниках пьяноборской (тарасовской) культуры было изучено 275 таких застежек (1992, с. 41–42), С.Л. Воробьевой в кара-абызской культуре – 390 (2012, с. 73). Именно их представительность и заставила В.Ф. Генинга отделить эти застежки от пряжек, выделив их в отдельную категорию – застежки с неподвижным крючком, наряду с крючками, фибулами, сюльгами и эполетообразными застежками (1970, с. 33–50).

Что касается названия этих вещей – застежки с неподвижным крючком, – предложенного В.Ф. Генингом, то оно представляется не совсем удачным. Поскольку застежек с подвижным крючком в природе пока не существует (у пряжек чаще прямая игла, а не крючок), то, очевидно, слово «неподвижный» здесь явно лишнее и следует остановиться на термине «застежки с крючком», как это предлагал в свое время А.А. Спицын (Древности Камы..., 1933, с. 15).

Предшественником застежек с крючком в Прикамье являются поясные крючки, хорошо известные в ананьинское время. Ст. А. Васильев учел 20 ананьинских крючков в зооморфном стиле, выполненных из бронзы, железа и кости (2002, с. 75–82). Бронзовые крючки также служили для застегивания ремней. Эти предметы в последующем, по-видимому, и явились основой для развития различных вариантов застежек с крючком, в том числе эполетообразных. На Тарасов-

ском могильнике зафиксировано время окончания использования крючков. Здесь обнаружены 6 бронзовых крючков в 6 погребениях. Большинство их датируются I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 1; 3: 11; 8: 11, 13), лишь один – из могилы 815 относится ко второй половине III в. (они же, 2016а, рис. 4: 34).

Тип 1 (3 экз., рис. 2: 1, 3, 6). Основа в виде лапки.

Подтип а (2 экз., рис. 2: 1, 3). Лапки с выраженными перепонками, без особенностей, I в. н. э. Подобное изделие найдено в могиле 56 Камышлы-Тамакского I некрополя (Мажитов, Пшеничнюк, 1969, рис. 6: 1).

Подтип б (1 экз., рис. 2: 6). Основа – лапка с четырьмя отверстиями для шумящей части. Вторая половина III в.

Тип 2 (1 экз., рис. 2: 4). Основа – 3 плоских спирали. I в. н. э.

Тип 3 (1 экз., рис. 2: 5). Основа – каплевидная с отверстиями на боковых сторонах: одним – на одной и тремя – на противоположной. I в. н. э.

Тип 4 (1 экз., рис. 2: 2) – полый предмет с тремя вздутиями и «крылышками». I в. н. э. Аналогичный экземпляр (рис. 2: 7) происходит из Биктимировского I могильника и датирован III в. до н. э. (Воробьева, 2012, с. 108–109, рис. 35: 23).

Близкий по форме крючок из бронзы с железным окончанием (рис. 2: 8) происходит из могилы 38 Кипчаковского курганно-грунтового могильника. Он имеет большие размеры – 16,7×8,7 см, арочную форму с изображением трех голов, как считают авторы публикации – медведей. С нашим экземпляром его сближают «крылышки» возле рабочей части, которые принадлежали стилизованной

птице, головку которой представлял собой крючок (Овсянников, Тагиров, 2011, рис. 1: 2). Остается только сожалеть, что крючок опубликован вне комплекса сопровождающего инвентаря, что позволило бы более определенно говорить о дате предмета. Авторы публикации относят могилу к пьяноборской культуре.

Еще одно аналогичное изделие обнаружено Ю.В. Шириным на аукционе частных коллекций (электронное сообщение Ю.В. Ширина). Это также бронзовый с железным окончанием крючок с «крылышками» и изображением фантастического змееподобного животного с головой крокодила (рис. 2: 9). По общей манере оформления крючок имеет определенное отношение к кара-абызской культуре.

В Тарасовском могильнике крючки найдены в могиле женщины 12–14 лет (погр. 1637), мужчины 40–45 лет (1202), еще в 4-х (689, 815, 1251, 1484) – пол и возраст умерших не установлены. Все крючки в захоронениях лежали в разных местах – справа у черепа (погр. 1637), в ногах (погр. 689, 1202, у левого бедра (погр. 1251), в двух могилах, где костяки не сохранились, положение крючков не ясно.

Застежки с крючком использовались исключительно в I–II вв. н. э. (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 2, 10, 11 и др.). Зафиксирован лишь один случай находки ЗК в могиле 680Б с вещами мазунинского типа IV в. н. э. (Голдина, 2003. Табл. 286Б: 10). Кроме того, в могиле 1033, датированной предположительно III–V вв. н. э., также была обнаружена несохранившаяся такая застежка. Они найдены и в 81 погребении у 81 умершего в количестве 134 экземпляров. 127 об-

наружены в могилах, 7 – собраны с поверхности. Большинство их выполнены из бронзы – 129 (96,27% от 134), только 5 предметов – из железа (3,73% от 134). В погребении могла лежать 1 – 42 могилы (58,85% от 81 погребения), 2 – 33 (40,74% от 81), 3 – 5 (6,17% от 81) или 4 застежки – 1 захоронение (1,24% от 81).

Поскольку при одной и той же форме ЗК крепление было разным, в основу типологии положена преимущественно общая форма предмета, но учитывался и способ крепления. Необычный материал – железо – оговорен особо.

Тип 1 (34 экз., рис. 2: 10–26) – рамчатые, кольцеобразные, округлые.

Подтип а (7 экз., рис. 2: 13, 18, 24) – без особенностей.

Подтип б (2 экз., рис. 2: 10) – с тремя отверстиями на заднем конце.

Подтип в (1 экз., рис. 2: 11) – с петлей на заднем конце.

Подтип г (15 экз., рис. 2: 14–16) – кольцо псевдовитое, без особенностей.

Подтип д (7 экз., рис. 2: 19–23) – кольцо псевдовитое, с дополнительными украшениями в виде 2–3 колец или спиралей на заднем конце, а также двух колец внутри кольца.

Подтип е (1 экз., рис. 2: 25) – с X-образным узором в середине.

Подтип ж (1 экз., табл. 2: 17) – с круглой выпуклой бляшкой в центре, закрепленной внутри кольца четырьмя перемычками. Все ЗК типа 1 датируются I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 5, 8; 9: 18, 20).

Тип 2 (20 экз., рис. 3) – рамчатые овальные, вытянутые.

Подтип а (10 экз., рис. 3: 1–7) – без особенностей. Пять ЗК сделаны из железа (рис. 3: 6, 7).

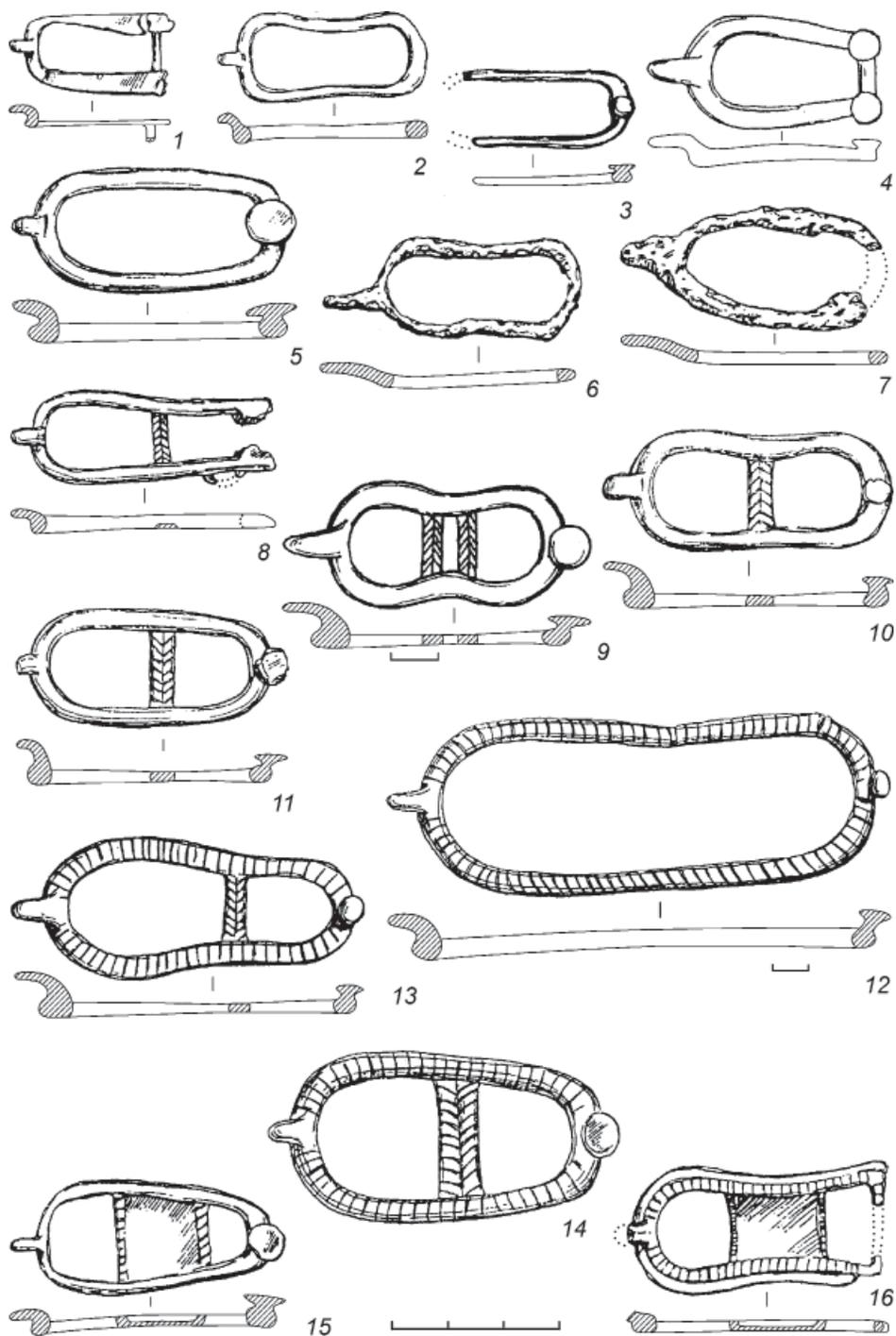

Рис. 3. Бронзовые застёжки с крючками Тарасовского могильника.
 Fig. 3. Bronze hook fasteners of the Tarasovo burial ground.

Подтип б (5 экз., рис. 3: 8–11) – с одной или двумя вертикальными псевдовитыми перемычками.

Подтип в (1 экз., рис. 3: 12) – рамка псевдовитая.

Подтип г (2 экз., рис. 3: 13, 14) – рамка псевдовитая; с одной перемычкой посередине.

Подтип д (2 экз., рис. 3: 15, 16) – с широкой пластиной посередине.

ЗК типа 2, выполненные из бронзы, относятся к I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 9; 3: 14; 8: 8, 9; 10: 24), из железа – к I–II вв. Последние встречались также в погребениях 61, 104 могильника Чеганда II (Генинг, 1970. Табл. VIII: 14, 15).

Тип 3 (22 экз., рис. 4) – овальные, с усеченным задним концом и закрытой сплошной бронзовой пластиной средней частью. Пластина украшена одним или двумя горизонтальными рядами точечного орнамента (рис. 4: 1–5, 7–10, 12), иногда без орнамента (рис. 4: 6) или с орнаментом в виде трех полос из накладывающихся петель (рис. 4: 11). Все ЗК этого типа датируются I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 10: 23).

Застежка варианта, изображенного на рис. 2: 11, обнаружена на Гляденовском костице возле Перми, а типа 3 (рис. 4) рядом – на Половинном I селище (Перескоков, 2013, рис. 35: 2, 13). Большая серия подобных предметов собрана на памятниках I–II вв. н. э. в Сурско-Волжском междуречье: Конарском селище, в погребении 3 кургана Писеральского I могильника, Янмурзинском кладе, Ящеринском городище, среди Яндашевских находок (Мясников, 2014, рис. 29: 4–6; 30Б; 32: 7, 8; 38: 2; 46: 13).

Тип 4 (3 экз., рис. 5: 1–3) – овальные, средняя часть покрыта плоской

пластиной, украшенной ромбом, окантованным пояском из ряда насечек. I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 2; 8: 12). Фрагмент подобной ЗК известен на Ящеринском городище в Сурско-Волжском междуречье (Мясников, 2014, рис. 30Б).

Тип 5 (8 экз., рис. 5: 4–8) – округлые, с покрытой сплошной пластиной средней частью, иногда – украшенной рядами пуансона. I–II вв. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 12: 35).

Тип 6 (5 экз.), рис. 6: 1–3) – округлые, с петлей для крючка. I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 7: 1).

Большинство вариантов ЗК перечисленных типов встречались в захоронениях могильников северо-запада Башкортостана и удмуртского Прикамья: Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 10: 2; 12: 1–8, 15–19, 21–26; 13: 1–9), Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 3: 1–4, 6–12, 14–23; 9: 3–6 и др.), Кушулевском III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 1–20; 11: 22–24), погребениях III–I вв. до н. э. Уяндык I (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 6–8, 11, 12), Биктимировском (Воробьева, 2012, рис. 29: 6), Ново-Уфимском (там же, рис. 29: 13), могилах II–III вв. Охлебининского (Пшеничнюк, 1993, с. 39, рис. 5: 9), Ныргында I (Голдина, Красноперов, 2012. Табл. 210: 1, 2, 17, 18), Чеганда II (Генинг, 1970. Табл. VII: 9; VIII: 1, 2), Пьяноборском (там же. Табл. XX: 6), Муновском (Пьяноборском II) (там же. Табл. XXI: 10), Ныргында II (там же. Табл. XX: 3, 4), Камышлы-Тамакском (Пшеничнюк, 1968, рис. 15: 9; 16: 7–9), Деуковском II (Казаков и др., 1972, рис. 4: 2–9; 5: 5), Меллятамакском I (Старостин, 1978, рис. 2: 5, 7). По данным Б.Б. Агеева, кроме указанных, подоб-

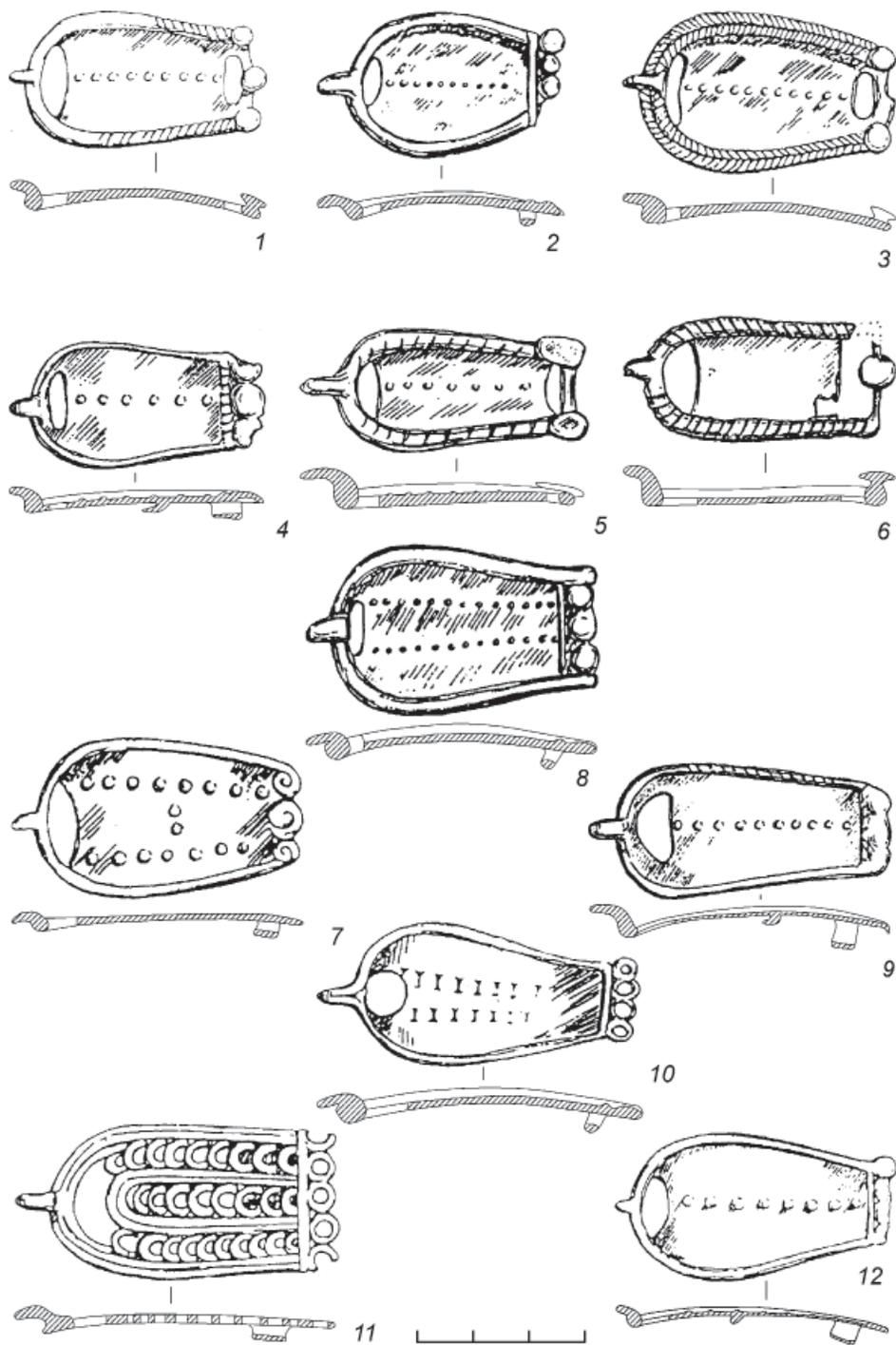

Рис. 4. Бронзовые застёжки с крючками Тарасовского могильника.

Fig. 4. Bronze hook fasteners of the Tarasovo burial ground.

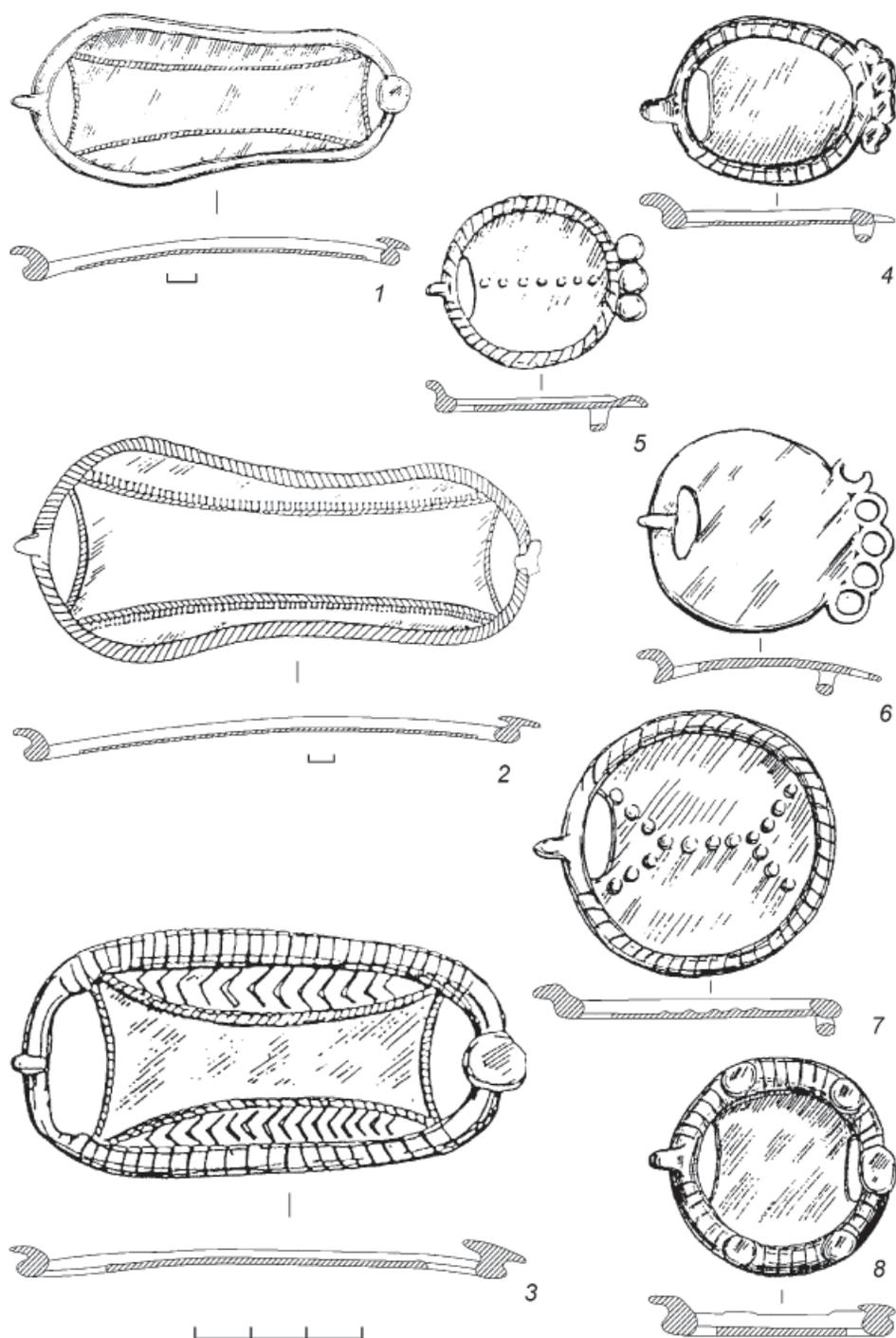

Рис. 5. Бронзовые застёжки с крючками Тарасовского могильника.

Fig. 5. Bronze hook fasteners of the Tarasovo burial ground.

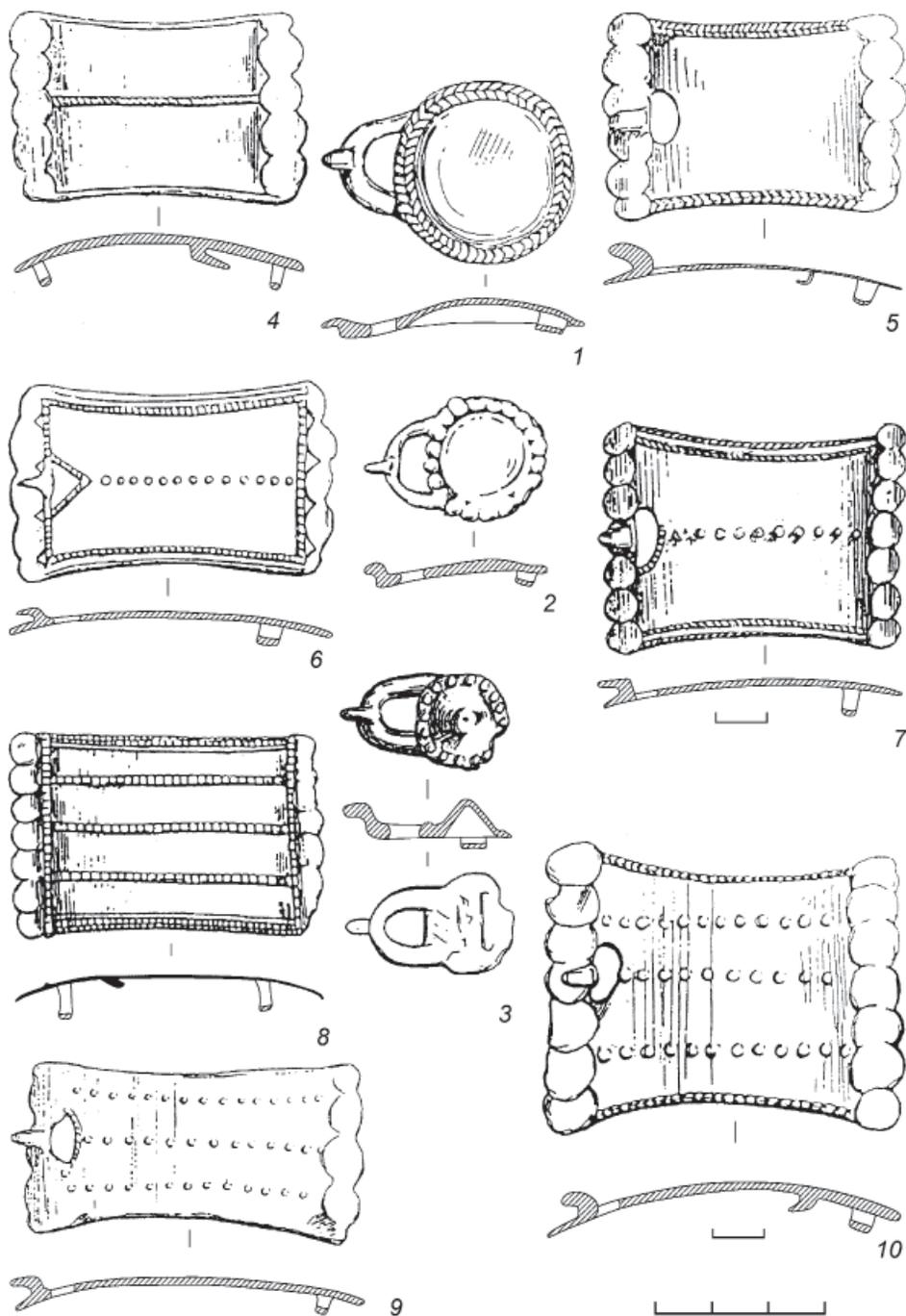

Рис. 6. Бронзовые застёжки с крючками Тарасовского могильника.

Fig. 6. Bronze hook fasteners of the Tarasovo burial ground.

ные ЗК встречались также в погребениях Урманаевского, Старо-Чекмакского, Чиагавского, Старо-Киргизского и Афонинского могильников (Агеев, 1992, рис. 11: 3–19; 28: 42, 44, 46). Эти типы, как считал В.Ф. Генинг, сложились в Среднем Прикамье в I в. до н. э. и использовались на протяжении I и II вв. н. э. (1970, с. 46, рис. 20: 37–39, 41, 77).

Тип 7 (13 экз., рис. 6: 4–10) – прямоугольные, сплошные, несколько изогнутые в профиле, украшены одним или тремя горизонтальными рядами поясков из точек или «рубчиков». По Тарасовским материалам – I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 11: 26).

Такие застежки были предназначены для скрепления ремней обуви в области колен или взъема ступни, чем и объясняется их изогнутость. Наиболее ранние экземпляры происходят из Кипчаковского могильника рубежа эр на левобережье р. Камы (Зубов, 2010, с. 72, рис. 9.3: 19, 23) и Андреевского I кургана рубежа I–II вв. н. э. в Среднем Поволжье (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 20: 6). Н.А. Лещинская подобные предметы по вятским материалам (Худяки, погр. 26 и Первомай, погр. 16) датирует III в. (2014. Табл. 87: 1, 8). На чегандинских памятниках такие застежки известны из Коростинского клада и Пьяноборского I могильника. Встречались они и в могильнике Ныргында I рубежа II–III вв. (Голдина, Красноперов, 2012. Табл. 209: 22, 23). В.Ф. Генинг датировал их II в. н. э. (Генинг, 1970. Табл. XX: 7, рис. 20: 78). Это единственный тип, встречающийся только в женских могилах.

Тип 8 (23 экз., рис. 7: 1–13) – с обоймой для крепления к ремню.

Подтип а (2 экз., рис. 7: 1, 2) – длинные узкие, вытянутые. I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 6; 3: 17).

Подтип б (2 экз., рис. 7: 3) – кольцевидные, гладкие. I в. н. э.

Подтип в (7 экз., рис. 7: 4–7) – кольцевидные, псевдовитые. I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 9: 18). Один экземпляр из могилы 680Б (рис. 7: 4) датирован IV в. н. э. (анахронизм).

Подтип г (9 экз., рис. 7: 8–10) – круглые, с орнаментом в виде овалов или спиралей в средней части. I–II вв. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 4: 20; 12: 33).

Подтип д (3 экз., рис. 7: 11–13) – круглые, с X-видным узором в средней части. I–II вв. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 12: 33).

Один из вариантов («д») с X-видным орнаментом встречался в могилах мужчин II в. н. э., в женских же такие застежки более разнообразны за счет появления экземпляров с орнаментом в средней части в виде кружков и спиралей (подтип «г»). Такие застежки выявлены в Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 12: 9–11, 13) и Пьяноборском I (Генинг, 1971. Табл. XX: 8) могильниках. В.Ф. Генинг считал их характерными для II в. и, возможно, сменяющими обычные застежки с крючком (1970, с. 47). Н.А. Лещинская близкую застежку с обоймой из погребения 26 Ошкинского могильника отнесла к концу I–II в. (2014. Табл. 80: 5). ЗК этого типа, появившись одновременно с вышеописанными типами, существовали дольше других – на протяжении всего II в. н. э.

Застежки с крючком обнаружены главным образом в индивидуальных захоронениях – 75 случаев (94,94%

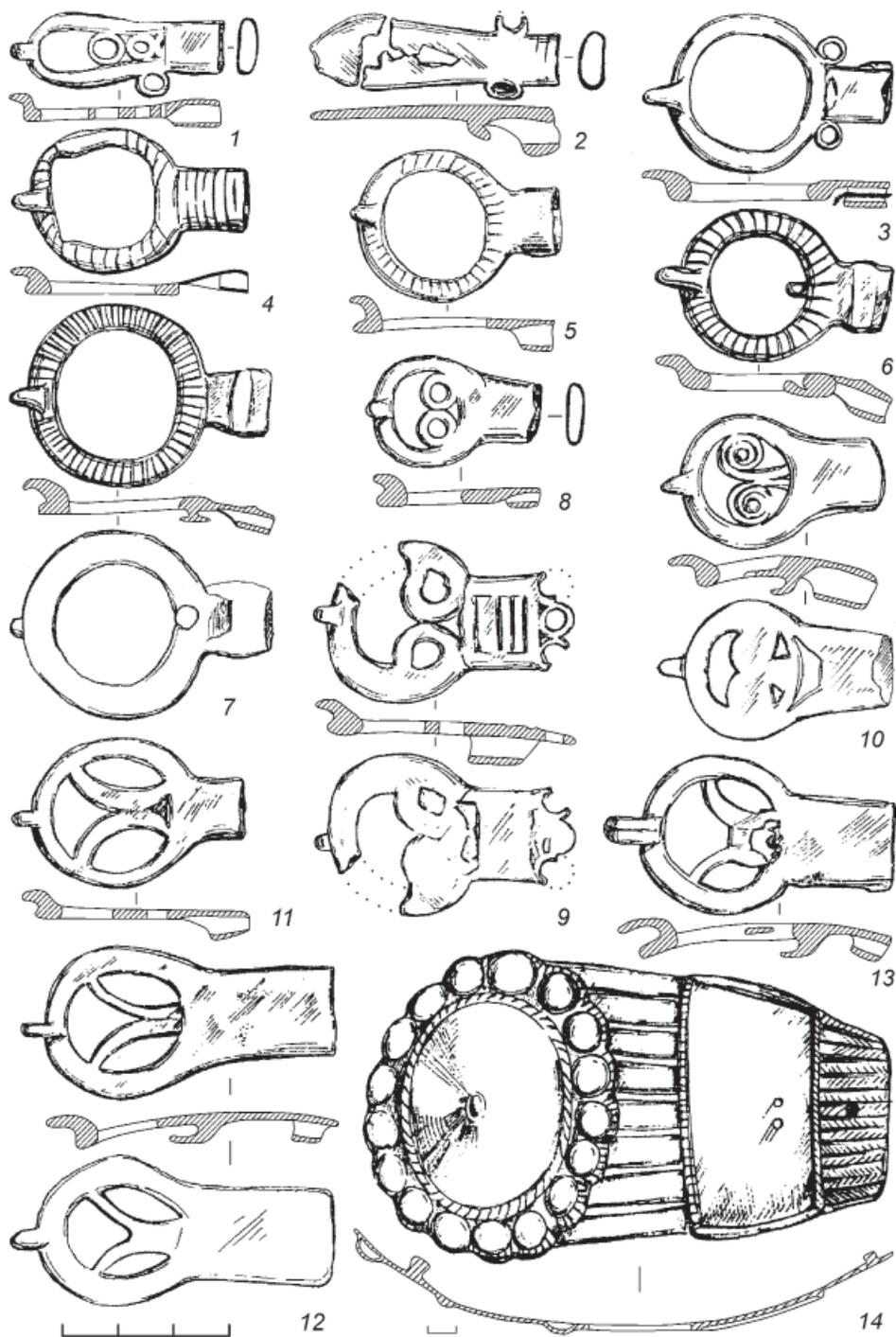

Рис. 7. Бронзовые застёжки с крючками и эполетообразная застёжка Тарасовского могильника.

Fig. 7. Bronze hook fasteners and an epaulet-shaped fastener of the Tarasovo burial ground.

от 79 могил ранней стадии), реже – в коллективных – 4 случая (5,06% от 79; погр. 1145А, Б, 1170Б, 1315Б, 1663Б). У 33 умерших (41,77% от 79 пол и возраст не установлен. Среди остальных 46 захороненных преобладают женщины (27 могил; 34,18% от 79 умерших) различного возраста: 7–14 лет – 3 случая, 16–20 лет – 9, 20–40 лет – 12, 50–60 лет – 1, в двух случаях возраст умерших женщин не установлен. Мужских захоронений с ЗК ныргындинской стадии меньше (19; 24,05% от 79 умерших), это погребенные 10–16 лет – 4 захоронения, 16–20 – 3, 20–40 – 8 и 40–50 – 4.

В 79 захоронениях выявлено 90 вариантов положения застежек¹. В двух случаях застежки входили в состав подарочных наборов (положение одного неясно, второй лежал слева у черепа), в 13 случаях положение изделий не определено. Остальные варианты положения ЗК следующие: изголовье или череп – 4 случая, левая ключица, правое плечо или грудь – 7, пояс или таз – 17, ноги – 11, стопы – 36.

Из двух погребений поздней стадии одно принадлежит женщине 20–35 лет (погр. 680Б) в коллективном захоронении трех человек (костяк А – пол?, 35–40 лет; В – пол?, возраст?), во втором (погр. 1033) пол и возраст не установлены². Положение одной застежки (погр. 680Б) не позволяет точно установить ее назначение, вто-

рая найдена в области коленей (погр. 1033).

Проведенная Р.Д. Голдиной совместно с Н.А. Лещинской работа по сопоставлению элементов материальной культуры пьяноборской историко-культурной общности (2018, в печати) показала, что ЗК являются неизменным атрибутом этого образования. Во всех ее культурах – тарасовской (чегандинской), кара-абызской и худяковской – они не только присутствуют (рис. 8), но и представлены как ранними (рис. 9: 1–3, 12, 13), так и поздними (рис. 9: 20–22) вариантами. В то же время в каждой культуре есть свои формы, что говорит о самостоятельности и творческой инициативе производственных школ каждого региона. Например, из Тарасовского могильника многочисленны округлые кольцеобразные ЗК (тип 1, рис. 2: 10–26), овальные (тип 2, рис. 3), овальные с пластинами-ромбами (тип 4, рис. 5: 1–3) и прямоугольные изогнутые (тип 7, рис. 6: 4–10).

Особую группу составляет единственная из Тарасовского могильника эполептообразная застежка (рис. 7: 14), размерами 19,2×9,5–11,0 см, стандартной формы с овальной передней частью, украшенной по краю полусферами и умбоном в центре, трапециевидной задней частью и восемью соединительными жгутами. Она найдена в коллективной могиле (5 человек) 911А III в. н. э. (возле скелета женщины 25–30 лет) в подарочном наборе, в берестяной коробочке вместе с другими вещами: двумя бронзовыми височными подвесками, фрагментом железного шила и остатками нагрудника (?), украшенного 230 экземплярами бисера и одной бусиной. Застежка принадлежит к типу, относимому к

¹ В могиле 1608 зафиксировано 4 положения застежек, в погребениях 1090, 1232, 1395, 1470, 1631, 1637, 1647, 1660 – по 2 положения.

² В засыпи этого погребения на глубине 60–63 см (при максимальной глубине могилы 83 см) найдены зубы женщины 30–35 лет.

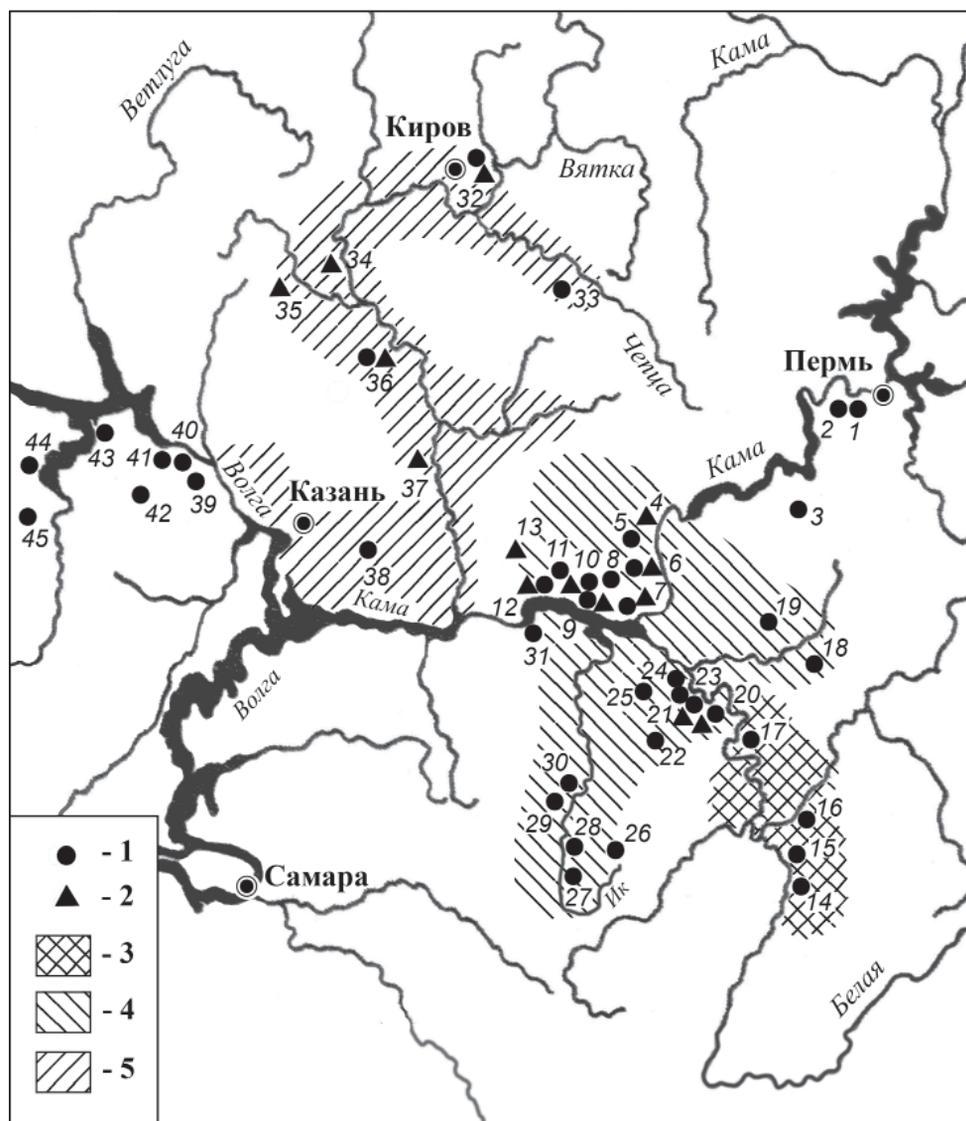

Рис. 8. Карта-схема археологических культур Волго-Камья и памятников с находками: 1 – застезек с крючками и 2 – эполетообразных застезек, аналогичных Тарасовской; 3 – кара-абызская культура; 4 – тарасовская (чегандинская); 5 – худяковская. 1 – Гляденовское костыше; 2 – Половинное I поселение; могильники: 3 – Краснояр; 4 – Чепаниха; 5 – Афонино; 6 – Тарасово; 7 – Чеганда II; 8 – Коростино находки; могильники: 9 – Ныргында I; 10 – Ныргында II; 11 – Пьяный Бор II (Муново); 12 – Пьяный Бор I; 13 – клад Ахтиаль; могильники: 14 – Шипово; 15 – Ново-Уфимский; 16 – Охлебинино; 17 – Биктимирово; 18 – Чиатав; 19 – Старо-Киргизово; 20 – Кушулево II; 21 – Кушулево III; 22 – Шидали; 23 – Уяндык; 24 – Юлдашево; 25 – Кипчаково I; 26 – Камышлы-Тамак; 27 – Урманаево; 28 – Ново-Сасыкуль; 29 – Старый Чекмак; 30 – Меллятамак I; 31 – Деуково II; 32 – Первомай; 33 – Городище; 34 – Кошкино; 35 – Худяки; 36 – Ошки; 37 – Атамановы Кости; 38 – Ковали находки; 39 – Конарское селище; 40 – Ящеринское городище; 41 – Яндашевская находка; 42 – Янмурзинский клад; 43 – Писеральский могильник; 44 – Пильнинский I могильник; 45 – Андреевский курган (№39-45 – по: Мясников, 2014, с. 96).

Fig. 8. Schematic map of the Volga-Kama archaeological cultures and sites: 1 – hook fasteners and 2 – epaulet-shaped fasteners similar to Tarasovo; 3 – Kara-Abyz culture; 4 – Tarasovo (Cheganda) culture; 5 – Khudyaki culture. 1 – Glyadenovskaya bone bed; 2 – Polovinnoye I ancient settlement; burial grounds: 3 – Krasnoyar; 4 – Chepanikha; 5 – Afonino; 6 – Tarasovo; 7 – Cheganda II; 8 – Korostino finds; burial grounds: 9 – Nyrgynda I; 10 – Nyrgynda II; 11 – Piany Bor II (Munovo); 12 – Piany Bor I; 13 – Akhtial treasure; burial grounds: 14 – Shipovo; 15 – Novo-Ufimsky; 16 – Okhlebinino; 17 – Biktimirovo; 18 – Chiatav; 19 – Staro-Kirgizovo; 20 – Kushulevo II; 21 – Kushulevo III; 22 – Shidali; 23 – Uyandyk; 24 – Yuldashevo; 25 – Kipchakovo I; 26 – Kamyshly-Tamak; 27 – Urmanaevo; 28 – Novo-Sasykul; 29 – Sary Chekmak; 30 – Mellyatamak I; 31 – Deukovo II; 32 – Pervomay; 33 – Gorodische; 34 – Koshkino; 35 – Khudyaki; 36 – Oshki; 37 – Atamanovy Kosti; 38 – Kovali finds; 39 – Konarskoye ancient settlement; 40 – Yascherinskoye fortified settlement; 41 – Yandashevskaya find; 42 – Yanmurzinsky treasure; 43 – Piseralsky burial ground; 44 – Pilninsky I burial ground; 45 – Andreevsky mound (Nos. 39-45 – after: Мясников, 2014, p. 96).

расцвету этой категории украшений (Генинг, 1970, с. 34): большого размера, 4-частная, с четко проработанными деталями всего предмета и орнамента.

Обращает на себя внимание, что это единственный экземпляр в Тарасово, ведь только в двух могильниках – Cheganda II и Nyrgynda II Удмуртского Прикамья – было обнаружено 26 одновременных эполетообразных застежек. В.Ф. Генинг имел возможность исследовать 79 таких предметов с 24 памятников (Генинг, 1970, с. 34), Б.Б. Агеев – 90 (1992, с. 40–41), а Т.А. Лаптева собрала сведения о 173 застежках с 39 памятников (1994, с. 128–155).

Тарасовская застежка напоминает предметы из сборов, а также из погребения 264 могильника Nyrgynda I, датированного II – началом III в. (Голдина, Красноперов, 2012. Табл. 234: 6) и могилы 146 некрополя Nyrgynda II (Журавлева, 2014, рис. 7: 7). Подобные эполетообразные застежки происходят из могил 238 и 329 Ново-Сасыкульского могильника (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 11: 5, 6), погребения 15 могильника Cheganda II (Генинг, 1970. Табл. XIV: 4), из сборов на Чепанихинском могильнике (Семенов, 1967, рис. 1: 7), а также из Ахтиаль-

ского клада (Древнее искусство, 1974, илл. 108) и Пьяноборского I могильника (Генинг, 1970. Табл. XXIII: 5).

Аналогичные предметы найдены на памятниках художковской культуры вятского бассейна: Первомайском (Голдина и др., 2014. Табл. 149: 3; 168: 1; 171: 12, 16, 17; 187: 4), Худяковском (там же. Табл. 111: 4; 112: 2; 117: 4; 123: 1), Ошкинском (там же. Табл. 14: 8; 36: 7; 41: 1), Атамановы Кости (Лещинская, 2014. Табл. 103: 15), Кошкинском (там же. Табл. 104: 3). По данным Н.А. Лещинской, подобные варианты эполетообразных застежек датируются II–III вв. (там же, с. 166, 167).

Местный характер изготовления ЗК доказывается и составом металла. С помощью спектрометра S1 Turbo SD LE были проанализированы 20 застежек с крючками из могильника Nyrgynda I (Голдина, Перевошиков, Сабирова, 2012, с. 341–349, рис. 10, 11) и 4 – из Ошкинского (Перевошиков, Сабирова, 2014, с. 454). В обоих случаях все предметы были изготовлены из местного сплава – свинцово-оловянистой бронзы. В Nyrgyndинском I могильнике в составе сплава доля меди колебалась в пределах 44,9–91,6%; олова – 5,4–49,0; свинца – 1,2–3,9%. В изделиях из Ошкинского могильни-

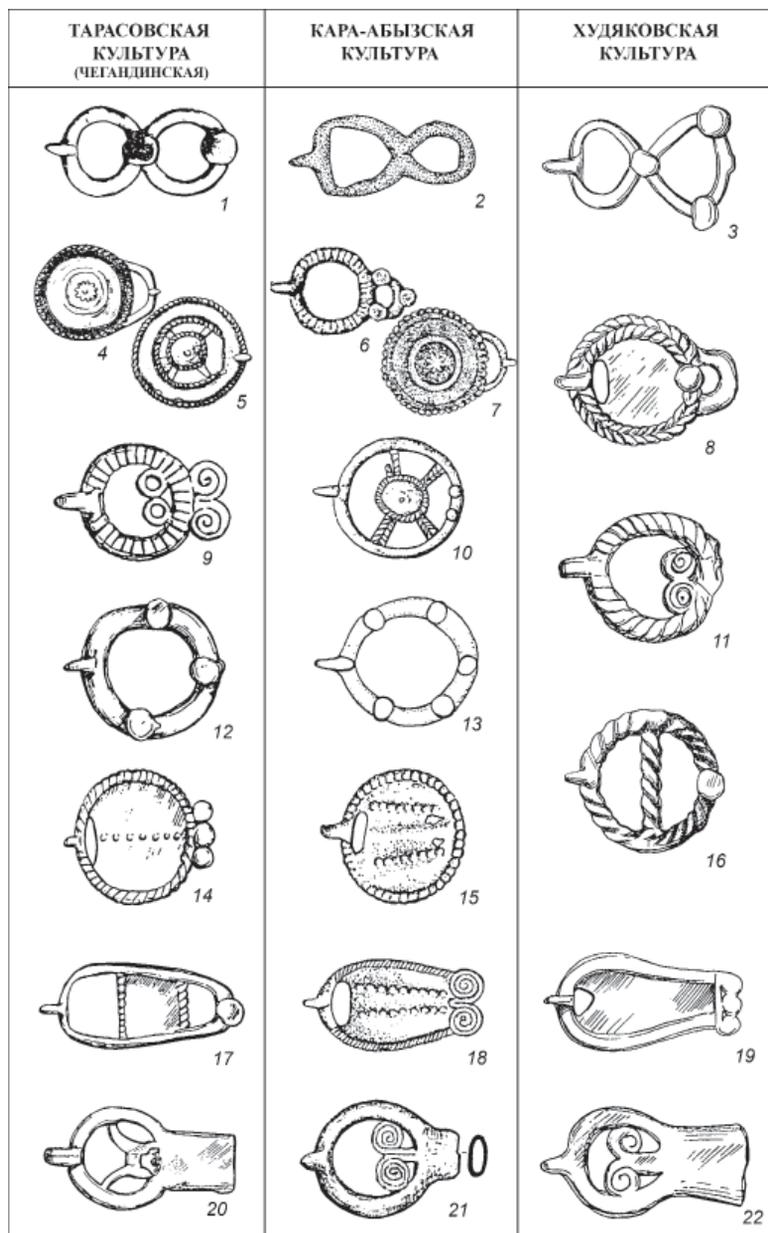

Рис. 9. Встречаемость застежек с крючками в культурах пьяноборской общности. Тарасовская (чегандинская) культура – 1, 4, 5 (по: Агеев, 1992, табл. 11: 1, 20, 34); 9, 14 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 8, 12: 35); 12, 17, 20 (по: Голдина, 2003, табл. 503: 3, 547: 21, 695: 2). Кара-абызская культура – 2, 6, 7, 10, 13, 15, 18, 21 (по: Воробьева, 2012, рис. 22: 1, 27: 13, 29: 13, 16, 30: 3, 31: 1, 3). Худяковская культура – 3, 8, 11, 16, 19, 22 (по: Лещинская, 2014, табл. 26: 1, 2, 4, 5, 10, 11).

Fig. 9. Occurrence of hook fasteners in cultures of the Pyanoborye community. Tarasovo (Cheganda) culture – 1, 4, 5 – (after: Агеев, 1992, Table 11: 1, 20, 34); 9, 14 (after: Голдина, Бернц, 2016, Fig. 2: 8, 12: 35); 12, 17, 20 (after: Голдина, 2003, Table 503: 3, 547: 21, 695: 2). Kara-Abyz culture – 2, 6, 7, 10, 13, 15, 18, 21 (after: Воробьева, 2012, Fig. 22: 1, 27: 13, 29: 13, 16, 30: 3, 31: 1, 3). Khudyaki culture – 3, 8, 11, 16, 19, 22 (after: Лещинская, 2014, Table 26: 1, 2, 4, 5, 10, 11).

ка процентное соотношение легирующих элементов следующее: медь – 65,3–81,18%; олово – 14,46–22,1; свинец – 3,76–10,5. Как выяснилось, из свинцово-оловянистой бронзы сделаны 48 изделий местных типов Ныргындинского I могильника: бляшки, височные подвески, накладки, пронизки, эполетообразные застежки и др. Этот же сплав послужил основой для 76 предметов из Ошкинского могильника: бляшек, эполетообразных застежек, височных подвесок и др. Из бронзы такого состава выполнена и эполетообразная застежка из погребения 264 Ныргынды I, похожая на тарасовскую. Зеркала из свинцово-оловянистой бронзы были распространены по всей территории сармат начиная с III в. до н. э. (Мошкова, Рындина, 1975, с. 124, группа 4). Не исключено, что именно мастера прикамского региона, где производство бронзовых изделий было хорошо организовано, поставляло свою продукцию в сарматский мир.

Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что даты, предлагаемые в этой работе по застежкам с крючками, касаются исключительно Тарасовского могильника. На этом памятнике мы имеем свидетельства того, как категория ЗК изживает себя, перестает использоваться. Процесс замены таких застежек бронзовыми пряжками начался в I в. н. э. Это видно на примере двух пряжек из погребения I в. № 1380 (Голдина, Бернц, 2016, рис. 8: 7). Они цельнолитые с прямоугольным щитком, округлой рамкой (кольцом) и железными язычками (рис. 10: 1, 2). Последнее обстоятельство указывает, скорее всего, на то, что предметами дорожили и их ремонтировали. Но самое важное, что на одной

из них на оборотной стороне мастер по привычке оставил функционально уже не нужный крючок. Способ крепления пряжки к ремню – петля также несет на себе следы прежних традиций. Пластины более поздних экземпляров пряжек крепились к ремню преимущественно с помощью штифтов.

Подобные ранние пряжки, отнесенные Н.А. Лещинской к I–II вв., обнаружены в могилах 45 и 73 Первомайского могильника севернее г. Вятки (Лещинская, 2014. Табл. 80: 6). Обе они цельнолитые с прямоугольным щитком и круглой рамкой, крепились к ремню с помощью петли, одна из них также ремонтировалась (рис. 10: 3, 4).

Еще одно свидетельство смены застежек с крючком пряжками относится к воинскому погребению Староардатовского I кургана. Это массивная, длиной 12,8 см бронзовая цельнолитая пряжка с овальной рамкой, широким, сужающимся к концу язычком, и длиной пластиной, на конце которой располагалась круглая «пуговка»-крючок (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33: 3). Предмет – явно сочетающий признаки пряжки и застежки с крючком. Погребение датировано В.В. Гришаковым серединой I в. н. э. (там же, с. 65). Таким образом, процесс замены ЗК бронзовыми пряжками в Урало-Поволжье, начавшись в I в. н. э., завершился во II.

В огромном варварском мире Центральной и Северной Европы, насыщенной разнообразными вариантами фибул, скромные застежки с крючком редки, но встречались в I в. до н. э. и I в. н. э. (Щукин, 1994, рис. 6: 18, 21: 14). По мнению М.Г. Мошковой, у сармат бронзовые восьмеркообразные

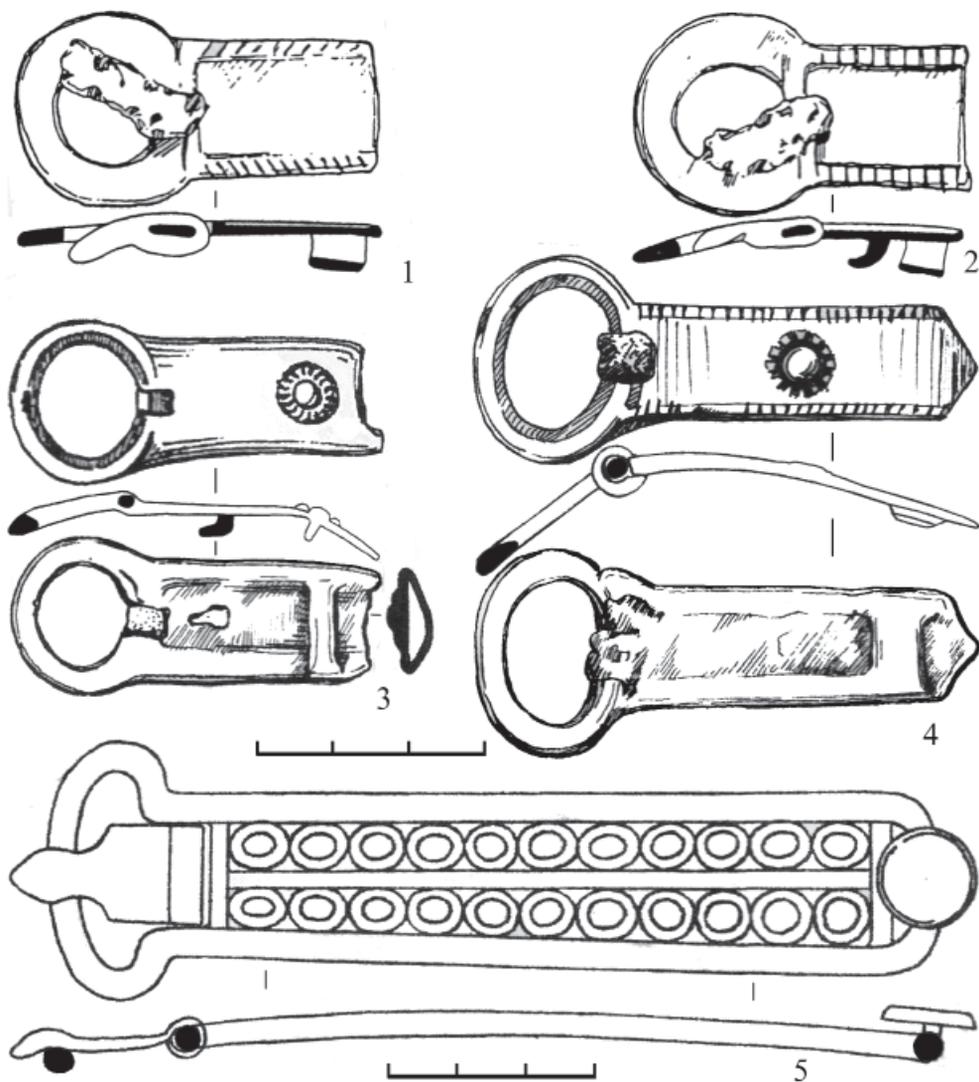

Рис. 10. Бронзовые пряжки переходного типа: 1, 2 – Тарасовский могильник, погр. 1380; 3 – Первомайский могильник, погр. 73; 4 – Первомайский могильник, погр. 45; 5 – Староардатовский I курган (по: Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33: 3).

Fig. 10. Bronze buckles of the transitional type: 1, 2 – Tarasovo burial ground, grave 1380; 3 – Pervomay burial ground, grave 73; 4 – Pervomay burial ground, grave 45; 5 – Staroardatovsky I mound (after: Гришаков, Зубов, 2009, Fig. 33: 3).

пряжки с боковым крючком и «пуговкой» на противоположном конце были распространены с рубежа IV–III в. до н. э. до II в. н. э., гладкие кольцевые с крючком и «пуговкой», появившись не ранее III в., существовали до I в.

до н. э. (Мошкова, 1093, с. 40. Табл. 25: 22–30). С Тарасовского могильника восьмеркообразных ЗК нет, а кольцеобразные, подобные сарматским, встречались (рис. 2: 8, 9, 11). Они представляли собой, вероятно, одну

из поздних модификаций этого типа. ЗК у сармат применялись для оформления ремней поясов и портупей. Железные рамчатые пряжки у сармат появились в VI–V вв. до н. э., но стали популярными лишь на рубеже эр и в первых веках нашей эры (там же. Табл. 25: 7, 31, 32). Точку зрения М.Г. Мошковой о дате ЗК разделяет и А.С. Скрипкин, который считает, что восьмеркообразные и кольцообразные бронзовые, реже – железные изделия этого рода сарматских памятников Поволжья и Приуралья датировались III–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 97, 169, рис. 49–6: 1–3). Позднее эта дата была несколько скорректирована и застежки с крючками отнесены ко II–I вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 5: 5, 6: 29–30).

На памятниках Центрального Предкавказья ЗК как из бронзы, так и железа встречались в захоронениях III–I вв. до н. э., сосуществовавшие с округлыми рамчатыми, чаще железными, пряжками. В могилах II – первой половины III в. н. э. ЗК уже нет (Абрамова, 1993, рис. 27: 1–7, 10: 29). В Крымской Скифии процесс замены бронзовых восьмеркообразных и кольцевых застежек с крючками пряжками также произошел в I–II вв. н. э. Застежки с крючками здесь использовались в I в. до н. э. – II в. н. э., а железные рамчатые пряжки стали известны в I–II вв. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 70–72, рис. 26: 10, 11; 27: 6, 7; 28: 2; 37: 23; 95: 2, 3, 6–14; 97: 1–5).

Таким образом, ранние варианты застежек с крючками – восьмеркообразные и кольцообразные с «шишечками»–«пуговками» – были известны в III/II – I вв. до н. э. в варварском мире Центральной, Северной и Восточной Европы. К рубежу эр

они повсеместно были заменены рамчатыми пряжками простейших форм, чаще железными, с подвижной иглой (язычком). Только на территории Волго-Камья ЗК были многочисленны (сотни экземпляров), разнообразны по форме и декору и просуществовали от II в. до н. э. до II в. н. э.

Выводы

Застежки с крючком (ЗК), широко используемые в Волго-Камье предметы, предназначенные для скрепления ремней в costume (поясные, обувные – на вземе ноги и коленях) и в воинской экипировке. На Тарасовском могильнике обнаружено 134 экземпляра, найденных в 81 могиле. Они отличались разнообразием вариантов – выделено 8 типов и 17 подтипов. ЗК встречались как в женских (27 могил), так и в мужских (19) захоронениях. У 33 погребенных пол не определен. Возраст умерших варьировал от 10–14 до 50–60 лет.

Бронзовым застежкам с крючками предшествовали поясные крючки ананьинского времени.

ЗК появились в Волго-Камье во II вв. до н. э. и существовали до II в. н. э. включительно. Тарасовские экземпляры использовались в I–II вв. н. э., демонстрируя процесс угасания традиции производства этих изделий и замены их пряжками.

Ареал распространения ЗК – пьаноборская историко-культурная общность, включая входящие в нее культуры: тарасовскую (чегандинскую), кара-абызскую и худяковскую. Особый район бытования ЗК – Сурско-Волжское междуречье, имеющее определенную близость с Прикамьем, но и достаточное своеобразие.

ЗК изготовлены из свинцово-оловянистой бронзы – сплава, широко

Таблица 1

Указатель к рисункам вещей Тарасовского могильника

№ таблицы	№ предмета	№ погребения	Дата
1	2	3	4
2	1	689	I в.
	2	1202	I в.
	3	1251	I в.
	4	1484	I в.
	5	1637	I в.
	6	815	2-я пол. III в.
	10	1125, 1187	I, I в.
	11	1164	I в.
	12	1871(2) ¹ , 1635(2)	I, I в.
	13	1170Б	I в.
	14	1500, 1395(2), 1608	I, I, I в.
	15	1511	I в.
	16	1659(2), сбор (3)	I в.
	17	1877	I в.
	18	1470 ² , 1062, 887	I, I, I в.
	19	1470(2) ³	I в.
	20	1509(2)	I в.
	21, 23	1634	I в.
	22	1672	I в.
	24	1857	I в. ⁴
3	25	1232	I в.
	26	1637	I в.
	1	1425	I в.
	2	1238	I в.
	3	1520	I в.
	4	сбор	
	5	1144	I в.
	6	655, 1521, 1608	I-II, I, I в.
	7	1631, 1180	I, I-II в.
	8	1557	
	9	сбор	
	10	1202, 1612	I, I в.
	11	1637	I в.
	12	1608	I в.
	13	1660	I в.
	14	1645	I в.
15	1297	I в.	
16	1454	I в.	
4	1	1352, сбор	I в.
	2, 3	1647	I в.
	4	1508(2)	I в.
	5	1581(2)	I в.
	6	1395	I в.
	7	1189(2)	I в.
	8	1552(2)	I в.
	9	1279(2)	I в.
	10	1090(2)	I в.
	11	1376(2)	I в.

	12	1278, 1660(2)	I, I в.
5	1	1484	I в.
	2	689	I в.
	3	603	I в.
	4	145	I – 1 пол. II в.
	5	1108(2)	I в.
	6	1100(2)	I пол. II в.
	7	216	II в.
	8	1558(2)	I-II вв.
6	1	1321(2)	I в.
	2	1663Б(2)	I в.
	3	1861	I в.
	4	1245(2)	I в.
	5	1289(2)	I в.
	6	1247(2)	I в.
	7	1524(2)	I в.
	8	1274	I в.
	9	1258(2)	I в.
	10	1086(2)	I в.
7	1	1165	I в.
	2	1170Б	I в.
	3	1450(2)	I?-II в.
	4	680Б	IV в.
	5	1164, 1281, 1301	I?, I, I-II вв.
	6	1631(2)	I-II в.?
	7	1636	I-II в.?
	8	1215	I пол. II в.
	9	1514(2)	I пол. II в.
	10	1491(2)	I пол. II в.
	11	1315Б	II в.
	12, 13	1443	I в.
	14	911А	III в.

¹ В скобках указано количество предметов.

² Первый номер – номер могилы, предмет из которой вошел в таблицу, все последующие (указаны по порядку) – номера захоронений с аналогичными изделиями.

³ Если в погребении найдено несколько разных застёжек, его номер повторяется.

⁴ Возможно, раньше.

применяемого мастерами для производства местных оригинальных типов украшений.

Появление ЗК наряду с эполеообразными застёжками, фибулами, сюльгами, пряжками свидетельствует о кардинальных изменениях в оформлении костюма пьяноборского населения в конце I тыс. до н. э.

Одним из вариантов ЗК являются эполеообразные застёжки. Экзем-

пляр из Тарасовского могильника был создан в III в. и имеет признаки, характеризующие расцвет этой категории украшений.

Застёжки с крючком в Волго-Камье представляют собой оригинальное явление материальной культуры; созданные на рубеже эр местными мастерами они по своей многочисленности, разнообразию и выразительности не имели аналогов в евразийском пространстве.

Благодарности. Благодарю В.А. Бернц – специалиста по учебно-методической работе I категории УдГУ – за квалифицированный анализ форм и местоположения застёжек с крючком Тарасовского могильника; А.Ю. Емельянову – магистранта УдГУ за организационное и техническое обеспечение статьи; И.Г. Соловьёву – художника – за оформление иллюстраций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. серии Г.Е. Афанасьев и Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
2. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
3. *Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.
4. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. и ред. Н.Е. Медведева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. *Васильев Ст.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.
6. *Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
7. *Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Т. I, II. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012. 291, 138 с.
8. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
9. *Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
10. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
11. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
12. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. № 3 (17). 2016а. С. 17–58.
13. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
14. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 44–72.
15. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
16. *Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.* О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1 (в печати).
17. *Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Макаров Л.Д.* Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. С. 212–445.

18. Голдина Р.Д., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Р.Д. Голдина, А.А. Красноперов. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. / Науч. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 341–362.
19. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
20. Древнее искусство: собрание ГИМ / Науч. ред. М.И. Артамонов. Ленинград: Аврора, 1974. 195 с.
21. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. 38 с.
22. Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Ныргындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1(7). С. 69–91.
23. Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
24. Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
25. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Деуковский II могильник // Отчеты Нижнекамской экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 105–121.
26. Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2002. С. 47–81.
27. Лантева Т.А. Эполетообразные застезки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 128–155.
28. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
29. Мажитов Н.А., Пишеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.
30. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1963. 55 с.
31. Мошкова М.Г., Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1975. С. 117–133.
32. Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тыс. н.э. Сурско-Свияжского междуречья. Т. II. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2014. 251 с.
33. Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Новые находки зооморфных поясных крючков из памятников лесостепного Предуралья // УАВ. Вып. 11. Уфа: Гилем, 2011. С. 50–52.
34. Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014а. С. 452–470.
35. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. I, II. Йошкар-Ола, 2013.
36. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.

37. *Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.
38. *Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986а. С. 26–44.
39. *Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 45–74.
40. *Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
41. *Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в прикамской Удмуртии Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 116–122.
42. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
43. *Старостин П.Н.* Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Отчеты НКАЭ. Вып. 2. Работы Татарского отряда / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань, 1978. С. 126–142.
44. *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. 323 с.

Информация об авторе:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

HOOKED CLASPS FROM TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina

The paper features an analysis of hooked clasps (HC) from Tarasovo burial ground located in the Middle Kama region (134 items from 81 graves). The HC are designed for fastening belts with a hook and a loop used in clothing (headwear, belts and shoes) and military outfit. The HC are dated 2nd century B.C. – 2nd century A.D. The author classifies the items 8 types and 17 subtypes evolving with time. The distribution area of the HC is the Piany Bor cultural and historical communion: Tarasovo (Cheganda), Kara-Abyz and Khudyakovo cultures. A special HC distribution region was the Sura-Volga interfluvium. The HC coexisting in different time periods with fibulae, syulgamas, buckles and epaulet-shaped clasps demonstrate the originality and development of the clothing complex of the Piany Bor period. The author concludes that the tradition of manufacture and use of HC represents an original phenomenon of the local Finno-Permian culture unparalleled within the Eurasian space.

Keywords: archaeology, Volgo-Kama region, Piany Bor communion, Tarasovo burial ground, 2nd century B.C. – 2nd century A.D., hooked clasps, Permian Finns..

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1993. *Tsentrāl'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n. e. – IV v. n. e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD))*. Series: Afanas'ev, G. E., Daim, F. with J. Kidd's contribution (series Chief Editors). Arkheologiya epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

2. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Piany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigation on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).
4. Bray, W., Trump, D. 1990. In Medvedeva, N. E. (ed.). *Arkheologicheskij slovar' (Archaeological dictionary)*. Moscow: "Progress" Publ., 368 (in Russian).
5. Vasilev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
6. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigation on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).
7. Vorobeva, S. L. 2012. *Tipologiia elementov ubranstva kostiuna kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza (Typology of the Wear Decoration Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture)*. Vols. I, II. PhD Diss. Ufa (in Russian).
8. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Piany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
9. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoj kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Piany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).
10. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
11. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th centuries in the Middle Kama Region)* 1. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
12. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 17–58 (in Russian).
13. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).
14. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 44–72 (in Russian).
15. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
16. Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. In print (in Russian).
17. Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A., Makarov, L. D. 2014. In *Leshchinskaia, N. A. Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Piany Bor Epoch: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 27. Izhevsk: Udmurt University, 212–445 (in Russian).
18. Goldina, R. D., Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2012. In *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 22. Izhevsk: Udmurt State University, 341–362 (in Russian).

19. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkhelogicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).
20. In Artamonov, M. I. (ed.). 1974. *Drevnee iskusstvo: sobranie GIM. (Ancient Art: the Collection of the State Historical Museum)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).
21. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography (in Russian).
22. Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–91 (in Russian).
23. Zubov, S. E. 2007. In *Ufinskii arkhelogicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).
24. Zubov, S. E. 2010. In *Ufinskii arkhelogicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).
25. Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi ekspeditsii (Reports of the Nizhnekamsk Expedition)* 1. Moscow: "Znanie" Publ., 105–121 (in Russian).
26. Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 47–81 (in Russian).
27. Lapteva, T. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiia i datirovka arkhelogicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 128–155 (in Russian).
28. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Piany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
29. Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–58 (in Russian).
30. Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
31. Moshkova, M. G., Ryndina, N. V. 1975. In Kolchin, B. A. (ed.).
32. *Ocherki tekhnologii drevneishikh proizvodstv (Essays on ancient manufacturing processes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 117–133 (in Russian).
33. Miasnikov, N.S. 2015. *Arkheologicheskie pamiatniki pervoi poloviny I tysyacheletia n. e. Sursko-Sviyazhskogo mezhdurech'ia (Archaeological Sites of the First Half of 1st Millennium A.D. at the Sura-Sviyaga Interfluve)* 2. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).
34. Ovsyannikov, V. V., Tagirov, F. M. 2011. In *Ufinskii arkhelogicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 11. Ufa: "Gilem" Publ., 50–52 (in Russian).
35. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In Leshchinskaya, N. A. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Piany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 452–470 (in Russian).
36. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (pervaia polovina – seredina I tys.n.e.) (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age: First Half – Middle I Millennium AD)* 1, 2. PhD Diss. Kazan (in Russian).

37. Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia of the 2nd Century BC – 3rd Century AD. Burial Sites)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
38. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologii i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).
39. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Investigation on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).
40. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Investigation on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).
41. Pshenichniuk, A. Kh. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologii pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences, 32–61 (in Russian).
42. Semenov, V.A. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 7. Sverdlovsk, 116–122 (in Russian).
43. Skriplin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
44. Starostin, P. N. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Works of Tatar Squad. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 126–142 (in Russian).
45. Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do, n. e. – I v. n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd Century BC – 1st Century AD)*. Saint Petersburg: “Farn LTD C.” Publ. (in Russian).

About the Author:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 15.02.2018 г.

Археология и антропология эпохи средневековья

УДК904:391.4(470.51)''3/4''(045) <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.178.198>

ГОЛОВНОЙ УБОР IV В. Н. Э. ИЗ МОКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. М.Л. Перескоков, К.В. Доткин, Д. А. Якимова

В статье исследуются остатки единственного известного женского головного убора позднего этапа гляденовской культуры, найденного в погребении 264 Мокинского могильника в районе города Перми. Была изучена структура органических остатков убора, конструктивные особенности, размещение и крепление металлических деталей, определен его тип и приведены варианты реконструкции. Убор реконструируется в виде основы из тесьмы, к которой пришта ткань теменной части – тулья, подшитая с низу, украшенная вдоль шва бронзовыми бляшками, которые крепятся на кожаный ремешок. Рассмотрены аналогии убору в контексте развития костюма поздней фазы раннего железного века и эпохи Великого переселения народов Прикамья. Приведены результаты анализа состава металлических деталей убора, которые анализируются в сравнении с аналогичными изделиями из Ошкинского могильника на р. Вятка. Исследованный головной убор датирован авторами IV в. н. э.

Ключевые слова: археология, Пермское Приуралье, ранний железный век, эпоха переселения народов, гляденовская культура, костюм, погребальный обряд, женский головной убор.

Изучению костюма как важного элемента традиционной культуры всегда уделялось особое внимание в археологии раннего железного века Прикамья. И в особенности это касается женских головных уборов, которые отражали мировоззрение, состоятельность и социальный статус. Эта деталь «археологического костюма» культур пьяноборского круга предметно рассматривалась и реконструировалась в работах В.Ф. Генинга (1963), Т.И. Останиной (1997), Н.И. Шутовой (1999), А.А. Красноперова (2005). Последним проанализирована наиболее широкая выборка комплексов с женскими головными уборами, были выделены основные конструктивные типы прикамских головных уборов, представленных лентами-повязками,

мягкими шапочками и высокими уборами с плоским верхом (Красноперов, 2005; 2006д, с. 57–88). Недавно опубликована очередная уникальная находка высокого головного убора из Дубровского могильника IV–V вв. н. э. мазунинской культуры (Красноперов, Черных, 2017). Но это все касается памятников пьяноборского культурного круга. Для памятников гляденовской культуры дело обстоит иначе.

У населения гляденовской культуры Пермского Приуралья (III/II до н. э. – V в. н. э.) сложилась своеобразная социальная и религиозная структура, в результате функционирования которой основная масса материальных ценностей аккумулировалась на святилищах-костищах. Могильники раннего этапа

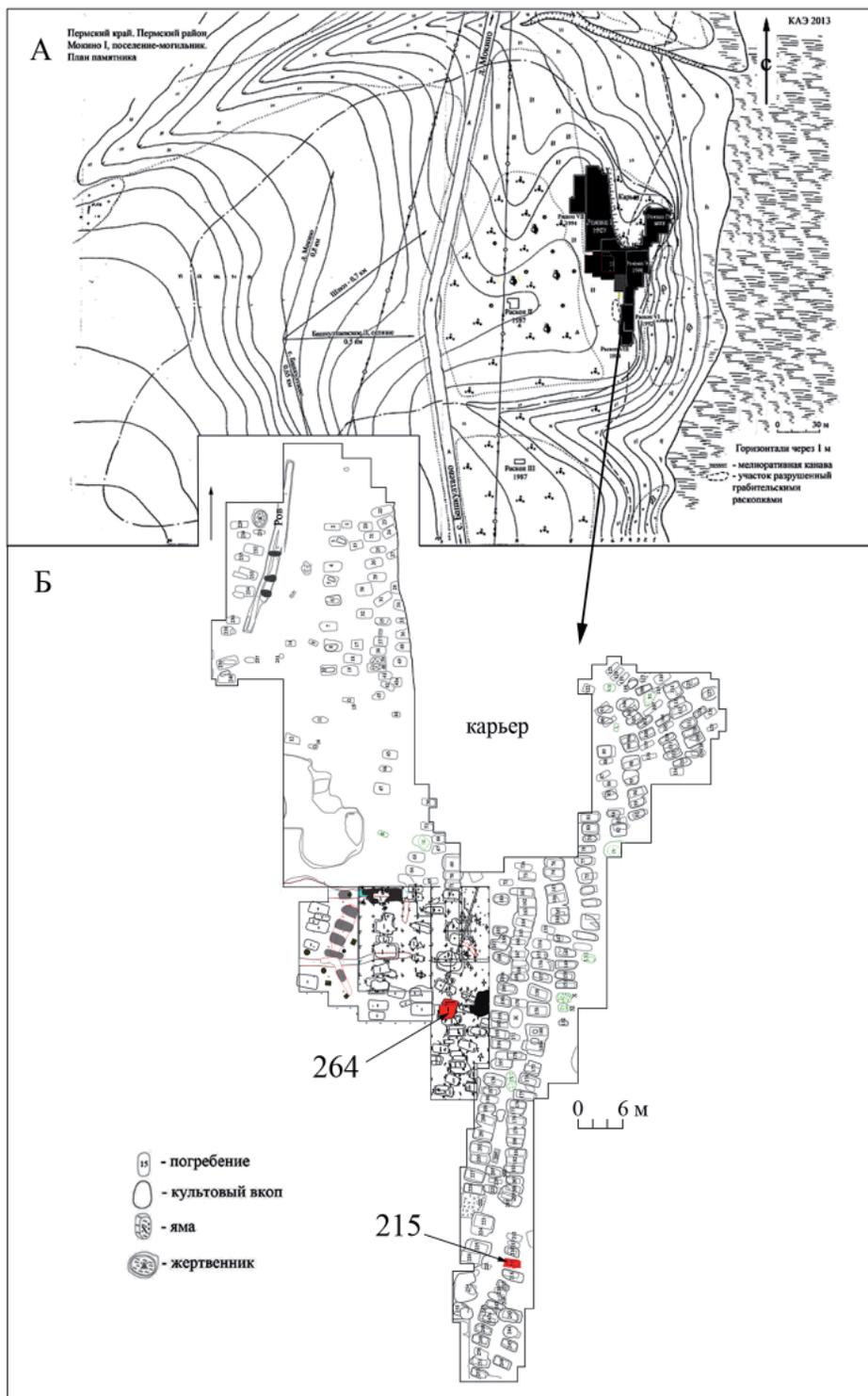

Рис. 1. Мокшинский могильник. А – план памятника; Б – сводный план раскопа.
Fig. 1. Mokino burial ground. A – Plan of the monument; B – Consolidated plan of the excavation.

культуры практически безынварные (Поляков, 2001, с. 12). Исключения представляют погребения могильников тулвинско-частинского локального варианта гляденовской культуры (Верхний Ирьяк, Красноярский, Кудашевский), которые располагались в контактной зоне гляденовской и пьяноборской культурных традиций, и где в отличие от более северных памятников в большей мере представлены элементы костюма, но в опубликованных материалах головные уборы отсутствуют (Казанцева, 2004; 2012; Перескоков, 2006). С III в. н. э. в результате ряда причин начинаются процессы эволюции социальной структуры позднегляденовского общества: усиливается социальная стратификация, увеличивается роль воинов в жизни общества. Это приводит к постепенному затуханию традиции массовых жертвоприношений на костях и переносу ряда культовых мероприятий, связанных с поминанием предков, на могильники, появлению полиобрядности (курганы, домики мертвых, кремация, обряд обезвреживания погребенных) и как следствие увеличение количества погребального инвентаря в погребениях финала гляденовской культуры (III–V вв. н. э.) (Перескоков, 2013, с. 14–15; Перескоков, 2015б). Тем не менее находок женских головных уборов до последнего времени также известно не было. Этим, вероятно, объясняется и отсутствие интереса к теме гляденовского костюма в целом, изучение которого сводится к единичным работам (Красноперов, 2006). Остатки гляденовского женского головного убора были обнаружены в погребении № 264 Мокинского могильника в ходе раскопок 2014 г.

Мокино I поселение-могильник расположен в 0,3 км к югу от деревни Мокино Пермского района Пермского края и занимает мыс под прямоугольной формы левого берега реки Нижняя Мулянка. Памятник известен с 1924 г. Он был выявлен А.В. Шмидтом и отнесен им к железному веку. Также были найдены фрагменты ананьинской и раннеломоватовской керамики, кости животных и фрагменты человеческого черепа. Однако раскопки памятника не проводились. В 1950 г. памятник осматривался В.Ф. Генингом и был определен как Мокинское селище ананьинской и ломоватовской культур. В 1987 г. на памятнике были проведены значительные работы отрядом КАЭ Пермского университета под руководством В.А. Оборина, в ходе которых был открыт могильник IV–V вв. и изучено 62 погребения (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 65). Исследование могильника продолжалось в 1987, 1990–1992, 1998 г. под руководством Н.В. Кулябиной, а в 1994 г. С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука. В ходе работ 1980–1990-х гг. было изучено 254 погребения. С 2013 г. на Мокинском могильнике археологические работы после длительного перерыва были продолжены, под руководством М.Л. Перескокова, которые проводятся до настоящего времени. Исследованные в 2013–2016 гг. погребения датируются третьей четвертью IV – рубежом IV–V в., они связаны с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш и относятся к финальному этапу гляденовской культуры (Перескоков, 2014; Мингалев, Перескоков, 2014).

Погребение № 264 располагалось в центральной части памятника (рис. 2). В погребении фиксируется

Рис. 3. Мокинский могильник. Погребение 264. 1 – остатки головного убора; 2 – фрагмент ткани; 3 – фрагмент меха; 4 – фрагмент тесьмы.

Fig. 3. Mokino burial ground. Burial 264. 1 – the remains of the headdress. 2 – fragment of tissue; 3 – fragment of fur; 4 – fragment of braid.

грабительский вкоп, нарушающий целостность погребения, размерами 2,40×1,96 м. Стратиграфически перекоп делится на два слоя, которые соответствуют разновременным вкопам. Верхняя часть перекопа заполнена углистым темно-коричневым суглинком, имеющим ленточную структуру (слой 19) – поздний грабительский вкоп. Нижняя часть заполнена коричневым суглинком с углистыми вкраплениями и углем (слой 18) – грабительский вкоп более раннего времени или перекоп погребения в культовых целях¹. Основное заполнение погребения –

красно-коричневая комковатая глина. Перекоп разрушает две могилы: собственно погребение № 264 и располагавшееся рядом детское (?) погребение № 264а (где зафиксирован тонкий деревянный настил на дне), которое разрушено перекопом практически полностью, за исключением небольшого участка западного края могилы. Перекоп достигает и самого дна погребения № 264, но полностью его не разрушает. Костяк в большей части имеет анатомический порядок. Частично присутствует деревянный настил на дне погребения, который

¹ Обряд разрушения погребений в культовых целях не однократно фиксировался при раскопках Мокинского могильника (Коренюк, Мельничук, Перескоков,

2011), также как и грабительские ямы нового и новейшего времени. Что касается данного погребения, то достоверная интерпретация перекопов затруднительна.

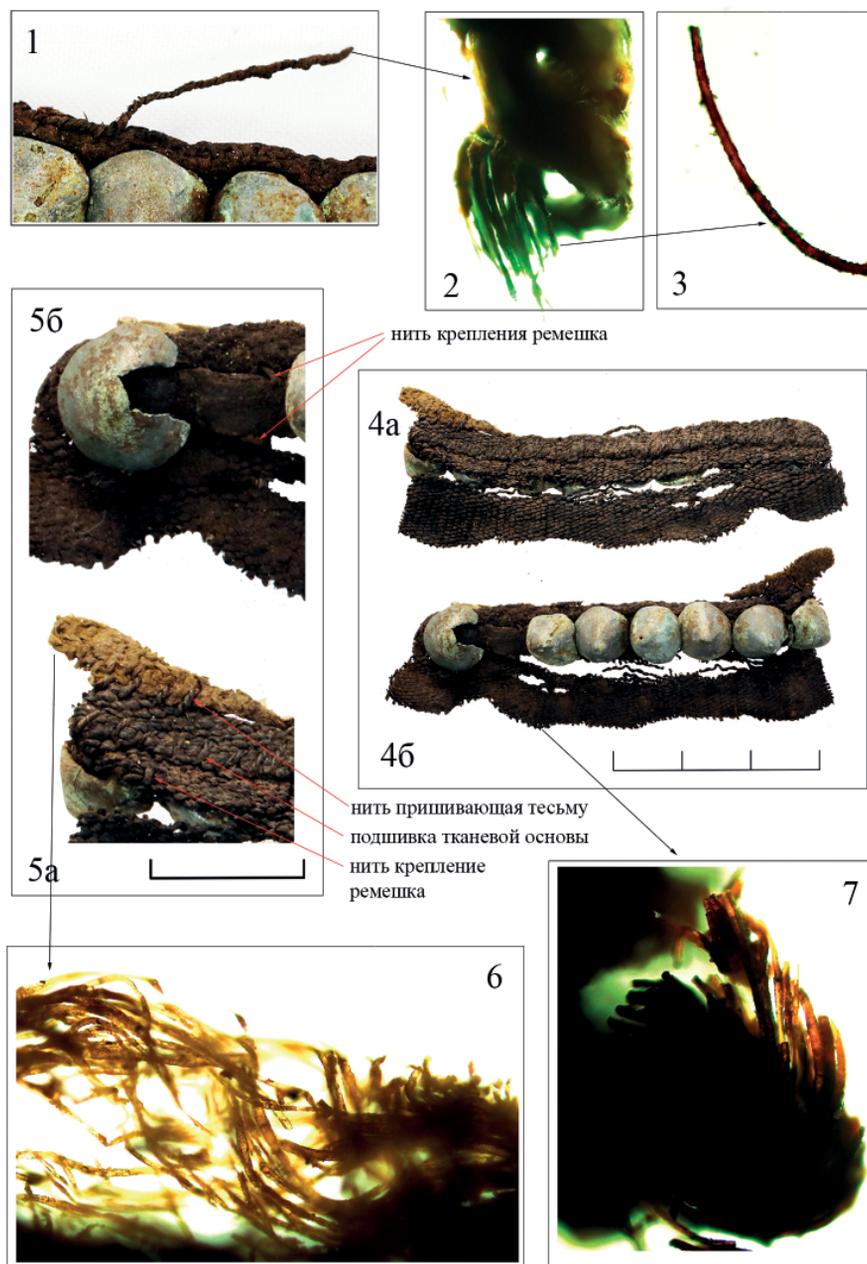

Рис. 4. Мокинский могильник. Погребение 264. Головной убор. Детали. 1 – нитка сшивающая элементы; 2 – способ кручения нитки (под микроскопом); 3 – структура волокна под микроскопом (волос животного); 4–5 – детали крепления тесьмы и металлических элементов; 5 – структура тесьмы (под микроскопом); 6 – структура ткани (под микроскопом).

Fig. 4. Mokino burial ground. Burial 264. Headdress. Details. 1 – thread stitching elements; 2 – a method of twisting a thread (under a microscope); 3 – fiber structure under a microscope (animal hair); 4–5 – details of fastening of a braid and metal elements; 5 – the structure of the braid (under a microscope); 6 – tissue structure (under a microscope).

также сильно разрушен перекопом. Костяк в погребении имеет очень плохую сохранность. В погребении найден железный дольный нож (рис. 2Б) и фрагменты керамических сосудов (рис. 2В). Керамические сосуды представлены типичными открытыми и закрытыми горшками и чашами (рис. 2В: 4–6), что характерно для позднего этапа гляденовской культуры (Перескоков, 2015а; Перескоков, Доткин, 2015). Три фрагмента из засыпи погребения (рис. 2В: 1–3) относятся к позднему этапу ананьинской культуры и связаны с селищем более раннего времени, которое располагалось на территории памятника в V–IV вв. до н. э. В перекопе, в районе черепа погребенного, а также в верхней части перекопа над погребением № 264а были найдены фрагменты головного убора. Вероятно, головной убор был вынут и поврежден в процессе разрушения захоронения. Тем не менее довольно значительная часть головного убора, в том числе тканевая основа, сохранилась.

Еще в ходе извлечения фрагменты, обнаруженные в погребении, были обработаны биоцидом во избежание появления плесени на органических остатках головного убора. В ходе камеральных работ фрагменты были расправлены. С ткани при помощи ватных тампонов и дистиллированной воды были удалены загрязнения. Деформированные тканевые элементы и кожаные ремешки были по возможности расправлены. Очищенные и расправленные фрагменты были смонтированы на ткань-основу при помощи нити.

Детали шапочки из органических материалов сохранились в нескольких фрагментах, которые были исследо-

ваны под электронным микроскопом Olympus DP712.

1. Ткань головного убора (рис. 3: 2), большей частью сохранилась благодаря тому, что при разрушении погребения, головной убор был скомкан, и бронзовые бляшки лежали плотно к значительным его фрагментам. Ткань полотняная, плотность 14×20 н/см. Нити основы и утка равномерные S-кручения. Волокно нитей животного происхождения (шерсть) (рис. 4: 7).
2. Нитка подшивания ткани, крепления тесьмы или ремешка, который крепит накладку, 2S-кручения, слабой крутки (рис. 4: 1, 2, 5). Волокно нитей животного происхождения (шерсть) (рис. 4: 3).
3. Тесьма, подшитая к основной ткани (рис. 3: 4; 4: 5а). Волокно нитей животного происхождения (шерсть).
4. Мех. Найдены отдельные фрагменты (рис. 3: 3).
5. Кожаный ремешок, толщиной 1–2 мм, шириной 4 мм. Использовался для крепления бронзовых бляшек (рис. 4: 4а, 5а).
6. Структура ткани, тип плетения и кручения ниток шапочки из Мокинского могильника полностью идентичны головному убору из Дубровского могильника (Красноперов, Черных, 2017, с. 219–220).

Интерпретация

² Авторы благодарят к.б.н., доцента кафедры физиологии растений и микроорганизмов ПГНИУ И.Е. Шестакова и к.б.н., доцента кафедры ботаники и генетики растений ПГНИУ Е.Г. Ефимик за помощь в проведении исследования, а также к.и.н., А.А. Красноперова (г. Ижевск) за помощь и ценные замечания при реконструкции головного убора.

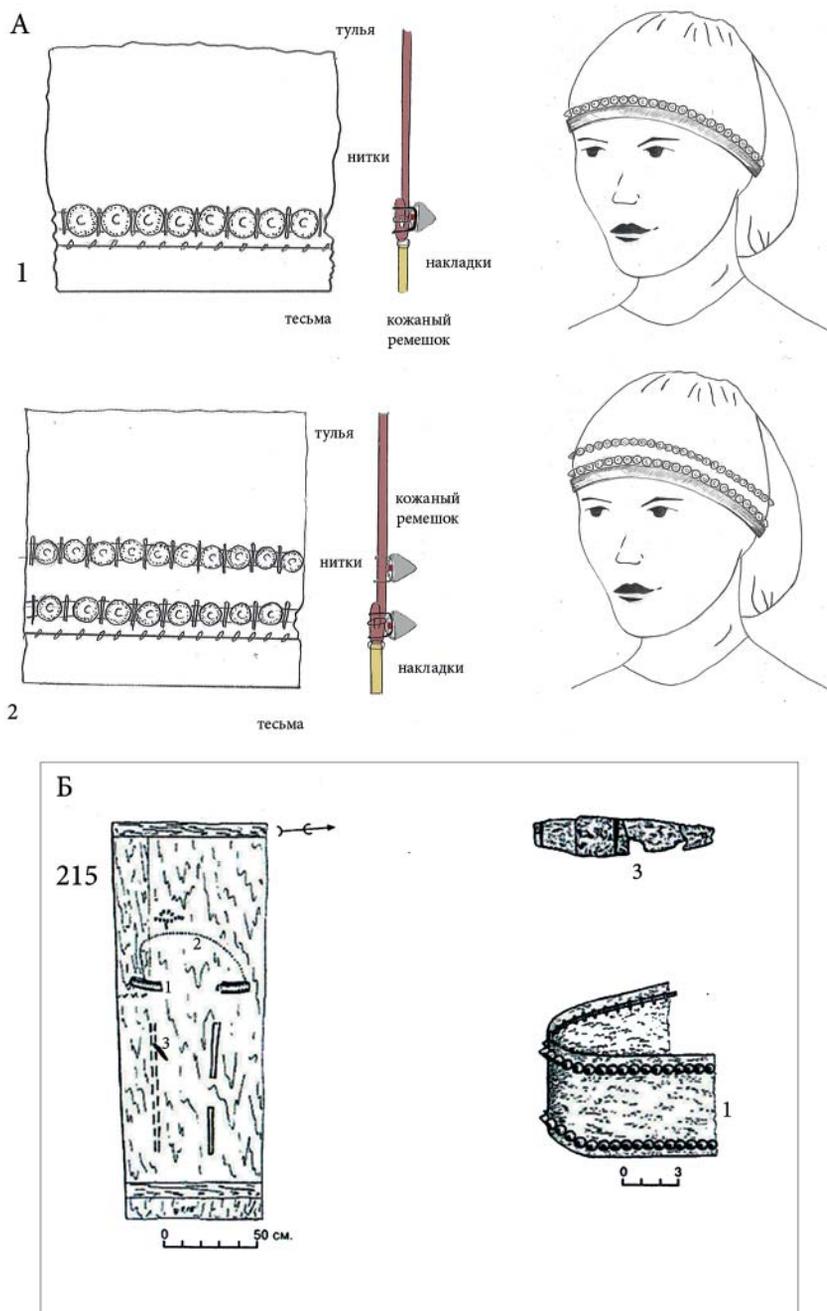
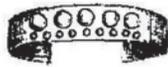

Рис. 5. Мокинский могильник. А. Погребение 264. 1–2 – варианты реконструкции головного убора; Б. Погребение 215. 1 – кожаные манжеты рукавов; 2 – нитка бисера; 3 – железный нож.

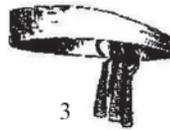
Fig. 5. Mokino burial ground. A. Burial 264. 1–2 – versions for the reconstruction of the headdress; B. Burial 215. The plan of burial. 1 – leather sleeves cuffs; 2 – a string of beads; 3 – iron knife.

1

2

3

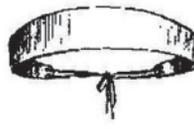
4

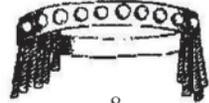
5

6

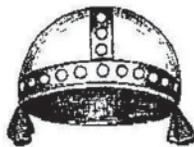
7

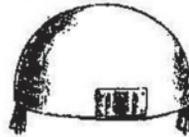
8

9

10

11

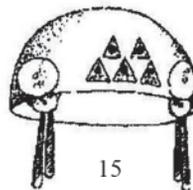
12

13

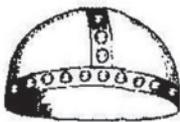
14

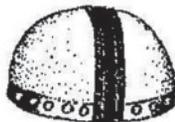
15

16

17

18

19

20

Рис. 6. Реконструкции головных уборов могильников пьяноборского круга. Рисунки приводятся по: Красноперов, 2005. 1 – Нырғындынський II могильник, погребение 27 (раскопки А.А. Спицына), по В.Ф. Генингу; 2 – вариант реконструкции А.А. Красноперова; 3 – могильник Чеганда II, погребение 39, по В.Ф. Генингу; 4 – Нырғындынський II могильник, погребение 20, по В.Ф. Генингу; 5 – Старокиргизовский могильник, погребение 3; 6 – Кушулевский II могильник, погребение 10; 7 – могильник Чеганда II, погребение 17, кокошник; 8 – Юлдашевский могильник, погребение 51; 9 – могильник Чеганда II, погребение 15, по В.Ф. Генингу; 10 – вариант реконструкции А.А. Красноперова; 11–12 – Старочекмакский могильник, погребение 29; 13 – Камышлытамакский могильник, погребение 50; 14 – Юлдашевский могильник, погребение 77; 15 – Кушулевский III могильник, погребение 172; 16 – могильник Чеганда II, погребение 17, по В.Ф. Генингу; 17–18 – Урманяевский могильник, погребение 17; 19 – Тарасовский могильник, погребение 1027; 20 – Юлдашевский могильник, погребение 16.

Fig. 6. Reconstruction of the headdress of burial grounds of the Pyany Bor area. Figures are given after: Красноперов, 2005. 1 – Nyrgynda II burial ground, burial 27 (excavations of A.A. Spitsyn), according to V.F. Gening; 2 – version of the reconstruction of A.A. Krasnoperov; 3 – burial ground of Cheganda II, burial 39, according to V.F. To the Gening; 4 – Nyrgynda II burial ground, burial 20, according to V.F. Gening; 5 – Starokirgizovo burial ground, burial 3; 6 – Kushulevo II burial ground, burial 10; 7 – burial ground of Cheganda II, burial 17; 8 – Yuldashevo burial ground, burial 51; 9 – burial ground of Cheganda II, burial 15, according to V.F. Gening; 10 – version of the reconstruction of A.A. Krasnoperov; 11–12 – Stary Chekmak burial ground, burial 29; 13 – Kamyshly Tamak burial ground, burial 50; 14 – Yuldashevo burial ground, burial 77; 15 – Kushulevo III burial ground, burial place 172; 16 – burial ground of Cheganda II, burial 17, according to V.F. Gening; 17–18 – Urmanaev burial ground, burial 17; 19 – Tarasovo burial ground, burial 1027; 20 – Yuldashevo burial ground, burial place 16.

Основу головного убора составляет лента-тесьма, которая являлась также нижней кромкой и проходила по лбу. Сверху к тесьме пришита темная часть – ткань, подвернутая и подшитая по кромке соединения с тесьмой. К ткани вдоль линии подшивки, с внешней части, был пришит кожаный ремешок, на которые нанизывались бронзовые бляшки, располагавшиеся в ряд вдоль кромки ткани. Причем после надевания одной бляшки, ремешок притягивался стежком к ткани, после чего надевалась следующая бляшка и действие повторялось. Таким образом, край, украшенный бляшками, является налобной частью полусферической шапочки или платка (тульи), большая часть которого не сохранилась. Представляется вероятным два варианта реконструкции. Вариант 1 (рис. 5А: 1): бляшки располагаются в один ряд. Длина подверну-

той и подшитой кромки с нашитыми бляшками составляет около 50 см, что достаточно много, поэтому мы не исключаем возможности расположения нашивных бляшек в два ряда – вариант 2 (рис. 5А: 2), при этом ткань под вторым рядом бляшек также могла быть усилена.

Бляшки имеют конусовидную форму с цельнолитой перемычкой для крепления с обратной стороны. Все бляшки однотипны, но частично отсутствуют вследствие плохой сохранности головного убора.

До конца не ясно какую роль играли меховые элементы. Кусочки меха присутствуют в месте соединения тульи и тесьмы, так что, возможно, мехом была выполнена налобная часть убора, или же шапочка могла быть подшита мехом изнутри.

Такая конструкция головных уборов является одной из наиболее

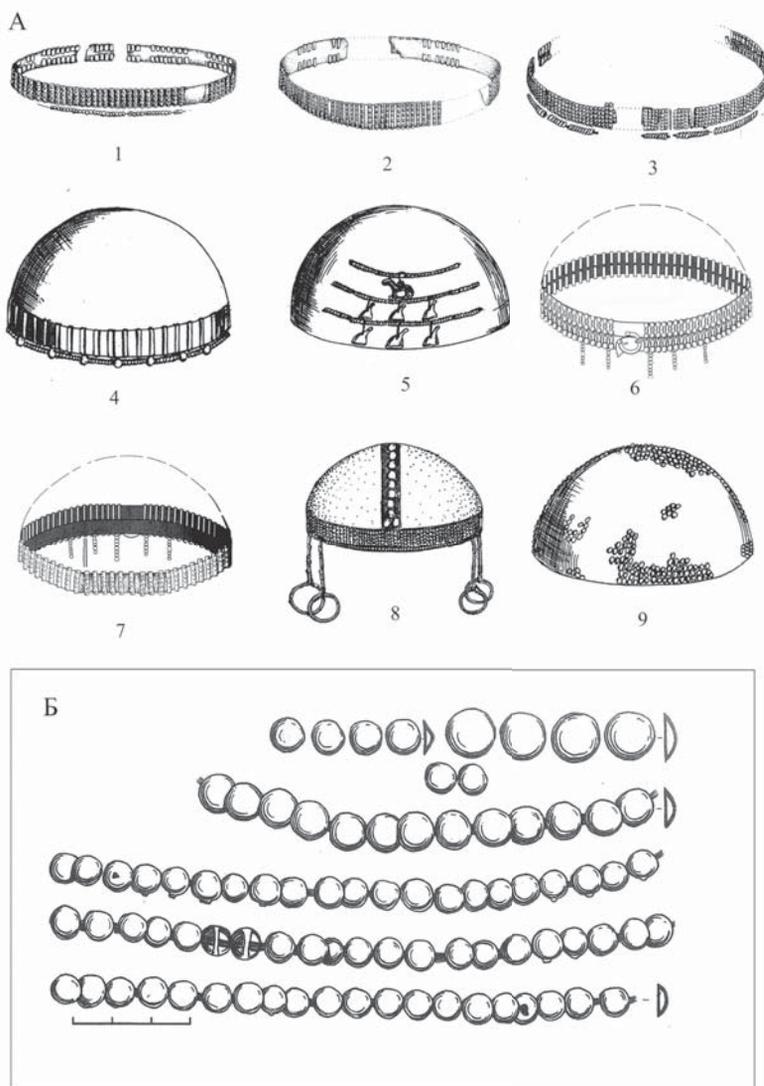

Рис. 7. Головные уборы памятников мазунинского круга. 1 – Тарасовский могильник, погребение 1783 (Голдина, 2003, с. 666, табл. 664: 6); 2 – Тарасовский могильник, погребение 1691 (Голдина, 2003, с. 628, табл. 626: 1); 3 – Тарасовский могильник, погребение 116 (Голдина, 2003, с. 43, табл. 41: 16); 4–5 – Тураевский могильник, погребение 172 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 124); 6–7 – Тураевский могильник, погребение 29 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 23); 8 – Тураевский могильник, погребение 39 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 33); 9 – Тураевский могильник, погребение 10 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 7: 1); Б – Ошкинский могильник. Бронзовые накладки головного убора из погребения 26 (Лещинская, 2014, с. 249, таб. 30: 8–92).

Fig. 7. Headdress of monuments of the Mazunino area. 1 – Tarasovo burial ground, burial 1783 (Голдина, 2003, с. 666, табл. 664: 6); 2 – Tarasovo burial ground, burial 1691 (Голдина, 2003, с. 628, табл. 626: 1); 3 – Tarasovo burial ground, burial 116 (Голдина, 2003, с. 43, табл. 41: 16); 4–5 – Turaevo burial place 172 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 124); 6–7 – Turaevo burial ground, burial 29 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 23); 8 – Turaevo burial ground, burial 39 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 33); 9 – Turaevo burial ground, burial 10 (Голдина, Бернц, 2010, таб. 7: 1); В Oshka burial ground. Bronze covers of the headdress from burial 26 (Лещинская, 2014, с. 249, таб. 30: 8–92).

распространенных в пьяноборско-мазунинское время на территории Прикамья (Красноперов, Черных, 2017, с. 220; Красноперов, 2005, с. 81–83; Лещинская, 2014; Голдина, 2003; Голдина, Бернц, 2010), наряду с лентами и гораздо более редкими высокими головными уборами. Все они, кроме последнего типа, сделаны по единой конструктивной схеме, включающей основу-ленту, украшенную накладками, к которой могла добавляться верхняя теменная часть-тулья в виде полусферической шапочки или платка. Довольно распространенным является и метод крепления накладок на кожаный ремешок, который после этого пришивался к тканевой основе.

Пьяноборские головные уборы были детально рассмотрены А.А. Красноперовым (Красноперов, 2005) (рис. 6). Наиболее близкими к Мокинскому является головные уборы из погребения 15 могильника Чеганда II (в реконструкции В.Ф. Генинга), в основе которого лежит кожаный ремешок, хотя А.А. Красноперов реконструирует более сложную конструкцию (Красноперов, 2005, с. 87). Головные уборы из погребения 50 Камышлытамакского, погребения 77 Юлдашевского, погребения 172 Кушулевого III, погребения 29 Старочекмакского могильников были сделаны по той же схеме, только за основу была взята не кожаная, а тканая лента, на которую крепились бляшки и украшения, дополняемые височными подвесками. У головных уборов из погребения 3 Кушулевого II, погребения 17 Урманавского могильников, а также из погребения 15 Могильника Чеганда II, по реконструкции А.А. Красноперова, более сложная конструкция. К горизонтальной ленте

перпендикулярно пришивалась лента вдоль тульи, которая украшалась накладками, образуя вместе с налобной лентой перевернутую букву «Г» (Красноперов, 2005, с. 82).

Близкие по конструкции головные уборы известны в материалах грунтовой части Тураевского могильника. В погребении 172 был обнаружен головной убор, который также представляет собой ленту, к которой крепится ряд бронзовых накладок, и тканевой основы, закрывающей голову (рис. 7: 3–4). Особенностью данного головного убора является то, что лента украшена рядом бронзовых накладок-обойм, а по периметру ленты в качестве украшения идет шнурок с пронизками и бисером (Голдина, Бернц, 2010, с. 44, 299). Головные уборы, имеющие точно такую же конструкцию присутствуют и в материалах Тарасовского могильника. Например, из погребения 116 (Голдина, 2003, с. 43; Голдина 2004, с. 29) (рис. 7: 3) и из погребения 1783 (рис. 7: 1), из которых представлены головные уборы, состоящие из тульи и ленты, к последней крепится кожаный ремешок с бронзовыми накладками-обоймами, а периметр ленты украшен ремешком с бронзовыми пронизками и бисером (Голдина, 2003, с. 666; 2004, с. 271–272). В погребении 29 Тураевского могильника (рис. 7: 5–6), был также обнаружен головной убор, состоящий из ленты с накладками и крепящейся к ленте тульей. Лента украшена бронзовыми накладками-обоймами, однако, в качестве украшения, имеются и наклейки с привесками. Также отличительной особенностью данного головного убора является наличие сюльгамы, которая застегивала головной убор на затылке (Голдина Р.Д., Бернц, 2010,

с. 16, 198). В погребении 39 Тураевского могильника (рис. 7–8), была обнаружена шапочка, состоящая из ленты с накладками-обоймами и тульей. По периметру лента украшена рядом бронзовых накладок. Однако данный головной убор имеет некоторые особенности, такие как наличие четырех височных колец, украшенных пронизками и прикрепленных к ленте, и перпендикулярную декоративную ленту с рядом бляшек, идущую вертикально от ленты по центру тульи, от середины лба до середины затылка, аналогично конструкции, описанной выше (Голдина, Бернц, 2010, с. 18–19, 208). В погребении 10 Тураевского могильника (рис. 7: 8) был обнаружен головной убор, представляющий собой основу из кожи и ткани, расшитую бисером, который покрывал всю поверхность тульи (Голдина, Бернц, 2010, с. 12, 182). Интересен также убор из погребения 1027 Тарасовского могильника (Голдина, 2004, с. 421; Красноперов, 2005, с. 82). Первоначальной основой шапочки была тканая лента, на которую (не вплотную к краю) была нашита кожаная, украшенная обжимными обоймами. В состав декора шапочки также входили пронизки, височные подвески и бусы. Тулья шапочки была сшита из меха на тканом подкладе.

На многих из описанных шапочек накладки имеют полусферическую форму. Наиболее близкие по форме накладки присутствуют в комплексах головных уборов из Ошкинского могильника на р. Вятка (погребения 11, 17, 22, 26) (Лещинская, 2014, с. 231, 244, 246, 249, 250) (рис. 7Б).

Специфической особенностью головного убора, найденного в Мокинском могильнике, является форма накладок. Конусовидные бляшки, ве-

роятно, являются специфической чертой именно гляденовских древностей. Наиболее схожие с Мокинскими накладки происходят из Гляденовского костыща (Лепихин, Мельничук, 1997, с. 55). Наиболее близкие аналогии конусовидных бляшек в деталях костюма известны из погребения 215 Мокинского могильника (Кулябина, 2000) (рис. 5Б). Автор раскопок дает следующее описание комплекса: «В 15 см западнее концов берцовых костей, т.е. в области талии, обнаружены остатки кожаного пояса, причем центральная часть его уничтожена в древности (как и центр погребения в целом), поэтому нет возможности реконструировать способ, каким ремень застегивался. Поверх пояса зафиксированы остатки ткани рогожного плетения, такой же, как и под поясом. Вероятно, пояс был одет поверх одежды типа рубашки или платья, а сверху была накинута еще какая-то одежда, или, возможно, умерший был закрыт куском ткани типа покрывала. Под верхним слоем ткани лежали концы длинной нитки бисера, которая находилась по дуге между поясом и зубами от костяка. Нет уверенности, что нитка бисера сохранила свое первоначальное положение, за исключением концов ее, находящихся на поясе... Нитка состоит из бисера желтого и зеленого цвета, изготовленного из глухого стекла путем членения стеклянной трубочки. Пояс имел вид кожаной полосы, около 5 см, по краю которой вплотную друг к другу располагались мелкие литые конусовидные бляшки-накладки, слабо граненые, в сечении имеющие шестигранник (границы выражены слабо) диаметром 7–8 мм. К их тыльной стороне припаяны планочки-перемычки, не выступающие

Таблица 1

Состав металла конусовидных бляшек головного убора

№ зоны – № спектра	Cu	Sn	Pb	As	Fe	Si	S	P	Al	Cl
1.1 – 1	61,04 (68,85)	34,00 (20,53)	-	-	1,03 (1,32)	1,65 (4,20)	2,29 (5,11)	-	-	-
1.1 – 2	48,22 (58,79)	42,12 (27,49)	4,74 (1,77)	-	0,90 (1,25)	2,50 (6,89)	-	1,52 (3,81)	-	-
1.1 – 3	62,58 (73,01)	31,98 (19,97)	3,05 (1,09)	-	-	1,06 (2,79)	0,63 (1,46)	0,70 (1,67)	-	-
1.2 – 1	74,05 (78,63)	20,35 (11,57)	-	-	2,40 (2,90)	0,61 (1,46)	2,59 (5,44)	-	-	-
1.2 – 2	27,95 (35,63)	56,14 (38,31)	5,41 (2,12)	-	3,40 (4,93)	1,70 (4,89)	-	5,40 (14,13)	-	-
1.2 – 3	41,21 (50,07)	46,05 (29,95)	4,59 (1,71)	0,47 (0,49)	1,95 (2,69)	1,87 (5,15)	-	2,94 (7,34)	0,91 (2,60)	-
2.1 – 1	72,97 (83,45)	27,03 (16,55)	-	-	-	-	-	-	-	-
2.1 – 2	33,51 (40,52)	50,47 (32,67)	5,27 (1,56)	-	2,26 (3,11)	2,68 (7,34)	-	5,80 (14,40)	-	-
2.2 – 1	84,89 (90,93)	14,48 (8,30)	-	-	0,63 (0,77)	-	-	-	-	-
2.2 – 2	81,13 (87,07)	17,80 (10,23)	-	-	-	-	-	-	1,07 (2,71)	-
2.2 – 3	80,92 (85,69)	16,49 (9,35)	-	-	0,97 (1,17)	-	-	-	1,20 (2,98)	0,43 (0,81)
3.1 – 1	45,11 (57,14)	46,60 (31,61)	4,79 (1,86)	-	-	1,09 (3,12)	-	2,41 (6,26)	-	-
3.1 – 2	38,76 (44,74)	40,62 (25,10)	7,75 (2,74)	1,42 (1,39)	1,76 (2,31)	3,15 (8,21)	-	6,55 (15,51)	-	-
3.1 – 3	48,02 (58,22)	41,60 (27,00)	5,06 (1,88)	-	0,72 (0,99)	1,73 (4,74)	-	2,88 (7,17)	-	-
3.2 – 1	61,58 (73,43)	33,88 (21,62)	3,16 (1,16)	-	-	0,69 (1,86)	-	-	0,69 (1,93)	-
3.2 – 2	36,67 (41,98)	40,85 (25,04)	9,54 (3,35)	-	1,59 (2,07)	3,75 (9,72)	-	1,59 (2,07)	-	-
3.2 – 3	47,67 (57,09)	39,93 (25,60)	5,71 (2,10)	0,24 (0,25)	1,34 (1,83)	2,35 (6,36)	-	2,76 (6,78)	-	-
4.1 – 1	85,98 (89,91)	12,79 (7,15)	-	-	-	-	-	-	1,24 (3,04)	-
4.1 – 2	27,05 (32,33)	55,96 (35,81)	5,58 (2,05)	-	-	7,29 (19,73)	-	4,11 (10,08)	-	-
4.1 – 3	78,17 (83,31)	18,43 (10,52)	1,01 (0,33)	-	-	1,37 (3,29)	-	-	1,02 (2,55)	-
4.2 – 1	87,70 (93,02)	12,30 (6,98)	-	-	-	-	-	-	-	-
4.2 – 2	32,08 (36,48)	55,11 (33,54)	-	0,96 (0,93)	-	5,56 (14,66)	-	4,72 (11,01)	0,78 (2,08)	0,69 (1,40)

4.2 – 3	82,65 (86,33)	15,07 (8,43)	-	-	-	0,87 (2,07)	0,70 (1,44)	-	0,70 (1,73)	-
5.1 – 1	87,09 (92,06)	11,93 (6,75)	-	-	0,99 (1,19)	-	-	-	-	-
5.1 – 2	32,36 (36,02)	44,86 (26,73)	5,41 (1,85)	-	5,36 (6,79)	5,04 (12,69)	-	6,97 (15,91)	-	-
5.1 – 3	60,22 (69,11)	31,69 (19,47)	3,40 (1,20)	-	1,23 (1,61)	1,97 (5,11)	-	1,49 (3,51)	-	-
5.2 – 1	65,97 (73,24)	29,80 (17,71)	-	-	0,92 (1,16)	1,44 (3,61)	-	-	0,89 (2,32)	0,98 (1,96)
5.2 – 2	53,27 (64,24)	43,18 (27,87)	-	-	0,98 (1,35)	1,74 (4,74)	-	-	-	0,83 (1,79)
5.2 – 3	43,97 (57,99)	47,98 (33,88)	5,51 (2,23)	-	1,14 (1,71)	1,40 (4,19)	-	-	-	-
5.2 – 4	57,35 (68,73)	36,32 (23,30)	3,39 (1,25)	-	0,71 (0,96)	0,97 (2,62)	-	-	0,65 (1,83)	0,61 (1,32)

Все измерения даны в процентах. Цифры вне скобок обозначают весовую долю в спектре, в скобках - атомную.

за плоскость основания, с помощью которых накладки крепились к поясу. На поясе делались надрезы, в которые вставлялись перемычки, а через них во внутренней поверхности ремня продергивался тонкий кожаный шнурок, посредством которого накладки крепились к поясу – основе» (Кулябина, 2000, с.43–44). находка интерпретирована автором раскопок как пояс, что вызывает большие сомнения. Отсутствие центральной части при хорошей сохранности кожи, отсутствие пряжки и низка бисера, соединяющая кожаные детали, говорят в пользу того, что это остатки кожаных манжет рукавов верхней одежды, а бисером украшался шов, соединяющий рукава одежды. Конусовидные накладки и способ крепления их аналогичен головному убору из погребения 264. Такие накладки известны еще в десяти погребениях Мокинского могильника (Кулябина, 2000, с. 44).

Нами был проанализирован состав металла пяти бляшек, которые были найдены отдельно от головного убо-

ра (табл. 1)³. На каждом экземпляре, на участке очищенной металлической поверхности, было выбрано несколько зон, на каждой из которых в свою очередь было выбрано несколько участков набора спектров. В ходе исследования при помощи электронного микроскопа были визуально обнаружены участки, отличающиеся по цвету, – более темные и более светлые зоны. При наборе спектров учитывался «цвет» зоны, анализы проводились как в светлых, так и в темных зонах для выяснения причин различия в оттенках на участках металла.

Анализ показал, что конусовидные бляшки в основном состоят из свинцово-оловянистой бронзы. Содержание олова в ряде анализов достаточно высокое. Однако повышенное содер-

³ Анализ был проведен в лаборатории электронной микроскопии кафедры физики твердого тела ПГНИУ на сканирующем электронном микроскопе Hitachi S-3400N Christmas Edition заведующим лабораторией В.П. Бачурихиным, за что авторы приносят ему благодарность.

жание олова может быть вызвано неравномерностью его распределения в сплаве в процессе изготовления и влиянием коррозионных процессов. При анализе было четко установлено различие в составе между «темными» и «светлыми» зонами, определяемыми в процессе работы электронного микроскопа. В «светлых» зонах значительно выше концентрация активных элементов. Объяснений этому может существовать несколько. Во-первых, значительное превышение концентрации активных металлов (Sn, Pb, As) может быть вызвано почвенными коррозионными процессами, при которых в реакцию вступают наиболее активные элементы сплава (Ениосова, Митоян, 2014, с. 147). Во-вторых, наличие других активных элементов (Al, P, Si, S, Cl, Fe, As) может быть также объяснено почвенными коррозионными процессами, однако уже их обратной стороной – данные элементы могли войти в состав металла исследуемых изделий в ходе окислительно-восстановительных реакций из содержащихся в почве элементов (Ениосова, Митоян, 2014, с. 148). В-третьих, неоднородность состава изделий может быть объяснена несовершенством технологии изготовления предметов из бронзы, либо такими процессами, как дендритная ликвация, при которых легирующие добавки могли неравномерно распространиться в составе металла-основы (особенно это касается свинца). Тем самым зоны с повышенным содержанием активных примесей могли появиться изначально или в процессе использования уже готового предмета (Агапов, Гошко, Агапов, 2013, с. 190–193). Следует сказать,

что данные причины в целом не отрицают и могут взаимно дополнять друг друга.

Изготовление изделий из бронзы с добавлением свинца и, возможно, мышьяка, традиционно для данного региона в поздней фазе раннего железного века и характеризуется исследователями как «местный» сплав (Перевошиков, Сабирова, 2014, с. 457). Аналогичный состав металла и у бляшек такого типа из Ошкинского могильника (анализы № 279–283) (Перевошиков, Сабирова, 2014, с. 459). Несмотря на появление технологии изготовления латуни, которая становится особенно популярной для изготовления ременной гарнитуры с IV в., традиционная технологическая схема изготовления бронзовых изделий для женского костюма продолжала существовать и активно использовалась в Прикамье в эпоху раннего средневековья.

Хорошо датированных вещей в погребении не обнаружено, но исходя из планиграфии Мокинского могильника, захоронение которого шло поступательно от мыса, ряды, где располагаются погребения № 264 и 215, относятся к хронологической группе 3. Эту группу погребений относится к позднему этапу гляденовской культуры и может быть широко датирована IV в., но возможна и более узкая датировка – культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш (третья четверть IV – рубеж IV/V вв.) (Перескоков, 2013, с. 19–23).

Таким образом, головной убор из погребения 264 Мокинского могильника является первой находкой головного убора гляденовской культуры, близкой аналогичным предметам из

могильников Прикамья пьяноборско-мазунинского круга (I пол. I тыс. н. э.), но имеет специфические черты, выделяющие его из общего контекста, такие как форма накладок, характерная для гляденовских древностей, что дополняется находками других элементов костюма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапов С.А., Гошко Т.Ю., Агапов Д.С.* Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век, Материалы международной полевой научной конференции / Ред. С.А. Агапов. Ульяновск: Печатный двор, 2013. С. 187–202.
2. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск; Ижевск, 1963. С. 5–144.
3. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
4. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
5. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
6. *Ениосова Н.В., Митоян Р.А.* Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 146–149.
7. *Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. 174 с.
8. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
9. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.
10. *Красноперов А.А.* Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия. Материалы региональной научно-практической конференции / Ред. А.А. Бобрин и др. Екатеринбург: СОДФ, 2005. С. 77–92.
11. *Красноперов А.А.* Изображение одежды на пластике Гляденовского костыща // Оборинские чтения. Материалы VI–VII региональных археологических конференции. Вып. IV / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2006. С. 11–16.
12. *Красноперов А.А.* Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
13. *Красноперов А.А., Черных Е.М.* Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 216–237.
14. *Кулябина Н.В.* Поясной набор IV в. по материалам Мокинского могильника // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Материалы всероссийской научной конференции. Березники, 2000. С. 43–46.
15. *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костыще. Каталог коллекций. Вып. 3. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1997. 64 с.

16. *Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.

17. *Мингалев В.В., Перескоков М.Л.* Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 255–261.

18. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

19. *Перевозицков С.Е., Сабирова Т.М.* Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: УдГУ, 2014а. С. 452–470.

20. *Перескоков М.Л.* Классификация и сравнительный анализ украшений и принадлежностей костюма из погребений Верхне-Ирьякского могильника // История. Право. Образование: материалы II региональной научной конференции молодых историков / Отв. ред. А.М. Ганиев. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. Ч. II. С. 44–46.

21. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2013. 28 с.

22. *Перескоков М.Л.* Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия История. 2015а. Вып. 1 (28). С. 99–113.

23. *Перескоков М.Л.* Эволюция курганного погребального обряда в Прикамье // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября 2015 г. / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015б. С. 197–199.

24. *Перескоков М.Л., Доткин К.В.* Керамика погребальных комплексов позднего гляденовского времени Мулянской территории (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 49–59.

25. *Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001а. С. 10–19.

26. *Шутова Н.И.* Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 210–231..

Информация об авторах:

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры древней и новой истории России, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); pereskoff@yandex.ru

Доткин Константин Владимирович, младший научный сотрудник, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара Россия); dotkonstantin@yandex.ru

Якимова Дарья Алексеевна, независимый исследователь (г. Пермь, Россия); dollif55@gmail.com

HEADDRESS OF THE 4TH CENTURY A.D. FROM MOKINO BURIAL GROUND

M.L. Pereskokov, K.V. Dotkin, D.A. Yakimova

The paper considers the remains of the only known female headdress of the late stage of Glyadenovo culture discovered in burial 264 of Mokino burial ground in the vicinity of Perm. The structure of the organic remains of the headdress, design features, as well as the arrangement and fastening of its metal parts were studied, and its type and reconstruction options were determined. The headdress is reconstructed in the form of a ribbon base with a sewn-on fabric of the sincipital portion – a crown sewn from the bottom, decorated along the seam with bronze plaques fastened on a leather strap. Counterparts of the headdress are considered within the framework of clothing development in the late phase of the Iron Age and the Great Migration Period of Peoples from the Kama Region. The article features the results of an analysis of the composition of metal headdress parts analyzed in comparison with the similar article from Oshki burial ground on the Vyatka river. The studied headdress is dated by the authors as the 4th century A.D.

Keywords: archaeology, Perm Cis-Urals, Early Iron Age, Great Migration Period, Glyadenovo culture, clothing, funeral rite, female headdress.

REFERENCES

1. Agapov, S. A., Goshko, T. Yu., Agapov, D. S. 2013. In Agapov, S. A. (ed.). *Eksperimental'naia arkhologiiia. Vzgliad v XXI vek, Materialy mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii (Experimental Archaeology. A Glance into the 21st Century, Materials of the International Field Scientific Conference)*. Ulyanovsk: "Pechatnyi dvor" Publ., 187–202 (in Russian).
2. Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkhologii Urala (Issues of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk. 5–144 (in Russian).
3. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region) II*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
4. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region) I*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
5. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
6. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A. . 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan) IV*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 146–149 (in Russian).
7. Kazantseva, O. A. 2004. *Katalog arkhelogicheskikh pamiatnikov Bardymskogo raiona Permskoi oblasti. (Catalogue of the Archaeological Monuments of Bardymy District of Perm Oblast)*. Izhevsk (in Russian).
8. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 15 (1), 65–80 (in Russian).

10. Krasnopeorov, A. A. 2005. In Bobrikhin, A. A. (comp.). *Natsional'nye kul'tury Urala: samobytnost', istoriia i perspektivy vzaimodeistviia (National Cultures of the Ural Region: Identity, History, and Possibilities of Interaction)*. Yekaterinburg: Sverdlovsk Regional Folklore House, 77–92 (in Russian).
11. Krasnopeorov, A. A. 2006. In Chagin, G. N. (ed.). *Oborinskie chteniia. Materialy VI–VII regionalnykh arkhelogicheskikh konferentsyi (Oborin Readings. Materials of the VI–VII Regional Archaeological Conferences)* IV. Perm, 11–16 (in Russian).
12. Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).
13. Krasnopeorov, A. A., Chernykh, E. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 216–237 (in Russian).
14. Kuliabina, N. V. 2000. *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Perm Kama Region in the History of the Urals and Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference)*. Berezniki, 43–46 (in Russian).
15. Lepikhin, A. N., Mel'nichuk, A. F. 1997. *Gliadenovskoe kostishche. Katalog kollektsii (Gliadenovo ritual accumulation of bones. Collection Catalogue)* 3. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies (in Russian).
16. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
17. Mingalev, V. V., Pereskokov, M. L. 2014. In Borzunov, V. A. (ed.). *Problemy sokhraneniia i ispol'zovaniia kul'turnogo nasledii: istoriia, metody i problemy arkhelogicheskikh issledovaniia: Materialy VII nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sokhranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry», posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia V. F. Geninga (Nefteyugansk, 14–16 maia 2014 g.) (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage: History, Methods and Problems of Protective Archaeological Research: Materials of the 7th Scientific and Practical Conference “Study and Conservation of Immovable Cultural Heritage of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra” Dedicated to the 90th Anniversary of V. F. Gening (Nefteyugansk, May 14–16, 2014)*. Ekaterinburg: “Gorbunova” Publ., 255–261 (in Russian).
18. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
19. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In Leshchinskaia, N. A. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 452–470 (in Russian).
20. Pereskokov, M. L. 2006. *Istoriia. Pravo. Obrazovanie: materialy II regional'noi nauchnoi konferentsii molodykh istorikov (History. Law. Education: Materials of the 2nd Regional Scientific Conference of Young Historians)* 2. Nizhnii Tagil: “NTGSPA” Publ., 44–46 (in Russian).
21. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheznogo veka (pervaia polovina – seredina I tys.n.e.) (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age: First Half–Middle I Millennium AD)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
22. Pereskokov, M. L. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 28 (1), 99–113 (in Russian).
23. Pereskokov, M. L. 2015. In *IV Severnyi arkhelogicheskii kongress (4th North Archaeological Congress)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 251–252 (in Russian).

24. Pereskokov, M. L., Dotkin, K. V. 2015. In Sultanova, A. N. (ed.). *ArkhLab. Izvestiia arkhelogicheskoi laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta (ArkhLab. Proceedings of the Archaeological Laboratory of the Bashkir State University)* 1. Ufa: "RITs BashGU" Publ., 49–59 (in Russian).

25. Poliakov, Yu. A. 2001. *Arkheologiya i etnografiia Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 10–19.

26. Shutova, N. I. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 210–231 (in Russian).

About the Authors:

Pereskokov Mikhail L. Candidate of Historical Sciences. Perm State University, Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; pereskokoff@yandex.ru

Dotkin Konstantin V. Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; dotkonstantin@yandex.ru

Yakimova Daria A. Perm, Russian Federation; dollif55@gmail.com

Статья поступила в номер 05.02.2018 г.

ПОГРЕБЕНИЯ С БУСАМИ АНАТКАСИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. Т.Б. Никитина, Д.О. Кутузова, Е.Е. Воробьева

В статье представлены материалы погребений с бусами из Анаткасинского могильника, относящихся к средневековой марийской культуре. Памятник расположен на р. Б. Цивиль, правом притоке р. Волги. За время раскопок было вскрыто 33 погребения, 2 жертвенных-комплекса и 2 ямы с остатками ритуальных действий. Общее количество бус составило 340 экземпляров, которые находились в шести погребениях с бусами: №№ 2, 3, 5, 22, 24, 31. Представлена классификация бус, выполненная на основе работы Ю.Л. Щаповой «Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав» (Щапова, 1989). Авторами, опиравшимися на многочисленные аналогии, произведена датировка бусинного материала, который является важным хроноиндикатором данного памятника. Материал из данных погребальных комплексов с бусами введен в научный оборот впервые.

Ключевые слова: археология, Поволжье, марийская культура, средневековье, бусы, хронология, классификация, типы, погребальный обряд.

Бусы как импортный продукт, поступавший в регион в определенное время, имеет свои рамки бытования и может помочь в определении датировки археологических памятников. В сравнении с памятниками соседних культур в марийских средневековых могильниках бусы представлены не таким большим количеством и разнообразием, но при этом не теряют своего значения, как важный хроноиндикатор. Наиболее многочисленный материал содержит Анаткасинский могильник, расположенный на правом берегу р. Большой Цивиль, правобережного притока р. Волги. Объект открыт в 2011 году Поволжской археологической экспедицией МарГУ под руководством Е.Е. Воробьевой, археологические раскопки проведены в 2012, 2013, 2015, 2016 г. различными исследователями: Е.Е. Воробьевой, А.А. Семеновым, Т.Б. Никитиной.

Всего за время раскопок было вскрыто 33 погребения, 2 жертвенных

комплекса и 2 ямы с остатками ритуальных действий. Общее количество погребений с бусами – 6: №№ 2, 3, 5, 22, 24, 31.

Погребение 2. Женское (22–30 лет), труположение (рис. 1А).

Верхние контуры могильной ямы подпрямоугольной формы с округлыми углами прослежены на глубине 18–20 см от уровня современной поверхности. Размеры 160×40–50 см, глубина от современной поверхности – 39 см. Костяк располагался по центру на спине в вытянутом положении головой на СВ. Сохранность костей плохая, череп смещен на 20° от азимута самого погребения (аз. 60°). Под костяком сохранились остатки подстилки из дерева.

Около костей правой руки обнаружен металлический бубенчик (№ 1) (рис. 1а: 1). Фрагмент бронзового бубенчика зафиксирован между левой плечевой костью и ключицей (№ 2) (рис. 1а: 2). На левой тазовой ко-

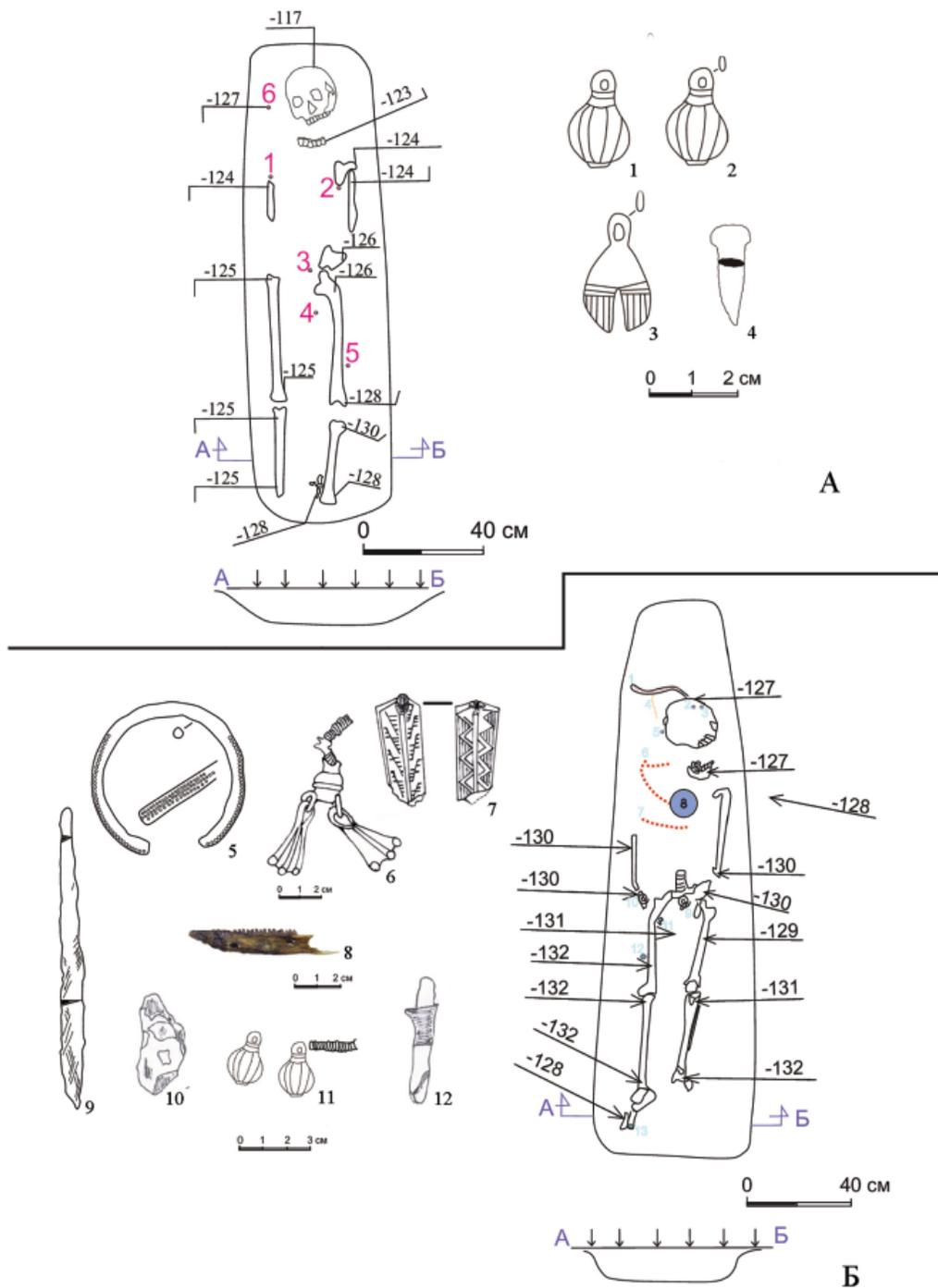

Рис. 1. А – погребение 2: 1, 2, 4 – железо; 5 – цветной металл;
 Б – погребение 3: 5, 6, 11 – цветной металл; 7, 8 – кость; 9, 12 – железо; 10 – кремнь.

Fig. 1. A – burial 2: 1, 2, 4 - iron; 5 - non-ferrous metal;
 B – burial 3: 5, 6, 11 – non-ferrous metal; 7, 8 – bone; 9, 12 – iron; 10 – flint.

сти обнаружен кремень (№ 3). Фрагмент бубенчика находился между бедренными костями (№ 4) (рис. 1а: 3), рядом с левой бедренной костью – фрагмент металлического наконечника (№ 5) (рис. 1а: 4), рядом с черепом – бусина (№ 6) (рис. 4: 9).

Погребение 3. Женское (33–40 лет), труположение (рис. 1Б).

Очертания могильной ямы прослежены на глубине 24–28 см от современной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольную форму; размеры 220×35–50 см, глубину 18–20 см.

Костяк лежал на спине по центру, головой на СВ (аз. 10°), череп на левой височной кости. В челюсти зафиксирован кусочек угля. Руки расположены вдоль туловища до локтевого сустава, далее кости соединялись в области таза. Руки сжаты в кулаки. В левом кулаке обнаружен кусочек угля. В районе поясницы сохранились остатки тонкой кожаной материи. Дно могилы было устлано лубом.

На черепе располагалась налобная повязка на берестяной основе, покрытой кожей с металлическими накладками (№ 1). Выше и отчасти на венчике, а также у теменной кости обнаружены фрагменты металлической цепочки (№№ 2, 3). У правой височной кости черепа найдены: россыпь бусин (44 шт.) (рис. 4: 26) и бронзовая пронизка (№ 5), в области шейных позвонков ожерелье из двух нитей бронзовых бубенчиков и пронизок (№№ 6, 7) (рис. 1а: 11).

На груди погребенной располагались (№ 8): фрагмент шумящей подвески (рис. 1Б: 6), костяная копоушка (рис. 1Б: 7), железная ложечка с деревянной обкладкой, костяной гребень (рис. 1Б: 8). Копоушка, подвеска и

ложечка связаны кожаным шнурком со спиралевидными пронизками. На обеих руках обнаружены бронзовые браслеты (№№ 9, 10) (рис. 1Б: 5). В правой руке располагались металлический предмет (вероятно, нож) с деревянной обкладкой и кремень (№ 11) (рис. 1Б: 10, 12). С внешней стороны правого бедра зафиксирован металлический нож (№ 12) (рис. 1Б: 9), на фаланге пальцев правой ноги бронзовая пластина (№ 13).

Погребение 5. Погребение полностью разрушено и разграблено. Сохранилось лишь несколько металлических предметов: фрагменты цепочки, ромбовидный предмет с заклепкой по центру, пронизки, шарики, и бусина.

Погребение 22. Женское, труположение, разрушенное.

Погребение прямоугольной формы, размеры 1,72–1,8×0,55–0,6 м, ориентация в направлении СВ–ЮЗ (аз. 17°), глубиной 10–12 см.

В центре грабительского перекопа были зафиксированы череп, разрозненные фрагменты костей погребенного. В районе тазобедренных костей у восточной стенки погребения зафиксированы кости младенца. На дне могильной ямы сохранился луб.

В грабительском перекопе обнаружены бусы (рис. 4: 10, 12–14), фрагменты металлической цепочки (рис. 2: 3), бубенчики (рис. 2: 2, 4), браслет (рис. 2: 5, 6). В области ног найдены фрагменты бронзовых пронизок (рис. 2: 7), рядом с фрагментом бедренной кости литейная форма (рис. 2: 8) и нож (рис. 2: 9). Одно височное кольцо было обнаружено на мочке правого уха (рис. 2: 1), аналогичное кольцо располагалось на лубе в верхней части могильной ямы.

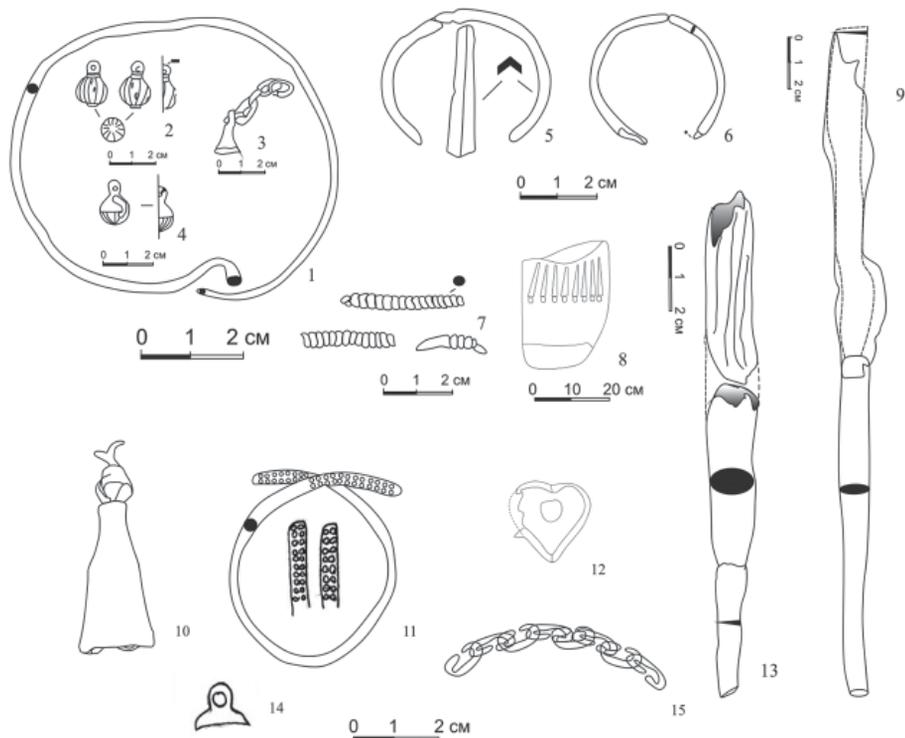

Рис. 2. Погребение 22: 1–7 – цветной металл; 8 – известняк; 9 – металл, дерево.

Погребение 24: 10–12, 14–15 – цветной металл; 13 – железо, дерево.

Погребение 31: 16 – глина; 17 – железо.

Fig. 2. Burial 22: 1–7 – non-ferrous metal; 8 – limestone; 9 – metal, wood.

Burial 24: 10–12, 14–15 – non-ferrous metal; 13 – iron, wood. Burial 31: 16 – clay; 17 – iron.

Погребение 24. Разрушено. По отдельным сохранившимся фрагментам удалось установить, что погребенный лежал на спине с вытянутыми ногами головой на С. В переотложенном состоянии найдены следующие вещи: браслет (рис. 2: 11), фрагменты металлической цепочки (рис. 2: 15), бусина (рис. 4: 11), поясная накладка целая (рис. 2: 12) и еще один фрагмент накладки, нож, состоящий из металлического лезвия и деревянной рукояти (рис. 2: 13), подвеска (рис. 2: 10), фрагмент бубенчика (рис. 2: 14).

Погребение 31. Женское (не менее 50 лет), труположение (рис. 3).

Контуры могилы выявлены на 20 см от уровня современной дневной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольные с округленными углами очертания, размеры 230×55 см, глубину 43–60 см.

Женский костяк плохой сохранности лежал в вытянутом положении на спине, головой на СВ (аз. 60°). Обе руки слегка согнуты в локтевых костях. На костях черепа в области расположения цепочки, на нагрудных украшениях и браслетах сохранились следы от покрытия: сверху слой бересты, под ней луб. Под лубом на браслетах и на нагрудных подвесках сохранился слой меха, вероятно от одежды. В засыпи могильной ямы фиксировались углистые включения. Уголь отмечен также на дне с правой стороны от ног. Под костяком зафиксирована подстилка из органики черного цвета и меха.

В засыпи с правой стороны у ног обнаружены бусина (№ 1) и фрагменты металлической цепочки (№ 2) (рис. 3: 21).

В изголовье находились керамический сосуд венчиком кверху (№ 3)

(рис. 2: 16) и железный топор (№ 5) (рис. 2: 17), а рядом металлическая цепочка (№ 4). Накладка сердцевидной формы и фрагмент цепочки лежали под топором (рис. 3: 20). Над лезвием топора обнаружено компактное скопление бисера (№ 5) (рис. 4: 15, 16, 18, 20, 21) и несколько железных иголок (№ 7). В районе головы обнаружена пронизка из цветного металла, на черепе под слоем бересты – металлическая цепочка (№ 9). С обеих сторон от черепа зафиксированы височные кольца (рис. 3: 11, 12). В области шеи обнаружены железные предметы в виде колец или обломков от колец (№№ 12, 13) и крупные глазчатые бусы от ожерелья (№ 14) (рис. 4: 1–7). В районе грудной клетки под слоем меха расположены две арочные подвески с привесками (№ 15) (рис. 3: 15, 17), ближе к тазу бронзовые привески в форме колокольчиков, вероятно, от наконника (№ 16) (рис. 3: 16). У локтевого сгиба левой руки находилась бусина (№ 17) (рис. 4: 6), а у локтевого сгиба правой руки пронизка из металлической проволоки. Запястья обеих рук богато украшены браслетами (№№ 19, 20) (рис. 3: 1–8, 10), на пальцах перстни (№№ 21, 22) (рис. 3: 9, 13, 14). Между костями пальцев рук зафиксирована металлическая пряжка и узкая полоска кожи от пояса (№ 23). В районе пояса обнаружено большое количество окиси от оловянистой бронзы, особенно под костяком (№ 24). В районе тазовых костей находились бубенчик (№ 30) и одна накладка от пояса (№ 31) (рис. 3: 20). С левой стороны у бедра обнаружен воткнутый в землю железный нож с фрагментами дерева(?) вероятно, от ножен (№ 25). Около западной стенки со стороны ног были найдены брон-

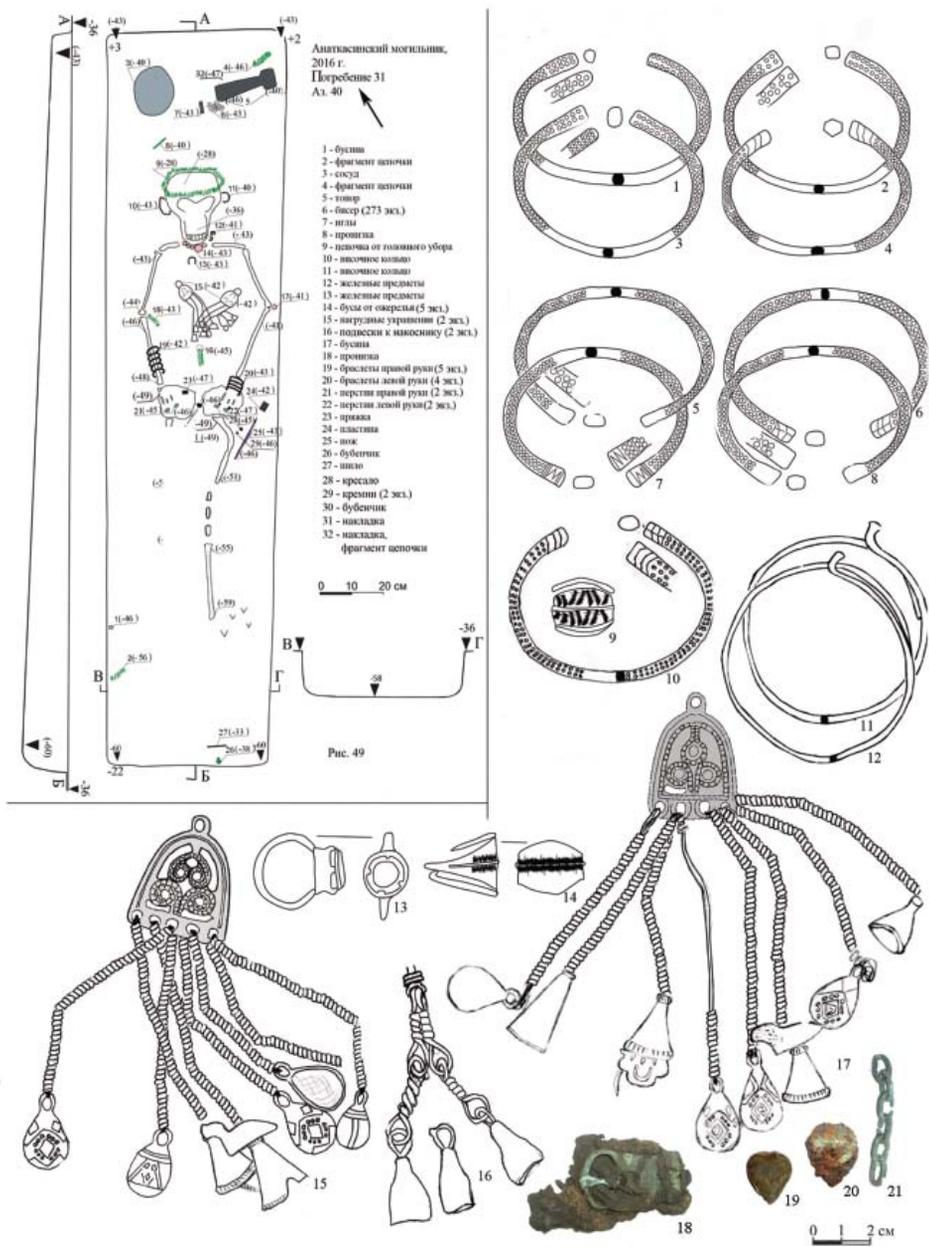

Рис. 3. Погребение 31: 1–12, 14 – цветной металл; 13 – цветной металл, камень; 15, 17 – цветной металл, кожа, кость.

Fig. 3. Burial 31: 1–12, 14 – non-ferrous metal; 13 – non-ferrous metal, stone; 15, 17 – non-ferrous metal, leather, bone.

зовый бубенчик (№ 26) и железное шило (№ 27).

Под костяком в районе шеи расчищена полоска ткани, вышитой металлической ниткой. Под костяком на дне иногда фиксировались отдельные бисерины, не образуя сплошного скопления. С левой стороны под тазовой костью, недалеко от ножа, обнаружили фрагмент железного кресала (№ 28) и 2 кремня (№ 29). Одна накладка сердцевидной формы и фрагмент цепочки лежали в изголовье под лезвием топора.

Вследствие того, что Анаткасинский могильник подвергся разграблению, в погребениях №№ 5, 22, 24 невозможно установить изначальное точное количество бус и их местоположение. Погребения №№ 2, 3, 22, 24, 31 определены как женские. В погребениях № 2 и № 3 бусы расположены в районе головы, они принадлежали женщинам в возрасте 22–30 и 33–40 лет соответственно¹. В погребениях № 22 и № 24 бусы находились преимущественно в верхней части могильной ямы и в центре погребения. Самое богатое на бусы погребение № 31 принадлежало женщине около 50 лет. Бусы в этом погребении располагались в изголовье компактным скоплением бисера, в составе ожерелья (крупные глазчатые бусы), в засыпи могильной ямы у ног, у локтя левой руки, а также под костяком на дне.

Судя по расположению в погребениях, бусы входили в состав украшений и играли роль оберега. Как известно, по этнографическим данным,

мари использовали бусы и бисер в различных обрядах.

Существовал обычай привешивания бисера и бус на шею детям для предохранения их от «порчи». В районах (северо-восток, север и центральная часть края) (Молотова, 1992, с. 56–60), где широко применялся бисер в украшении костюма, в свадебном обряде долго сохранялся обычай, по которому молодая в сопровождении родни мужа шла к роднику и бросала туда бисер, говоря заговор, защищающий ее от зла (Крюкова, 1951, с. 28).

В похоронном обряде существовала традиция, в соответствии с которой замужней женщине и девушке клали нитки, которые им понадобятся при изготовлении одежды (Крюкова, 1951, с. 66). К сожалению, нитки не сохраняются, но в погребении 31 в изголовье было обнаружено скопление бисера и иголки, что может указывать на то, что их положили для того, чтобы женщина в загробном мире могла заниматься рукоделием.

Классификация. В основе систематизации бус Анаткасинского могильника лежит комплексный анализ, включающий в себя такие показатели, как морфология и технология изготовления. Общее количество бус, обработанных в ходе исследования – 340 экз. (100%). Все бусы Анаткасинского могильника изготовлены из стекла.

Классификация бус Анаткасинского могильника основана на работе Ю.Л. Шаповой «Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Уч. пособие» (Шапова, 1989). Учитывались следующие морфологические признаки: наличие декора, поперечное и продольное сечения, размер и цвет бусин. Технология изготовления бус Анаткасинского мо-

¹ Анализ произведен сотрудником ИА Татарстана Е.М. Макаровой. Авторы выражают благодарность за проведенные исследования.

гильника определялась для каждого типа отдельно в соответствии с работой З.А. Львовой (Львова, 1979, 1980). Определение морфологических и технологических признаков производилось визуально.

На основании наличия или отсутствия декора бусы разделены на группы: группа I – без декора, группа II – с декором. По форме поперечного сечения выделены отделы (1 – округлые в поперечном сечении, 2 – граненые и т.д.), которые по форме продольного сечения разделены на типы:

- а – кольцевидные;
- б – цилиндрические;
- в – шаровидные;
- г – зонные;
- д – бочонковидные;
- е – лимонovidные;
- з – битрапецидные;
- и – «неопределенные».

Внутри бусы делятся на: разряд (размер); вид (цвет).

Изделия группы II по характеру декора разделяются на подгруппы:

- А – с металлической прокладкой,
- Б – глазчатые,
- В – «слоеное стекло».

Цвет бус с декором и без декора определяется по цвету основы, для бус металлической прокладкой дается цвет прокладки.

На основании вышеприведенных характеристик мы можем предложить собственную типологию бус Анаткасинского могильника.

Группа I (бусы без декора) – 326 экз. (95,9%) [табл. 1.].

По размеру бусы этой группы разделены на два разряда бисер и бусы.

Бисер – 317 экз. (погребения 3, 31) – 97,2%. Диаметр не превышает 0,2–0,5 см.

Отдел 1. Округлый в поперечном сечении – 317 экз.

Тип а. Кольцевидный – 67 экз. (рис. 4: 15).

Вид (цвет) – желтый, коричневый.

Кольцевидный бисер желтого цвета (погребение 31 – 12,3%) изготовлен путем навивки стеклянной массы на твердую основу, что З.А. Львова (chernov-trezin.narod.ru) относит к IV технологической группе. Это позволяло изготавливать бусы как серийно, так и индивидуально. Бисер коричневого цвета (погребение 3 – 8,83%) относится к VIII группе по З.А. Львовой, которая называет его «рубленным».

Тип б. Цилиндрический – 104 экз. (рис. 4: 16).

Вид (цвет) – светло-голубой.

Светло-голубой бисер (погребение 31 – 32,8%) цилиндрической формы изготавливался серийно из тянутой трубочки. Спецификой обработки бус, изготовленных таким способом, является растянутость структуры стекла, что заметно при визуальном осмотре, относится к VIII технологической группе (Львова, 2008).

Тип в. Шаровидный – 12 экз. (рис. 4: 17, 20).

Вид (цвет) – коричневый, песочный, зеленый.

Бисер этого типа коричневого и песочного цвета (погребение 3 – 0,63%) относится к VIII группе (по классификации З.А. Львовой) (рис. 4: 17). Зеленый бисер Типа в (погребение 31 – 3,15%) относится к IV технологической группе (рис. 4: 20).

Тип г. Зонный – 85 экз. (рис. 4: 19, 20).

Вид (цвет) – зеленый, коричневый.

Зонный коричневый бисер (погребение 3 – 1,6%) принадлежит к VIII

Таблица распределения бус группы I (без декора)

Бисер – 317 экз.					
Отдел: 1					
№ п/п	Тип а	Тип б	Тип в	Тип г	Тип д
П.3	28	-	2	5	9
П.31	39	104	10	80	40
Бусы – 9 экз.					
№ п/п	Тип е	Тип «неопределенный»	Тип з		
П.5	-	-	1		
П.22	6	1	-		
П.24	1	-	-		

технологической группе (рис. 4: 19), зеленый (погребение 31 – 25, 23%) к IV технологической группе (рис. 4: 20).

Тип д. Бочонковидный – 49 экз. (рис. 4: 21, 22).

Вид (цвет) – зеленый, песочный, коричневый.

Бисер коричневого и песочного цвета (погребение 3 – 2,83%) относится к VIII технологической группе («рубленный») (рис. 4: 22), зеленый бисер (погребение 31 – 12,61%) – IV технологическая группа (рис. 4: 21).

Бусы – 9 экз. – 2,8%.

Отдел 1. Округлые в поперечном сечении – 9 экз.

Тип е. Лимоновидные – 7 экз.: погребения 22, 24 (рис. 4: 10, 11, 14) представлены одно- (3 экз.) и двухчастными (4 экз.) изделиями.

Вид (цвет) – желтый. Средний диаметр 0,7 – 1,2 см.

По терминологии Ю.Л. Щаповой, «лимонообразные» бусы делались из отрезков тянутых стеклянных трубочек, которые делили щипцами на округлые дольки, З.А. Львова (Львова, 2008) относит их к VIII технологической группе.

Тип з. Битрапециодные – 1 экз.: погребение 5 (рис. 4: 8).

Вид (цвет). Песочный. Диаметр 0,4 см.

В основу изготовления бусины положен принцип навивки стеклянной массы на твердую основу. Трубочку изготовляли путем многократной навивки на стержень сравнительно тонкой полоски стекла, затем формировали бусину. По терминологии З.А. Львовой аналогичные бусы принадлежат к IV технологической группе.

Тип и. «Неопределенные» – 1 экз.: погребение 22 (рис. 4: 12).

Вид (цвет). Черный, на просвет темно-зеленый. Диаметр 1 см.

Данная бусина изготовлена навивкой стеклянной массы на стержень, относится к IV технологической группе.

Группа II: бусы с декором – 14 экз. – 4,1% [табл. 2].

Подгруппа А (с металлической прокладкой) – 5 экз. (погребение 31).

Отдел 1. Округлые в поперечном сечении – 5 экз.

Тип е. Лимоновидные – 5 экз.: погребение 31 (рис. 4: 23–25).

Вид (цвет) – Серебростеклянные – 4 экз. Средний диаметр 0,55 – 0,8 см.

Вид (цвет) – Золотостеклянные – 1 экз. Диаметр 0,6 см.

Бусы изготовлялись из перехваченной в нескольких местах щипцами и разделенной таким образом на дольки трехслойной трубочки, тонкий слой металла помещался между слоями стекла. Отличие бус изготовленных из тянутой трубочки, в том, что неровности и прожилки в поверхностном слое всегда имеют продольное направление.

Подгруппа Б. Глазчатые – 8 экз.: погребения 2, 31 (рис. 4: 1–7, 9).

Отдел 1. Округлые в поперечном сечении – 8 экз.

Тип д. Бочонковидные – 8 экз.

№ 1 (рис. 4: 6). Черная бусина диаметром 1,5 см с реснитчатыми глазками и белыми петлями; глазки имеют красно-белые реснички с голубой серединкой: погребение 31.

№ 2 (рис. 4: 5). Черная глазчатая бусина диаметром 1,5 см с плоскими реснитчатыми глазками (красно-белочерные) и белыми плоскими петлями: погребение 31.

№ 3 (рис. 4: 3). Черная глазчатая бусина диаметром 1,5 см с выпуклыми концентрическими глазками (цвет глазков красно-белый ободок, черная серединка) и белыми плоскими петлями: погребение 31.

№ 4 (рис. 4: 4). Черная глазчатая бусина диаметром 1,5 см с реснитчатыми выпуклыми глазками (цвет глазков красный-белый-зеленый, серединка – зеленый-красный-черный; один глазок красно-черный). Петли белые плоские: погребение 31.

№ 5 (рис. 4: 7). Черная глазчатая бусина диаметром 3 см с глазками: желтыми плоскими и выпуклыми и реснитчатыми (на голубом фоне крас-

но-белые реснички). Белые петли выпуклые и плоские: погребение 31.

№ 6 (рис. 4: 9). Черная глазчатая бусина диаметром 1,2 см с гладкими красными и выпуклыми белыми глазками и петлями бирюзового цвета: погребение 2.

№ 7 (рис. 4: 2). Черная глазчатая бусина диаметром 1,5 см с белыми плоскими петлями и выпуклыми глазками: один концентрический глазок черно-красный; два реснитчатых глазка (цвет зелено-красно-белый, темно-серые реснички): погребение 31.

№ 8 (рис. 4: 1). Белая глазчатая бусина диаметром 1,5 см с реснитчатыми плоскими глазками (цвет – красно-белый и серая серединка): погребение 31.

Бусы подгруппы Б изготовлены навивкой стекла на инструмент, что можно увидеть по расположению структуры стекла вокруг продольной оси, З.А. Львова (Львова, 2008) относит навитые бусы к IV технологической группе. Бочонкообразная форма белой глазчатой бусины была достигнута путем прессования с концов. Это делалось уже после того, как навитая бусина была орнаментирована, поэтому орнамент заходит на образовавшиеся от прессования площадки.

Подгруппа В. Из слоеного стекла – 1 экз.: погребение 22 (рис. 4: 13).

Отдел 1. Округлые в поперечном сечении – 1 экз.

Тип к. Кольцевидные – 1 экз.

Вид (цвет). Серый. Диаметр 2 см.

Данная бусина отличается сравнительно узким каналом (0,2 мм) относительно диаметра (2 см).

З.А. Львова относит бусы из слоеного стекла к V технологической группе, как пишет исследовательни-

Таблица распределения бус группы II (с декором)

	Группа II: с декором		
	Подгруппа А: с металлической прокладкой	Подгруппа Б: глазчатые	Подгруппа В: «слоеное стекло»
	Отдел 1		
№№ п/п	Тип е	Тип д	Тип к
П.2	-	1	-
П.22	-	-	1
П.31	5	7	-

ца: «В основе изготовления этих бус лежит вторичная обработка много-слоеного стекла» (Львова, 2008).

Датировка

В погребении 2 находилось два бубенчика с ребристым туловом и продольными овальными выступами (рис. 1: 1, 2), которые по типологии Казакова Е.П. относятся к типу ПА1в и отмечены на территории Волжской Болгарии в X–XI вв. в I Измерском селище (Казаков, 1991, с. 118, рис. 40: 54; Казаков, 2007, рис. XV: 11, 13), в марийских могильниках IX–XI вв. (Никитина, 2012, рис. 112: 20; 201: 4, 5; 263: 3, 5, 6), в Лагереvских курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 44: 5), в Хрипуновском могильнике в Притоболье XI – начала XII в. (Матвеева, 1997, рис. 9: 2), Мелехинском могильнике, у с. Рождественск и Огурдинском могильнике X – первой половины XI в. в Пермском Предуралье (Белавин, 2000, рис. 50: 9; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 196: 66; 2012, рис. 49: 46).

Бусина (рис. 4: 9) по аналогиям с материалами Крюково-Кужновского могильника датируется X–XI вв. (Терехова, 2014, с. 222, рис. 26: 7).

В погребении № 3 на костях черепа располагался головной убор из на-лобной повязки на берестяной основе, покрытой кожей с металлическими накладками прямоугольной формы, и многозвеньевой металлической цепочки. Аналогичное головное украшение было найдено в могильниках IX–XI вв.: Кузинские хутора (Никитина, 2015, рис. 2Б), Веселовском (Никитина, 2012, рис. 10: 14, 14: 1, 34: 5) и Дубовском могильнике (Никитина, 2012, рис. 253: 1). В состав ожерелья входили бронзовые полые бубенчики и спиралевидные пронизки (рис. 16: 7). Подобные бубенчики из погребения 2 проанализированы (рис. 1: 1, 2).

Наиболее ранние типы копоушек (рис. 16: 7) в Пермском Предуралье получили распространение еще в VIII–IX вв. (Голдина, 1985. Табл. XXXII: 4), затем неоднократно обнаружены в памятниках полоумско-чепецкой, ломоватовской и родановской культур (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 192, с. 395–396), в марийских могильниках IX–XI вв. (Нижняя стрелка, Веселовский, Дубовский) (Никитина, 2002, рис. 25: 4, 2012, 48: 15, 257: 41), на болгарских памятниках (Казаков,

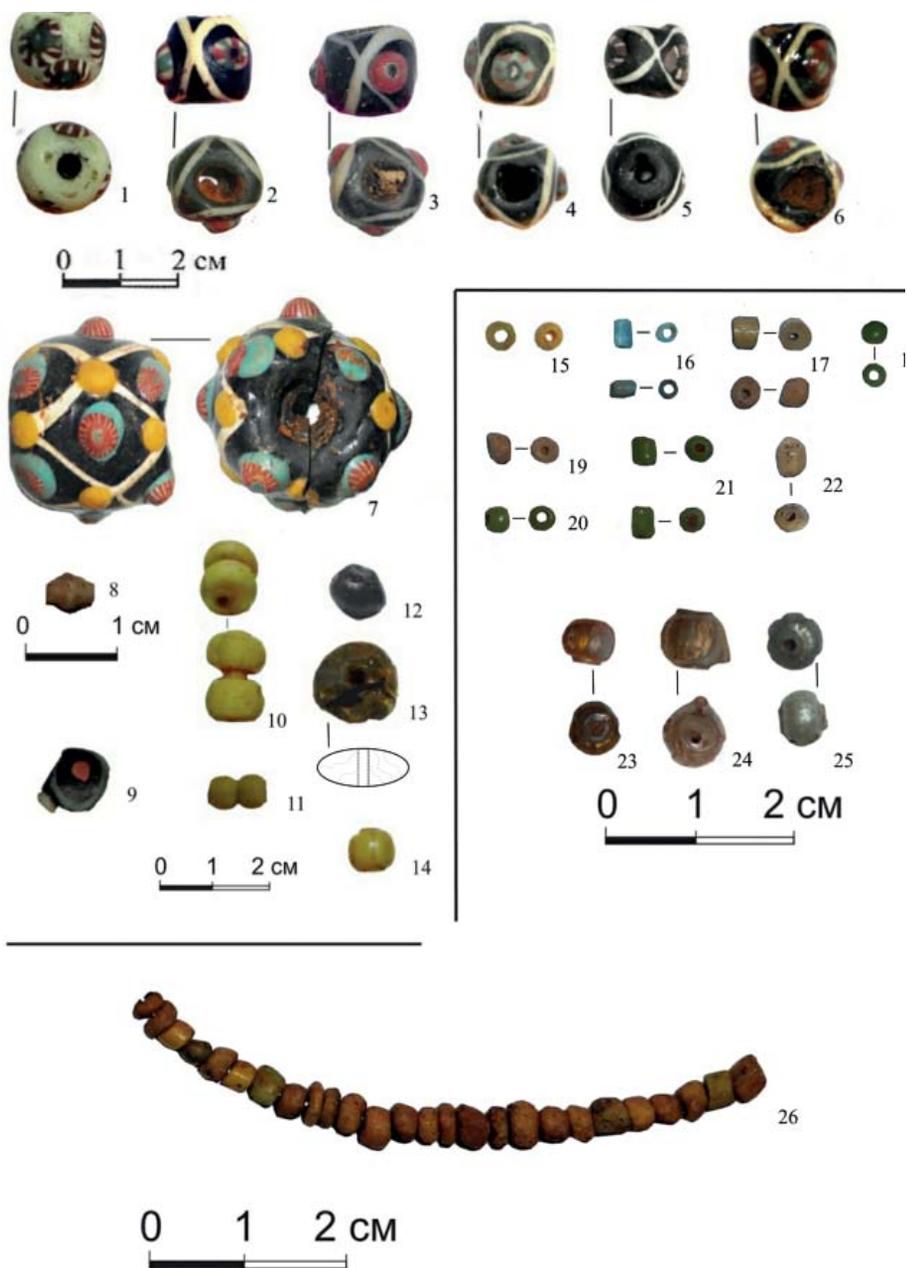

Рис. 4. Бусы: 1–7 – погребение 31; 8 – погребение 5; 9 – погребение 2; 10, 12–14 – погребение 22; 11 – погребение 24; 15–22 – погребение 3, 31; 23–25 – погребение 31; 26 – погребение 3.

Fig. 4. Beads: 1–7 – burial 31; 8 – burial 5; 9 – burial 2; 10, 12–14 – burial 22; 11 – burial 24; 15–22 – burial 3, 31; 23–25 – burial 31; 26 – burial 3.

1991, рис. 46: 17–19), на территории Ярославского Поволжья (Фехнер, 1963, с. 41, рис. 23:1).

Граненые браслеты с разомкнутыми концами являются характерными для марийцев IX–XI вв. (Архипов, 1973, с. 33; Никитина, 2012, рис. 15: 6, 109: 11, 133: 3, 234: 1), имеют аналогии в памятниках этого же периода Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 449 рис. 184: 10), где они выходят из употребления во второй половине XI в. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 372). Встречаются также в ранних болгарских могильниках IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 22: 18, 62: 1, 2, 73: 43), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 44: 8, 56: 5).

У правого виска была обнаружена россыпь бисера в количестве 44 шт. (**ГЮ1Та, в, г, д**), который, вероятно, был частью украшения головы (рис. 4: 26). По аналогиям в материалах Мининского археологического комплекса датируется X–XI вв. (Захаров, Кузина, 2007, рис. 165), в Белоозере относится к группе находок, бытовавших до середины XI в. (Захаров, 2004, с. 40).

Погребение 22

Бубенчики **IIA1в** по типологии Е.П. Казакова (рис. 2: 2) (Казаков, 1991, с. 118) широко встречаются на территории Марийского края, в Волжской Болгарии, на Урале и датируются IX–XI вв. (см. погребение 2) (рис. 1: 1, 2).

Бусы из погребения 22 относятся к типам: **ГЮ1Те** (рис. 4: 10, 14), **ГЮ1Тн** (рис. 4: 12), **ГВЮ1Тк** (рис. 4: 13).

Аналогии типу **ГЮ1Те** (рис. 4: 10, 14) представлены в комплексах средневековых памятников Пермского Предуралья рубежа X–XI в. до середины–второй половины XI в. (Абдуло-

ва, 2008, с. 515; Крыласова и др., 2014, с. 431; Белавин, Крыласова, 2012, с. 224). В Ростове лимоновидные бусы распространены в X – первой половине XI в. (Самойлович, 2006, с. 380), в это же время в кочевнических памятниках (Федоров-Давыдов, 1966, с. 72). Двухчастные лимоновидные бусы встречаются на Билярском городище (Валиулина, 2005, с. 87, 224, рис. 28: 5–6). Двухчастные и одночастные лимоновидные бусы находят аналогии в I Семеновском селище (Валиулина, 2005, с. 260, рис. 48: I–III.). В Болгаре лимоновидные бусы отнесены к раннему домонгольскому периоду (X–начало XI в.) (Полубояринова, 1988, с. 152. рис. 81:1; с. 208).

По материалам Великого Новгорода дата существования лимонных бус выясняется очень четко. Как пишет Ю.Л. Щапова, основная масса приходится на 26–28-й ярусы и ниже, которые по новгородской стратиграфии датируются X в., «таким образом, можно считать хронологическим признаком X–XI вв.» (Щапова, 1956, с. 174). Период доживания этих форм приходится на первые два десятилетия XI в., а затем они полностью и бесследно исчезают.

В памятниках юго-восточного Приладожья и Прионежья большая часть желтых лимоновидных бус найдена в погребениях X в., а их верхняя дата ограничивается первой половиной XI в. (Кочуркина, 1989, с. 265). В Старой Ладoge они встречены в слоях VIII–XI вв., по наблюдениям З.А. Львовой для ранних слоев характерны многочастные экземпляры, которые в X в. сменяются одно- и двухчастными (Захаров, 2004, с. 45). В Мининском археологическом комплексе желтые лимоновидные бусы

датируются не позднее третьей четверти XI вв. (Захаров, Кузина, 2008, рис. 162, с. 196), на Белоозере бусы данного типа включены в группу вещей, бытование которых не выходит за рамки XI в. (Захаров, 2004, с. 45).

В погребении 24 для датировки возможно использовать несколько изделий.

Накладка сердцевидной формы с прорезью (рис. 2: 12) имеет широкие аналогии: в марийских могильниках (Архипов, 1973, рис. 43: 1, 79), в болгарских поселениях и могильниках X – начала XI в. (Руденко, 2007, рис. 96: 10; Казаков, 2007, рис. 21: 20; Мурашева, 2000, рис. 27: 1Г), в Прикамье и Пермском Предуралье (Голдина, Кананин, 1989, рис. 50: 9, 10; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 76; Белавин, Крыласова, 2012, рис. 20: 28, 22: 18), в Муракаевском кургане на Южном Урале IX–XI вв. (Мажитов, 1981, рис. 71: 6), в Удмуртии на Качкашурском могильнике (Иванов, 1991, рис. 9: 2), в Лядинском X–XI вв. в Мордовии (Воронина, 2007, рис. 14: 10, 43: 2), в Тимерево IX – начала XI в. на Верхней Волге (Мальм, 1963, рис. 37: 7) и в слоях XI в. Белоозера (Захаров, 2004, рис. 96: 46, 47; 263: 29).

Бусина (рис. 4: 11), по широкому кругу аналогий датируется X–XI вв. (см. погребение 22).

Погребение 31 содержит богатый комплекс, из которого многие вещи возможно использовать для уточнения датировки. Арочные подвески с прорезной основой (рис. 3: 15, 17) имеют многочисленные аналогии в Верхнем Прикамье (Голдина, Кананин, 1989, с. 66, с. 192, рис. 70: 17), изделия с прорезной основой характерны для урынской стадии ломоватовской и мыдлань-шайской стадии

поломской культур VIII–IX вв. (Голдина, 1985. Табл. XV: 15). По материалам Хусаиновского могильника на Южном Урале датируются второй половиной IX в. (Мажитов, 1977. Табл. I: 193), известны в раннеболгарских могильниках Большетиганском, Танкеевском IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 80: 20, с. 216–217), Кокрятском IX в. (Казаков, 1992, с. 210, рис. 76: 7), Чишминском (Казаков, 2007, рис. 26: 12) могильниках. Более широкую дату IX–XI вв. имеют могильники в Пермском Предуралье (Белавин и др., 2009, рис. 67; Крыласова, 2001, с. 66, рис. 18). В материалах могильников Ветлужско-Вятского междуречья: погребение 4 Веселовского, погребение 10 на могильнике «Кузинские хутора», подобные изделия датируются не позже X в. (Никитина, 2012, рис. 16: 9; 205: 14, 16; 2015, с. 131, рис. 4: 8). Привески к подвескам имели: колокольчики, пронизки, резные костяные коньки, раковины каури, бубенчики. Бубенчики с рельефным изображением полос или геометрических фигур характерны для Волжской Болгарии, отнесены Е.П. Казаковым к типу ПА 1а и датированы X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 118, 119; 1992, рис. 79: 13). В Марийском крае они встречены в комплексах X в.: жк 4 и жк 13 могильника «Нижняя стрелка» (Никитина, 2012, рис. 198: 7; 205: 7–10).

В районе пояса сохранилась одна накладка сердцевидной формы. Накладка сердцевидной формы имеет аналогии в памятниках в Волжской Болгарии X–XI вв. (Руденко, 2007, рис. 96: 5; Казаков, 1992, рис. 60: 38, 2007, рис. 42А: 1), Ветлужско-Вятского междуречья, X–XI вв. (Никитина, 2012, рис. 21: 8, 228: 9; Ситдинов, Никитина, Казаков, 2015, рис. 1: 12, 14),

в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 58: 36, 60: 13,24), на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 45), в археологическом комплексе у с. Рождественск (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 71) и Огурдинском могильнике, конец X–XI в. (Белавин, Крыласова, 2012, рис. 33: 6).

В изголовье и в засыпи погребения находился бисер (рис. 4: 15, 16, 18, 20, 21) (ГЮ1Та,б,в,г,д). В целом находки бисера датируются по материалам Мининского археологического комплекса X–XI вв. (Захаров, Кузина, 2008, рис. 129), Белоозера до середины XI вв. (Захаров, 2004, рис. 283, 313). Особый интерес представляет навитой бисер, особенно желтый, появление которого относится к первой половине XI в. (Захаров, Кузина, 2008, с. 191).

В ожерелье входили глазчатые бусы (рис. 4: 1–4, 7). Бусина типа ГППБО1Тд № 3 имеет аналогии в кургане Шангеничи-лес № 77 на территории Приладожья и Прионежья X – начала XI в. (Кочкуркина, 1989, рис. 83: 2). Изделия типа ГППБО1Тд № 4 встречаются в Ростове в отложениях конец X – первой половины XI в. (Самойлович, 2006, с. 376, 387, рис. 1: 31). Аналогии бусине ГППБО1Тд № 5 представлены в Херсонесе в составе ожерелья и датируются X–XI вв. (Меч и златник..., 2012, ил. 524). Также подобные крупные бусы представлены в ожерелье из кургана Шангеничи-лес № 76 (Кочкуркина, 1989, с. 262, рис. 83: 1; 1990, с. 43). Бусина ГППБО1Тд № 7 имеет аналогии в I Семеновском селище X–XIII вв. (Валиулина, 2005, рис. 48: IV), ГППБО1Тд № 8 в II Запосельском могильнике (Крыласова и др., 2014, рис. 274: 41). Бусы ГППАО1Те датируются на тер-

ритории Восточной Европы X – началом XII в. (Абдулова, 2008, с. 533). По материалам Мининского археологического комплекса, данный тип датируется не позднее третьей четверти XI века (Захаров, Кузина, 2008, с. 178, рис. 169, с. 196). В Новгороде подобные образцы распределяются с 20 до 28-го ярус, что по новгородской стратиграфии соответствует X–XI вв. (Шапова, 1956, с. 164–180). В Муроме лимоновидная серебростеклянная бусина датируется X–XI вв. (Бейлекчи, 2005, с. 123, 197, рис. 43: 14/5). На территории Верхнего Прикамья лимоновидные бусы с металлической прокладкой Абдулова С.И. относит к IX – первой половине XI в. (Абдулова, 2012, с. 223). Аналогии серебро- и золотостеклянным бусам есть в Лядинском могильнике IX–XI вв. (Альбом древностей..., 1941, с. 47. Табл. XII: 11).

Бусина ГППБО1Тд № 2 на территории Марийского края имеет аналогии в Дубовском могильнике X–XI вв. (Никитина, 2012, рис. 290: 12, 21). Подобные бусы с реснитчатыми глазками встречаются в Муроме, X–XI вв. (Бейлекчи, 2005, с. 123, 197, рис. 43: 14/10). Бусина ГППБО1Тд № 1 имеет аналогии в Лядинском могильнике (Альбом древностей..., 1941, с. 48. табл. XII: 21), который датируется IX–XI вв., а также вместе с лимоновидными в 25–28-м ярусах Новгорода, что соответствует X в. – началу XI в. (Шапова, 1956, с. 178).

Черные глазчатые бусы с петлями Анаткасинского могильника можно отнести по классификации бус Й. Калмера к группе В h. Автор датирует их концом X в. (Callmer, 1977, с. 85). Он делает предположение, что возможный центр производства глаз-

чатых бус с петлями Западный Туркестан и отмечает, что глазчатые бусы с петлями берут свое начало с восьмого века нашей эры на Востоке (Callmer, 1977, с. 79).

Таким образом, на основании погребального инвентаря можно сделать вывод, что памятник имеет широкие хронологические рамки в пределах IX–XI вв. Сопоставление

погребального инвентаря с находками бус позволяет уточнить датировку погребений с бусами X – первой половиной XI в. По находкам бус возможно уточнить датировку комплекса 31. По основным типам украшений комплекс в большей степени соответствует X веку, а по находкам навитого бисера следует уточнить дату началом XI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулова С.И.* Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. Пермь: Пермский фил. Института истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 515–535.
2. *Абдулова С.И.* Бусы Огурдинского могильника // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 221–233.
3. Альбом древностей мордовского народа / Отв. ред.: Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск: Мордовский научно-исследовательский институт, 1941. 138 с.
4. *Архинов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
5. *Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.
6. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
7. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.
8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГГПУ, 2008. 603 с.
9. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
10. *Валулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 280 с.
11. *Воронина Р.Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы–мокши: конец IX–XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 164 с.
12. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
13. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1989. 216 с.
14. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 2004. 592 с.
15. *Захаров С.Д., Кузина И.Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северно-русской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х томах. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2007. С. 142–215.
16. *Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 140–180.
17. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

18. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
19. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
20. Кочуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
21. Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск: Карелия, 1990. 126 с.: ил.
22. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
23. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: ПГПУ, 2014. 565 с.
24. Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Л., 1951. 195 с.
25. Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 20. Л.: Искусство, 1979. С. 90–103.
26. Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 75–85.
27. Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладogi как исторический источник. URL: http://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (дата обращения 8.12.2017 г.).
28. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
29. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII–XII в. М.: Наука, 1981. 166 с.
30. Мальм В.А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 64–71.
31. Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи При-тобoлья. // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири / Отв. ред. А.И. Боброва. Томск: Томский государственный университет, 1997. С. 245–264.
32. Меч и Златник: К 1150-летию зарождение Древнерусского государства: каталог выставки / Науч. ред.: Д.В. Журавлев, В.В. Мурашева. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
33. Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 12 с.
34. Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
35. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
36. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14 / Ред. Е.П. Казаков. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
37. Никитина Т.Б. Население верхнего Повеллужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. Вып. 240. М.: ИА РАН, 2015. С. 124–140.
38. Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. Федулов М.И. Украшения Анаткасинского могильника: к вопросу об этнокультурной принадлежности // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 121–142.
39. Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: типогр. "Красный Октябрь", 2008. 166 с.
40. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

41. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI–начале XIII вв.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
42. Самойлович Н.Г. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья / Под ред. А.В. Кашкина. Москва: ИА РАН, 2006. С. 371–386.
43. Ситдиков А.Г., Никитина Т.Б., Казаков Е.П. Поясные накладки по материалам марийского Русенихинского могильника X–XI вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 26–29.
44. Терехова Н.В. Бусы Среднецинской мордвы как исторический источник. Дисс... канд. ист. наук. М., 2014. 327 с.
45. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
46. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 33 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия. 1959. С. 149–173.
47. Фехнер М.В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 39–42.
48. Щапова Ю.Л. Стекланные бусы Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Том I / Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. А.В. Арциховский и Б.А. Колчин. М.: Наука, 1956. С. 165–179.
49. Щапова Ю.Л. Древнее стекло: Морфология, технология, химический состав / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Изд-во Московского университета, 1989. 120 с.
50. Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A. D. Lund: Malmö, 1977. 230 p. (Acta archaeologica Lundensia; Ser. 4; N 11).

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Кутузова Дарья Олеговна, младший научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); homjak2012@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); veer47@mail.ru

BURIALS WITH BEADS FROM ANATKASY BURIAL GROUND

T.B. Nikitina, D.O. Kutuzova, E.E. Vorobieva

The paper features the materials of burials with beads from the Anatkasy burial ground corresponding to the medieval Mari culture. The site is located on the Bolshoy Tsivil river, right tributary of the Volga river. A total of 33 burials, 2 sacrificial complexes and 2 pits with traces of ritual activities were revealed during excavations. The total number of discovered beads is 340 items, which were located in following six burials with beads: No. 2, 3, 5, 22, 24, 31. The paper contains a classification of beads on the basis of Yu.L. Shchapova's work "Ancient glass. Morphology, technology, chemical composition" (Shchapova, 1989). On the basis of numerous counterparts, the authors conducted dating of the bead material representing an important chronological indicator of the site. This is the first introduction of the material from these burial complexes with beads into scientific discourse.

Keywords: archaeology, Volga region, Mari culture, Middle Ages, beads, chronology, classification, types, funeral rite.

REFERENCES

1. Abdulova S. I. 2008. In Belavin, A. M., Krylasova, N. B. *Drevniaia Afkula: arkhelogicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 515–535 (in Russian).
2. Abdulova, S. I. 2012. In Belavin, A. M., Krylasova, N. B. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurдино Burial ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. 221–233 (in Russian).
3. In Got'e, Yu. V., Iakovlev, A. I. (eds.). 1941. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda (Album of Antiquities of Mordovian People)*. Saransk: Mordovian Research Institute (in Russian).
4. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th — 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
5. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti letopisnoi muromy. Pogrebal'nyi obriad i poseleniia (Antiquities of the Chronicles' Muroma Tribe: Burial Rite and Settlements)*. Murom: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
6. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
7. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: “Vagant” Publ. (in Russian).
8. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkhelogicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
9. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurдино Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
10. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (Glass of Volga Bulgaria)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
11. Voronina, R. F. 2007. *Liadinskie drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX — nachalo XI veka: Po materialam Tsninskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii 1983–1985 godov (Lyada Antiquities. From the History of the Mordva-Moksha. The End of the 9th — the Beginning of the 11th Centuries: on the Materials of the Tsna River Archaeological Expedition, 1983–1985)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
13. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
14. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
15. Zakharov, S. D., Kuzina, I. N. 2007. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkhelogiia severnorusskoi derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere: v 3 t. T. 2. Material'naia kul'tura i khronologiia (The Archaeology of the Rural Areas of Northern Rus 900–1300 ad Medieval settlements and burial grounds in the Kubenskoye lake region: In three volumes. Vol. 2. Material culture and chronology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 142–215 (in Russian).
16. Ivanov, A. G. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 140–180 (in Russian).
17. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bulgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

19. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
20. Kochkurkina, S. I. 1989. *Pamiatniki iugo-vostochnogo Priladozh'ia i Prionezh'ia X–XIII vv. (Sites of the South-Eastern Ladoga and Onega Regions dated 10th–13th cc.)*. Petrozavodsk: “Kareliia” Publ. (in Russian).
21. Kochkurkina, S. I. 1990. *Sokrovishcha drevnikh vepsov (Treasures of Ancient Vepsians)*. Petrozavodsk: “Kareliia” Publ. (in Russian).
22. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiama. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
23. Krylasova, N. B., Lychagina, E. L., Belavin, A. M., Skorniakova, S. V. 2014. *Arkheologicheskie pamiatniki Chashkinskogo ozera (Archaeological Sites of Chashkinskoe Lake)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
24. Kriukova, T. A. 1951. *Mariiskaia vyshivka (Mari Embroidery)*. (in Russian).
25. L'vova, Z. A. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 90–103 (in Russian).
26. L'vova, Z. A. 1980. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 75–85 (in Russian).
27. L'vova, Z. A. *Stekliannye busy Staroi Ladogi kak istoricheskii istochnik (Glass Beads from Staraya Ladoga as a Historical Source)*. URL: http://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (accessed 8.12.2017) (in Russian).
28. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
29. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
30. Mal'm, V. A. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th–11th Centuries. By Materials of Timerevo, Mikhailovskoye and Petrovskoye Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 64–71 (in Russian).
31. Matveeva, N. P. 1997. In Bobrova, A. I. (ed.). *Aktual'nye problemy drevnei i srednevekovoi istorii Sibiri (Current Issues of Ancient and Medieval History of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 245–264 (in Russian).
32. In Zhuravlev, D. V., Murasheva, V. V. (ed.). 2012. *Mech i zlatnik. K 1150-letiiu zarozhdeniia Drevnerusskogo gosudarstva: Katalog vystavki. (Sword and Zlatnik. Dedicated to the 1150th Anniversary of the Old Russian State: Exhibition Catalogue)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).
33. Molotova, T. L. 1992. *Mariiskii narodnyi kostium (Mari Popular Costume)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
34. Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th–13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).
35. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
36. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
37. Nikitina, T. B. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 124–140 (in Russian).
38. Nikitina T.B., Vorobeva E.E., Fedulov M.I. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 121–142 (in Russian).

39. Peterburgskii, I. M., Aksenov, V. N. 2008. *Drevnie pamiatniki na reke Liacha (Ancient Sites on the Liacha River)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Publ. (in Russian).
40. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).
41. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaiia Bulgariia v XI–nachale XIII vv.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th-early 13th cc.: Settlements and Material Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
42. Samoilovich, N. G. 2006. In Kashkin, A. V. (ed.). *Arkheologiia Verkhnego Povolzh'ia (Archaeology of the Upper Volga Region)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 371–386 (in Russian).
43. Sitdikov, A. G., Nikitina, T. B., Kazakov, E. P. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* (3). 26–29 (in Russian).
44. Terekhova, N. V. 2014. *Busy Srednetsninskoi mordvy kak istoricheskii istochnik (Beads of Middle Tsna River Mordovians as a Historical Source)*. Cand. Thesis. Moscow (in Russian).
45. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
46. Fekhner, M. V. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 33. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 149–173 (in Russian).
47. Fekhner, M. V. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region of the 10th – 11th cc. based on materials from Timerevo, Mikhailovo and Petrovsky burial grounds)*. Moscow, 39–42 (in Russian).
48. Shchapova, Yu. L. 1956. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 55. Moscow: "Nauka" Publ., 165–179 (in Russian).
49. Shchapova, Yu. L. 1989. *Drevnee steklo: Morfologiia, tekhnologiia, khimicheskii sostav (Ancient Glass: Morphology, Typology, Chemical Composition)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
50. Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A. D. Lund: Malmö, 1977. 230 p. (Acta archaeologica Lundensia; Ser. 4; N 11).

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Kutuzova Daria O. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; homjak2012@mail.ru

Vorobieva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Docent. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; veer47@mail.ru

Статья поступила в номер 29.01.2018 г.

УДК 902.1, 903.05

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.220.240>

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ МУРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЯ 57 ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. О.В. Зеленцова, И.А. Сапрыкина

В статье рассматриваются материалы из женского погребения 57, исследованного при раскопках Подболотьевского могильника в 2012 году (работы ИА РАН). Это погребение, датируемое второй половиной VIII – началом IX в., содержит 159 предметов из цветного и драгоценного металлов и выделяется общим богатством инвентаря среди всех исследованных погребений в начале XXI в. Четыре аналогичных ему по составу убора и богатству инвентаря погребения были исследованы В.А. Городцовым в 1910 году и считаются классическими захоронениями муромы. Сравнительно-типологический анализ убора из п. 57 позволил определить структуру традиционного муромского костюма, статусный характер которого стал эталонным для формирования костюмного ансамбля этого периода. Анализ химического состава металла из этого погребения позволил установить, что основным типом сплавов для изготовления деталей муромского убора, во второй половине VIII – начале IX вв. являлся сплав CuPbSbZn, характеризующийся пониженным содержанием цинка (до 5%) и олова (до 10%). Наличие в погребении двух изделий из серебра, при общем богатстве инвентаря, свидетельствует в пользу высокого социального статуса погребённой. В ходе исследования металла из этого погребения были выявлены одновременно изготовленные украшения, а также классические формы изделий, изготовленные из сложного для обработки давлением сплава, что позволяет поставить вопрос о характере убора из подобных захоронений: являются ли такие уборы «сборными», собираемыми в течении времени, или они носят скорее ритуальный характер.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, поволжские финны, мурома, мордва, Нижняя Ока, могильник, головной убор, социальная стратификация, РФА-анализ, химический состав металла.

Муромский женский костюм является самым ярким и узнаваемым среди поволжско-финских древностей эпохи средневековья. Весь комплекс убора и отдельные его предметы настолько самобытны, что служат безусловным этнокультурным маркером муромы, а реконструкции, опубликованные еще в начале XX века В.А. Городцовым при издании материалов раскопок 1910 года Подболотьевского могильника (Городцов, 1914, с. 114, рис. 47–49), прочно вошли в

литературу и вот уже более 100 лет иллюстрируют «классический» муромский костюм с так называемыми головными жгутами (Голубева, 1987. Табл. XXXVI, 3–5). Именно головной убор со сложной конструкцией из жгутов, расположенных нимбом вокруг головы, является своеобразной визитной карточкой этого племени поволжских финнов. Первый исследователь Подболотьевского могильника подробно описал данную деталь убора (Городцов, 1914, с. 83, 103) и полагал,

что убор богатых женщин включал два головных ремня (венчика), значительное количество височных колец, спинных привесок и чепец, который и украшался сверху двумя дугообразными жгутами (там же, с. 56).

Эволюция отдельных украшений в составе костюма и хронология костюмного комплекса была рассмотрена В.В. Гришаковым и Ю.А. Зеленевым, которые женский костюм с головными жгутами из Малышевского могильника отнесли к третьему этапу существования культуры и датировали IX – первой половиной X в. (Гришаков, Зеленева, 1991, с. 28–29, рис. 8).

Обстоятельный анализ головного убора, в том числе включающего эти детали, был сделан хранителем городцовской коллекции в ГИМе Н.В. Тухтиной, которая считала, что головные жгуты появились в Подболотье в конце VIII века, но наибольшее распространение получили в IX–X вв. (Тухтина, 1997, с. 117).

В ходе раскопок Подболотьевского могильника, проведенных ИА РАН в 2013–2015 гг. (Зеленцова, 2014, с. 219–230), было раскопано женское погребение 57 с богатым убором, аналогичным исследованным и опубликованным В.А. Городцовым (Городцов, 1914, с. 113–115, рис. 47–49; с. 135, рис. 61; с. 140, рис. 65). Это погребение выделяется из общей массы как присутствием в ансамбле всех культуруопределяющих элементов, характерных для муромы, так и общим богатством инвентаря. Изучение этого погребения, сравнительный его анализ с материалами начала XX века позволяют определить структуру муромского традиционного убора с головными жгутами, установить место

отдельных украшений в его составе и подойти к пониманию процессов складывания основных признаков муромской культуры.

Другой задачей настоящей публикации является определение места подобных захоронений в системе могильника, их хронологическая позиция и социальный статус. Решению этой задачи подчинено, в том числе и исследование химического состава части предметов из погребения 57.

Погребение 57 расположено в центральной части могильника. Женщина в возрасте 40–49 лет¹ лежала вытянуто на спине, головой на север, правая рука в области груди, а левая на животе (рис. 1; 2). Детали одежды и украшения располагались в порядке ношения. На лбу зафиксирован венчик из кожаного ремешка, обмотанного тонкой бронзовой проволокой, в области висков на венчик прикреплены привески в виде полой трубочки с колечками и бутыльчатыми подвесками на цепочках (рис. 3: 3). В области висков обнаружено по 6 экземпляров разного размера проволочных височных колец «муромского» типа и одному лунничному с трапециевидными привесками (рис. 3: 5–10). При разборе была зафиксирована система их крепления на кожаном ремешке шириной около 1 см.

Поверх узкого венчика располагался второй, из широкой кожаной ленты (до 2 см), спереди обложенной бронзовыми пластинчатыми скобками (рис. 2). Этот венчик скреплял в единое целое весь головной убор, ос-

¹ Выражаем благодарность д.и.н. М.В. Добровольской за определение поло-возрастных характеристик погребенной.

Рис. 1. Погребение 57 из Подболотьевского могильника. Вид с запада.

Fig. 1. Burial 57 from Podbolotievsky burial mound. View from the West.

нову которого создавали два головных жгута, расположенные в виде «нимба» вокруг головы (рис. 2; 3: 2). Концы широкого венчика огибали жгуты в области висков (рис. 2). В области висков под жгутами был зафиксирован темный тлен мощностью до 1 см, напоминающий войлок, слева, под местом сочленения широкого венчика и заднего головного жгута сохранился фрагмент ткани. Каких-то элементов крепления не зафиксировано, возможно, кожаные ремешки венчиков завязывались сзади, но их не удалось проследить не в одном из погребений. Единственное, что мы можем констатировать, что у венчиков была украшена только фронтальная часть. Вероятно, можно в какой-то мере вернуться к реконструкции П.Д. Степанова, который считал, что подобный головной убор был составным, сшитым из ткани, а жгуты крепились в

верхней части на какую-то жесткую основу, сзади ткань в виде лопасти спускалась на спину (Степанов, 1970, с. 44–45, рис. 6). О присутствии твердой основы и тканой шапочки в составе головного убора в свое время писали и другие исследователи (Гришаков, Зеленева, 1991, с. 24).

Шею украшало ожерелье из подвесок-двойчаток с бутыльчатыми привесками (рис. 3: 16) и две гривны: ложновитая круглодротовая с замком в виде петли и крючка с многогранной головкой (рис. 3: 17) и пластинчатая серповидная с накладной пластиной и конусовидными трубчатыми привесками (рис. 3: 18). На груди, частично на гривнах лежала нагрудная дисковидная бляха с крышечкой (рис. 4: 1), на нее положена правая рука, со спиральным браслетом (рис. 4: 6). На левой руке также был спиральный браслет, а на указатель-

ном пальце – спиральный перстень (рис. 3: 15).

Справа и слева в области согнутых локтей зафиксированы кистевые наконечники из кожаных ремешков, обмотанных бронзовой проволокой с бутыльчатыми подвесками с привесками (рис. 3: 11, 12). С каждой стороны было по пять кистей. В составе наконечника справа была еще бронзовая подвеска-гребешок и костяной гребешок с конскими головками (рис. 3: 13, 14). Кисти наконечника лежали под и частично на фрагментах ткани, край которой был вышит оловянным (?) бисером полосой шириной 3 см. По нижнему краю сохранившегося фрагмента ткани в ряд лежали две прямоугольные шипастые ажурные привески (рис. 4: 3). После снятия этих украшений была прослежена такая же вертикальная полоса бисера. Это, вероятно, угол фрагмента покрывала или плата. Такая же полоса бисера длиной 37 см поперек погребения была зафиксирована после снятия фрагментарно сохранившихся ребер в области лопаток. Вдоль ряда бисера лежали подвески-трубочки с лапчатыми привесками оборотной стороной вверх (рис. 4: 4, 5). 15 подвесок были скреплены между собой при помощи плетеной веревочки. Судя по всему, это украшение края плата-покрывала со спины.

На поясе найдены ажурная прямоугольная поясная пряжка с лапчатыми привесками на длинных цепочках и парная ей ажурная поясная накладка (рис. 3: 21, 22). Рядом с ними лежала небольшая застежка с «крылатой» иглой (рис. 3: 1) и железный нож. Под этими украшениями под фрагментами тазовых костей в области середины спины был расчищен пластинчатый наконечник ремня с двумя треуголь-

ными привесками, а под ним – трубчатый разделитель и две ажурные прямоугольные подвески с пирамидальными шипастыми привесками, лежащие «лицом» вниз. Это наспинное украшение. Здесь же, слева от ажурной подвески, лежали три прямоугольные подвески с бутыльчатыми привесками (рис. 4: 3), аналогичные найденным в районе правого локтя. Вероятно, это единое украшение, связанное с поясом. В.В. Гришаков считает это украшение подгрудным ожерельем (Гришаков, 2016, с. 257).

Справа, в области пояса, зафиксированы трапециевидная ажурная подвеска с лапчатыми привесками на цепочках, лежащая лицом вниз и умбовидная с бутыльчатыми привесками (рис. 3: 19, 20). Возможно, они как-то были связаны с боковым ремнем согнутым пополам, который лежал правее бедренной кости правой ноги (рис. 1; 2). Во всю длину ремня были зафиксированы подвески-двойчатки с бутыльчатыми привесками и пронизки. Южнее окончания бокового ремня прослежено украшение из этих подвесок. Они на пронизках располагались двумя вертикальными рядами длиной до 20 см. С этим украшением связаны зафиксированные южнее две прямоугольные трубчатые подвески с лапчатыми привесками, в ушке одной из которых зафиксирована пронизка и подвеска-двойчатка. Подвески-двойчатки и пронизки прослежены в этой части могильной ямы по всей площади захоронения. Здесь же найдена умбовидная подвеска с петельками и лапчатыми привесками от обувного украшения, вторая была обнаружена в засыпке.

Комплекс рассматриваемого погребения включает в большей части

Рис. 2. План п. 57 Подболотьевского могильника на уровне первой расчистки. 1 – головные жгуты; 2 – глиняный горшок; 3 – умбовидная подвеска; 4 – широкий налобный венчик; 5 – узкий налобный венчик с привесками полыми трубочками; 7, 8 – лунничные височные кольца; 7, 9 – височные кольца «муромского» типа; 10 – ожерелье из подвесок-двойчаток; 11 – дрововая ложновитая гривна с многогранной шляпкой; 12 – пластинчатая серповидная гривна; 13, 14 – накосники; 15, 18 – шипастые шумящие подвески; 16, 20 – спиральные браслеты; 19 – подвеска-двойчатка; 21 – спиральный перстень; 22 – ажурная поясная пряжка; 23 – ажурная поясная накладка (парная пряжке); 24 – наспинное украшение; 25 – подтреугольная шумящая подвеска с привесками; 26 – умбовидная шумящая подвеска с привесками; 27 – боковой ремень; 28 – застежка с «крылатой» иглой; 29 – железный нож; 30 – украшения из подвесок-двойчаток; 31 – умбовидная подвеска; 32 – язычок от застежки (28); 33, 34 – трубчатая подвеска с петлей и лапками.

Fig. 2. Plan of burial 57 of Podbolotievsky burial ground at the first clearing level. 1 – head bundles; 2 – clay pot; 3 – shield-shaped pendant; 4 – wide forehead circlet; 5 – narrow forehead circlet with hollow tube pendants; 7, 8 – moon-shaped temple rings; 7, 9 – temple rings of the “Murom” type; 10 – necklace composed of double pendants; 11 – falsely wound wire torq with a multi-faceted cap; 12 – plated crescent-shaped torq; 13, 14 – braid covers; 15, 18 – spiked noise-making pendants; 16, 20 – spiral bracelets; 19 – double pendant; 21 – spiral signet ring; 22 – openwork belt buckle; 23 – openwork waist overlay (twin buckle); 24 – back decoration; 25 – sub-triangular noise-making pendant with appendages; 26 – shield-shaped noise-making pendant with appendages; 27 – lateral belt; 28 – clasp with a “winged” needle; 29 – iron knife; 30 – adornments composed of double pendants; 31 – shield-shaped pendant; 32 – tongue of a clasp (28); 33, 34 – tubular pendant with a loop and lugs.

предметы, характерные для муромской культуры, хронология которых разработана слабо. Для определения хронологической позиции этого погребения можно привлечь застежку с «крылатой» иглой и набор из двух гривен.

Прежде всего, это массивная ложновитая гривна с замком в виде петли и крючка с многогранной шляпкой и пластинчатая серповидная с бутылчатами привесками (рис. 3: 17, 18). Серебряные и бронзовые ложновитые гривны с подобной застежкой в литературе получили наименование «гривны «глазовского» типа». Традиционно считается, что наибольшее распространение они имели в Прикамье и в целом датируются IX–X веками (Леонтьев, 1996, с. 164). Однако, как показывает статистика, не меньше они были распространены в мордовских могильниках. Только в

трех могильниках мордвы на средней Цне (Елизавет-Михайловский, Пановский и Крюковско-Кужновский) и в Шокшинском могильнике в низовьях Мокши найдено 162 гривен (Вихляев и др., 2008, с. 18). В могильниках муромы, по подсчетам В.В. Бейлекчи, известно 40 подобных гривен (Бейлекчи, 2005, с. 44). Анализ этих украшений из мордовских могильников свидетельствует, что типологически выделяются два варианта гривен: более массивные с массивной многогранной головкой (как правило, выполнены из бронзы) и более изящные серебряные экземпляры с уплощенной шляпкой с выраженными гранями. Различаются они и хронологически. Массивные украшения нередко встречаются в комплексе с гривнами с застежкой-«лодочкой», как, например, в погребении 205 Крюковско-Кужновского могильника, где они найдены

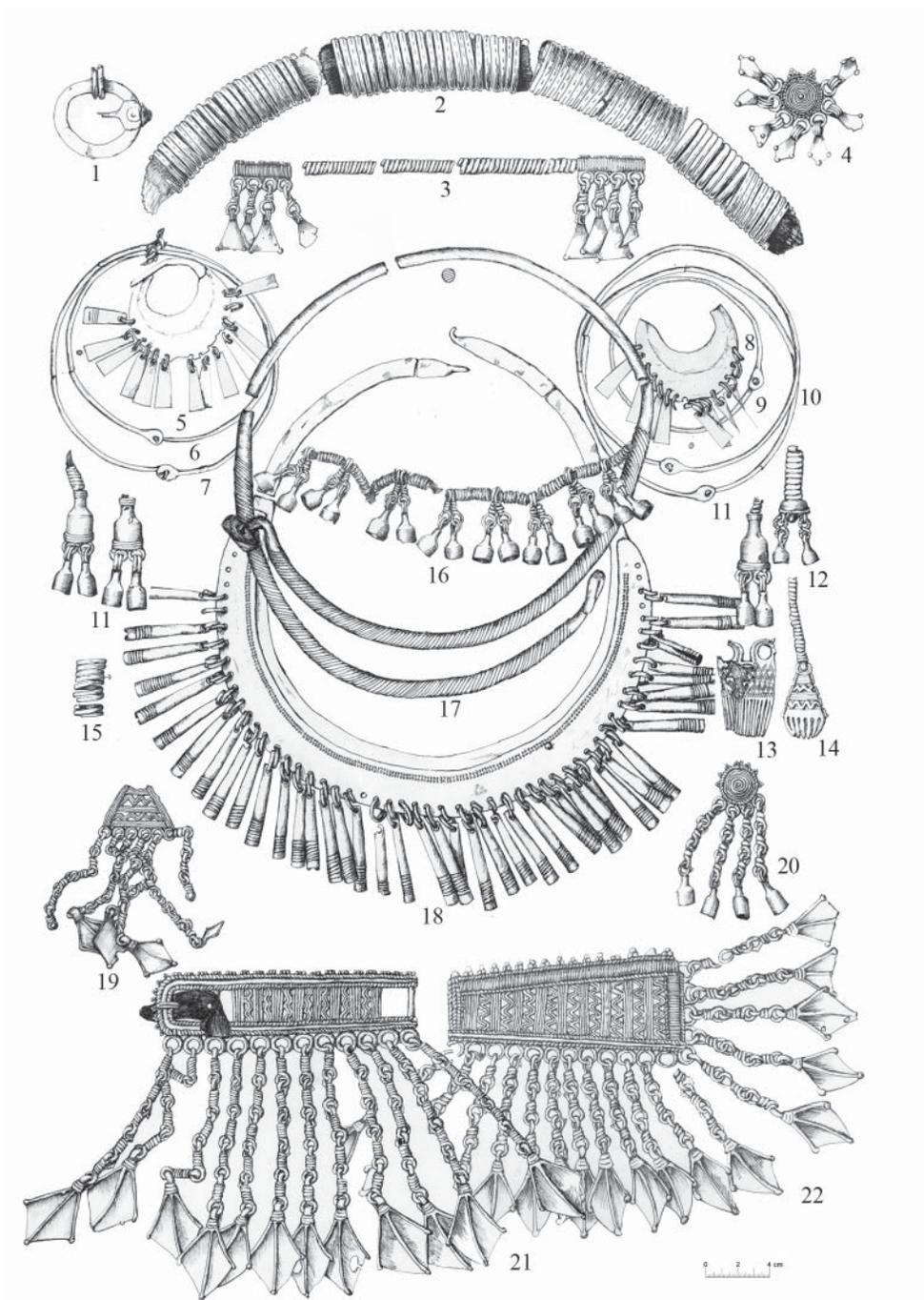

Рис. 3. Украшения из п. 57 Подболотьевского могильника. Рисунки А.А. Леонтьевой.
 Fig. 3. Adornments from burial 57 of Podbolotievsky burial ground. Pictures by A.A. Leont'eva.

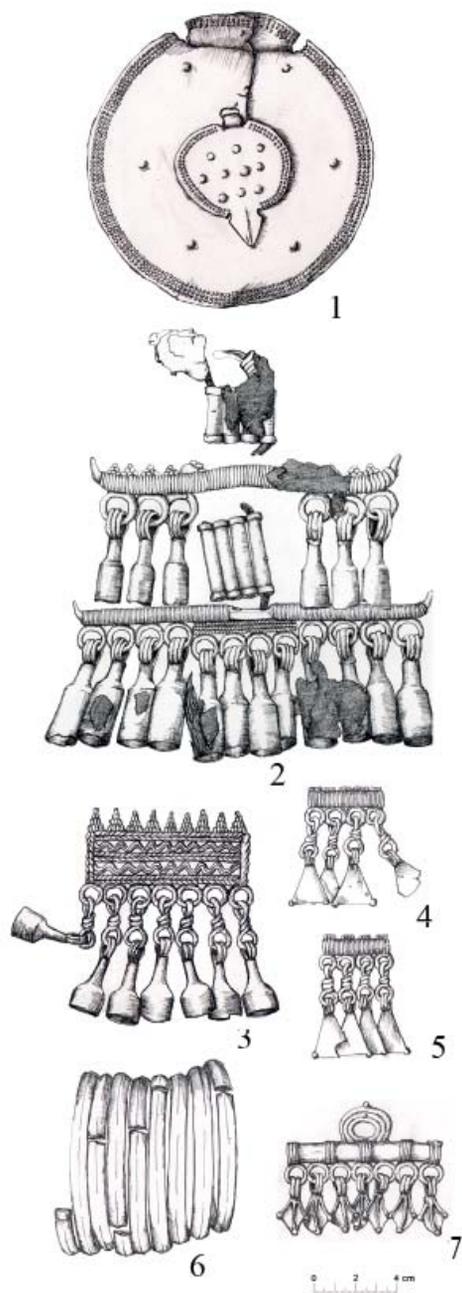

Рис. 4. Украшения из п. 57 и корымыслообразная привеска из п. 85 Подболотьевского могильника. Рисунки А.А. Леонтьевой.

Fig. 4. Adornments from burial 57 and a beam-shaped appendage from burial 85 of Podbolotievsky burial ground. Pictures by A.A. Leont'eva.

в комплексе с куфическим дирхемом Аль-Мансур 139 г. х. (756 г.) (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 71). Основное время бытования ложновитых гривен с массивной граненой головкой определяется совместными находками с коваными сюлгами с длинными «усами» и литыми сюлгами, бляхами с круглой крышечкой, шляпконочными браслетами. Подобный комплекс с ожерельем найден в погребении 349 Крюковско-Кужновского могильника, включающим 4 абассидских дирхема, которые позволяют датировать его первой половиной IX в. (Гомзин, 2013, с. 119).

Серебряные экземпляры гривен «глазовского» типа также известны как в Подболотьевском могильнике, так и у мордвы. Их нередко находят в окских денежно-вещевых кладах (Григорьев, 2010, с. 451). Например, находки в составе Алпатьевского, Железницкого и Супрутского кладов датируются А.А. Гомзиным последней четвертью IX в. – первым десятилетием X в. (Гомзин, 2013, с. 13). Гривны «глазовского» типа с уплощенной шляпкой обнаружены в могильниках мордвы XI вв. (Вихляев и др., 2008, с. 145–147). Так, в Шокшинском могильнике гривны найдены в погребении с мечом, клейменным ULFBERHT, наконечником ножен с прорезным изображением птицы и дирхемами. Погребение датируется автором раскопок второй половиной – концом X – началом XI в. (Шитов, 1990, с. 24–26. Табл. V, 9). В анализируемом погребении 57 гривна «глазовского» типа более раннего облика, подобные экземпляры вместе с пластинчатой серповидной гривной в материалах мордвы датируются сере-

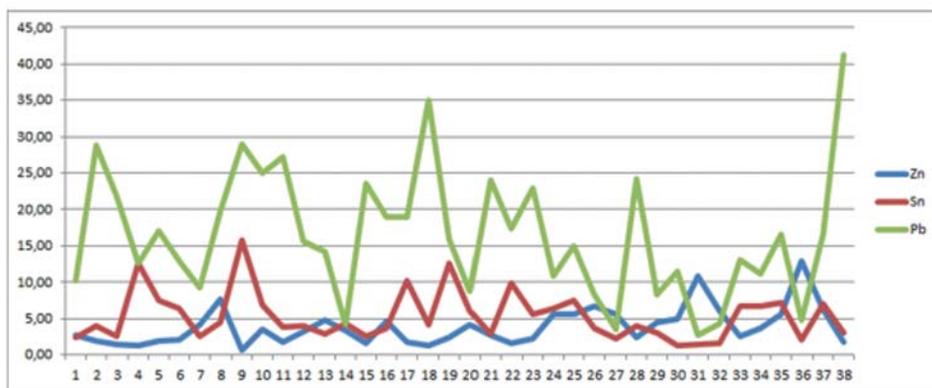

Рис. 5. Гистограмма распределения основных легирующих компонентов в сплаве CuPbSnZn

Fig. 5. Distribution histogram of primary alloying components in the CuPbSnZn alloy.

диной VIII–IX в. (Вихляев и др., 2008, с. 142).

Еще одной находкой, позволяющей уточнить датировку погребения, является пластинчатая застежка с «крылатой» иглой. Застежка небольшого размера, диаметр кольца 4,8 см, у основания иглы небольшой округлый выступ (рис. 3: 1). Близкие застежки найдены в погребениях 217 и 218 Подболотьевского могильника, но они несколько крупнее – до 6 см в диаметре. В.Н. Шитов относил похожую застежку из погребения 70 Волчихинского могильника к середине – концу VII в., по находке в комплексе с поясным набором геральдического облика (Шитов, 1988, с. 31). По мнению И.Р. Ахмедова, небольшие двускатные и пластинчатые застежки с ромбовидным или трапециевидным основанием иглы, появившиеся в рязано-окской среде, стали прототипами воинских фибул ставших популярными в последующее время у поволжских финнов. Им опубликована ранняя форма застежки из погребения 247 Никитинского могильника (Ахме-

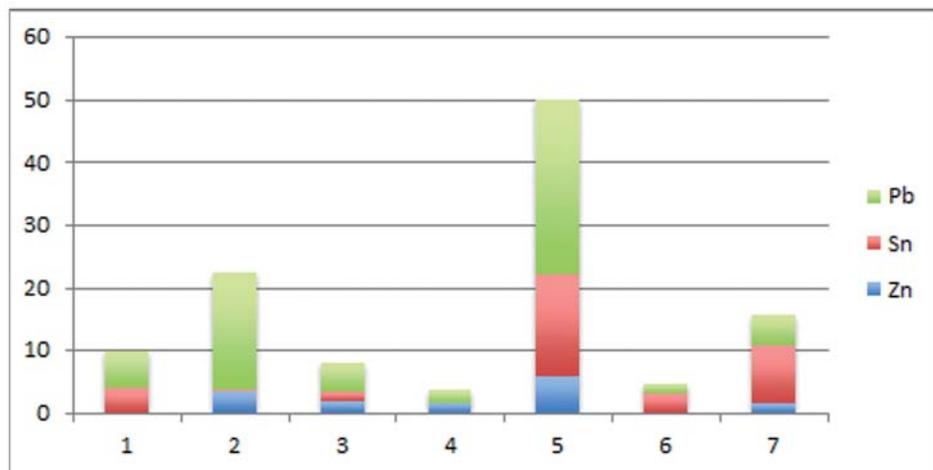
дов, 2010, с. 12–13). Эволюция и хронология этих застежек до сих пор не разработаны, но, судя по материалам, крупные застежки развитого облика также бытуют в конце VII – первой половине VIII в. Так, в погребении 250 Подболотьевского могильника найдена крупная застежка диаметром 10 см с рельефным валиком на пластине и выраженными крыловидными выступами, размер основания которых достигает 9 см. Типологически близкие крупной подболотьевской застежке воинские фибулы найдены в Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках (Зеленцова, 2005, 324–325, рис. 2, 25). Геральдические пояса второй стилистической линии, по И.О. Гавритухину, позволяют датировать погребения с этими застежками со Средней Цны концом VII – первой половиной VIII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 84–85). В мордовских древностях крупные застежки с «крылатой» иглой бытовали в течение всего VIII в., так во II Старобадиковском могильнике они часто встречаются как в комплексах с геральдиче-

скими поясными наборами, гривнами с застежкой-«лодочкой», так и с удилами с S-овидными псалиями и неволинскими поясами (Петербургский, 2011, рис. 26, 38, 42, 78, 94). В том же могильнике бытуют и застежки небольшого размера, где они встречаются с сюлгами с длинными «усами» и лировидными пряжками (Петербургский, 2011, рис. 42; 47, 168). Таким образом, застежка из погребения 57 Подболотьевского могильника, вероятно, является несколько пережившим свое время артефактом, который тем не менее подчеркивал статусность его владельца. С ее учетом данное погребение может датироваться рубежом-первой половиной IX в.

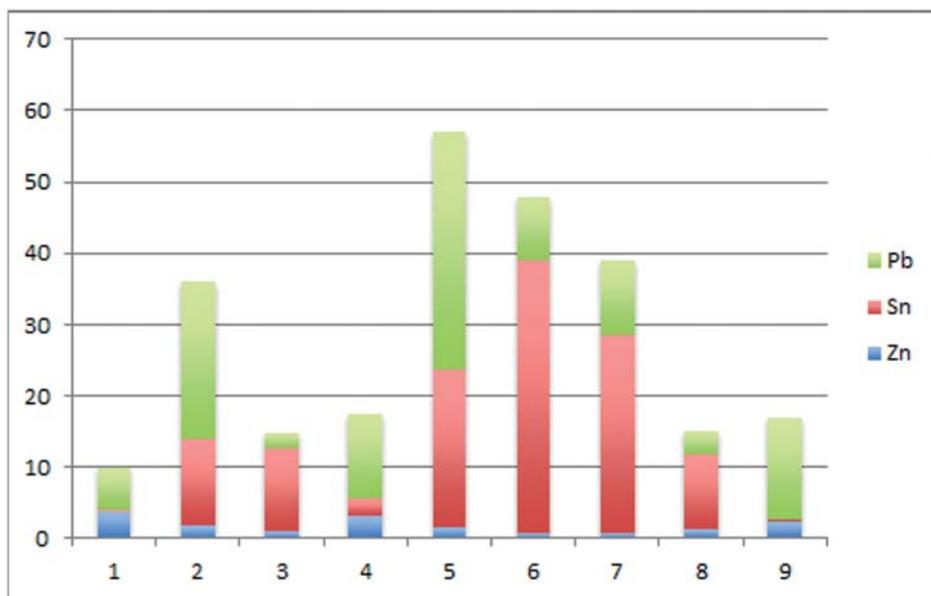
Согласно полевой описи коллекция находок из погребения 57 составляет 156 предметов, часть из которых составные (например, ожерелье, кисть из привесок-двойчаток и др.). Самой примечательной деталью этого комплекса является головной убор со жгутами. Эта деталь убранства характерна только для муромы и не встречается у других поволжских финнов. Истоки этого убора, как уже неоднократно отмечалось, надо искать в древностях безводнинско-ахмыловского типа, которые хронологически предшествуют муромским древностям и где отмечены ранние типы жгутов (Краснов, 1980, с. 42, рис. 21, 11; Архипов, 1973, рис. 85, Гришаков, Зеленева, 1991, с. 23–24). По подсчетам Н.В. Тухтиной, головные уборы со жгутами обнаружены в 30 погребениях Подболотьевского могильника из раскопок В.А. Городцова (Тухтина, 1997, с. 117). Это составляет 48% от женских погребений (всего женских 63). В материалах раскопок ИА РАН в 18 погребениях головные жгуты обна-

ружены по месту ношения, в двух – в составе жертвенного комплекса. Все эти погребения расположены в восточной, более ранней, части могильника и составляют 44% от женских захоронений этой части памятника. Таким образом, почти половина подболотьевских женщин носили эти головные уборы.

Говоря об общей хронологии бытования костюмного комплекса со жгутами, необходимо учитывать его находку в погребении 250 с застежкой с «крылатой» иглой развитого облика, о которой мы писали выше. Высокую сопряженность головные жгуты имеют с дрововыми гривнами с обмоткой и застежкой-«лодочкой». Совместные находки зафиксированы в 10 погребениях Подболотьевского могильника. Наиболее ранний тип этой гривны известен в Серповском могильнике с золотыми византийскими монетами, позднейшая из которых датируется концом VII в. (Алихова, 1969, с. 119). В материалах из мордовских могильников она датируется VIII в., преимущественно первой его половиной (Вихляев и др., 2008, с. 140). В Крюковско-Кужновском и II Старобадиковском могильниках они известны с поясными наборами, выполненными в византийских традициях – с большими шарнирными пряжками и массивными рельефными накладками (Материалы по истории..., 1952. Табл. XXX, 6; XXXI, 6, 7, 8; XXXIV, 9). В крымских материалах подобные пояса датируются также первой половиной VIII в. (Айбабин, 1999, с. 319. Табл. XXXII), а В.А. Комар относит их к раннесалтовскому горизонту Столбище-Старокорсунская, хронология которого определяется в рамках середины–второй половины

а

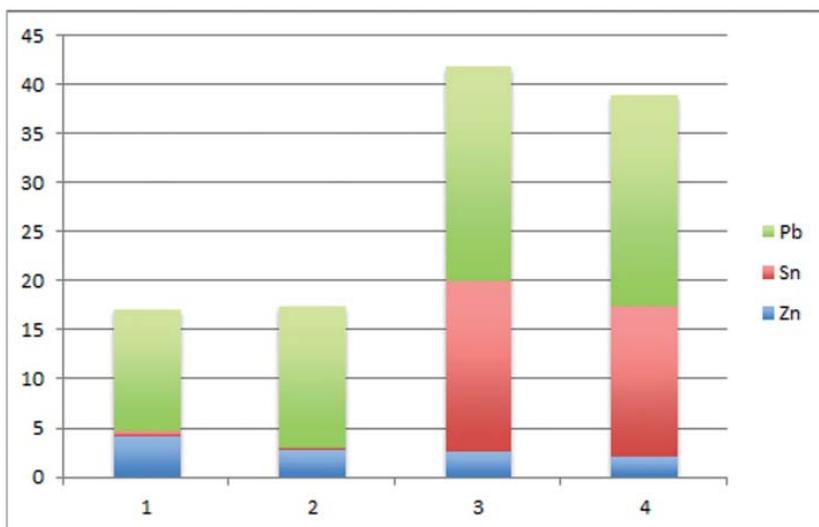
б

Рис. 6. Гистограммы распределения основных легирующих компонентов сплавов из выборки второй половины VIII – IX вв. Подболотьевского могильника: а – погребение 30; б – погребение 37; в – погребение 34; г – погребение 85.

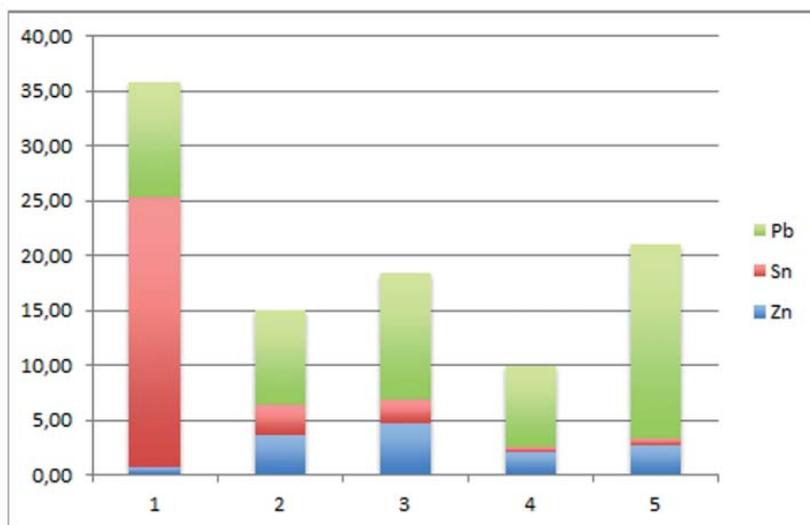
Fig. 6. Distribution histograms of primary alloying components of alloys from the samples of the second half of 8th – 9th centuries. Podbolotievsky burial ground: а – burial 30; б – burial 37; в – burial 34; г – burial 85.

VIII в. (Комар, 1999, с. 123–128, 132). Таким образом, появление этого костюма в «классическом» облике вряд ли можно отнести ранее первой половины–середины VIII в.

Наблюдения за размещением погребений с головными жгутами в пространстве Подболотьевского могильника показывает, что они отсутствуют в северо-западной поздней части мо-

6

2

гильника. Это позволяет сделать вывод, что в X в. этот головной убор исчезает.

Анализ взаимовстречаемости головных жгутов с другими деталями костюма позволил определить основной состав ансамбля. Полный убор, включающий от 12 до 15 категорий украшений костюма зафиксирован в 5 погребениях могильника. В состав

полного костюмного ансамбля входил головной убор со жгутами, двумя налобными венчиками, комплектом височных колец «муромского» типа до 12–14 экземпляров и лунничных височных колец. Присутствие височных колец является обязательным атрибутом убора. В нашей выборке они не зафиксированы только в 6 случаях, что объясняет либо особенностями

погребального обряда (Г36² – кремация, Г241 – погребение коня), либо вопросами сохранности (Г53, 54, 166; 77). Состав набора височных колец и их количество является хронологическим признаком и менялся со временем. Так, лунничные височные кольца появляются на завершающем этапе бытования этого костюма и более характерны в последующее время уже для иного убора. Еще одной обязательной деталью костюма со жгутами был боковой ремень, который присутствует в полном или фрагментарном виде в 70% погребений анализируемой выборки. Спинные украшения в виде коромысловидной подвески (рис. 4: 2) или прямоугольных шумящих подвесок (рис. 4: 3) встречаются в трети анализируемых погребений. Еще одним из особых типов украшений, характерных только для муромы является ажурная поясная застежка удлиненной формы с лапчатыми привесками на длинных цепочках и ажурная накладка подтрапециевидной формы. Эти два украшения парные, выполнены, как правило, в одной стилистике, располагались на поясе слева, сначала пряжка, к ней вплотную задняя ажурная пластина (Городцов, 1914, с. 101, 112, 114, рис. 42, 45, 47). В нашей выборке всего 5 погребений с такими пряжками. Они служили для застегивания пояса, с которым был связан и боковой ремень. В трех комплексах, в том числе в погребении 57, эти ажурные пряжки, вероятно, служили для застегивания пояса с шумящими литыми подвесками, которые украшали переднюю часть пояса.

² Здесь и далее Г обозначает погребения, исследованные В.А. Городцовым, без буквы – погребения раскопанные ИА РАН.

О присутствии пояса в женском костюме свидетельствуют, помимо присутствия боковых ремней, находки железных поясных пряжек у 40% погребенных нашей выборки (Городцов, 1914, рис. 63, 64, 68).

Другие детали убора встречаются в костюме в различных вариациях: гривны у 50% погребенных, ожерелья из подвесок-двойчаток, стеклянных бус у 48%, нагрудные дисковидные бляхи либо ажурные круглые бляхи или застежки в 28% захоронений. Почти для всех погребенных характерны перстни (70%), браслеты (33%), встречаются сюлгамы (26%) и железные фибулы. Украшение обуви прослежено у почти трети (26%).

В 12 комплексах присутствует от 8 до 11 категорий украшений, а в остальных 24 погребениях от 3-х до 7 категорий³. Обязательными в костюме последней группы захоронений являются головные жгуты, височные кольца, какой-то один из венчиков и боковой ремень. В таких погребениях в уборе присутствует один жгут, либо отдельные бронзовые спирали, расположенные разреженно в области головы. Вероятно, они украшали головной убор из органического материала, имитируя богатый убор. Боковой ремень также часто не полный, бронзовыми обкладками декорировалась только какая-то часть кожаной полосы. Таким образом, анализ свидетельствует, что существовал единый канон в костюме, который стремились соблюсти.

³ Не учтено 5 разрушенных погребений, одно трупосожжение и жертвенный комплекс. Все эти захоронения не несут достоверную информацию о составе костюма.

Возможно и у остальных подболотьевских женщин (чуть более 50%) имелись сложные головные уборы из органических материалов, которые они по различным причинам не могли украсить столь пышно и богато. По крайней мере, в большинстве погребений этого времени прослеживаются основные атрибуты муромского костюма – обязательно височные кольца «муромского» типа, перстни, часто венчики, ожерелья из привесок, нагрудные украшения, реже боковые ремни, украшения обуви и т.д.

Это доказывает, что в целом структура и состав костюма, который фиксируется в «богатых» женских погребениях являются традиционным убором для муромских женщин. Разница только в количестве украшений и полноте набора. Столь богатый убор, как в погребении 57, был меньше чем у 5% женского населения Подболотьевского могильника этого времени (5 погребений из 108). В его составе сложно выделить вещи, которые носили бы ярко выраженный статусный характер – все детали костюма так или иначе присутствуют у всех остальных членов общества. Исключение, пожалуй, составляют только застежки с «крылатой» иглой и, возможно, парные украшения пояса – ажурные пряжка и накладка. Они крайне редки в костюме и имеются только в «богатых» комплексах, но вопрос об их месте в костюме требует дополнительного исследования.

Как уже отмечалось выше, погребение 57 выделяется среди раскопанных нами женских захоронений не столько по составу украшений, сколько по их количеству. Суммарный вес украшений из цветного металла составил около 3 кг. В то время как сред-

ний вес украшений в составе женского костюма равен примерно 500–700 г.

Большое количество металлического инвентаря из погребения 57, наличие в нем, по-видимому, полного женского комплекта украшений и деталей одежды муромы, – это редкая возможность провести аналитическое исследование для столь большой выборки, по количеству значительно превосходящей выборки из других погребений как этого, так и других хронологических периодов существования Подболотьевского могильника.

В настоящее время анализ химического состава цветного металла украшений из погребения 57 выполнен лишь для трети выборки. Анализ выполнялся неразрушающим методом бесэталонового РФА в Институте археологии РАН на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker); время измерения 30–60 сек., размер коллиматора 1,5 мм, спектры обрабатывались на специальном программном обеспечении XSpec Pro.

Особенностью данной выборки является плохая сохранность металла, наличие визуальной фиксируемой коррозии по всему объему предметов с выходом в виде хлоридов меди; реставрация, проведенная для некоторых предметов из погребения 57, была направлена в основном на консервацию металла в его настоящем состоянии, а не на очистку до «чистого» металла в связи с его изначально плохой сохранностью. Это решение по преимущественной консервации украшений было принято намеренно с тем, чтобы исследователи успели зафиксировать форму и параметры украшений в связи с возможной их деформацией (или частичной утратой). В настоящее время часть предметов

из выборки отправлена на повторную реставрацию с тем, чтобы провести очистку поверхности от коррозионных наслоений (в том числе, на отдельных участках – до «чистого» металла для проведения дальнейших аналитических исследований).

Проведение анализа химического состава методом РФА со столь плохой сохранностью металла сопряжено с определенным рода трудностями в интерпретации результатов по содержанию ряда элементов в сплавах (Енисова, Митоян, 2014; Orfanou, Rehren, 2014; и др.). Нами с целью минимизации ошибки концентрации, в частности, по содержанию свинца, для каждого предмета из публикуемой выборки с предварительно механически расчищенной поверхности⁴ бралось от 2-х до 9 (min) проб. Это делалось для корреляции содержания свинца и олова в металле, т.к. их содержание на поверхности зависит от степени интенсивности коррозионных процессов; публикуемые результаты основаны на ранжировании данных с зафиксированным минимальным содержанием свинца на поверхности.

Кроме того, результаты из погребения 57 сравнивались с данными для других погребений как этого хронологического периода, так и более позднего времени (всего выборка из Подоболотьевского могильника в настоящее время насчитывает более 600 проб). Это позволило интерпретировать полученные данные по химсоставу металла из погребения 57 как

характерную часть группы сплавов второй половины VIII–IX в., выделяющихся на фоне металла других хронологических периодов доминированием многокомпонентного сплава с большими присадками свинца.

Ранжирование, выполненное для рассматриваемой выборки по результатам проведенной статистической обработки полученных данных, показало, что в выборке из погребения 57 доминирует многокомпонентный сплав (CuPbSZn) (85% выборки). Обращает на себя внимание довольно низкое процентное содержание олова: основное количество проб попадает в интервал от 5 до 10% (рис. 5). Судя по количеству цинка (среднее значение от 0,70 до 5%; максимум 13,68%), зафиксированного в выборке, украшения из погребения 57 были изготовлены из лома цветного металла, при этом нельзя исключить, что этот лом мог быть дополнительно разбавлен свинцом. Как видно из гистограммы (рис. 5), содержание свинца превышает порог в 5% и демонстрирует достаточно большие значения. Из такого сплава преимущественно изготовлены шумящие подвески с двумя петлями и бутыльчатые привесками, шумящие подвески, умбоновидные украшения, очковидные украшения обуви, а также фрагменты спирали головных жгутов и спиральные пронизки.

В выборке также присутствует оловянная латунь (6% выборки), свинцовая латунь (5% выборки): из сплава CuSnZn отлиты парные поясные украшения (ажурные пряжка и накладка; содержание и олова, и цинка сопоставимо друг с другом – цинк 3,17–3,75%, а олово 3,13–4,70% , что косвенно свидетельствует в пользу одновременности изготовления этой

⁴ Расчистка выполнялась ручным электроинструментом Dremel с мягкими насадками, предотвращающими появление царапин, сколов и иных повреждений на поверхности предмета.

пары украшений). Из свинцовой латуни были изготовлены украшения из листового металла: это треугольная трапециевидная подвеска и лунничное височное кольцо; здесь концентрация свинца в одном случае значительно превышает допустимый при обработке давлением уровень его содержания (Равич, 1982), что требует дополнительных исследований (как и для головных жгутов и спиральных пронизей).

Кроме того, в анализируемой выборке оказались и предметы, изготовленные из сплава с серебром (4% выборки): это застежка с «крылатой» иглой из «желтого» многокомпонентного серебра и пластинчатая нагрудная бляха из сплава с серебром ($Ag < 40\%$).

Посмотрим, как металл из погребения 57 «выглядит» на фоне других, синхронных ему, погребений Подболотьевского могильника. Так, в погребении 30, где выборка состоит из 7 проанализированных предметов, зафиксировано присутствие низкоцинкового многокомпонентного сплава (содержание свинца от 5 до 20%); свинцовой латуни и тройной бронзы (рис. 6а). В выборке из погребения 37 также отмечается доминирование низколегированного цинком многокомпонентного сплава и наличие предметов из тройной бронзы и свинцовой латуни. Эта выборка отличается от выборки из погребения 57 доминированием сплава с высоким процентным содержанием олова, а не только свинца: так, содержание олова здесь варьирует от 2,34 до 38,36%; в выборке из погребения 37 отмечается также присутствие изделий из листового металла с высоким процентным содержанием свинца (рис. 6б). Такая же картина по

распределению основных типов сплавов и присутствию изделий из листового металла, демонстрирующая высокое процентное содержание свинца, зафиксирована и в погребениях 34 и 85 Подболотьевского могильника (рис. 6в, 6г).

Доминирование в выборке второй половины VIII – IX в. Подболотьевского могильника сплавов с цинком подтверждается ранее опубликованными сводными характеристиками металла из этого памятника (Ениосова, Сарачева, 2008, с. 269. Табл. 4; с. 270. Табл. 6). Наиболее близкие параллели металлу из рассматриваемых погребений Подболотьевского могильника мы находим в материалах второго хронологического этапа существования Крюковско-Кужновского могильника (в погребениях VIII–IX вв.), где многокомпонентный сплав, высоколегированный свинцом, использовался при изготовлении традиционных для мордвы типов поясных наборов (Сапрыкина и др., 2011, с. 324).

Завершая обзор погребения 57, следует отметить присутствие в нем двух серебряных изделий, что выделяет это погребение из всех исследованных захоронений этого хронологического периода в Подболотьевском могильнике. Кроме того, удалось зафиксировать наличие одномоментно изготовленных украшений – ажурной поясной пряжки и накладки, что позволяет размышлять о характере формирования убора погребенной: собирался ли этот убор на протяжении жизни, в том числе в виде даров или подношений, или он носит, скорее, ритуальный характер и был изготовлен для каких-то определенных целей.

В то же время погребение муромки в практически аналогичном костюме в далеком от муромских территорий Танкеевском могильнике (Казаков, 2007, рис. 53–54) свидетельствует о парадном характере убора и высоком статусе его носителей. В пользу последнего говорит и богатое мужское погребение, которое раскопано рядом с погребением 57.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 349 с.
2. *Алихова А.Е.* Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Красный октябрь, 1959. С. 117–130.
3. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
4. *Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.
5. *Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселение. Муром: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.
6. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2008. 352 с.
7. *Гавритухин О.И., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.
8. *Голубева Л.А.* Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 81–92.
9. *Гомзин А.А.* Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2013. 499 с.
10. *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.
11. *Григорьев А.В.* Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2010. С. 449–453.
12. *Гришаков В.В.* Находки раннесредневековых ритуальных ложечек в Окско-Свияжском междуречье // Поволжская археология. № 1. 2016. С. 256–265.
13. *Гришаков В.В., Зеленева Ю.А.* Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
14. *Дубынин А.Ф.* Малышевский могильник (К истории нижней Оки I тысячелетия н. э.) // КСИИМК. Вып. XXV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 134–136.
15. *Ениосова Н.В., Митоян Р.А.* Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 4 / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 143–146.
16. *Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г.* Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 265–274.

17. Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецнинской мордвы (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 320–328.

18. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 111–136.

19. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в раннем средневековье. М.: Наука, 1980. 214 с.

20. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гео-эко, 1996. 338 с.

21. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.

22. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.

23. Равич И.Г. Исследование разрушения металлических изделий в зависимости от состава, технологии изготовления и условий хранения / Отчет сектора металлов ВНИИР. М., 1982. *Рукопись*.

24. Сапрыкина И.А., Митоян Р.А., Никитина Т.Б., Зеленцова О.В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Piliscsaba, 2010. Piliscsaba, 2011. Pars VIII. P. 312–332.

25. Степанов П.Д. Древняя история мордвы – эрзи. (Очерк второй – археологические и этнографические данные) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1970. С. 26–66.

26. Тухтина Н.В. Женский головной убор (По материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 109–121.

27. Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 23–70.

28. Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 21–31.

29. Orfanou V., Rehren Th., A (notso) dangerous method: pXRFvs. EPMA-WDS analyses of copper-based artefacts in Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 5. Issue 3. Published by Springer, 2015. P. 387–397.

Информация об авторах:

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), olgazelentsova2010@yandex.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), dolmen200@mail.ru

ON THE MUROMA FEMALE COSTUME BASED ON MATERIALS FROM BURIAL 57 OF PODBOLOTYEVSKY BURIAL GROUND

O.V. Zelentsova, I.A. Saprykina

The paper considers the materials discovered in female burial 57 investigated during excavations at the Podbolotievsky burial ground in 2012 (works conducted by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). This burial dated second half of the 8th – early 9th centuries contains 159 items made of non-ferrous and precious metal, and is characterized by the general wealth of grave goods as compared with all burials studied in the early 21st century. Four similar burials in terms of the composition of the clothing and the wealth of the grave goods were investigated by V.A. Gorodtsov in 1910 and are considered to be classical Murom burials. A comparative and typological analysis of clothing from burial 57 allowed to determine the structure of the traditional Murom costume, the high-status character of which became a standard for the formation of the costume aensemble of period in question. An analysis of the chemical composition of metal from this burial allowed to determine that the primary type of alloys used for the manufacture of Murom clothing parts in the second half of the 8th – early 9th centuries was an CuPbSbZn alloy characterized by a lower content of zinc (up to 5%) and tin (up to 10%). The presence two silver items in the burial, considering the general wealth of the grave goods, testifies to the high social status of the buried. During an investigation of metal from this burial, the researchers discovered adornments of single-stage manufacture and a classical form of items crafted from a complex alloy by means of pressure treatment, which allows to raise the question of the nature of clothing from such such burials whether such clothing is “composite” and collected over a period of time, or they rather have a ritual nature.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Finns from he Volga Region, Murom, Mordva, Lower Oka, burial mound, headdress, social stratification, X-ray phase analysis, chemical composition of metal.

REFERENCES

1. Aibabin, A. I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea)*. Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: “Krasnyi oktiabr” Publ., 117–130 (in Russian).
3. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
4. Akhmedov, I. R. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Issues and Materials)*. Series: Rannelslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7–34 (in Russian).
5. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti letopisnoi muromy. Pogrebal'nyi obriad i poseleniia (Antiquities of the Chronicles' Muroma Tribe: Burial Rite and Settlements)*. Murom: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of Mordovian Burial Grounds of the 1st–14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

7. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: *Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (The World of the early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours)* 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: *Archaeology of the USSR*, 17. Moscow: "Nauka" Publ., 81–92 (in Russian).
9. Gomzin, A. A. 2013. *Vostochnoe monetnoe serebro IX – nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e (Eastern coin silver of the 9th - early 11th centuries in the Middle and Lower Oka Region)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
10. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society)* XXIV, 40–216 (in Russian).
11. Grigor'ev, A. V. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry Craft and its Origins)*/ Saint-Petersburg: "Nestor-Historia" Publ., 449–453.
12. Grishakov, V. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 256–265 (in Russian).
13. Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
14. Dubynin A. F. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV, 134–136 (in Russian).
15. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 143–146 (in Russian).
16. Eniosova, N. V., Saracheva, T. G. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX–XVI vekakh (Rural Rus in the 9th-16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 265–274 (in Russian).
17. Zelentsova, O. V. 2005. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Aprel' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 145. Moscow: State Historical Museum, 320–328 (in Russian).
18. Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* 2. 111–136 (in Russian).
19. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Leont'ev, A. E. 1996. In *Arkheologiya velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages)* 4. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
21. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov)*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
22. Peterburgsky, I. M. 2011. *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII–X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th–10th Centuries)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).
23. Ravich, I. G. 1982. *Otchet sektora metallov Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo, proektno-konstruktor'skogo i tekhnologicheskogo instituta relestroeniia s opytym proizvodstvom (Report by the Metals Department of the All-Russian Scientific Research & Development Technological Institute of Relay Engineering with Pilot Production)*. Moscow. Manuscript (in Russian).

24. Saprykina, I. A., Mitoian, R. A., Nikitina, T. B., Zelentsova, O. V. 2011. *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 2010*. Piliscsaba VIII. 312–332 (in Russian).
25. Stepanov, P. D. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 26–66 (in Russian).
26. Tukhtina, N. V. 1997. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 93. Moscow: State Historical Museum, 109–121 (in Russian).
27. Shitov, V. N. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 23–70 (in Russian).
28. Shitov, V. N. 1990. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Oka-Sura Interfluve)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 99. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 21–31 (in Russian).
29. Orfanou V., Rehren Th., A (notso). 2015. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 5. Issue 3. Published by Springer, 387–397.

About the Authors:

Zelentsova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

Saprykina Irina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; dolmen200@mail.ru

Статья поступила в номер 07.02.2018 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЛОЙ АРДИНСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 ГОДА)

© 2018 г. А.В. Михеев

В статье публикуются материалы исследований Ардинского городища в 2013 году. Дается характеристика оборонительных сооружений и структура вала, рассматриваются керамический комплекс и вещевого материал. В контексте имеющегося материала затрагиваются вопросы хронологии и место рассматриваемого городища среди древнемарийских памятников второй половины I тыс. н. э. – первой половины II тыс. н. э. На основе анализа материала делается вывод о том, что первоначальные оборонительные сооружения построены в период середины – второй половины I тыс. н. э. Впоследствии ров был углублен, вал подсыпан, возведены или обновлены надвальные деревянные сооружения. Основной территорией расселения во II тыс. н. э., вероятно, была напольная часть мыса. По своему материалу городище не выходит за рамки известных в Марийском Поволжье памятников эпохи средневековья.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, древнемарийская культура, городище, оборонительные сооружения, керамика, вещевого комплекс.

Городище расположено в 300 м к юго-востоку от д. Сенюшкино Ардинской сельской администрации Килемарского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Арда. Территория, занимаемая памятником, среди местного населения известна как «Керемет нер» (Мыс Керемета). Городище занимает мыс подтреугольной формы длиной 58 м и шириной до 30 м, выступающий от коренной террасы р. Арда с востока на запад (рис. 1). Высота площадки от уровня поймы реки – 17,7 м. С восточной, напольной, стороны имеется вал высотой около 2 м от примыкающей части площадки городища и 3,5 м от дна рва. Вал расплывчатый. Ров в северной части заплыл, в южной части размывается оврагом. Ширина рва 10–11 м, ширина вала примерно такая же.

Городище открыто разведочным отрядом Марийской археологической

экспедиции (МАЭ) в 1975 году (Никитин, 1975). В этом же году площадка памятника была исследована двумя раскопами общей площадью 532 кв. м (Архипов, Патрушев, 1975). Материал представлен керамикой, бытовыми предметами (ножи, оселки и т.п.).

В 2008 году разведочным отрядом МАЭ (Михеев, 2009) для определения границ памятника были заложены шурфы с напольной стороны городища общей площадью 4,6 кв. м. В результате работ установлено, что культурный слой, содержащий находки, аналогичные найденным в 1975 году, по мысовидному выступу коренной террасы правого берега р. Арда распространяется более чем на 40 м от рва городища к востоку и 60 м к северо-востоку. Судя по находкам керамики, с напольной стороны существовало не только ананьинское поселение I тыс. до н. э., но и селище первой половины II тыс. н. э.

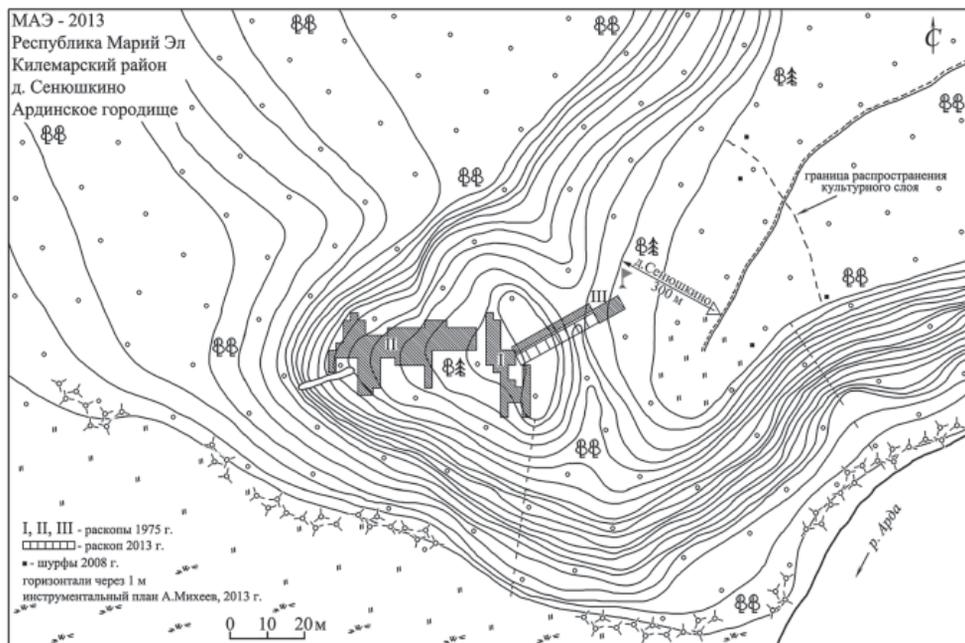

Рис. 1. Ардинское городище. Топографический план.

Fig. 1. Ardinskoe hillfort. Topographic plan.

В 2013 году был заложен раскоп общей площадью 72 кв. м, которым были разрезаны вал и ров.

Таким образом, общая исследованная площадь составила 608,6 кв. м.

Площадь памятника составляет 6420 кв. м с учетом поселений эпохи РЖВ и средневековья с напольной стороны мыса.

В ходе исследований 2013 года при разрезе вала и рва выделено 4 основных слоя:

- 1) дерн и поддерновый слой;
- 2) коричневый гуммированный суглинок (слой эпохи средневековья);
- 3) темно-коричневый гуммированный суглинок (слой эпохи РЖВ);
- 4) красная глина (материк).

Разнообразие слоев зафиксировано только при исследовании внутренней структуры вала (рис. 2), но они четко увязываются с конкретными истори-

ческими периодами существования городища.

Проведенные исследования показали, что вал был отсыпан в эпоху средневековья: культурный слой эпохи раннего железного века (ананьино) отделен от насыпи вала углисто-зольной прослойкой погребенного дерна, то есть перед началом строительства на мысу оборонительных сооружений был выжжен дерн. Объяснить иначе наличие в этом слое угольков и золы затруднительно, т.к. дерн, погребенный под насыпью вала, дал бы гуммированную прослойку, а в данном случае этого не наблюдается. Впрочем, нет и следов прокала, что говорит о кратковременности воздействия огня. Отмечу, что для структуры валов марийских городищ эпохи средневековья это весьма часто фиксируемое явление: Барковское, Большая Гора,

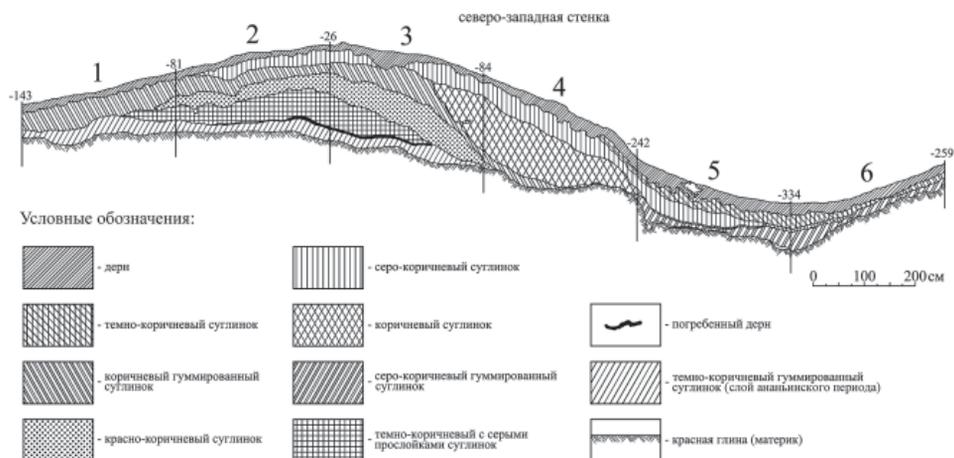

Рис. 2. Ардинское городище. Стратиграфический разрез вала.

Fig. 2. Ardinskoe hillfort. Stratigraphic section of the rampart.

Русенихинское, Васильсурское V «Репище» (Михеев, 2012, с. 111; 2015, с. 85–86; Никитина, 2002, с. 44).

Судя по стратиграфии, нижний слой вала, который представлен темно-коричневым с серыми прослойками суглинком (рис. 3А), отсыпан исключительно слоем эпохи РЖВ: здесь нет включений красной (материковой) глины, все находки (керамика, кремль) соответствуют находкам РЖВ. Далее формирование вала шло за счет красной глины, вынутой при копании рва (рис. 3Б). В результате получился плотный слой красно-коричневой глины, который перекрывает переотложенный слой темно-коричневого суглинка и предотвращает сползание насыпного грунта в ров. На этот грунт был насыпан слой, представленный коричневым гуммированным суглинком (рис. 3В). Собственно говоря, данный слой связан с культурными напластованиями эпохи раннего средневековья. Этот слой характеризуется наличием большого числа находок керамики РЖВ, фраг-

ментами древнемарийской керамики. Его датировка: середина – вторая половина I тыс. н. э. – определяется по пластинчатой скульгаме, которая была найдена с внутренней стороны вала. Стратиграфические наблюдения показывают, что внешний склон вала был укреплен плетнем, а наличие большого количества обожженной глины позволяет говорить о том, что плетень был дополнительно обмазан глиной. В верхней части этой насыпи (участок 2) зафиксированы столбовые ямы от кольев диаметром 7 и 11 см (ямы №№ 4, 5), что может свидетельствовать о том, что плетень был сооружен и по верхушке вала (рис. 4). Заполнение ям темно-коричневым гуммированным с включениями угля. Наклонные стенки и скошенное дно свидетельствуют о том, что колья вбивались в грунт. Расстояние между центрами ям составляет 125 см.

В верхней части вала участка 2 фрагментарно прослежена прослойка гумуса. Вероятнее всего, она обязана своим происхождением дерну, кото-

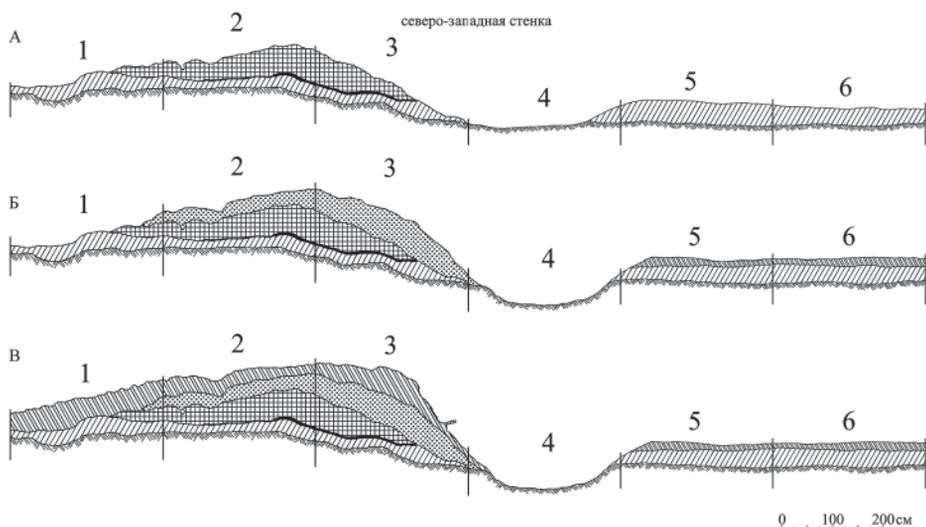

Рис. 3. Этапы строительства вала первого периода.

Fig. 3. Rampart construction stages of the first period.

рый является конструктивным строительным элементом вала, способствующим предотвращению осыпания/сползания вала в «жилую зону» городища.

Каких-либо защитных конструкций на дне рва не зафиксировано.

Таким образом, первый строительный горизонт вала содержит три слоя. По гребню был устроен плетень, внешний склон укреплен также плетнем, который дополнительно обмазан глиной (рис. 4).

Впоследствии вал претерпел реконструкцию: как уже говорилось, от более раннего строительного горизонта первоначальную насыпь отделяет тонкая прослойка дерна. Основу насыпи этого периода составляет слой серо-коричневого суглинка, в котором отмечены находки РЖВ, раннего средневековья и средневековой керамики II тыс. н. э. Следует отметить, что керамика первой половины II тыс. н. э. залегает практически сра-

зу под современным дерном, а также встречена на дне рва.

Со вторым этапом строительства связано увеличение насыпи и углубление рва. Слой коричневого суглинка фактически законсервировал угол внешнего откоса вала того периода (рис. 5А). Есть все основания полагать, что он являлся частью бутовки стрелковой площадки возведенных на валу оборонительных сооружений. О существовании стены, вероятно, однорядной, при которой положенные параллельно горизонту бревна зажимались между столбами, говорит несколько планиграфических наблюдений. По гребню вала зафиксировано 3 столбовых ямы (№№ 1–3), которые могли бы являться частью подобной фортификации (рис. 5Б). Контуры ям округлой формы диаметром 19–22 см. Заполнение представлено коричневым суглинком с включениями древесного угля. Стенки ям слегка наклонные, одна с небольшим усту-

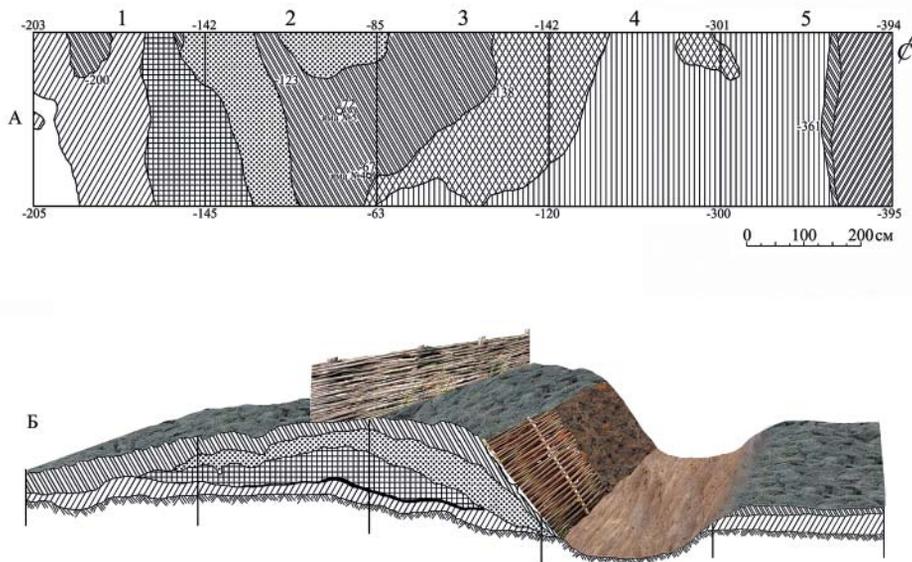

Рис. 4. Первый строительный горизонт вала. Вариант реконструкции.

Fig. 4. First construction horizon of the rampart. Reconstruction option.

пом, дно плоское, глубина от уровня фиксации составляет 12–15 см. Кроме того, гумусные и углистые полосы, а также отдельные скопления крупных кусков угля, расположенные вдоль насыпи вала на его верхушке, скорее всего, являются остатками жердей-бревен именно такой стены. В основании внешнего склона вала зафиксировано гуммированное заполнение. Заполнение неравномерное как по ширине, так и по отдельным углублениям на всем его протяжении. В профиле северо-западной стенки оно представляется ямой. Это дает возможность предполагать, что внешний склон был укреплен столбовыми конструкциями и слегами.

Ров не содержал никаких дополнительных защитных конструкций.

Таким образом, второй строительный горизонт вала содержит два слоя. Исходя из полученных в ходе раскопок данных, можно предложить вари-

ант реконструкции его фортификации (рис. 6). По гребню была построена однорядная стена из уложенных параллельно горизонту бревен, зажатых между столбами. Поскольку зафиксированные контуры столбов являются круглыми, можно исключить вариант установки их копанием ямы – в этом случае они имели бы квадратно-прямоугольный контур. Также маловероятным является способ забивания столбов: при диаметре свыше 20 см и значительной высоте (более 2 м с учетом заглубления) – это весьма трудоемко физически, несмотря на скошенный в разрезе профиль. Кроме того, скошенный конец колы при забивании, скорее, сместится в сторону от первоначально выбранного места установки. Наиболее вероятным является прием строительства, при котором в небольшое углубление вставляется столб, вокруг которого грунт утрамбовывается по мере отсыпки

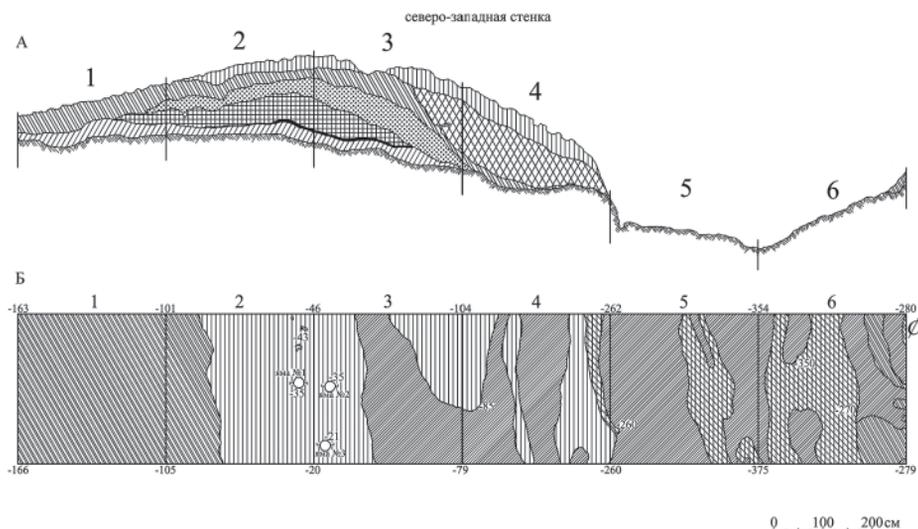

Рис. 5. Второй строительный горизонт вала.

Fig. 5. Second construction horizon of the rampart.

насыпи вала. Тем более что около выявленных столбовых ям действительно имеется плотный глиняный грунт. Небольшая глубина фиксации контуров объясняется сползанием насыпи вала в ров. После того как городище было заброшено/покинуто, стена естественным образом разрушилась, и процесс смещения грунта ничем не сдерживался. Объем слоя серо-коричневого суглинки, который большей частью зафиксирован именно по внешнему склону и во рву, достаточен для того, чтобы первоначальная длина вкопанной части столбов составляла не менее 60–70 см.

Нижняя часть внешнего склона вала укреплена слегами, положенными параллельно горизонтально друг на друга вдоль откос вала. К основанию вала они были прижаты кольями. Конструктивно рассматриваемая деталь фортификации практически идентична сооруженной на гребне вала стене.

Вещевой материал и датировка Ардинского городища

Керамика. Средневековая керамика представлена 41 фрагментом, из которых 4 венчика, 3 дна и один фрагмент непосредственно самого дна. Керамика фрагментарная, форма сосудов не прослеживается. Сосуды, судя по всему, с растробовидной или подцилиндрической горловиной, слабопрофилированные. Оформление венчика однотипно – округлый край (рис. 7: 1, 2, 4). Толщина стенок от 4,5 до 7 мм. Орнамент отмечен на одной стенке – в виде волны, нанесенной гребенкой. Волнистый орнамент, нанесенный гребенкой, отмечен в материалах Волжской Булгарии со второй половины XI – начала XIII в. (Кокорина, 2002, с. 194; с. 360, рис. 104 (a)). Днища представлены 4 фрагментами. В одном случае дно от лепного сосу-

¹ Анализ керамики произведен к.и.н. А.И. Михеевой.

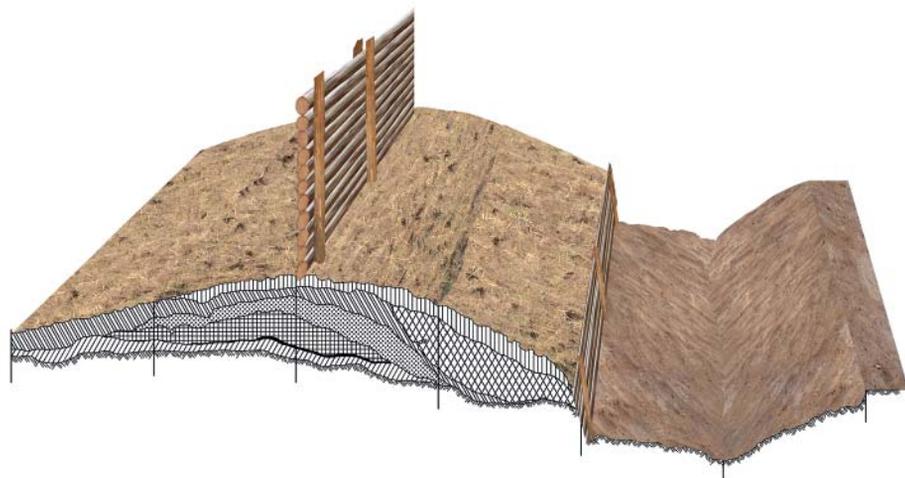

Рис. 6. Вариант реконструкции второго строительного горизонта.

Fig. 6. Reconstruction option of the second construction horizon.

да имеет «сапожок» (рис. 7: 6). Дно от кругового сосуда с клеймом (рис. 7: 9). Клеймо несколько сглажено, представляет собой три луча, исходящие от ножки. Ножка повреждена, целиком не сохранилась. Крайние лучи исходят не по прямой, а слегка выгнуты. В верхней части лучи соединены дугой. Аналогий клейму пока не найдено. С одной стороны клеймо близко так называемой птичьей лапке, но в данном случае лапка не выражена, смущает дуговидность крайних лучей. Хотя в материалах болгарских памятников такая дуговидность присутствует, но отсутствует дуга в верхней части. Наиболее ранние клейма этого типа известны из материалов Биляра, и датируются XII – началом XIII в. (Кокорина, 2002, с. 168, с. 364, рис. 89, 94, 106).

Все фрагменты изучены на предмет гончарной технологии с использованием микроскопа МБС-10. Технологический анализ проводился по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978). Для данной посуды харак-

терно использование ожелезненной слабозапесоченной глины, которая после обжига в муфельной печи при t 850°C приобрела кирпичный цвет.

На стадии выбора исходного сырья можно отметить два источника:

1) глины, в тесте которых содержится естественная примесь мелкого (до $0,1$ мм) песка, видимого в микроскоп; бурый железняк округлый, диаметром до 2 мм, единичные включения окатанных обломков раковины размером до 1 мм;

2) несколько иного характера отмечено исходное сырье у стенки с орнаментом (рис. 7: 5), здесь отмечены включения песка окатанного размером фракций до 2 мм, бурый железняк до 3 мм, единичные фрагменты окатанных частиц раковины.

Сырье находилось во влажном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. На стадии составления формовочных масс зафиксированы следующие рецепты: глина+шамот (95%), глина+раковина (2,5%), глина+пластины черного цвета, тон-

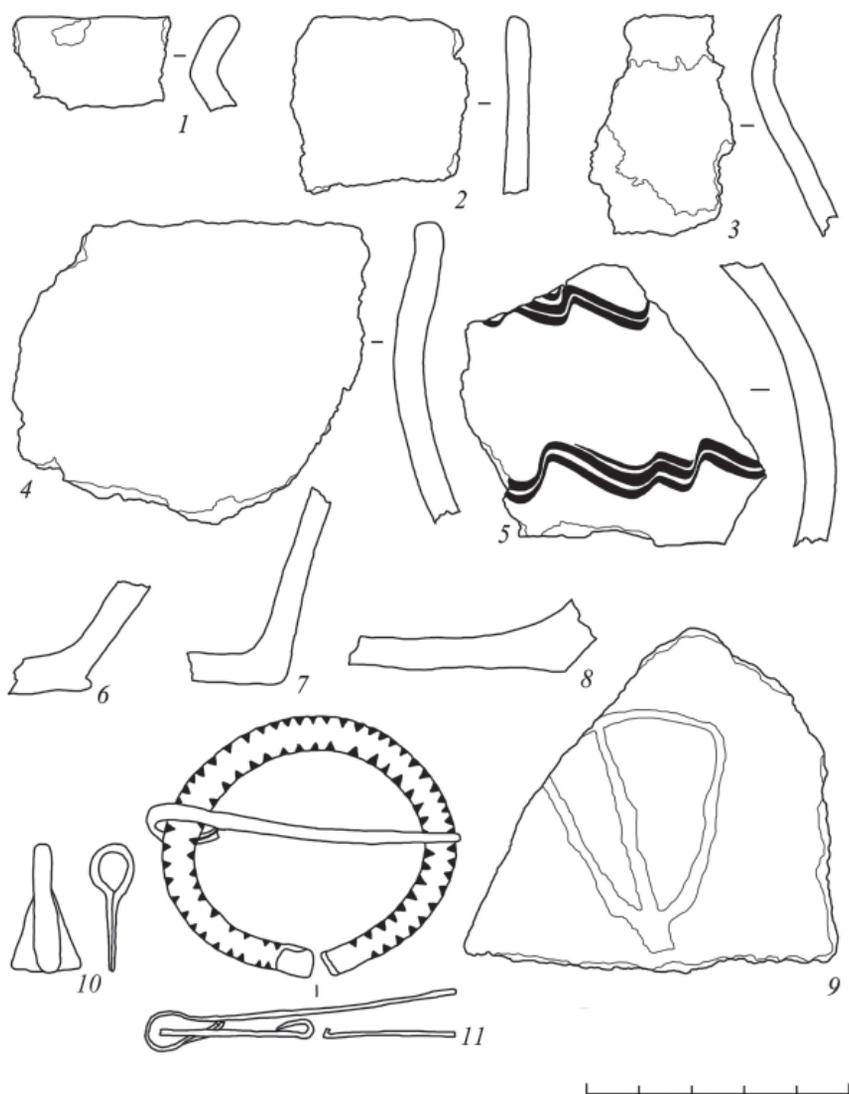

Рис. 7. Керамика и вещевого инвентаря Ардинского городища.

Fig. 7. Ceramics and material inventory of Ardinskoe hillfort.

кие, в изломе серебристые. На данном этапе определить является ли это естественной или искусственной примесью не представляется возможным, поскольку фрагмент единичный. Используемый в качестве примеси шамот размерностью зерен от 1,5 до 3 мм, на качественном уровне до 5 мм. Концентрация шамота 1: 3 мм.

Изучение придонных частей сосудов показало применение донно-емкостной программы конструирования начина, жгуты, навивались по спирали. Днища имеют слабовыраженные наплывы, от крепления к подставкам. В качестве подсыпки зафиксирована зола (в одном случае). Уровень РФК 0–1. Два днища, одно с ракови-

ной (рис. 7: 9), выполнены на круге с уровнем РФК-4. В одном случае у сосуда с раковиной на днище отмечено клеймо, само днище в профиле имеет выгнутую форму.

Полое тело изготовлено скульптурной лепкой, спирально-жгутовым налепом, в одном случае – жгуты по кольцу (рис. 7: 4).

Обработка поверхностей производилась путем простого заглаживания вручную, с помощью пальцев и мягкого материала.

Окраска сосудов преимущественно пятнистая. Некоторые сосуды бурого, коричневого, красно-коричневого цвета. В изломе сосуды черного, серого цвета, часть сосудов в изломе трехслойная с характерной черной прослойкой. Обжиг костровой.

Таким образом, несмотря на малочисленность средневековой коллекции, можно говорить о том, что она неоднородна по технике изготовления. Здесь уже появляется керамика с уровнем РФК 4, о чем свидетельствуют два днища (рис. 7: 8, 9), и одна орнаментированная стенка (рис. 7: 5). Использование в качестве искусственной примеси наряду с шамотом и раковины также отмечено на поселенческих памятниках Марийского Поволжья. Средневековая керамика Ардинского городища по этим признакам близка посуде Васильсурского V городища (Репище), где наряду с лепной посудой, которая составляет абсолютное большинство, появляется круговая посуда (8,6%); отмечено начало использования в круговой посуде искусственной примеси – раковины (4,0%). Васильсурское V городище (Репище) датировано исследователем памятника – Т.Б. Никитиной – XI–XIII вв. (Никитина, 2002, с. 200). По-

видимому, часть керамики Ардинского городища можно отнести к этому периоду.

Украшения и производственно-бытовой инвентарь

Треугольная привеска (медь, бронза) (рис. 7: 10) сделана из полоски металла, один конец которой был расплюсчен. Подобного типа привески известны в древностях азелинского круга (Тат-Боярский, Шорунжинский могильники, Староузюмское погребение) и рассматриваются в качестве привесок к поясным накладкам (Бугров, 2015, с. 17–18). Однако считается, что они отливались по восковой модели. Датировка их определяется V в. н. э., но в том же качестве они бытуют вплоть до VII века (Лещинская, 1995, с. 111, рис. 11: 3; с. 117, рис. 17: 1). Почти аналогичная привеска была найдена в Староузюмском погребении (Бугров, 2015, с. 19, рис. 4: 14).

Бронзовая сьюльгама (рис. 7: 11) плоская в сечении, концы загнуты (один обломан). Орнаментирована короткими треугольными насечками по внутреннему и внешнему краям кольца. Соответствует типу АБIV классификации В.И. Вихляева и датируется IV–VII вв. н. э. (Вихляев, 1977, с. 15, 16).

Предметы, связанные с бытом и производственной деятельностью, представлены фрагментами тиглей (5 экз.). Все они глиняные, несут следы воздействия огня. Связать их конкретно с каким-либо хронологическим периодом существования городища затруднительно ввиду того, что все они найдены в насыпи вала в переотложенных и перемешанных слоях.

Древнемарийская принадлежность и хронологическая позиция первого строительного горизонта могут быть

установлены по бронзовой сьюльгаме (IV–VII вв. н. э.) и находками керамики ручной лепки с примесью шамота в формовочной массе. К характеристикам этой керамики можно отнести отсутствие орнаментации и наличие «сапожка» у донной части сосудов.

Второй строительный горизонт также укладывается во вторую половину I тыс. н. э., что подтверждается находками привески V–VII вв. н. э. и керамики, которая аналогична описанной выше. Вероятнее всего, выявленные строительные горизонты отстоят друг от друга не более чем на 50 лет и связаны с обновлением

первоначальных оборонительных сооружений.

Вопрос о выделении на городище культурного слоя первых веков II тыс. н. э. пока является открытым: на площадке городища и на валу он не зафиксирован. Однако культурный слой этого времени имеется на площадке с напольной стороны городища. Единичные находки керамики во рву и в дерново/поддерновом слое вала пока не позволяют говорить о том, что фортификации каким-то образом обновлялись. Тем не менее керамический комплекс достаточно четко указывает на XI–XIII вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Отчет МАЭ о работах 1975 г. в МАССР / Архив ИА РАН. Д. № 5865.
2. *Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Отчет о раскопках Ардинского городища в Горномарийском районе МАССР в 1975 г. / Архив ИА РАН, Д. № 5866.
3. *Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 51–82.
4. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
5. *Бугров Д.Г.* Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7–34.
6. *Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1977. 99 с.
7. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
8. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–127.
9. *Михеев А.В.* Мониторинговые исследования объектов археологического наследия, расположенных в Килемарском районе Республики Марий Эл в 2008 году / НРФ МарНИИЯЛИ, Оп. 1. Д. 1127.
10. *Михеев А.В.* Барковское городище (по материалам исследований 2009 года) // Материалы и исследования по археологии Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т; МарНИИЯЛИ, 2012. Вып. 6. С. 102–116.
11. *Михеев А.В.* Оборонительные возможности городища у д. Большая Гора // Этническая культура и молодежь. Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Марисола, 28 марта 2013 года) / Отв. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; МАРНИИЯЛИ; Маргосуниверситет, 2015. С. 84–99.

12. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Информация об авторе:

Михеев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник направления «Археология» МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола, Россия); miheev.alexey@mail.ru

**MEDIEVAL LAYER OF ARDINSKOE HILLFORT
(BASED ON STUDY MATERIALS OF 2013)**

A.V. Mikheev

The paper features materials obtained as a result of studying Ardinskoe hillfort in 2013. It provides characteristics of the defensive structures and the rampart structure, and analyses the ceramic complex and material items. In the context of this material, the paper considers the issues of chronology and the place of the settlement among the ancient Mari monuments of the second half of the 1st millennium A.D. – first half of the 2nd millennium A.D. The author concludes that the original defensive structures were erected in the middle and second half of the 1st Millennium A.D. Subsequently, the moat was deepened, the rampart was extended, and wooden structures above the rampart were erected or renovated. The primary settlement territory in the 2nd Millennium A.D. was probably the ground section of the foreland. According to the obtained material, the settlement does not fall outside the scope of known medieval sites of the Mari Volga Region.

Keywords: archaeology, medieval period, ancient Mari culture, settlement, fortifications, ceramics, material complex.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. 1975. *Otchet MAE o rabotakh 1975 g. v MASSR (Report of the Mari Archaeological Expedition on the Works of 1975 in the Mari SSR)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 5865 (in Russian).
2. Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. 1975. *Otchet MAE o rabotakh 1975 g. v MASSR (Report of the Mari Archaeological Expedition on the Works of 1975 in the Mari SSR)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 5866 (in Russian).
3. Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 51–82 (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Bugrov, D. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 7–34 (in Russian).
6. Vikhlyayev, V. I. 1977. *Drevniaia mordva Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Mordva People in the Sura and Moksha Rivers Area)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
7. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
8. Leshchinskaya, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–127 (in Russian).

9. Mikheev, A. V. 2008. *Monitoringovye issledovaniia ob'ektov arkhelogicheskogo nasledii, raspolzhenykh v Kilemarskom raione Respubliki Marii El v 2008 godu (Monitoring Studies of Archaeological Heritage Sites located in the Kilemarsky District of the Mari El Republic in 2008)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History I. Inv. 1, dossier 1127 (in Russian).

10. Mikheev, A. V. 2012. In Zelenev, Yu. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Archaeological Materials and Studies of the Volga Region)* 6. Ioshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute for Language, Literature and History, 102–116 (in Russian).

11. Mikheev, A. V. 2015. In Popov, N. S. (ed.). *Etnicheskaia kul'tura i molodezh'. Materialy III Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Iyvan Kyrla ludmash» (Marisola, 28 marta 2013 goda) (Ethnic Culture and Youth. Proceedings of the 3rd Republican Scientific and Practical Conference “Jyvan Kyrla Ludmash” (Marisola, March 28, 2013))* Ministerstvo kul'tury, pechati i po delam natsional'nostei Respubliki Marii El, MARNIIIaLI, Margosuniversitet. – Ioshkar-Ola. 2015. S. 84–99.

12. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkhelogicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

About the Author:

Mikheev Alexey V. Candidate of Historical Sciences. Mari Research Institute for Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; miheev.alexey@mail.ru

Статья поступила в номер 14.02.2018 г.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ «ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКОЙ» КЕРАМИКИ ИЗ ДОМОНГОЛЬСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЖУКЕТАУ

© 2018 г. В.Н. Бахматова, Н.Г. Набиуллин

В статье публикуются материалы и результаты впервые проведенного технико-технологического исследования серии посуды «прикамско-приуральских истоков» из городища Джукетау. Выделены традиции по отбору, добыче, подготовке исходного сырья, формовочных масс, определению приёмов конструирования начина и полого тела, способам формообразования, режимам обжига, обработки поверхности посуды, проанализированы орнаментальные традиции декорирования. Полученные результаты дают представление о выборке «прикамско-приуральской» посуды как в целом характерной для домашнего производства, изготовленной по относительно архаичным технологиям, на стадии восприятия ее изготовителями некоторых черт ремесленного производства.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Джукетау, неполивная керамика, «прикамско-приуральская» посуда, технико-технологический анализ.

На памятниках Волжской Булгарии в той или иной степени и соотношении представлено несколько групп неполивной глиняной посуды, обычно идентифицируемой исследователями как посуда «прикамско-приуральских истоков». При этом вопрос о более конкретных территориальных локализациях остается открытым, а этнокультурная привязка традиций изготовления посуды и другие проблемы исторической интерпретации археологических материалов требуют глубоких методологических разработок.

Одной из выразительных групп в комплексах домонгольской Волжской Булгарии является лепная посуда из теста с примесью толченой (дробленой) раковины или песка с хорошо выраженной подцилиндрической и раструбообразной горловиной, с отпечатками шнурового орнамента по шейке и гребенчатым штампом по плечу. Т.А. Хлебниковой эта посуда выделена в этнокультурную

группу VII (здесь и далее по этой классификации), а происхождение рассмотрено как «развитие неволинской цилиндрической посуды бассейна р. Сытва при взаимодействии ее с верхнекамской»; Е.П. Казаковым определена как разновидность «постпетрогромской» (Хлебникова, 1984, с. 106–112, 157, 158, 160, 191–192, 223–225; Хузин, 1986, с. 20–23; Васильева, 1993, с. 65–67, 97–98, 114–115, 134, 181–182; Кокорина, 2002, с. 22–24, 81, 86, 88–90; Казаков, 2007, с. 53, 58).

Посуда группы VIII обладает почти такими же формами и пропорциями, но обычно изготовлена из мелкопесочного теста с добавками толченой раковины, иногда шамота, имеет плотный черепок, украшена горизонтальными линиями и волной по горловине, характерными насечками и гребенчатым штампом по венчику. Т.А. Хлебникова предлагает рассматривать этнокультурные истоки этой керамики в связи с посудой кушна-

ренковских памятников на территории Башкортостана «как изменение ее в нашей среде в результате взаимодействия других групп посуды»; Е.П. Казаков включает ее в состав «постпетрогромско-булгарской» («гибридной») посуды (Хлебникова, 1984, с. 112–116, 159–162, 192–194, 225; Васильева, 1993, с. 67–69, 98, 182; Кокорина, 2002, с. 24–29, 81, 85, 90–91; Казаков, 2007, с. 52, 58).

Следует указать и на характерную для комплекса Джукетау посуду «джукетау» (группа XIII), которую Е.П. Казаков рассматривает как разновидность «постпетрогромско-булгарской», или «гибридной»; вопрос о ее происхождении еще более дискуссионный (Хлебникова, 1984, с. 167–170, 194–198, 229–231; Васильева, 1993, с. 74, 75, 100, 115, 116, 134, 184; Кокорина, 2002, с. 31–35, 45–48, 82, 85, 91–94, 180; Казаков, 2007, с. 52, 53, 58). Керамический комплекс Джукетау в рассматриваемом контексте интересен прежде всего именно тем, что в нем вплоть до золотоордынского времени включительно сохраняется количественно значимое содержание этой посуды и производных от нее (до половины и двух третей в разных субкомплексах).

Археологический комплекс Джукетау, кроме прочего, заслуживает внимания, с одной стороны, своим существованием в домонгольский и золотоордынский периоды, что позволяет проследживать те или иные процессы в динамике, в течение продолжительного неразрывного отрезка времени, с другой – наличием участков, датированных только одним из этих периодов; для домонгольского времени это городище и прилегающее

к нему Донауровское I (Крутогорское) селище.

Т.А. Хлебникова, заложившая научные основы специального изучения булгаро-татарской глиняной неполивной посуды и некоторых булгаро-татарских памятников, среди которых и Джукетау (Набиуллин, 2013, с. 213–219), отмечала, что «керамический комплекс Джукетау заметно отличается гораздо большим количеством посуды прикамско-приуральских истоков» (Хлебникова, 1975, с. 250–251), имея в виду, прежде всего, выделенные позже этнокультурные группы VII и VIII, а также XVIII, характерную для золотоордынского времени (Хлебникова, 1988, с. 35–38). Правда, в некоторых других синхронных (или более ранних?) памятниках (слоях памятников), судя по приведенным данным, подобной посуды в соотношении с другой лепной посудой представлено не меньше (Хлебникова, 1984, с. 223–225, рис. 124).

В 1970-х годах классификация по этнокультурным группам, ставшая впоследствии классической, еще не была разработана. В отчетах 1970–1972 гг. по раскопкам Джукетау посуда с толченой раковиной в тесте представлена в числе «гончарной и лепной с различными примесями» (1970), «лепной» (1971), «гончарной и лепной песочно-раковинного теста и прочей» (раскоп III 1972 г., северо-западный участок городища), «гончарной и лепной» с отдельным выделением посуды с толченой раковиной, шамотом, песком в тесте (раскоп IV 1972 г., юго-восточный участок городища, в 35 м от линии внутреннего вала). В домонгольском слое последней посуды с толченой раковиной в тесте содержа-

лось до 23% (общеболгарской и «джукетау» 40% и 35% соответственно).

В 1990-х годах исследования Джукетау возобновил Ф.Ш. Хузин; Т.А. Хлебникова консультировала по вопросам организации и проведения полевых и камеральных работ, в том числе статистической обработки посуды, проведенной уже в соответствии с разработанной ею классификацией (Хлебникова, 1984; она же, 1988). Нижние пласты раскопов на территории центральной и северной части Донауровского селища II дали не более 1–4% посуды группы VII и единичные фрагменты посуды группы VIII (Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113; Набиуллин, 1999б, с. 101–126).

Представляется, что исходя из визуально сходной фактуры разных групп посуды с толченой раковинной в тесте¹ при подсчетах могли быть допущены определенные погрешности, особенно в условиях трудноразделимых домонгольских и золотоордынских напластований и общей переработанности слоя. Лишь позже на Донауровском селище II был получен относительно хорошо стратифицированный материал из культурного слоя и объектов, когда в его прибрежной части были зафиксированы небольшие, но ценные участки культурного слоя, избежавшие интенсивной поздней распашки, открытые комплексы типа хозяйственных ям, заполнение которых происходило в относительно короткие сроки (Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232–235).

¹ Именно так широко в последующих исследованиях была описана значительная часть посуды с подобной фактурой теста; лишь некоторую часть фрагментов удалось отнести к конкретным группам.

Одновременно материалы городища Джукетау и прилегающего к нему Крутогорского селища, время существования которых ограничено домонгольским временем, продолжают оставаться актуальными как минимум с точки зрения относительной хронологической «чистоты» комплексов. Заметим, что в отличие от Донауровского селища II здесь ожидаемо не зафиксирована посуда группы XVIII, характерная для золотоордынского времени.

В материалах раскопа V в северо-западной части городища посуда с толченой раковинной в тесте оказалась единичной. На раскопах VI, VII, на участке разреза линии оборонительных сооружений, при общем небольшом количестве материала в абсолютном сравнении она оказалась численно сопоставимой с посудой общеболгарской и «джукетау»: в насыпи внешнего вала из 46 ед. группа I – 23 ед., XIII – 8 ед., с толченой раковинной в тесте – 15 ед.; в насыпи внутреннего вала из 22 ед. соответственно 13, 6, 3; в насыпи среднего вала из 20 ед. соответственно 13, 7, нет.

На раскопе VIII, за пределами оборонительных сооружений на площадке прилегающего к городищу селища, содержание керамики с толченой раковинной в тесте заметнее, особенно в нижнем горизонте домонгольского слоя (29%) при одновременном более заметным (до 7%) присутствием посуды «джукетау» с включением толченой раковины в тесте (Набиуллин, 1999а, с. 88–91). В материалах раскопа IX в северо-восточной части городища группа VII составляет 4–5% в представительных выборках ниже последней распашки вне объектов, посуда группы VIII единична. Сме-

шанные экземпляры, несущие признаки, характерные для разных групп «традиционной» посуды, в том числе «джукетау» и «прикамко-приуральской», единичны (12 ед.). В выборках в основании культурного слоя посуда единична, но абсолютное количество единичных фрагментов посуды группы VII (а также «салтово-маяцких истоков») сопоставимо с единичными фрагментами «общеполгарской» посуды. Интересно, что в последних трех выборках культурного слоя среды в целом немногочисленного здесь материала не зафиксирована посуда «джукетау».

Материалы. Для технико-технологического анализа в выборку (26 ед.) были включены наиболее выразительные фрагменты верхних частей и развалы сосудов, происходящих из раскопов VII (северо-западное продолжение разреза оборонительных сооружений; весь материал из одной ямы; 6 ед.) и IX городища Джукетау (культурный слой вне объектов и заполнения котлованов сооружений; 20 ед.). В данную выборку вошли фрагменты и развалы круглодонных горшковидных сосудов и одного мисковидного сосуда. Все горшковидные сосуды имеют блоковидную или раструбообразную шею, венчик прямой, скошен внутрь или заужен. Сосуды серого или буро-серого цвета. При визуальном осмотре фиксируется примесь дробленой раковины (рис. 1: 1, 2–6; рис. 2: 2–4, 7–8), органических включений (рис. 2: 5–6), песка (рис. 2: 1). По классификации Т.А. Хлебниковой данные материалы относятся к группам VII (18 сосудов), VIII (4 сосуда), а также к группам со смешанными признаками VII/VIII/XIII (4 сосуда) (Хлебникова, 1984). Разделение

на группы здесь носит условный характер ввиду фрагментированности материалов. Эта проблема относится не только к данной выборке, но и к керамике с дробленой раковиной на городище Джукетау в целом. Ввиду хрупкости и тонких стенок сосудов сохраняются верхние части и множество фрагментов стенок и придонных частей, а развал сосуда на рисунке 1: 1 является чуть ли не единственным дошедшим до нас сосудом с дном. Все материалы хронологически относятся к домонгольскому периоду (здесь не точнее X – начала XIII в.).

Методы. Технико-технологический анализ проведен по методике, разработанной А.А. Бобринским, которая основана на изучении сколов и поверхностей керамических сосудов на предмет выявления технологических следов, оставленных гончаром при изготовлении сосудов. Изучение осуществлялось под бинокулярным стереоскопическим микроскопом при увеличении от 10 до 60 раз. Технологическая информация систематизирована в соответствии со структурой гончарной технологии, состоящей из трех основных стадий: подготовительной, созидательной, закрепительной (Бобринский, 1978, с. 14). В рамках изучения подготовительной стадии определялся вид сырья, его качественный и количественный состав. Выявлялись искусственные примеси, их вид, фракция, концентрация (Бобринский, 1999, с. 16–47; Салугина, 2016, с. 68–71; Петрова, 2016, с. 65–67; Илюшина, 2016, с. 78–81). Исследование созидательной стадии – определение приемов конструирования начина и полого тела, а также способов формообразования и обработки поверхности (Бобринский, 1987 с.

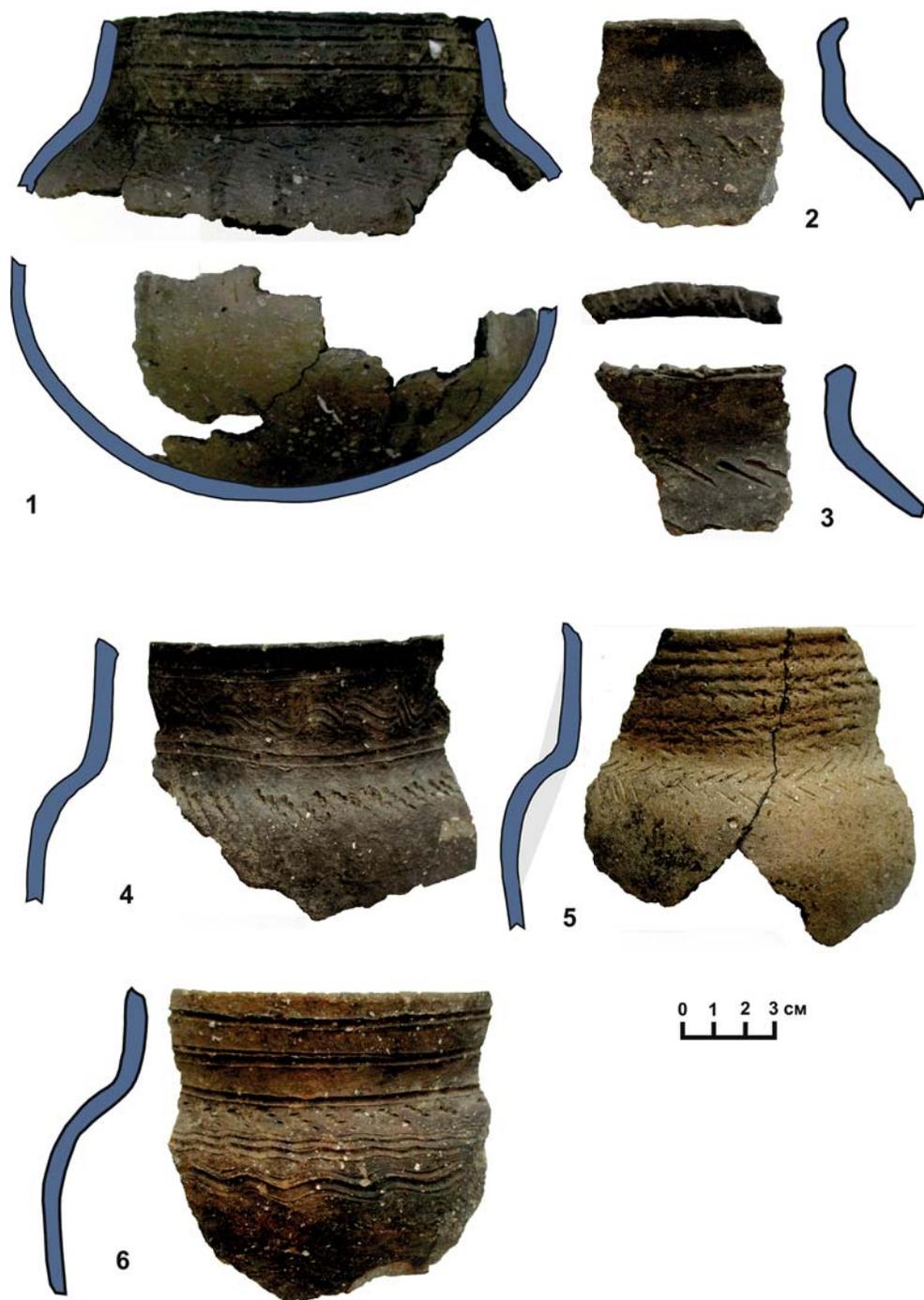

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов, использованных для анализа.
Раскоп VII: 1, 2, 4, 5 – группа VII; 3, 6 – группа VIII.

Fig. 1. Fragments of ceramic vessels used for analysis.
Excavation 7: 1, 2, 4, 5 – group 7; 3, 6 – group 8.

114–190; Васильева, Салугина, 2010, с. 72–87). В рамках изучения закрепительной стадии анализировались цветовые характеристики сосудов, в зависимости от этого определялся режим обжига сосудов (Васильева, Салугина, 2013, с. 57–90; Цетлин, 2012, с. 110–121; Волкова, Цетлин, 2015, с. 56–62). Отдельно был проанализирован декор сосудов в соответствии со структурными уровнями, выделенными Ю.Б. Цетлиным и Е.В. Волковой (Цетлин, 2012, с. 203–209; Волкова, 2010, с. 88–106).

Подготовительная стадия. Анализ основан на определении узких задач, связанных с отбором, добычей и подготовкой исходного сырья (ИС), а также особенностей подготовки формовочных масс (ФМ). В качестве исходного пластического сырья (ИПС) использованы глины разного качества и их концентраты (смеси природных глин). Сведения о качестве ИПС приведены в таблице 1. Для производства керамики группы VII в большинстве случаев использованы незапесоченные пластичные глины (17 сосудов). В одном случае зафиксировано использование глиняного концентрата – смеси незапесоченной и запесоченной глины. Концентрат можно охарактеризовать как среднезапесоченное ИПС (рис. 3: 2). Для изготовления керамики группы VIII выделены две категории пластического сырья. В первом случае использованы незапесоченные глины того же качества, во втором – глиняные концентраты, которые можно охарактеризовать как слабозапесоченное ИПС (рис. 3: 1, 3). Для сосудов из смешанной группы в одном случае зафиксирована незапесоченная глина, в остальных случаях – запесоченные глины: среднезапесоченное (2 сосуда)

и сильнозапесоченное (1 сосуд) ИПС. Указанные сорта глины содержат достаточно большое количество пылевидного песка, а также разноцветный песок с размером зерен 0,2–1 мм от 50 до 100 включений.² В качестве исходного непластического сырья (ИНПС) зафиксированы минеральные (песок, шамот), органические (навоз жвачных животных и выжимка из него) и органоминеральные примеси (дробленые раковины пресноводных моллюсков) (рис. 3–4).

Разноцветный песок с полуокатанными зернами представлен в двух фракциях: 0,1–0,5 мм и 0,5–0,8 мм. Песок добавлен в формовочные массы в концентрациях от 1: 4 до 1: 6³. В ФМ с песком первой фракции характерна концентрация от 1: 4 до 1: 6 (рис. 4: 2–3). В ФМ с песком второй фракции характерна концентрация 1: 5. Шамот в сколах фиксируется как угловатые неокатанные или полуокатанные включения красно-коричневого, серо-бежевого или темно-серого цветов. Шамот представлен в двух фракциях: до 1 мм и до 3 мм. Зафиксировано несколько концентраций от 1: 2 до 1: 7. Состав шамота в большинстве случаев практически не отличается от сырья, только в одном случае в шамоте зафиксирована дробленая раковина (рис. 3: 5).

Навоз жвачных животных использован во влажном состоянии. В сколах сосудов он представлен как отпечатки и углифицированные остатки, отдельные волокна грубой стеблевидной

² Здесь и далее количество включений приведено на площади в 1 кв. см.

³ Здесь и далее соотношение одной части примеси и через двоеточие количество частей глины.

Таблица 1

Сводная таблица исходного пластического сырья (ИПС)

ИПС / Группа керамики	VII	VIII	XIII/VII/VIII
К – незапесоченная очень пластичная глина, иногда с небольшим количеством пылевидного песка, единичными аморфными рыхлыми железистыми включениями и бурыми железняками окатаной формы размером до 3 мм, а также единичными карбонатными включениями.	17	2	1
КII – среднезапесоченная глина с примесью пылевидного песка, зёрен разноцветного неокатанного и полуокатанного песка размером 0,2–1 мм (от 50 до 70 включений), а также единичными аморфными железистыми включениями красного или буро-коричневого цвета размером до 1 мм.			2
КIII – сильнозапесоченная глина с примесью пылевидного песка, большим количеством угловатых полуокатанных зёрен цветного песка размером 0,2–0,7 мм (до 100 включений), а также железистыми аморфными рыхлыми включениями красно-коричневого цвета (до 15 включений).			1
КТИ – смесь природных глин на основе незапесоченной пластичной глины с примесью запесоченной глины – большое количество пылевидного песка, а также небольшое количество неокатанных зёрен цветного песка размером 0,1–0,3 мм (10–15 включений).		2	
КТII – смесь природных глин на основе незапесоченной пластичной глины с примесью запесоченной глины – большое количество пылевидного песка, а также среднее количество неокатанного разноцветного песка размером 0,3–0,8 мм (50 включений), единичными аморфными железистыми включениями размером до 0,5 мм.	1		
Итого	18	4	4

растительности, полостями каплевидной формы с углифицированным органическим веществом, размер полостей и отпечатков составляет 1–5 мм и более. Концентрацию навоза по количеству отпечатков можно оценить как значительную (рис. 3: 2–4). Также в ФМ в качестве органической примеси использован органический раствор. В большинстве случаев данный раствор идентифицирован с выжимкой из навоза жвачных животных. В сколах керамики она представлена единичными отпечатками и углифицированными остатками сильно измельченной травянистой растительности, ее отдельными волокнами и

скоплением таких отпечатков – размер до 1 мм, реже 2 мм (рис. 3: 1, 5; рис. 4: 3). Также зафиксированы органические растворы неизвестного происхождения. Данные растворы представлены пятнами углисто-черного, бурого или рыжего цветов, прозрачными и полупрозрачными пленками с жирным блеском; размер пятен до 2 мм (рис. 4: 4).

Фрагменты раковин пресноводных моллюсков зафиксированы со спиралевидной и двусторчатой формами хитинового покрова. Определить точно вид моллюска не представляется возможным. Среди способов подготовки данного ИПС можно выде-

лить не только предварительное нагревание раковин перед дроблением, но и без предварительной обработки. Фрагменты сырой раковины в сколах сосудов характеризуются как пластинчатые остроугольные включения молочно-белого цвета. Раковина после предварительной обработки приобретает пластинчатые полуокатанные включения сероватого цвета с перламутром, а также большое количество пылевидной фракции. Сырая раковина использована во фракции до 1–2 мм в концентрации от 1:1/2 до 1:8 (рис. 3: 1–3, 5; рис. 4: 2–4). Раковина с предварительной обработкой использована в трех фракциях от 1 до 3 мм в концентрациях от 1:1 до 1:8 (рис. 3: 4; рис. 4: 1).

Формовочные массы для всех групп замешаны на основе сырья в естественно-увлажненном состоянии. В зависимости от количества компонентов в ФМ они разделяются на двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные рецепты. Для керамики группы VII характерны следующие рецепты ФМ (табл. 2):

1. несмешанные двухкомпонентные на основе глины и навоза (рис. 2: 6), глины и сырой раковины;

2. смешанные трехкомпонентные на основе глины, выжимки и дробленой раковины в разных состояниях (рис. 2: 4), глины с органическим раствором и сырой раковины (рис. 4: 4), глины с навозом и раковины с предварительной обработкой (рис. 1: 1, 5; рис. 2: 2);

3. смешанные четырехкомпонентные на основе глины, шамота органического раствора и сырой раковины (рис. 4: 4), глины с песком, вы-

жимкой и раковиной с предварительной обработкой (рис. 2: 8).

Для керамики группы VIII характерны только смешанные трех- и четырехкомпонентные рецепты формовочных масс:

1. трехкомпонентные формовочные массы на основе глины, навоза и сырой раковины (рис. 2: 7);

2. четырехкомпонентные формовочные массы на основе: глины, песка, выжимки и сырой раковины (рис. 4: 2); концентрата, навоза, сырой раковины (рис. 1: 3); концентрата, выжимки и сырой раковины (рис. 1: 6).

Керамика из смешанной группы характеризуется несмешанными двухкомпонентными и смешанными трехкомпонентными рецептами ФМ:

1. несмешанные двухкомпонентные ФМ на основе: глины и выжимки, глины и раковины с предварительной обработкой;

2. смешанные трехкомпонентные ФМ на основе: глины, шамота и выжимки (1 сосуд); глины, песка и сырой раковины (рис. 2: 1).

Созидательная стадия. Состояние источника не позволило определить вид, программу и способ конструирования начинов (Н) для всех сосудов. Для основной части сосудов определен способ конструирования полого тела (ПТ), приемы формообразования (Ф) и обработки поверхности (ОП) (табл. 3).

Все сосуды VII группы выполнены в технике скульптурной лепки без применения гончарного круга. Выделены только неполные одноэлементные начинны, сконструированные лоскутным наделом с помощью моделей, в качестве строительных элементов фиксируются комки. В зависимости

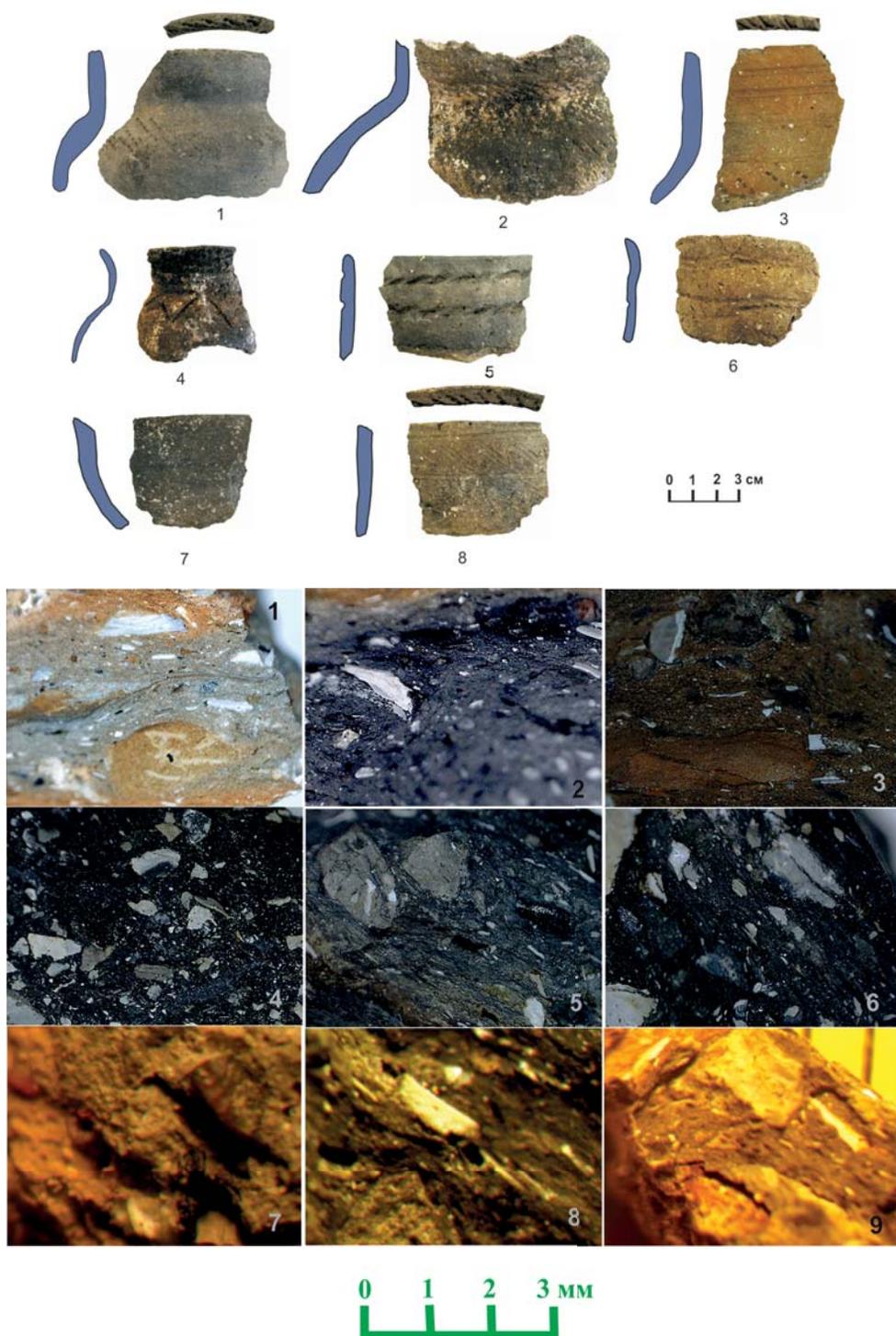

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов, использованных для анализа. Раскоп IX:
1 – группа VII/VIII/XIII; 2, 4, 5, 6, 8? – группа VII; 3?, 7 – группа VIII.

Fig. 2. Fragments of ceramic vessels used for analysis. Excavation 9:
1 – group 7/8/13; 2, 4, 5, 6, 8? – Group 7; 3 ?, 7 – group 8.

Рис. 3. Микрофотографии некоторых элементов ФМ: 1 – КТI+В+2РС1:1/2 (группа VIII), 2 – КТII+H+1PC1:4/6 (группа VII), 3 – КТI+H+1PC1:3/5 (группа VIII), 4 – К+H+1PO1:16 (группа VII), 5 – К+1Ш1:3/4+В+1PC1:1/2 (группа VII); а – фото скола сосуда, б – фото поверхности, в – фото включений.

Fig. 3. Microphotographs of certain PM elements: 1 – КТI+В+2РС1:1/2 (group 8), 2 – КТII+H+1PC1:4/6 (group 7), 3 – КТI+H+1PC1:3/5 (group 8), 4 – К+H+1PO1:16 (group 7), 5 – К+1Ш1:3/4+В+1PC1:1/2 (group 7); а – photograph of the vessel fracture, б – photograph of the surface, в – photograph of the inclusions.

Сводные таблицы рецептов формовочных масс (ФМ)*

Функция и уровень ИПС	Рецепт ФМ/ Группа керамики	VII	VIII	XIII/VII/VIII
Несмешанные двухкомпонентные рецепты				
<i>Глина + выжимка</i>				
Ф3 АГ	КП+В			+
<i>Глина + навоз</i>				
Ф3 АГ	К+Н	+		
<i>Глина + дроблёная раковина</i>				
Ф3 АГ	КП+2РО1:7 _м			+
Ф3 АГ	К+2РС1:4/5	+		
Ф3 АГ	К+1РС1:2/4	+		
Смешанные трехкомпонентные рецепты				
<i>Глина + шамот + выжимка</i>				
Ф3 АГ	КП+1Ш1:7+В			+
<i>Глина +выжимка + дроблёная раковина</i>				
Ф3 АГ	К+В+1РС1:7 _м	+		
Ф3 АГ	К+В+2РО1:7 _м	+		
Ф2 ПГ	К+В+2РС1:1/2	+		
Ф3 АГ	К+В+1РО1:7 _м	+		
Ф2 ПГ	К+В+2РС1:1	+		
Ф2 ПГ	К+В+1РС1:1б			
Ф3 АГ	К+В+3РС1:3/4	+		
<i>Глина + органический раствор +дроблёная раковина</i>				
Ф3 АГ	К+ОР+1РС1:8	+		
<i>Глина +навоз +дроблёная раковина</i>				
Ф3 АГ	К+Н+РО1:5/6	+		
Ф3 АГ	К+Н+1РО1:4/6	+		
Ф2 ПГ	К+Н+2РО1:1/2	+		
Ф3 АГ	К+Н+2РС1:4/6		+	
Ф2 ПГ	К+Н+1РО1:1б	+		
Смешанные четырехкомпонентные рецепты				
<i>Глина +шамот +органический раствор + дроблёная раковина</i>				
Ф2 ПГ	К+3Ш1:2+ОР+1РС1:7 _м	+	+	
<i>Глина +песок +выжимка +дроблёная раковина</i>				
Ф3 АГ	К+1П1:5+В+2РВ1:3/4	+		
Ф3 АГ	К+П1:4/6+В+1РС1:7			+
<i>Глина +шамот +выжимка +дроблёная раковина</i>				
Ф2 ПГ	К+Ш1:3/4+В+1РС1:1/2	+		
<i>Концентрат +навоз +дроблёная раковина</i>				
Ф3 ПГ	КТ1+Н+1РС1:3/5		+	
Ф3 АГ	КТП+Н+1РС1:4/6	+		
<i>Концентрат +выжимка +дроблёная раковина</i>				
Ф2 ПГ	КТ1+В+2РС1:1/2		+	

Ф2 и Ф3 – функции пластического сырья, АГ – археогончарство, ПГ – протогончарство; В – выжимка, Н – навоз, ОР – органический раствор, РО – раковина с предварительной обработкой, РС – сырая раковина, Ш – шамот, П – песок; цифра перед минеральными и органоминеральной примесью обозначает номер фракции: без номера – фракция до 0,5 мм, 1 – фракция до 1 мм; 2 – фракция до 2 мм; 3 – фракция до 3 мм; Прописные буквы после обозначений концентраций: б – больше указанной концентрации, м – меньше указанной концентрации.

от программы и вида использованной модели все начини можно разделить на три группы: емкостно-донная программа с использованием формы-основы (Ф-О) (рис. 2: 4) донно-емкостная программа с использованием формы-емкости (Ф-Ё) (рис. 1: 1), донно-емкостная программа на форме-основе (рис. 1: 5). Способы конструирования ПТ совпадают со способами конструирования начинов: неорганизованный комковатый налеп на Ф-О или в Ф-Ё. В качестве приемов формообразования кроме использования моделей можно выделить выбивание.

Сосуды VIII группы большей частью сконструированы без применения гончарного круга. Начини для сосудов данной группы сконструированы на Ф-О по донно-емкостной программе (рис. 1: 3, 6). В качестве строительных элементов выделены комки. Для мисковидного сосуда выявлен полный начин, для горшковидных сосудов неполный одноэлементный начин. Приемы конструирования ПТ также совпадают со способами изготовления начинов. Приемы формообразования сходны с приемами для керамики группы VII, только для одного сосуда выявлено формообразование верхней части сосуда с помощью круга – РФК 3 (рис. 1: 3). В качестве приемов формообразования для мисковидного сосуда зафиксировано заглаживание края сосуда на круге – РФК 2 (рис. 2: 7).

Для сосудов из смешанной группы не удалось определить начин, в качестве способов конструирования ПТ также выявлен лоскутный налеп с применением модели. Приемы формообразования и обработки поверхности те же, что и в предыдущих группах.

Закрепительная стадия. Изучение цветовых характеристик поверхностей и сколов сосудов позволило получить некоторое представление об обжиге изученных сосудов. Серый цвет поверхностей и сколов примерно у половины сосудов позволил предположить очажно-костровой обжиг в восстановительной среде. Это низкотемпературный обжиг (не более 450 градусов) без доступа кислорода в течение нескольких часов. Другая половина сосудов имеет серо-коричневую или буро-коричневую окраску поверхностей, в сколах достаточно часто фиксируются прослойки с четкими и размытыми границами. Для этой группы сосудов обжиг можно определить как очажно-костровой в восстановительной или окислительно-восстановительной среде. Также для единичных сосудов зафиксирован очажно-костровой обжиг в окислительно-восстановительной среде. В данном случае окраска поверхностей характеризуется более теплыми оттенками коричневого цвета (табл. 4).

Декорирование. Эта ступень является необязательной в структуре гончарной технологии. Для изучаемых групп сосудов в качестве приемов декорирования выделен только один – нанесение графического орнамента.

Орнаментальные зоны, элементы и узоры схожи у сосудов всех групп. Ввиду плохой сохранности источника орнамент удалось описать только для 18 сосудов. Орнаментальными зонами являются край венчика, шея и плечо сосудов. В орнаментации края венчика использованы два элемента: оттиски гребенки (рис. 2: 1, 8) или насечки (рис. 1: 3: 2: 3), нанесенные палочкой с заостренным концом. Оба элемента

Данные о приёмах и способах конструирования*

Схема конструирования/ Группа керамики	VII	VIII	XIII/VII/VIII
РФК 3			
?+Д-Ё/Ф-О+К+НН/Ф-О+К		+	
РФК 2			
П+Д-Ё/Ф-О+К+НН/Ф-О+К		+	
неопределённый		+	
РФК 0			
неопределённый	++++		++
?+?+?+СН+Л	++	+	+
?+?+?+НН+К	+++++		
И+?+К+НН/Ф-О+К			+
И+Ё-Д/Ф-О+К+НН/Ф-О+К	++		
И+Д-Ё/Ф-Ё+К+НН/Ф-Ё+К	+		
И+Д-Ё/Ф-О+К+НН/Ф-О+К	++	+	
Н+Д-Ё/Ф-О+К+НН/Ф-О+К	+		

* РФК – уровень развития функций круга; П – полный начин, Н – неполный начин, И – неполный одноэлементный начин; Д-Ё – донно-ёмкостная программа, Ё-Д – ёмкостно-донная программа; Ф-О – форма-основа, Ф-Ё – форма-ёмкость; К – комок, НН – неорганизованный налеп, Л – лоскут, СН – спиралевидный налеп.

сведены в один узор – пояс из диагонально расположенных элементов. В орнаментации шеи выделены такие элементы и узоры, как одинарная линия, «косичка», одинарный оттиск веревки, многорядная параллельная волна. Данные узоры представлены в мотивах: одинарная линия в несколько рядов (рис. 1: 1, 6; 2: 3); многорядная параллельная волна, заключенная между двумя одинарными линиями – в один или два пояса (рис. 1: 4; 2: 8); оттиски «косички» в несколько рядов (рис. 1: 5; 2: 4, 6); одинарные оттиски веревки в несколько рядов (рис. 2: 2, 5). В орнаментации плеча используются такие элементы, как оттиски гребенки, многорядная параллельная волна, оттиски гладкого штампа. Оттиски гребенки и гладкого штампа ис-

пользованы в узорах и мотивах: диагональные оттиски гребенки в один пояс (рис. 1: 4; 2: 1, 3); зигзаг из оттисков гребенки в один пояс (рис. 1: 2; 2: 4); диагональные оттиски гребенки в два пояса (рис. 2: 2); оттиски гладкого штампа в два пояса, образующие горизонтальную елочку (рис. 1: 5); диагональные оттиски гладкого штампа в один ряд (рис. 1: 3). Многорядная параллельная волна нанесена в два пояса (рис. 1: 1). Фрагментированность изученных сосудов позволяет описать полную композицию орнамента только для восьми сосудов – композиции 1–6 в таблице 5.

В графическом орнаменте сосудов из смешанной группы зафиксирована новая орнаментальная зона – внутренняя поверхность шеи, орнаментиро-

Таблица 4

Данные об обжиге сосудов

Цветовые характеристики сколов	VII	VIII	XIII/VII/VIII
<i>ОВ (окислительно-восстановительная среда)</i>			
равномерная			+
неравномерная	+	+	
<i>В (восстановительная среда)</i>			
равномерная	+	+	
неравномерная	+++++	+	
прослойка с чёткими границами	+		
<i>ОВ/В (восстановительная или окислительно-восстановительная среда)</i>			
равномерная	+++	+	+
неравномерная	++		+
прослойка с чёткими границами	+++++		+

ванная многорядной параллельной волной в один пояс.

Для нанесения графического орнамента использовано пять инструментов: гребенка, гладкий штамп, палочка, веревочка, «косичка». Некоторые инструменты применены при нанесении нескольких элементов. Это связано с технологией нанесения орнаментов. Исходя из этого, все элементы и узоры можно разделить на две группы. Первая группа связана с получением отпечатков в результате одинарного оттиска инструмента – узоры из оттисков гребенки, гладкого штампа, веревки или «косички». Другая группа связана с получением орнамента в результате протаскивания или прочерчивания инструмента по периметру сосуда – многорядная параллельная волна, нанесенная гребенкой, а также одинарная линия, прочерченная палочкой. Композиций, состоящих только из «статичных» элементов, большинство – это композиции 3, 4, 6, 7, 9. В композициях 1, 2, 5, 8 присутствуют элементы из обеих групп. Сокращенные орнаментальные композиции из двух зон – край венчика и

плечо – составляют композиции 4, 7, 9. Это композиции, состоящие только из «статичных» элементов.

Таким образом, изучение графического орнамента групп керамики с дробленой раковинной выявило два направления развития орнаментальных традиций. Первое связано с включением в орнаментальную композицию из «статических» мотивов «динамичных» элементов. Второе свидетельствует о явном упрощении орнаментов.

Комплекс полученных данных о технологии изготовления изученной серии сосудов позволяет сделать некоторые выводы о двух видах навыков гончаров, которые иллюстрируют внутреннюю культуру гончарства.

Приспособительные навыки (навыки, связанные с отбором ИС и составлением ФМ). Абсолютное большинство сосудов изготовлено из незапесоченных пластичных глин, а также концентратов на основе незапесоченных глин. Использование в формовочных массах смесей природных глин может быть связано, например, с ситуацией адаптации гончара в ус-

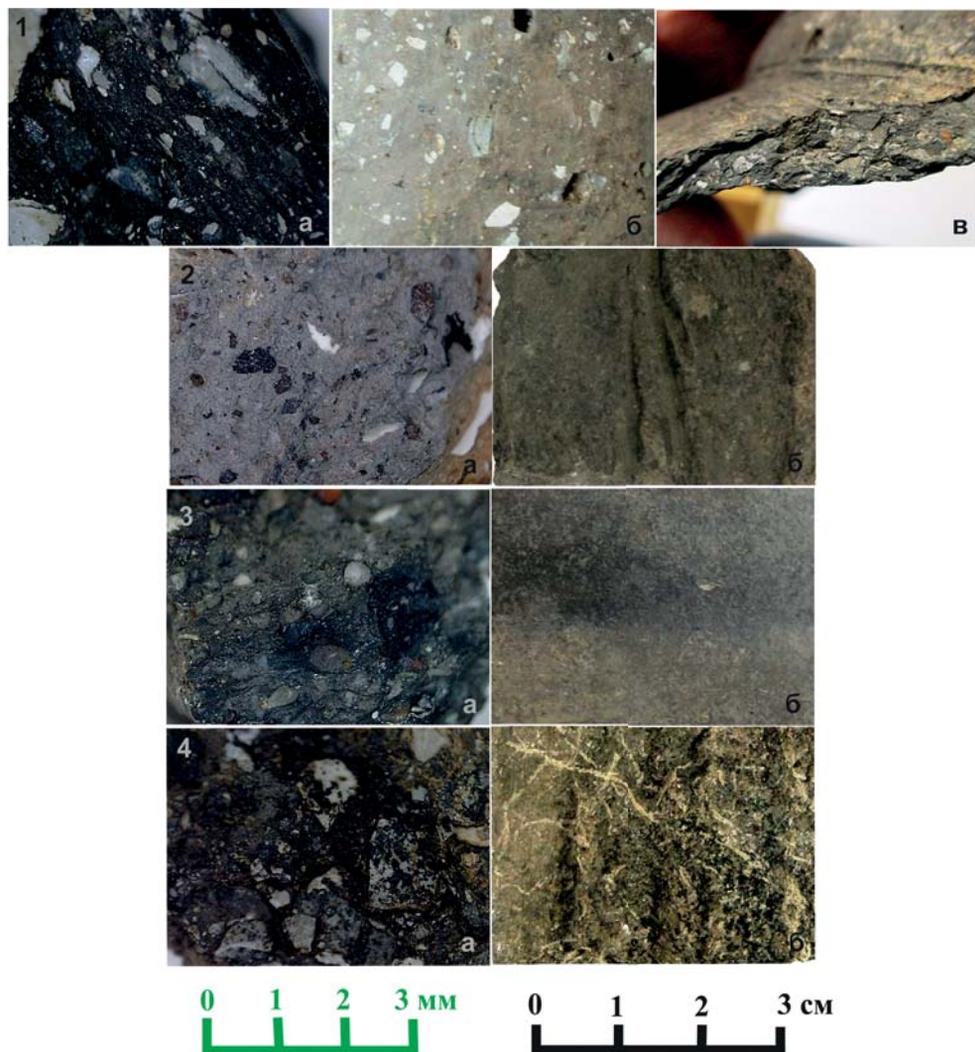

Рис. 4. Микрофотографии некоторых элементов ФМ: 1 – К+Н+2Р01:1/2 (группа VII)
2 – К+П1:4/6+В+РС1:7 (группа VIII), 3 – К+П1:4/6+В+РС1:7 (группа VII/VIII/XIII),
4 – К+ОР+1РС1:8 (группа VII);

а – фото включений, б – фото поверхности, в – фото скола сосуда.

Fig. 4. Microphotographs of certain PM elements: 1 – К+Н+2Р01:1/2 (group 7)
2 – К+П1:4/6+В+РС1:7 (group 8), 3 – К+П1:4/6+В+РС1:7 (group 7/8/13),
4 – К+ОР+1РС1:8 (group 7);

a – photograph of the inclusions, b – photograph of the surface, c – photograph of the vessel fracture.

ловиях смены места жительства (Цетлин, 2012, с. 136). В общей систематизации все формовочные массы можно охарактеризовать как среднегрубые и грубые. Большое количество рецептов характеризуются как смешанные.

Простые двухкомпонентные рецепты связаны с добавлением в глину раковины или навоза/выжимки. В большинстве рецептов ФМ присутствует дробленая раковина в разном состоянии и в разных концентрациях, кали-

Орнаментальные композиции

Зоны/ № композиции	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Край венчика									
Шея				нет			нет		нет
Плечо									
Предплечье	нет		нет						

брованная примерно до одной фракции – до 1–2 мм. Но наблюдаются рецепты и без раковины. Все рецепты содержат какую-либо органическую составляющую – в большинстве случаев это навоз и производные от него. В части смешанных рецептов присутствуют шамот и песок. Эти компоненты входят преимущественно в смешанные четырехкомпонентные рецепты. Присутствие примеси раковины в шамоте свидетельствует, вероятно, об устойчивой традиции добавления данной примеси в ФМ (рис. 3: 5). Все смешанные рецепты можно считать производными от трех несмешанных рецептов: глина + выжимка, глина + навоз, глина + раковина, а также глина + навоз + раковина. По функциям, которые сырье выполняет в формовочной массе, все рецепты можно разделить на две группы. В первой группе глинистое сырье выполняет функцию связки непластических компонентов формовочной массы и составляет не более половины

в объеме формовочной массы (Ф2). Гончарство, в котором фиксируются такие рецепты, характеризуется несформированным представлением о глине как о единственном сырье для изготовления керамики (протогончарный уровень ПГ).

Во второй группе рецептов пластическое сырье выполняет функцию основного сырья и составляет более половины в объеме ФМ. Такой уровень гончарства характеризуется частично сформированным представлением о глине как о единственном сырье для изготовления керамики (археогончарный уровень АГ) (Бобринский, 1999, с. 78). В исследованной выборке все несмешанные рецепты связаны с археогончарным производством. Смешанные рецепты связаны и с тем и с другим уровнями развития гончарства. Наблюдается общая тенденция развития представлений о функциях сырья по восходящей линии к уровню представлений о глинистом сырье как единственном для изготовления кера-

мических сосудов (Бобринский, 1999, с. 86).

Таким образом, достаточно сложная картина приспособительных навыков в целом характерна для выделяемого исследователями первого и второго этапа смешения культурных традиций, связанных с адаптацией навыков отбора ИПС в новых природно-ландшафтных условиях, а также присутствием многокомпонентных рецептов формовочных масс. Такие традиции обычно существуют в течение нескольких лет после начала этих процессов (Цетлин, 2012, с. 136, 137).

Субстратные навыки – это навыки, связанные с конструированием и обжигом сосудов. Большинство сосудов обожжено в условиях восстановительной и условно восстановительной среды в очаге. Это свидетельствует о несформированных представлениях гончаров об обжиге как особой технологической процедуре. Наличие прослоек в сколах и более теплые оттенки в цветовых характеристиках сосудов свидетельствуют об освоении гончарами температур каления глины и переход к другим видам обжига (Цетлин, 2012, с. 118). Практически все сосуды сконструированы без использования гончарного круга, за исключением одного сосуда группы VIII, верхняя часть которого оформлена на круге (РФК 3). У двух сосудов этой же группы зафиксировано заглаживание края венчика на круге (РФК 2). Все это позволяет определить экономическую форму рассматриваемого гончарства как домашнее изготовление глиняной посуды для собственных нужд (Бобринский, 1978, с. 26–34). Конструирование начина и полога тела связано с неорганизованным комковатым налепом и моделями. На-

лицо сращивание этапов конструирования и формообразования. Способы конструирования имеют достаточно архаичный характер. Среди выделенных групп по конструированию начина самой распространенной является группа с начинами на Ф-О по Д-Ё программе. Вероятно, группа с этими начинами имеет несмешанные чистые традиции конструирования, хотя данная традиция характерна как для VII, так и для VIII этнокультурных групп керамики. Хотя строительные элементы и способ их наложения одинаковы во всех случаях. Смешение традиций конструирования, формообразования и обработки поверхности является отражением четвертого, пятого и, может быть, шестого этапа смешения традиций изготовления посуды. Принято считать, что данные этапы протекают в течение достаточно длительного времени, обычно в течение жизни 5–6 поколений гончаров (Цетлин, 2012, с. 136–137).

Корреляции между способами конструирования и рецептами формовочных масс не дают выразительных результатов из-за ограниченного количества выборки, но некоторые наблюдения сделать можно. Для сосудов с начинами, выполненными по Д-Ё программе на Ф-О, характерны рецепты формовочных масс на основе концентратов с примесью навоза и его производных, «сырой» раковины в значительных концентрациях. Для этой же группы керамики наблюдается применение круга для заглаживания и формообразования верхних частей сосудов. Орнамент этих сосудов имеет сокращенные схемы из «статических» элементов и схемы с присутствием элементов из обеих групп. Для группы сосудов, начинаны которых

выполнены на Ф-О по Ё-Д программе, характерны рецепты на основе незапасоченной глины с добавлением навоза и его производных, раковины в различных состояниях и концентрациях. Для орнаментации свойственна композиция 6. Для этой группы свойственны орнаменты на основе только «статических» элементов. В орнаментации шеи в одном случае использована «косичка», в другом – это одинарные отпечатки веревки, достаточно плотно расположенные друг к другу. Возможно, это попытка повторить орнамент «косичка» гончаром, не являющимся носителем данной орнаментальной традиции. Для сосуда с Д-Ё программой начина в Ф-Ё, характерен такой же рецепт ФМ, что и для предыдущей группы сосудов. Орнамент данного сосуда представлен композицией 1 – смешение элементов орнамента из обеих групп.

Проведенные исследования технологии изготовления данной выборки сосудов позволили выявить обширный спектр приспособительных гончарных традиций, что, возможно, связано с индивидуальным характером изготовления посуды. Объединяющим фактором является устойчивая традиция примеси дробленой раковины и навоза жвачных животных. Навыки, связанные с конструированием и обжигом сосудов, не столь разнообразны, что также является объединяющим фактором гончарства в изучаемой среде. Технология изготовления сосудов достаточно архаична, но в некоторых сосудах на разных уровнях проявляются эволюционные процес-

сы – снижение концентрации базовых примесей, появление механического способа обработки поверхностей. Появление в орнаментальных композициях узоров, полученных протаскиванием рабочих поверхностей инструментов по периметру сосуда, на наш взгляд, также связано с внедрением гончарного круга в систему трудовых навыков гончаров. Вероятно, это результат непосредственного соседства с населением, изготавливавшим круговую керамику.

Результаты технико-технологических исследований не противоречат общим технологическим данным о керамике «прикамско-приуральских истоков» с других памятников Волжской Булгарии (Васильева, 1993, с. 54, 65–68, 87–99, 106, 114, 115, 134–144, 181, 182 и др.). Происходившие в исторической действительности смешение, адаптация трудовых навыков и другие обстоятельства размывают границы между археологическими этнокультурными группами. Это делает актуальным и перспективным получение представительных стратифицированных выборок материала из разных участков памятника для продолжения изучения других групп керамики, в том числе «переходных», несущих признаки разных групп – «джукетау» и «прикамско-приуральской» («XIII + VII»; «XIII + VIII»), «прикамско-приуральской» и «общebolгарской» («VII + I»), «джукетау» и «общebolгарской» («XIII + I») – и др. (Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232–235; Бахматова, 2016, с. 125–143).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахматова В.Н. К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор) // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 125–143.

2. Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв. // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 232–235.

3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

5. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.

6. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налест // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Цетлин Ю.Б., Салугина Н.П. М.: ИА РАН. 2010. С. 72–87.

7. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Материалы международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» / Научн. ред. С.А. Агапов. Ульяновск: Печатный двор, 2013. С. 57–90.

8. Волкова Е.В. Орнаментальные традиции фатьяновских гончаров (опыт выделения субстратных и приспособительных) традиций // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2010. С. 88–106.

9. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 56–62.

10. Илюшина В.В. К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 78–81.

11. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

12. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

13. Набиуллин Н.Г. Крутогорское селище и могильник // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. Казань, 1999а. С. 88–91.

14. Набиуллин Н.Г. Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ. 1999. С. 101–126.

15. Набиуллин Н.Г. Исследователь средневекового города Джукетау (к 85-летию Т.А. Хлебниковой) // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 213–219.

16. Петрова Н.Ю. Оценка концентрации дроблёной раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. С-Пб.: ИИМК РАН, 2016. С. 65–67.

17. Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. С-Пб.: ИИМК РАН, 2016. С. 68–71.

18. Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

19. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

20. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

21. Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 4–23, 103–113.

22. Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 г.) // Археологическое изучение болгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.

23. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Информация об авторах:

Бахматова Вера Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lyna-87@yandex.ru

Набиуллин Наиль Гатиятуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

TECHNOLOGICAL STUDY OF “KAMA-URALS” CERAMICS FROM PRE-MONGOL COMPLEXES OF JUKETAW

V.N. Bakhmatova, N.G. Nabiullin

The paper considers the materials and results of the first technical and technological study of a series of dishware items of the “Kama-Urals” origin from the fortified settlement of Juketaw. The authors established the traditions of selection, extraction, preparation of raw materials and moulding masses, determined the methods of designing the hollow body and filling, shaping techniques, roasting modes, surface treatment of the dishware, and analyzed the ornamental traditions of decoration. The obtained results characterize the samples of “Kama-Ural” dishware as generally corresponding to household production, manufactured with the use of relatively archaic technologies at the stage of initial perception of the certain features of handicraft production by the manufacturers.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Juketaw, non-glazed ceramics, “Kama-Ural” dishware, technical and technological analysis.

REFERENCES

1. Bakhmatova, V. N. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 125–143 (in Russian).
2. Bakhmatova, V.N., Nabiullin, N. G. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 33 (3), 232–235 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Study. Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
5. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries)*. Yekaterinburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
6. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 72–87 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2013. In Agapov, S. A. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii «Eksperimental'naia arkheologiya. Vzglia d v XXI vek» (Proceedings of*

the International Field Scientific Conference "Experimental Archaeology. A Glance Into the 21st Century"). Ul'ianovsk: "Pechatnyi dvor" Publ., 57–90 (in Russian).

8. Volkova, E. V. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 88–106 (in Russian).

9. Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2015. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (3), 56–62 (in Russian).

10. Iliushina V.V. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 78–81 (in Russian).

11. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgari, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

12. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

13. Nabiullin, N. G. 1999. In *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii. Tezisy dokladov Pervykh Khalikovskikh chtenii (Issues of Prehistoric and Medieval Archaeology: Abstracts from 1st Khalikov Readings)*. Kazan, 88–91 (in Russian).

14. Nabiullin, N. G. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 101–126 (in Russian).

15. Nabiullin, N. G. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 5 (3), 213–219 (in Russian).

16. Petrova, N. Yu. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 65–67 (in Russian).

17. Salugina, N. P. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 68–71 (in Russian).

18. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).

19. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

21. Khuzin, F. Sh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 4–23, 103–113 (in Russian).

22. Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 90–113 (in Russian).

23. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Статья поступила в номер 29.01.2018 г.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ПАТОЛОГО-
ПОСТТРАВМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДРЕВНИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ
ИЗМЕРСКОГО XVI МОГИЛЬНИКА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ
И МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

© 2018 г. И.Р. Газимзянов, К.В. Кириягин

В статье приводятся предварительные результаты антропологического исследования костных останков из захоронений Измерского XVI мог-ка (XI–IX вв. до н.э.) Спасского района РТ. По краниологической программе и методам медико-криминалистического анализа изучено пять скелетов: четыре мужских и один женский. Мужские черепа суммарно характеризуется как мезокранные, с относительно широким и низким, хорошо профилированным по горизонтали лицом и средним выступанием носовых костей. В целом, серия европеоидного морфотипа, но с включением монголоидных элементов уральского или западно-сибирского генезиса (прогнатность лица, особенно в альвеолярной его части и ослабленном выступании носа на отдельных черепах). Женский череп по морфокомплексу относится к одному из вариантов уральской расы. Сравнительный анализ с синхронными сериями Ср. Поволжья выявил морфологическую близость мужских черепов Измерского XVI могильника с черепами из маклашеевских (Мурзиха II, «Девичий городок IV» и т.д.) и раннеананьинских захоронений (Измерский VII, Мурзиха II и т. д.) генезис которых, возможно, связывается с европеоидным, в целом, лесостепным населением Урала и Западной Сибири. На отдельных костях посткраниальных скелетов отмечаются изменения, связанные с возрастом субъекта, патологиями и травмами. На всех, без исключения, черепах выявляются многочисленные следы посттравматических повреждений. Их количество на отдельных черепах варьировало от одного до семи. В зависимости от характера травмы, ее формы и размеров предварительно определяется группа предметов (орудий), которыми она могла быть нанесена. При этом каждая отдельная травма, в большинстве случаев, могла стать причиной смерти субъекта. Таким образом, антропологические материалы Измерского XVI могильника в совокупности с другими отражают сложные и неоднозначные процессы расо- и культурогенеза на Средней Волге в переходный период от финала бронзы к началу железного века.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, финал бронзового века, начало железного века, краниометрия, патологические изменения, посттравматические повреждения.

В наше распоряжение для биолого-антропологической экспертизы поступила небольшая коллекция костных человеческих останков из

археологических раскопок Е.П. Казакова на Измерском XVI могильнике. Памятник находится в 1,5 км к западу от села Измери (Спасский район, Ре-

¹ Работа частично выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-06-00284а «Этническая антропология тюркских групп Республики Татарстан: комплексное исследование».

спублика Татарстан) и сильно разрушается водами Куйбышевского водохранилища. Могильник открыт в 2008 году при осмотре береговой линии. На месте потревоженных обвалом могил был заложен небольшой раскоп, на котором частично или полностью изучено четыре погребения (три из них – одиночные и одно коллективное, сохранившее, судя по отчетному плану, четыре костяка). По погребальному вещевому комплексу могильник, как и рядом располагающиеся могильники (Измерский VII, XVII), датируется автором раскопок переходным временем от финала поздней бронзы к началу раннего железного века (Казаков, 2014, с. 43)².

Антропологические материалы Измерского XVI могильника были представлены четырьмя практически полными мужскими скелетами и одним частично целым женским (скелетные останки из погребения № 1 не сохранились, а кости скелета № 1 из коллективного захоронения № 4 в коллекции отсутствовали). Сохранность посткраниальных скелетов в целом была удовлетворительная, а черепа в большинстве случаев были представлены в обломках, часть из них имели посмертную деформацию. После реставрационных работ к антропологическому изучению было пригодно четыре мужских черепа и один женский³. Учитывая, что антропологических материалов переходного времени – от финала эпохи бронзы к началу

раннего железного века – с территории Среднего Поволжья не так много, а также наличие на черепах следов множественных травматических повреждений, авторы сочли возможным представить результаты исследования на индивидуальном уровне с последующим предварительным обобщением. Мы понимаем, что данная публикация лишь первый этап более широкого комплексного историко-биологического исследования антропологических материалов Измерского XVI могильника.

Краниологический аспект

Все черепа – целые и отреставрированные – были измерены и описаны по краниометрической программе, которая широко используется в антропологических исследованиях (Алексеев, Дебец, 1964).

Погребение 2

Череп мужчины возмужалого возраста относительно хорошей сохранности (частично разрушено основание черепа).

Черепная коробка мезокранная, пентагоноидной формы со средней высотой свода от порионов (табл. 1). Мышечный рельеф области затылка и лба выражен умеренно. Лобная кость широкая и слабонаклонная в профиль (покатая). Лицевой скелет среднеширокий и средневысокий, по указателю – мезен. Орбиты широкие, мезоконхные; носовое отверстие узкое и высокое, лепторинной формы с острым нижним краем. В горизонтальной проекции лицо хорошо профилировано на всех уровнях, а в вертикальной – при общей мезогнатности лица отмечается прогнатность его альвеолярной части.

Носовые косточки высокие и резко профилированы. Угол выступания

² Археологические материалы Измерского XVI могильника планируются автором раскопок опубликовать отдельной статьей.

³ Приносим искреннюю благодарность А.А. Хохлову за помощь в проведении реставрационных работ.

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепов из погребений Измерского XVI могильника.

Признаки	Погр.2	Погр. 3	Погр. 4 (ске-т 2)	Погр. 4 (ске-т 3)	Погр. 4 (ске-т 4)
Пол	Муж.	Жен.	Муж.	Муж.	Муж.
Возраст (лет)	20-30	30-40	25-30	35-45	25-30
1. Продольный диаметр	180.0	179.0	184.0	188.0	178.0
8. Поперечный диаметр	140.0 ?	153.0	151.0	142.0	134.0
17. Высотный диаметр	-	-	130.0	138.0	134.0
5. Дина основ. черепа	-	-	103.0	105.0	106.0
9. Наим. ширина лба	100.0	101.0	100.0	100.0	96.0
11. Ширина основ. черепа	135.0	131.0	136.0	126.0 ?	123.0
12. Ширина затылка	110.0	122.0	121.0	119.0 ?	109.0
Высота изгиба лба	23.2	32.2	26.2	23.5	21.8
45. Скуловой диам.	137.0 ?	137.0 ?	141.0	138.0	132.0
40. Длина основ. лица	-	-	94.0	102.0	103.0
48. Верхняя высот лица	72.0	64.0	73.0	71.0	65.0
47. Полная высота лица	122.0	100.0	122.0	121.0	106.5
43. Верхняя ширина лица	111.0	107.0	113.0	110.0	108.0
46. Средняя ширина лица	99.0	-	104.0	95.0	97.0
55. Высота носа	54.0	47.0	52.0	51.0	48.0
54. Ширина носа	24.0	25.0 ?	27.0	26.0	24.0
51. Ширина орбиты	45.0	44.0	46.0	44.0	44.0
52. Высота орбиты	35.0	31.0	33.5	33.0	32.0
20. Ушная высота	113.0	121.0	108.0	118.0	110.0
Назомаллярный угол	136.0	149.1	141.4	134.2	140.2
Зигомаксиллярный угол	125.4	-	120.1	126.5	133.3
SS. Симотическая высота	6.2 ?	4.2	3.0	6.1	4.3
SC. Симотическая шир.	9.0 ?	8.8	9.0	10.0	7.0
DS. Дакриальная высота	-	-	10.2	15.3 ?	12.3
DC. Дакриальная ширина	-	-	21.2	21.2 ?	22.1
Глубина клыковой ямки	5.5	5.8	2.2	3.2	3.2
32. Угол профиля лба	76.0	89.0	79.0	77.0	76.0
72.Общий лицевой угол	82.0	85.0	87.0	84.0	79.0
74. Альвеолярный угол	66.0	-	70.0	70.0	62.0
75(1). Угол выст. носа	25.0	19.0	20.0 ?	33.0	31.0
8:1. Черепной указатель	77.8	85.5	82.1	75.5	75.3
17:1. Высотный указатель	-	-	70.7	73.4	75.3
17:8. Прод.-попер. ук-ль	-	-	86.1	97.2	100.0
9:8. Лобный указатель	71.4	66.0	66.2	70.4	71.6
40:5. Ук-ль выст-я лица	-	-	91.3	97.1	97.2
48.:45. Лицевой указатель	52.6	46.7	51.8	51.5	49.2
54:55. Носовой укаель	44.4	53.2	51.9	50.9	54.6
52:51. Орбитный ук-ль	77.7	70.5	72.8	75.0	72.7
SS:SC. Симотический ук.	68.9	47.7	141.4	61.0	61.4
DS:DC. Дакр-ый указа-ль	-	-	120.1	72.2 ?	55.7
Форма черепа сверху	Pent.	Romb.	Pent.	Pent.	Ovoid
Надпереносье (1-6)	3.0	1.5	2.5	3.5	3.5
Передне-носовая кость	4.0	2.0	3.5	3.5	4.0
Ниж-й край грушевидного отв-я	Antr.	F.Pr.	Antr.	Antr.	Antr.

носа средних значений. Клыковая ямка хорошо выражена.

Антропологический тип – в целом европеоидный, но с некоторым проявлением монголоидных черт: прогнатность альвеолярной части лица и несколько ослабленное выступание носа.

Погребение 3

Женский череп (30–40 лет) был представлен крупными обломками. После реставрационных работ удалось обработать его практически по полной краниометрической программе (разрушено основание свода черепа и отсутствовали лицевые кости левой стороны).

Черепная коробка крупная и по своим абсолютным размерам соответствует мужским. Однако ослабленный мышечный рельеф на черепе и форма таза определенно указывают, что скелет женский. Мозговой отдел широкий и высокий, по продольно-поперечному указателю – брахикранный, в вертикальной норме – ромбовидной формы. Лобная кость широкая, выпуклая и сильно наклонная в профиль. Лицевой отдел очень широкий и низкий, по отношению относится к категории эуриенных (низколицы пропорций). Орбиты широкие и низкие, хамэконхные; носовое отверстие при средней ширине низкое, платиринной формы (широконосых пропорций), нижний край носа оформлен в виде предносовых ямок (*fossae praenasales*). Горизонтальную профилировку удалось определить только на уровне орбит, которая показывает значительную уплощенность лица в данной области. Угол общего профиля лица указывает на его умеренную ортогнатность. Угол выступления носа характеризуется малым значением.

Антропологический тип – низколицый монголоидный, возможно, уральского генезиса.

Погребение 4 (коллективное)

Скелет 2

Мужской череп (25–30 лет) хорошей сохранности обладал крупной мозговой коробкой с небольшой высотой свода. По черепному указателю – умеренно брахикранный, по виду сверху пентагоноидной формы. Лоб широкий, средневыпуклый и слабонаклонный с хорошо развитым рельефом надпереносья и надбровья. Широтные размеры лица при средней высоте значительны. По верхнелицевому указателю лицо средних пропорций (мезенный). Орбиты широкие и низкие, по отношению – хамэконхные; носовое отверстие широкое и средневысокое, платиринное, нижний край заостренной формы. В горизонтальной проекции лицевой скелет среднепрофилирован на уровне орбит и резко на уровне передних скуловых точек. Переносье низкое и достаточно широкое, носовые косточки несколько уплощены. Угол выступления носа и глубина клыковой ямки характеризуются малыми величинами.

Череп явно смешанного морфологического облика. В его краниокомплексе преобладают монголоидные элементы, возможно, уральской расы: низкое и широкое лицо, несколько уплощенное на верхнем уровне, сочетается с небольшим углом выступления носа.

Скелет 3

Череп мужчины зрелого возраста был представлен крупными обломками, часть из них имела следы поствозрастной деформации (в основном кости основания черепа).

Черепная коробка – крупная, с хорошо выраженным рельефом, характеризуется большим продольным, средним поперечным и большим височным диаметрами. Значение черепного указателя на границе долихо- и мезокрании, в вертикальной норме краниум пентагоноидной формы. Лобная кость широкая, слабовыпуклая и покатая. Лицевой отдел по тотальным размерам: широкий и низкий, по относительным – средних пропорций (мезен). Орбиты широкие, хамэконхные; нос средней ширины и средней высоты, по отношению – мезоринный. По углам горизонтальной профилировки лицо резко клиногнатно на уровне орбит и умеренно на уровне субспинальной точки. В вертикальной проекции, при общей мезогнатности лица, отмечается альвеолярный прогнатизм. Клыковая ямка слабо выражена, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Переносье высокое и резко профилировано как от симотических, так и дакриальных точек. Угол выступания носовых косточек большой.

Антропологический тип – европеоидный, с небольшим «налетом» монголоидности в альвеолярной части лица.

Скелет 4

Череп молодого мужчины (25–30 лет) относительно хорошо сохранился, особенно его передняя половина. Затылочная область была частично разрушена и посмертно (не сильно) деформирована.

Черепная коробка по тотальным размерам несколько меньше чем другие мужские черепа, но максимальный характер выраженности мышечного рельефа в группе отмечается на данном черепе. Череп долихо-мезокран-

ный, овоидной формы. Лоб среднеширокий, слабовыпуклый и покатый. Лицо узкое и низкое, по пропорциям соответствует категории низколицих форм. Носовая область характеризуется малой шириной и малой высотой, а также мезоринной формой. Орбиты низкие, хамэконхные. Умеренная профилировка на верхнем уровне лица сочетается с некоторой его уплощенностью в нижней части. По углам вертикально профилировки – лицо сильно прогнатно. При этом переносье высокое и хорошо смоделировано. Угол выступания носа большой. Клыковая ямка малой глубины. Нижний край носового отверстия заостренной формы.

Антропологический тип – смешанный с европеоидными и монголоидными чертами, последние (прогнатное и уплощенное лицо на нижнем уровне), вероятно, уральского генезиса.

Суммарно мужские черепа Измерского XVI могильника характеризуются крупной черепной коробкой со средней высотой свода и хорошо выраженным рельефом в области лба и затылка (табл. 2). По черепному указателю практически все черепа относятся к категории мезокранных, но с тенденцией в сторону долихокранных пропорций. Лоб, как правило, широкий и слабонаклонный, высота его изгиба средних значений. Лицевой скелет относительно широкий и низкий, по отношению – мезенный. Орбиты широкие и низкие, хамэконхные (низких пропорций); носовое отверстие как по высоте, так и по ширине средних размеров, указатель на границе средних и широконосых форм, нижний край носа на всех мужских черепах заостренный. В горизонтальной плоскости лицевой отдел хорошо

профилирован на всех уровнях. В вертикальной проекции просматривается некоторая прогнатность лица, особенно в альвеолярной его части. Переносье в основном высокое и хорошо профилировано. Угол выступания носа средний. Клыковые ямки средней выраженности.

Таким образом, мужские черепа Измерского XVI могильника можно в целом отнести к европеоидным морфологическим типам с небольшой монголоидной примесью, которая проявляется в некоторой прогнатности лицевого скелета и сглаженности клыковых ямок. Их сочетание с низкими пропорциями лица и широкими орбитами, а также с умеренным или слабым выступанием носа на отдельных черепах может выявлять в антропологическом составе серии компонент, морфологически связанный с уральским или западно-сибирским населением. Единственный женский череп, судя по краниометрическим данным, также указывает на присутствие в группе низколицых монголоидов уральского (в широком плане) генезиса.

Для выявления места мужских черепов Измерского XVI могильника среди краниологических групп Среднего Поволжья (Нижние Прикамье) синхронного или близкого по времени были привлечены следующие серии (группы):

1. Измерский XVI могильник, XI–IX вв. до н. э. (Газимзянов, наст. раб.);

2. Измерский VII могильник, IX–VIII вв. (Газимзянов, 2009);

3. Мурзихинский II могильник, XI–IX вв. до н. э. (Газимзянов, 2009);

4. Сборная серия черепов из маклашеевских могильников, XI–IX вв. до н. э. (Газимзянов, 2009);

5. Сборная серия черепов из раннеананьинских могильников, VIII–VI вв. до н. э. (Газимзянов, 2009);

6. Луговской могильник (объединенная серия), VI–V вв. до н. э. (Трофимова, 1968; Газимзянов, 2003). Сравнительный анализ средних краниологических параметров по средневожским группам финала бронзы – начала раннего железа показал, что мужские черепа Измерского XVI могильника по многим морфологическим признакам близки к черепам из нижнекамских могильников рубежа II–I тыс. до н. э., которые характеризуют физический облик населения маклашеевской и раннеананьинской (постмаклашеевской) культур: Мурзихинский II, Измерский VII, «Девичий городок IV» и другие (табл. 2). Вероятно, группа людей, погребенных на Измерском XVI могильнике, генетически связаны с нижнекамскими группами этих культур, что находит подтверждение и в археологических параллелях материалов, близко расположенных синхронных могильников: Измерский VII и Измерский XVII (Казиков, Лыганов, 2014). В антропологическом плане изучаемая нами группа, входила в широкий круг мезо-брахикранных европеоидных популяций с монголоидным компонентом уральского (западносибирского) генезиса. Ранее мы высказывали предположение, что в маклашеевское время в Волго-Камье проникали группы населения, морфологически и, скорее всего, генетически связанные с зауральским и западносибирским населением эпохи поздней бронзы (Газимзянов, 2009, с. 193; Газимзянов, Хохлов, 2012, с. 214–215). Их контакты с «местным» населением не всегда носили мирный характер. Об этом можно судить по

Таблица 2

Сравнительные краниологические материалы с территории Среднего Поволжья эпохи финала бронзового века – начала раннего железа. Мужские.

Признаки	1	2	3	4	5	6
1.	182.5 (4)	183.6 (14)	188.8 (6)	185.9 (22)	182.9 (33)	187.5 (18)
8.	141.8 (4)	144.6 (14)	144.7 (6)	143.8 (24)	143.4 (31)	146.5 (19)
17.	134.0 (3)	136.0 (12)	135.0 (2)	134.2 (19)	134.6 (23)	136.1 (8)
5.	104.7 (3)	103.6 (12)	102.8 (2)	101.2 (15)	101.8 (23)	100.9 (8)
9.	99.0 (4)	98.4 (16)	99.5 (6)	96.8 (22)	97.9 (36)	95.0 (18)
45.	137.0 (4)	139.1 (14)	141.6 (5)	137.9 (20)	137.5 (29)	140.9 (14)
48.	70.3 (4)	69.4 (14)	70.3 (6)	69.9 (21)	68.9 (25)	73.0 (16)
43.	110.5 (4)	108.6 (15)	111.0 (6)	108.4 (18)	109.2 (29)	111.9 (8)
55.	51.3 (4)	50.2 (13)	52.1 (5)	51.4 (20)	50.9 (25)	54.8 (16)
54.	25.3 (4)	25.7 (15)	26.6 (6)	25.5 (20)	25.3 (28)	26.9 (15)
51.	44.8 (4)	42.3 (14)	44.4 (5)	42.8 (19)	42.9 (26)	43.6 (14)
52.	33.4 (4)	31.9 (13)	32.5 (5)	32.0 (21)	32.2 (24)	34.0 (14)
20.	112.3 (4)	114.3 (14)	110.5 (5)	112.3 (18)	114.7 (29)	114.4 (16)
77.	137.9 (4)	139.8 (15)	145.0 (5)	143.5 (14)	141.8 (29)	145.1 (16)
Zm.	126.3 (4)	129.1 (10)	136.4 (4)	133.8 (13)	130.7 (18)	130.2 (11)
SS.	4.9 (4)	5.0 (11)	3.3 (3)	4.1 (11)	4.3 (23)	3.3 (17)
DS	12.6 (3)	9.2 (11)	9.3 (2)	11.7 (9)	12.0 (17)	10.4 (10)
Гл. ямки	3.5 (4)	4.2 (12)	3.3 (3)	3.8 (13)	4.5 (23)	2.6 (13)
32.	77.0 (4)	83.3 (12)	78.3 (3)	83.3 (17)	83.1 (21)	78.2 (12)
72.	83.0 (4)	85.8 (12)	87.0 (2)	86.8 (15)	85.9 (20)	84.0 (13)
74.	67.0 (4)	75.9 (11)	75.8(4)	76.0 (13)	75.9 (16)	73.1 (9)
75(1).	27.3 (4)	28.8 (11)	22.3 (3)	26.1 (18)	27.7 (20)	23.9 (12)
8:1.	77.7 (4)	78.8 (14)	76.6 (6)	77.7 (22)	78.7 (30)	77.9 (17)
9:8.	69.9 (4)	67.9 (14)	69.8 (8)	68.2 (21)	68.2 (27)	65.0 (15)
48:45.	51.3 (4)	49.5 (12)	49.6 (5)	50.8 (19)	49.9 (21)	51.8 (12)
54:55.	50.5 (4)	51.3 (13)	49.4 (5)	49.9 (18)	50.3 (24)	49.4 (15)
52:51.	74.6 (4)	74.3 (13)	73.0 (5)	74.1 (19)	74.7 (23)	78.1 (14)
SS:SC.	56.2 (4)	54.7 (11)	41.7 (3)	45.0 (11)	50.5 (23)	41.7 (17)
DS:DC.	58.7 (3)	54.3 (10)	39.8 (2)	53.2 (8)	54.8 (17)	50.4 (10)

1 – Измерский XVI могильник, XI–IX вв. до н. э.; 2 – Измерский VII могильник, IX–VIII вв. до н. э.; 3 – Мурзихинский II могильник, XI–IX вв. до н. э.; 4 – черепа из маклашеевских могильников, XI–IX вв. до н. э.; 5 – черепа из раннеанаьинских могильников, VIII–VI вв. до н. э.; 6 – Луговской могильник, VI–V вв. до н. э..

следам множественных травматических повреждений, выявляемых на человеческих костных останках из погребений Измерского XVI могильника. Их предварительная характеристика приводится ниже.

Палеопатологический (посттравматический) аспект

Среди скелетных останков были отобраны кости (объекты) с патологическими, посттравматиче-

скими изменениями и вариантами развития (вариантами нормы). Были применены следующие методы исследования: визуальный (микро- и макроскопический), анатомо-морфологический, сравнительно-аналитический и фотографический (Скопин, 1960; Абрамов С.С., Гедыгушев и др., 2000; Диагностикум механизмов..., 2011).

К **первой группе** были отнесены некоторые варианты (особенности)

Рис. 1. Проявления онтогенетических особенностей развития на отдельных костях: 1 – сращение V поясничного позвонка с крестцом (погр. 4, скелет 4): а – вид спереди; б – вид сзади; 2 – неполное зарращение дуги I шейного позвонка (погр. 4, скелет 1) (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 1. Manifestations of ontogenetic features of development on individual bones: 1 – the coalescence of the Vth lumbar vertebra with sacrum (bural 4, skeleton 4): a – front view; b – rear view; 2 – incomplete heal of the arc of the 1st cervical vertebra (bural no. 4, skeleton no. 1) (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

развития, которые обусловлены онтогенетически и не относятся к патологическим или травматическим изменениям, например: сращение V поясничного позвонка с крестцом (рис. 1: 1а, б), неполное зарращение дуги I шейного позвонка (рис. 1: 2).

Ко **второй группе** были отнесены патологические изменения, которые могли быть отнесены как к вариантам развития, так и к зажившим повреждениям (переломам). Например: обнаружено отверстие в области тела грудины, расположенное на уров-

Рис. 2. 1 – тело грудины со сквозным отверстием (погр. 4, скелет 3): а – вид спереди; б – вид сзади; 2 – тело III поясничного позвонка с частичным разрушением губчатого вещества и деформацией тела: вид сверху и снизу (погр. 4, скелет 2) (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 2. 1 – the body sternum with a draught hole (bural 4, skeleton 3): a – front view; b – rear view; 2 – the body of the IIIrd lumbar vertebra with partial destruction of the spongy substance and deformation of the body: top and bottom view (bural no. 4, skeleton no. 2) (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

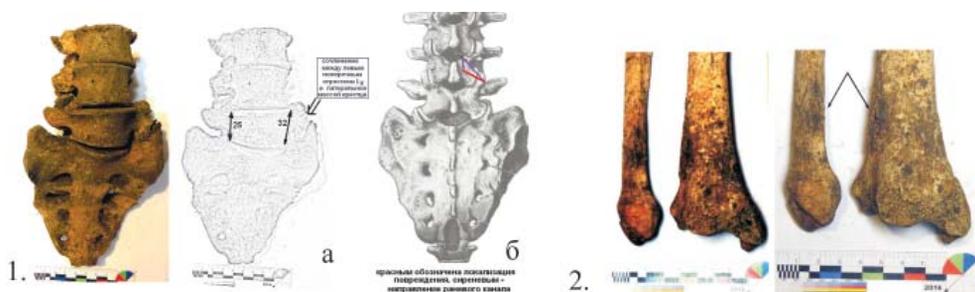

Рис. 3. 1 – посттравматические изменения в поясничном отделе позвоночника (погр. 4, скелет 3): а – вид спереди (фото и схематическое изображение); б – вид сзади, схематическое изображение направления травмирующего воздействия; 2 – костные разрастания на левых берцовых костях в местах прикрепления межберцового синдесмоза (погр. 2) (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 3. 1 – posttraumatic changes in the lumbar spine (bural 4, skeleton 3): a – front view (photo and schematic image); b – rear view, schematic image of the traumatic effect direction; 2 – osteophytes on the left tibia at the sites of attachment of the anterior tibio-fibular ligament (bural 2) (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

не прикрепления хрящей V ребер (рис. 2: 1а, б). Отверстие имеет треугольную форму (основание треугольника обращено кверху) со сглаженными краями и углами, размеры его по наружной поверхности 5×4 мм, а со стороны внутренней поверхности оно воронкообразно расширено до $6,5 \times 5,5$ мм. Указанная деталь может быть обусловлена как онтогенетическими причинами (неполным сращением зачатков грудины), так и травматическим воздействием. При этом, если данное отверстие образовалось в результате травмы, то травмирующий предмет на уровне погружения должен был иметь треугольное сечение, размерами около 5×4 мм, а направление травматического воздействия спереди назад и снаружи внутрь.

К **третьей** группе отнесены последствия перенесенных при жизни инфекционных заболеваний (рис. 2: 2). Так, в одном из случаев (погребение 4, скелет 2: мужской, 25–30 лет) отмечается остеомиелитическое разрушение тела III поясничного позвонка

с частичным разрушением губчатого вещества и деформацией тела в виде уплощения кпереди (высота тела позвонка спереди составила 18 мм, справа и слева по 30 мм).

К **четвертой** группе отнесены последствия травматических изменений. В одном из случаев (погребение 4, костяк 3: мужской, 35–45 лет) обнаружены посттравматические изменения в поясничном отделе позвоночника, а именно при сопоставлении IV и V поясничных позвонков с крестцом отмечаются следующие изменения (рис. 3: 1а, б)

1) Наличие щелевидного дефекта, длиной около 22 мм в области дуги IV и верхнего правого суставного отростка V поясничных позвонков с разрастанием костной ткани по периферии (что, несомненно, свидетельствует о прижизненности повреждения). Стенки дефекта гладкие, представлены ячейками губчатого вещества. Размеры дефекта на IV поясничном позвонке около 22×22 мм, на V – около 22×20 м. Направление щелевидного

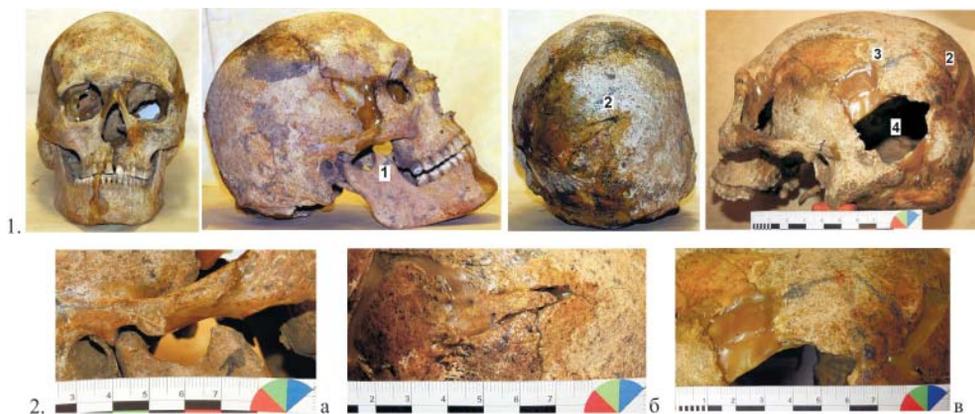

Рис. 4. 1 – локализация травматических повреждений на черепе 1 (погр. 2); 2 – фото травм: а – повреждение 1, дефект края правого венечного отростка нижней челюсти; б – повреждение 2; в – повреждение 3 (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 4. 1 – localization of injuries on the skull no. 1 (bural no. 2); 2 – photo of injuries: а – trauma 1, the deficiency of the right coronoid process of the lower jaw; б – trauma 2; в – trauma 3. (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

дефекта (раневого канала) справа налево и спереди назад, длина его около 22 мм.

2) Отмечается деформация V поясничного позвонка со снижением высоты тела справа до 25 мм (высота тела слева 32 мм), а также формирование сочленения левого поперечного отростка с левой латеральной массой крестца.

Резюме: указанное повреждение образовалось прижизненно от однократного воздействия плоского колюще-режущего предмета с шириной погружившейся следообразующей части около 22 мм, при этом направление травматического воздействия было сзади наперед и справа налево.

На костях левой голени, в нижней трети (погребение 3; женское, 30–40 лет), в местах прикрепления межберцового синдесмоза имеются костные разрастания на участках размерами: на малоберцовой кости – 42×12 мм, на большеберцовой – 48×14 мм, расположенные в 24 мм от суставных

поверхностей, образующих голеностопный сустав (рис 3: 2). Наличие указанных изменений не исключает возможного прижизненного повреждения межберцового синдесмоза при травмах голеностопного сустава (например, вывихах).

Кроме костей скелета было исследовано пять черепов с травматическими повреждениями: череп 1 (погр. 2) – мужской, *adultus*; череп 2 (погр. 3) – женский, *maturus*; череп 3 (погр. 4, скелет 2) – мужской, *adultus*; череп 4 (погр. 4, скелет 3) – мужской, *maturus*; череп 5 (погр. 4, скелет 4) – мужской, *adultus*. Повреждения на черепах нумеровались произвольно.

Череп 1 (погр. 2). На черепе локализовано четыре травматических повреждения (рис. 4).

Повреждение 1 представлено дефектом края правого венечного отростка нижней челюсти, край дефекта ровный (рис. 4: 2а).

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета, имеющего

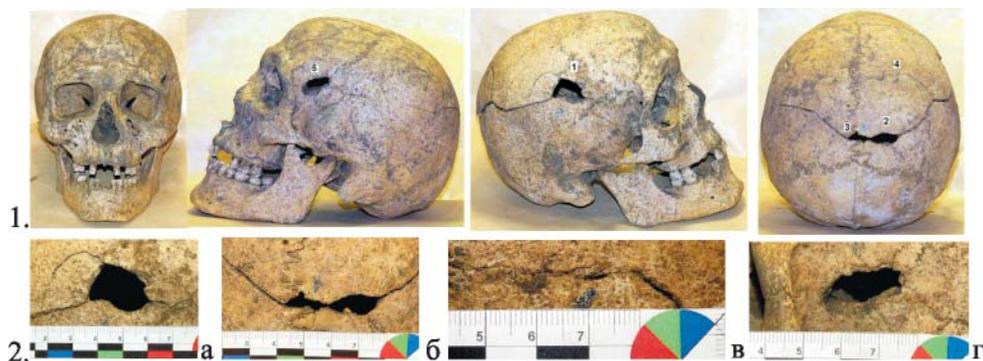

Рис. 5. 1 – локализация травматических повреждений на черепе 2 (погр. 4, скелет 2); 2 – фото травм: а – повреждение 1; б – повреждение 2, 3; в – повреждение 4; г – повреждение 5 (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 5. 1 – localization of injuries on the skull 2 (burial 4, skeleton 2);

2 – photo of injuries: а – trauma 1; б – trauma 2, 3; в – trauma 4; г – trauma 5 (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

в своем составе острую кромку, направление воздействия – справа налево и снаружи внутрь.

Повреждение 2 располагается в теменной области, представлено в виде двух трещин, пересекающихся стреловидный шов и соединяющихся под острым углом (рис. 4: 2б). Влево и книзу трещины доходят до края дефекта левой теменно-височной области (повреждение № 4, рис. 4: 1).

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета с удлиненной контактирующей поверхностью. Направление травмирующего воздействия – слева направо, сзади наперед и снаружи внутрь.

Повреждение 3 располагается в теменной области слева, представлено в виде трещины теменной кости и расхождения левого зубчатого шва (рис. 4: 2в). Влево и книзу повреждение соединяется с дефектом в левой теменно-височной области (повреждение № 4).

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета с удлиненной контактирующей поверхностью.

Направление травмирующего воздействия – слева направо, спереди назад и снаружи внутрь.

Повреждение 4 представлено дефектом в левой теменно-височной области, неправильной формы, размерами около 44×34 мм (рис. 4: 1).

Резюме: высказаться о механизме образования указанного повреждения не представляется возможным из-за отсутствия костных фрагментов (повреждение представлено не полностью).

Череп 2 (погр. 4, скелет 2). На черепе локализовано пять травматических повреждений (рис. 5).

Повреждение 1 расположено на правой теменной кости, представлено дефектом неправильно овальной формы, размерами около 24×18 мм (рис. 5: 2а). От заднего края дефекта отходят две трещины, одна из которых распространяется кзади и книзу, доходит до повреждения № 2, вторая имеет дугообразную форму отходит от верхней части заднего края повреждения, прерывается на первой. Со стороны наружной костной пла-

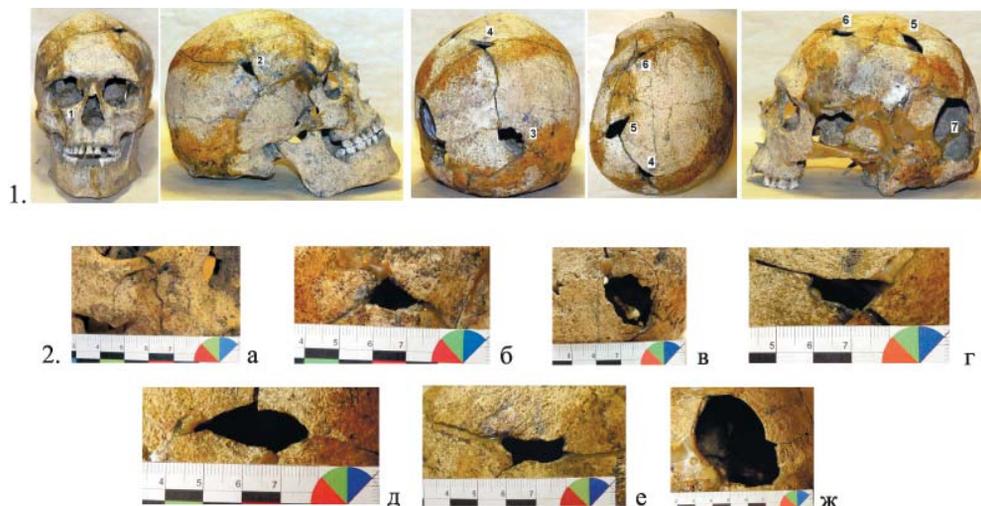

Рис. 6. 1 – локализация травматических повреждений на черепе 3 (погр. 4, скелет 3); 2 – фото травм: а – повреждение 1; б – повреждение 2; в – повреждение 3; г – повреждение 4; д – повреждение 5; е – повреждение 6; ж – повреждение 7 (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 6. 1 – localization of injuries on the skull 3 (bural 4, skeleton 3); 2 – photo of injuries: а – trauma 1; б – trauma 2; в – trauma 3; г – trauma 4; д – trauma 5; е – trauma 6; ж – trauma 7 (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

стинки имеются два участка скола, один из которых расположен на верхнем крае дефекта, размерами около 9×5 мм, другой имеет дугообразную форму, размерами около 16×6 мм.

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета с закругленной (дугообразной) на уровне погружения ограниченной контактирующей поверхностью. Направление травматического воздействия – справа налево и снаружи внутрь.

Повреждения 2 и 3 расположены на правой теменной кости в непосредственной близости от стреловидного шва (рис. 5: 2б). Травмы представлены дефектами костной ткани, имеют вытянутую овальную форму, размерами: повреждение № 2 – 17×6 мм, № 3 – 12×5 мм, верхние и нижние края закруглены, боковые заострены, переходят в линейные трещины.

Резюме: повреждения образовались от действия предмета (предметов) с закругленной (дугообразной) ограниченной контактирующей поверхностью. Направление травматического воздействия – сзади наперед и несколько справа налево.

Повреждение 4 расположено на правой теменной кости, представлено участком скола наружной костной пластинки, размерами около 8×3 мм (рис. 5: 2в). От данного повреждения вправо и книзу отходит трещина, которая под углом близким к прямому, соединяется с трещиной, расположенной между повреждениями №№ 1 и 2.

Резюме: повреждение образовалось от действия тупого твердого предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, шириной около 8 мм. Направление травматического воздействия – сверху вниз, слегка справа налево и снаружи внутрь.

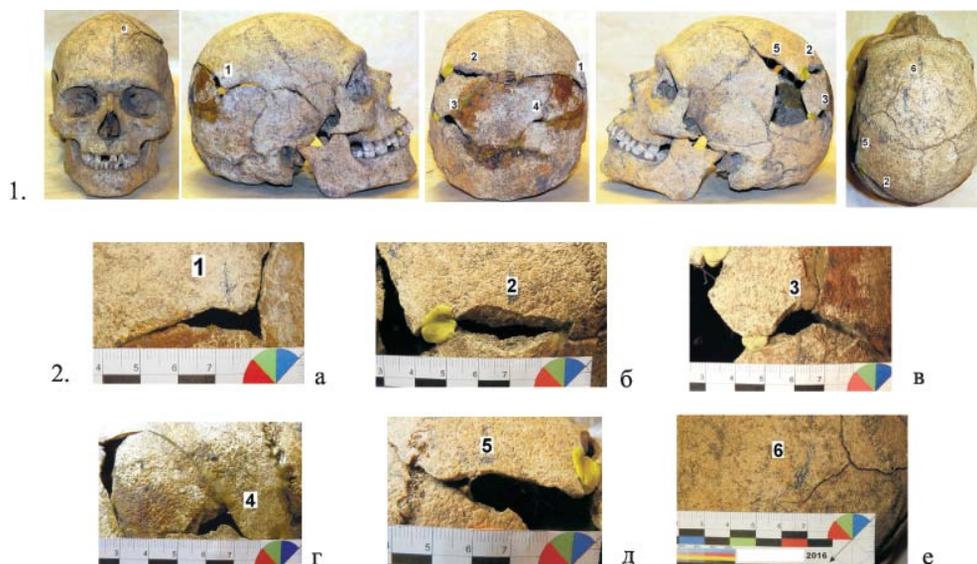

Рис. 7. 1 – локализация травматических повреждений на черепе 4 (погр. 4, скелет 4); 2 – фото травм: а – повреждение 1; б – повреждение 2; в – повреждение 3; г – повреждение 4; д – повреждение 5; е – повреждение 6 (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 7. 1 – localization of injuries on the skull 4 (bural 4, skeleton 4); 2 – the photo of injuries: а – trauma 1; б – trauma 2; в – trauma 3; г – trauma 4; д – trauma 5; е – trauma 6 (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

Повреждение 5 расположено на лобной кости слева в непосредственной близости от соединения венечного и клиновидно-лобного швов, имеет форму дефекта овальной формы, размерами около 22×12 мм (рис. 5: 2г). Нижняя стенка дефекта скошена. Верхняя и нижняя стенки дугообразной формы, соединяются спереди под острым углом, задняя стенка дефекта имеет форму, приближенную к «П»-образной, шириной около 6 мм.

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета с дугообразными контактирующими поверхностями, сходящимися под закругленным углом, близким к острому. Направление травматического воздействия – слева направо и снаружи внутрь.

Череп 3 (погр. 4, скелет 3). На черепе определено как минимум

семь травматических повреждений (рис. 6: 1).

Повреждение 1 представлено в виде линейного перелома, распространяющегося от нижнего края правой глазницы до альвеолярного отростка верхней челюсти (рис. 6: 2а).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия тупого твердого предмета в направлении спереди назад и снаружи внутрь. Конструкционные особенности (групповые и частные признаки) травмирующего предмета в повреждении не отобразились.

Повреждение 2 расположено на правой теменной кости, представлено дырчатым переломом треугольной формы, размерами около 22×10 мм; основание треугольника обращено книзу и кзади представлено в виде по-

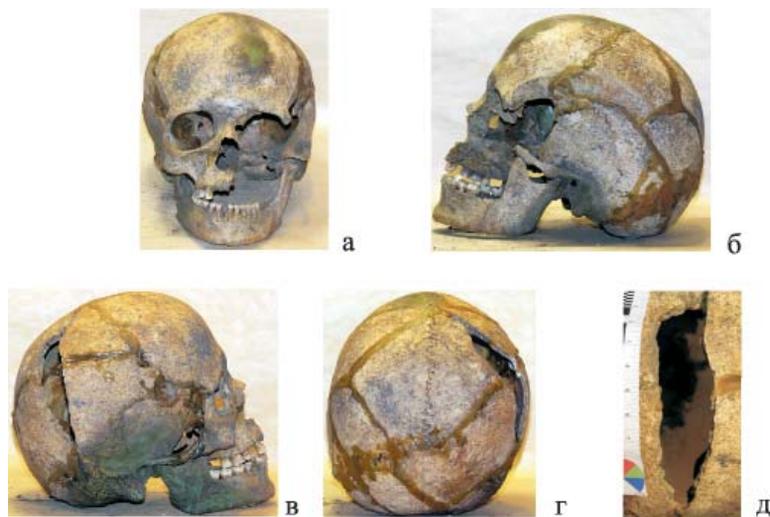

Рис. 8. Череп 5 (погр. 3): а – вид спереди, б – профиль левой стороны; в – профиль правой стороны, г – вид сзади, д – фото повреждения (компоновка иллюстраций: Асылгараева Г.Ш., Волкова Е.В.).

Fig. 8. Skull no. 5 (bural 3): а – the front view, б – the left side view, в – the right side view, г – the rear view, д – trauma (picture composition made by Asylgaraeva G.Sh. & Volkova E.V.).

логой дуги высотой около 2,5 мм, шириной около 20 мм (рис. 6: 2б).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета, имеющего в своем составе ограниченную дугообразную контактирующую поверхность. Направление воздействия справа налево, сзади наперед и снаружи внутрь.

Повреждение 3 (перелом) расположен на затылочной кости в непосредственной близости от соединения правой ветви ламбдовидного шва со стреловидным (сагиттальным) швом, имеет овальную формы, размерами около 24×17 мм (рис. 6: 2в). Края перелома неровные, в окружности перелома отмечаются дугообразные трещины («трещины контура контакта»).

Резюме: повреждение образовалось от действия травмирующей силы в направлении сзади наперед и снаружи внутрь. Конструкционные

особенности (групповые и частные признаки) травмирующего предмета в повреждении не отобразились.

Повреждение 4 расположено на левой теменной кости, представлено дырчатым переломом треугольной формы, размерами около 23×8 мм; основание треугольника обращено кверху и вправо (рис. 6: 2г).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью. Направление воздействия сверху вниз, слева направо и снаружи внутрь.

Повреждение 5 представлено дырчатым переломом овальной формы, размерами 29×12 мм, стенки повреждения относительно ровные (рис. 6: 2д). Повреждение представлено в виде двух дуг, сходящихся под острыми углами, вершины которых закруглены.

Резюме: повреждение образовалось от действия предмета, имеющего на уровне погружения вытянутую овальную форму, в виде двух сходящихся под острыми углами (с закругленными вершинами) дугообразных поверхностей. Направление травмирующего воздействия: сзади наперед, слева направо и снаружи внутрь.

Повреждение 6 неправильной четырехугольной формы, размерами 24×13,5 мм (рис. 6: 2е). Верхняя и боковые стенки неровные, задняя часть нижней стенки имеет форму дуги, обращенной кверху и вправо (ширина основания около 12 мм, высота дуги около 2,5 мм).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета, имеющего в своем составе ограниченную дугообразную контактирующую поверхность. Направление воздействия слева направо, сверху вниз и снаружи внутрь.

Повреждение 7 представлено дефектом овальной формы, расположенным в теменно-затылочной области слева, размерами около 63×41 мм (рис. 6: 2 ж).

Резюме: ввиду того что данное повреждение представлено не полностью, высказаться о конструктивных особенностях травмирующего предмета не представляется возможным.

Череп 4 (погр. 4, скелет 4)(рис. 7: 1). На черепе определено как минимум шесть травматических повреждений

Повреждение 1 представлено дырчатым переломом неправильнотреугольной формы, размерами около 22,5×10 мм, расположены на правой теменной кости (рис. 7: 2а). Края перелома относительно ровные, углы заострены. На передней стенке имеется

участок в форме дуги, основанием обращенной кзади и книзу (длина основания около 15 мм, высота дуги около 2,5 мм).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета, имеющего в своем составе ограниченную дугообразную контактирующую поверхность. Направление воздействия справа налево, сзади наперед и снаружи внутрь.

Повреждение 2 представлено линейным переломом левой теменной кости, длиной около 33 мм, по краям перелома со стороны наружной костной пластинки имеются участки скола и выкрашивания компактного вещества, шириной до 14 мм (рис. 7: 2б).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, имеющей в своем составе ребро от двух сходящихся граней, шириной около 33 мм. Направление травмирующего воздействия – сзади наперед, слева направо и снаружи внутрь.

Повреждение 3 представлено дырчатым переломом левой теменной кости, овальной формы и размерами около 17×7,5 мм (рис. 7: 2в). По краям перелома со стороны наружной костной пластинки имеются участки скола и выкрашивания компактного вещества шириной по верхнему краю – до 2,5 мм, по нижнему – до 4 мм.

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, шириной около 17 мм. Направление травмирующего воздействия – сзади наперед, слева направо и снаружи внутрь.

Повреждение 4 представлено дырчатым переломом правой темен-

ной кости, неправильной треугольной формы, размерами около 16×12 мм, по одному из краев перелома со стороны наружной костной пластинки имеется участок скола шириной до 6 мм (рис. 7: 2г).

Резюме: данное повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью. Направление травмирующего воздействия – сзади наперед, справа налево и снаружи внутрь.

Повреждение 5 представлено дефектом левой теменной кости, имеющим неправильную геометрическую форму, размерами около 63×34 мм (рис. 7: 2д). По верхнему краю дефекта имеется относительно ровный участок дугообразной формы (ширина основания около 12 мм, высота дуги около 2 мм).

Резюме: верхняя часть повреждения могла образоваться от действия предмета, имеющего в своем составе ограниченную дугообразную контактирующую поверхность. Направление воздействия слева направо, сверху вниз и снаружи внутрь.

Повреждение 6 представлено линейным переломом, раздваивающимся в области чешуи лобной кости слева (рис. 7: 2е).

Резюме: данный перелом образовался от ударного воздействия тупого твердого предмета, конструкционные особенности которого (групповые и частные признаки орудия травмы) в повреждении не отобразились. Направление травматического воздействия – спереди назад, сверху вниз и слева направо.

Череп 5 (погребение 3). На черепе за исключением обширного дефекта костей лицевого скелета слева, установить механизм образования которого

не представляется возможным, обнаружено повреждение в виде перелома правой теменной кости (рис. 8: а-д).

Повреждение представлено в виде костного дефекта размерами около 95×22 мм, веретенообразной формы, длинником ориентированное косо-продольно оси тела, края перелома неровные (рис. 8д). Концы соединяются под острыми углами, где продолжают в виде линейных трещин.

Данный перелом образовался от действия предмета с ограниченной удлиненной контактирующей поверхностью, вероятно, обладающего рубящими свойствами. Направление травматического воздействия сзади наперед, справа налево и снаружи внутрь.

Таким образом, предварительный анализ небольшой коллекции человеческих костных останков Измерского XVI могильника методами медико-криминалистического исследования позволяет сделать следующие выводы⁴.

Проведенным исследованием выявлены некоторые морфологические признаки прижизненных заболеваний и посттравматических изменений на костях скелетов.

При изучении повреждений на черепах признаков переживаемости (прижизненности) не обнаружено.

Повреждения, проникающие в полость черепа (при условии их прижизненности), могли как каждое в отдельности, так и в совокупности со-

⁴ Вопросы происхождения травматических повреждений на костных останках из погребений Измерского XVI могильника и их историческая интерпретация будут рассмотрены в отдельной статье

стоять в прямой причинной связи со смертью.

Некоторые выявленные повреждения позволяют высказаться об отдельных конструкционных (видовых и групповых) признаках травмирующих предметов.

В повреждениях 1, 2, 3, 5 на черепе 3 (погр. 4, скелет 2); 2, 4, 5, 6 на черепе 4 (погр. 4, скелет 3); 1, 3, 5 на черепе 5 (погр. 4, скелет 4) отобразились признаки воздействия предмета с дугообразной контактирующей поверхностью (например: чекана, секиры). На черепе 1 (погр. 2) переломы 2 и 3 образовались от действия предмета с удлиненной контактирующей

поверхностью (например: меча, кинжала). Перелом на своде черепа 2 (погр. 3) был причинен в результате воздействия предмета с ограниченной удлиненной контактирующей поверхностью, вероятно, обладающего рубящими свойствами (например: меча, топора).

Для более подробного изучения представленного материала необходимо использование методов стереомикроскопии, лучевой диагностики и спектрального анализа, то есть те методы, которые практикуются в специально созданных лабораториях для проведения судебно-медицинской экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов С.С., Гедыгушев И.А., Звягин В.Н., Назаров Г.Н., Томилин В.В.* Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Отв. ред. В.В. Томилин. М.: НОРМА-ИНФРА., 2000. 472 с.
2. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. *Газимзянов И.Р.* Новые антропологические материалы из Луговского могильника ананьинского времени // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 230–237.
4. *Газимзянов И.Р.* Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в конце эпохи поздней бронзы и раннего железа по данным антропологии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 185–195.
5. *Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.* Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннежелезному веку // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 204–216.
6. *Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета.* Изд. 2-е, перераб. Новосибирск: Наука, 2011. 522 с.
7. *Казаков Е.П., Лыганов А.В.* Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 43–57
8. *Скопин И.В.* Судебно-медицинское исследование повреждений рубящими орудиями // Труды Саратовского государственного медицинского института. Т. XXXIII. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1960. 211 с.
9. *Трофимова Т.А.* Еще раз о черепках из Луговского могильника (в связи с вопросом о низколицем монголоидном типе в Сибири) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. Москва: Наука, 1968. С. 51–91.

Информация об авторах:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, заведующий археобиологической лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); G-Ilgizar@yandex.ru

Кирягин Константин Валерьевич, врач, судебно-медицинский эксперт, медико-криминалистическое отделение ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» (г. Казань, Россия); kiryagin@mail.ru

**ANTHROPOLOGICAL AND PATHOLOGIC-POSTTRAUMATIC
CHARACTERISTICS OF ANCIENT HUMAN REMAINS FROM THE
BURIALS OF IZMERI XXVI BURIAL GROUND ON THE BASIS OF
CRANIOLOGICAL AND MEDICAL-FORENSIC STUDY RESULTS**

I.R. Gazimzyanov, K.V. Kiryagin

The paper features preliminary results of an anthropological study of bone remains from the burials of Izmeri XVI burial ground (11th–9th centuries B.C.) located in the Spassky district of the Tatarstan Republic. A total of five skeletons, four male and one female, were studied using a craniological program and medical-criminalistic analysis techniques. The male skulls are generally characterized as mesocranial with a relatively wide and low horizontally well-profiled face and a central protrusion of the nasal bones. In general, the series corresponds to the Caucasian morphotype, but features an inclusion of Mongoloid elements of the Ural or West Siberian genesis (prognathism of the face, particularly in its alveolar portion, and a minor nose protrusion on individual skulls). In terms of morphology, the female skull corresponds to one of the variants of the Ural race. A comparative analysis involving a synchronous series from the Middle Volga region demonstrated a morphological similarity of the male skulls from Izmeri XVI burial mound with the skulls from Maklasheevka (Murzikha II, Devichiy Gorodok IV, etc.) and Early Ananyino burials (Izmeri VII, Murzikha II, etc.) with their origin possibly related to the generally Caucasian forest-steppe population of the Urals and Western Siberia. Individual bones of postcranial skeletons feature trace of changes related with the age, pathologies and injuries of the subject. Numerous traces of post-traumatic injuries were revealed on all of the skulls. Their number varied from one to seven for individual skulls. A group of items (implements) which could have caused the injury is preliminarily determined depending on its nature, shape and size. In most cases each individual trauma could have been the cause of death of the subject. Thus, the anthropological materials of Izmeri XVI burial mound, in combination with the other materials, reflect the complex and ambiguous processes of racial and cultural genesis in the Middle Volga region in the transition period from the end of the Bronze Age to the beginning of the Iron Age.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Final Bronze Age, Early Iron Age, craniometry, pathological changes, posttraumatic damage..

REFERENCES

1. Abramov, S. S., Gedygushev, I. A., Zviagin, V. N., Nazarov, G. N., Tomilin, V. V. 2000. In Tomilin, V. V. (ed.). *Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya. Nastol'naya kniga sudebno-meditsinskogo eksperta (Medical-Criminalistic Identification. Forensic Expert's Handbook)*. Moscow: "NORMA-INFRA" Publ. (in Russian).

The work was conducted with partial financial support of the Russian Foundation for Basic Research: project No. 16-06-00284a "Ethnic Anthropology of Turkic Groups from the Tatarstan Republic: Comprehensive Study.

2. Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniĭ (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Gazimzyanov, I. R. 2003. Alekseeva, T. I. (ed.). *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva (Horizons of Anthropology: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Academician V.P. Alekseev. Moscow, Saltykovka, September 20-22, 1994)*. Moscow: "Nauka" Publ., 230–237 (in Russian).
4. Gazimzyanov, I. R. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 29–55 (in Russian).
5. Gazimzyanov, I. R., Khokhlov, A. A. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 204–216 (in Russian).
6. *Diagnostikum mekhanizmov i morfologii perelomov pri tupoi travme skeleta (Diagnostic of Mechanisms and Morphology of Fractures in Case of Blunt Trauma of Skeleton)*. 2011. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kazakov, E. P., Lyganov, A. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 43–57 (in Russian).
8. Skopin, I. V. 1960. *Sudebno-meditinskoe issledovanie povrezhdenii rubiashchimi orudiyami (Forensic Study of Injuries Caused by Cutting Implements)*. Series: Trudy Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo institute (Proceedings of Saratov State Medical Institute) 33. Saratov: Saratov State University (in Russian).
9. Trofimova, T. A. 1968. In Alekseev, V. P. Gurvich, I. S. (eds.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii (Issues of Asian Anthropology and Historical Ethnography)*. Moscow: "Nauka" Publ., 51–91 (in Russian).

About the authors:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

Kiryagin Konstantin V. State Autonomous Health-Care Agency «Republican Bureau for Forensic Medical Examination, Ministry of Health, Republic of Tatarstan». Sibirsky Trakt St., 31a, 420029, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kiryagin@mail.ru

Статья поступила в номер 08.02.2018 г.

УДК 904. 572.08

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.294.320>

АНТРОПОЛОГИЯ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА: КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВЫХ И СТАРЫХ МАТЕРИАЛОВ¹

© 2018 г. И.Р. Газимзянов

В статье анализируются антропологические материалы Танкеевского могильника (IX–X вв. н. э.), полученные за все годы его исследования. По краниологической программе изучено 61 мужских и 56 женских черепов. Суммарно мужские и женские черепа краниометрически характеризуются, в целом, мезо-брахикранной формой головы, мезоморфным типом лица с умеренной его профилировкой на всех уровнях, а также средним углом выступания носа. В антропологическом отношении серия европеоидная, но с включением небольшой доли монголоидного компонента. Внутригрупповой анализ серии выявил в ее составе несколько краниокомплексов, различающихся, в основном, по форме черепной коробки и степени выраженности европеоидных признаков. Сравнительный межгрупповой анализ мужских серий эпохи рубежа эр и раннего средневековья показал, что в формировании антропологических особенностей танкеевского населения могли участвовать как «местные» группы поволжско-приуральского генезиса, так и «пришлые» группы южных и юго-западных истоков.

Ключевые слова: краниология, антропологический состав, европеоидный тип, метод главных компонент, канонический анализ, Танкеевский могильник, Волжская Булгария.

Танкеевский могильник является крупнейшим (содержит предположительно около 5 тысяч захоронений) и наиболее исследованным языческим некрополем периода формирования Волжской Булгарии. Он располагается у деревни Танкеевка Спасского (бывшего Куйбышевского) района Республики Татарстан в 20 км к югу от Болгарского городища (Арх. карта..., 1986, № 53). Был случайно открыт в 1904 году при земляных работах в одном из дворов деревни. Регулярные археологические раскопки на этом памятнике начались с 60-х годов и продолжались с перерывами вплоть до конца 80-х годов прошлого столетия. В разные годы археологические исследования на Танкеевском могильни-

ки проводились под научным руководством А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой и Е.П. Казакова (Халиков, 1969; Халикова, 1971; Казаков, 1971). На сегодняшний день изучено более 1200 погребений, большая часть из которых были ограблены еще в древности. Памятник по вещевому инвентарю датируется второй половиной IX–X в. включительно. Погребальный обряд Танкеевского могильника в основном языческий и только небольшое число погребений, выявленных на поздней части некрополя, совершенны в мусульманских традициях. По мнению исследователей, раннесредневековый могильник у д. Танкеевка был оставлен населением различных этнокультурных истоков. Судя по обряду захо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-06-00284а.

ронения и погребальному инвентарю, истоками танкеевского населения являются область распространения ломовско-ломоватовских памятников (Камско-Вятский регион), территория современного Башкортостана (кушнаренковско-караякуповские памятники) и болгаро-салтовские памятники типа Большетарханского могильника (Халикова, 1972; Казаков, 2007, с. 103). Археологические материалы как Танкеевского могильника, так и ряда других синхронных ему памятников (Большетарханский, Тетюшский и др.) наглядно иллюстрируют процесс активного смешения различных по происхождению групп населения, который проходил в рамках складывания раннего государственного образования на Средней Волге – Волжской Булгарии. В итоге это привело к формированию новой этнокультурной группы – волжские болгары. В связи с этим особую значимость приобретает изучение антропологических материалов Танкеевского могильника, которые могут не только охарактеризовать физический облик танкеевского населения, но и указать на этногенетические истоки племен, принявших участие в его сложении, а также определить характер этногенетических связей.

Палеоантропологические материалы Танкеевского могильника в разные годы изучались: М.С. Акимовой (материалы раскопок 1960-х годов), Р.М. Фаттаховым (раскопки 1970-х годов) и автором данной статьи (материалы раскопок 1980-х годов). Несмотря на большое количество исследованных захоронений, количество скелетов, пригодных для полноценного изучения, не так много. Это связано как с плохой сохранностью антропологического

материала, так и с сильной посмертной деформацией черепов, а также часто встречающейся разграбленностью могил еще в древности.

Наиболее полная антропологическая характеристика краниологических материалов Танкеевского могильника дана М.С. Акимовой в двух статьях, опубликованных уже посмертно (Акимова, 1973; Akimova, 1977). На основе краниометрического исследования 43 мужских и 33 женских черепов она пришла к следующим выводам, которые уместно привести здесь полностью:

1. Череп из Танкеевского могильника по комплексу признаков относится к европеоидному типу с нерезко выраженными особенностями. Не исключена небольшая монголоидная примесь.

2. Танкеевская серия по своим особенностям представляет вариант антропологического типа, который был характерным для населения Среднего Поволжья и Волго-Камья, был носителем ломовской, ломоватовской, азелинской и мазунинской культур. К этому типу близка и серия черепов средневековой мордвы из Муранского и близких к нему могильников.

3. Связь черепов разных культур I тысячелетия с предшествующими пъяноборскими дает основание считать, что население Среднего Поволжья и Волго-Камья было в основе местным финноязычным.

4. Имеющийся палеоантропологический материал не дает данных для выявления в танкеевской серии угорского или тюркского компонента (Акимова, 1973, с. 28).

Таким образом, наблюдается противоречие между археологическими данными и данными антропологии

в определении роли отдельных этнических групп в сложении волжских булгар в целом и танкеевского населения в частности. Увеличение материалов по антропологии Танкеевского могильника и накопившиеся за последние десятилетия серийные краниологические данные по поволжско-приуральскому населению эпохи железа и раннего средневековья в совокупности с новыми методами внутригруппового и межгруппового анализа позволяют вновь обратиться к вопросу о выделении «местных» и «пришлых» компонентов в антропологическом составе раннесредневековой танкеевской группы и об их роли в формировании ее этнокультурного и расового облика.

Новый краниологический материал из раскопок 70–80-х годов XX в. Танкеевского могильника состоял из 23 мужских и 26 женских черепов различной степени сохранности².

Суммарно по краниометрическим данным мужские черепа характеризуются средним продольным, средним поперечным и малым высотным диаметрами черепной коробки. Черепной указатель на границе мезо-брахикранных значений. По высотным пропорциям черепа относятся к категории ортокранных и метриокранных. Лобная кость средней ширины, со средним наклоном и умеренно развитым мышечным рельефом.

Лицевой скелет среднеширокий и низкий, по указателю – мезенный. Орбиты невысокие, мезоконхные. Средними параметрами также описывается носовая область, при этом

переносье высокое и хорошо профилировано. В вертикальной проекции лицо в общем мезогнатно, но в альвеолярной его части прослеживается некоторый прогнатизм. По углам горизонтальной профилировки: лицо умеренно уплощено на уровне орбит и слабо – на уровне скул. Угол выступание носовых костей небольшой. В строении нижнего края носового отверстия преобладают заостренные формы.

Таким образом, мужские черепа в целом можно отнести к мезоморфному европеоидному типу, но с включением монголоидных черт (альвеолярный прогнатизм, ослабленное выступание носовых костей, низкий свод и т.д.).

Женские черепа в отличие от мужских выглядят более длинноголовыми, более широколицыми и с более высоким лицом. По остальным параметрам, с учетом полового диморфизма, они довольно близки мужским и их также можно отнести к европеоидным типам с нерезко выраженными признаками.

Сравнительный анализ новых краниометрических данных с данными, полученными М.С. Акимовой, показал, что они сопоставимы по многим признакам как для мужчин, так и женщин (см. табл. 1, 2). Особенно по тем признакам, морфологическая характеристика которых подкреплялась более многочисленным числом наблюдений. И, наоборот, существенные различия выступают в тех случаях, когда количество данных по новой выборке относительно невелико. Например: высота свода, альвеолярный угол и угол выступания носа у мужчин и продольный диаметр и скуловая ширина у женщин.

² Автор выражает признательность Р.М. Фаттахову за возможность использовать в работе его неопубликованные краниометрические данные.

Таблица 1

Сравнительный анализ мужских черепов из Танкеевского могильника.

Признаки	Акимова, 1973		Фаттахов, Газимзянов	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	30	178.4	13	179.0
8. Поперечный диаметр	31	140.6	12	141.4
17. высотный диаметр	20	136.6	6	128.5
9. Наим. ширина лба	38	95.2	18	95.6
45. Скуловой диаметр	21	133.2	8	131.5
48. Верхняя высота лица	27	70.3	9	67.8
55. Высота носа	28	52.4	11	49.9
54. Ширина носа	28	24.7	12	24.8
51. Ширина орбиты	30	42.1	14	41.4
52. Высота орбиты	30	32.8	15	31.8
20. Ушная высота	20	113.8	9	109.7
77. Назомалярный угол	29	141.1	12	140.1
Zm. Зигомакси-ный угол	21	129.6	4	125.7
SS. Симогическая высота	28	3.6	14	4.6
DS. Дакриальная высота	24	12.1	9	11.8
Глубина клыковой ямки	24	5.1	10	4.1
32. Угол профиля лба	25	82.9	6	84.0
72. Общелицевой угол	20	85.1	3	82.7
74. Альвеолярный угол	16	77.8	3	69.3
75 (1). Угол носа	21	27.6	5	21.4
8 : 1. Черепной указатель	29	78.8	12	79.5
17 : 1. Продольный ук-ль	19	75.8	6	72.7
17 : 8. Поперечный ук-ль	19	95.0	6	92.1
9 : 8. Лобный указатель	31	67.9	12	68.0
48 : 45. Верхне-лицевой ук.	19	52.7	5	50.6
54 : 55. Носовой указатель	28	47.4	10	49.7
52 : 51. Орбитный ук-ль	30	78.3	13	77.3
SS : SC. Симогический ук.	28	45.9	14	51.1
DS : DC. Дакриальный ук.	24	57.9	9	53.1
Форма нижнего края носа (Antr. %).	29	21 (72.4 %)	16	13 (81.3 %)

Исходя из этого, можно предположить, что обе выборки в основном отражают реальный общий краниологический тип танкеевской группы населения Волжской Булгарии на этапе ее государственного становления. В этой связи интересны результаты внутригруппового анализа объединенной танкеевской серии, которая представлена 61 мужскими и 56 женскими черепами.

Мужские черепа в среднем характеризуются как мезо-брахикранные, низкоголовые и узколицые со средней

высотой лица (см. табл. 3). Умеренная горизонтальная профилировка лицевого отдела сочетается с некоторой его прогнатностью в вертикальной проекции. Переносе относительно высокое и хорошо профилировано. Угол выступания носа в пределах среднемировых значений.

Женские черепа объединенной серии мало чем отличались от мужских по комплексу признаков. С учетом коэффициента полового диморфизма они имели несколько более крупную, удлиненную и высокую (от порионов)

Таблица 2

Сравнительный анализ женских черепов из Танкеевского могильника.

Признаки	Акимова, 1973		Фаттахов, Газимзянов,	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	24	171.6	10	180.3
8. Поперечный диаметр	23	138.3	6	140.3
17. высотный диаметр	16	129.0	4	132.8
9. Наим. ширина лба	33	93.5	18	92.4
45. Скуловой диаметр	16	124.1	4	128.3
48. Верхняя высота лица	23	65.7	11	69.0
55. Высота носа	23	49.0	12	49.8
54. Ширина носа	23	23.7	17	25.1
51. Ширина орбиты	24	40.0	12	41.5
52. Высота орбиты	23	32.7	13	32.9
20. Ушная высота	18	111.9	4	113.0
77. Назомаллярный угол	25	141.6	12	140.9
Zm. Зигмакси-ный угол	17	131.1	6	128.4
SS. Симотическая высота	20	3.6	16	4.2
DS. Дакриальная высота	17	10.9	5	11.7
Глубина клыковой ямки	20	4.1	13	4.5
32. Угол профиля лба	18	86.7	5	84.6
72. Общелицевой угол	18	85.3	4	83.3
74. Альвеолярный угол	15	76.8	4	71.8
75 (1). Угол носа	16	24.8	7	23.0
8 : 1. Черепной указатель	23	80.8	5	76.6
17 : 1. Продольный ук-ль	14	74.8	3	73.0
17 : 8. Поперечный ук-ль	14	91.6	3	96.3
9 : 8. Лобный указатель	23	67.8	5	67.1
48 : 45. Верхне-лицевой ук.	13	52.5	4	52.7
54 : 55. Носовой указатель	22	48.5	11	51.2
52 : 51. Орбитный ук-ль	24	82.0	12	79.5
SS : SC. Симотический ук.	19	44.9	16	50.8
DS : DC. Дакриальный ук.	17	52.2	5	57.3

черепную коробку, более широкий и высокий лицевой скелет с некоторой уплощенностью на уровне орбит и скул (см. табл. 4, 5). Вместе с тем женские черепа в среднем, как и мужские, в целом относятся к мезоморфному европеоидному типу с нерезко выраженными признаками.

Таким образом, увеличение количество черепов в танкеевской серии не привело к кардинальному изменению ее общей антропологической характеристики. Подтвердился также тезис, высказанный М.С. Акимовой, о ее европеоидной основе с включением небольшой монголоидной при-

Таблица 3

Краниометрические параметры некоторых признаков объединенной серии мужских черепов из Танкеевского могильника.

Признаки	N	X	S
1. Продольный диаметр	41	178.1	8.25**
8. Поперечный диаметр	41	141.0	5.08
17. Высотный диаметр	26	132.4	4.92
9. Наименьшая ширина лба	54	95.4	4.93*
45. Скуловой диаметр	28	132.8	4.61
48. Верхняя высота лица	38	69.9	4.16
55. Высота носа	39	51.6	2.87
54. Ширина носа	40	24.7	1.66
51. Ширина орбиты от mf.	43	41.9	1.87
52. Высота орбиты	45	32.6	2.39**
77. Назомалярный угол	40	140.9	4.91*
Zm. Зигомакилярный угол	26	129.2	5.11
SS. Симотическая высота	41	3.9	1.37***
DS. Дакриальная высота	32	12.4	2.45***
Глубина клыковой ямки (мм)	36	4.8	1.47
32. Угол лба	30	83.1	5.69**
72. Общий лицевой угол	24	84.2	4.69**
74. Альвеолярный угол	24	76.9	6.62
75(1). Угол носа	26	26.4	7.29**
8 : 1. Черепной указатель	39	79.5	6.62***
17 : 1. Высотно-продольный указатель	25	75.1	4.38*
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	25	94.3	3.83
9 : 8. Лобный указатель	41	67.9	4.02
48 : 45. Верхне-лицевой указатель	23	52.2	3.47*
54 : 55. Носовой указатель	38	48.9	6.28***
52 : 51. Орбитный указатель	42	78.1	7.43***
SS : SC. Симотический указатель	41	47.4	14.7**
DS : DC. Дакриальный указатель	32	55.9	10.3*
Надпереносье (1 - 6)	56	3.24	1.13

* – значения, превышающие стандартные

** – существенное превышение стандартной ($P < 0.05$)

*** – существенное превышение стандартной ($P < 0.01$)

меси (Акимова, 1973, с. 17). Вместе с тем, анализируя индивидуальные краниометрические данные и величины квадратических отклонений в объединенных сериях, можно отметить, что они морфологически не однородны. Визуально определяются черепа с разными комплексами признаков: европеоидные и смешанные – европеоидные с включением отдельных монголоидных черт. Последние в серии превалируют. Черепа, которые можно отнести к «чисто» монголо-

идным (центрально-азиатский или южно-сибирский типы) – единичны. Смешанный и сложный антропологический состав танкеевского населения также выявляется и при анализе эмпирических значений квадратического отклонения в серии по отношению их к стандартным. В мужской и женской группе они статистически завышены по многим признакам, но наиболее существенную вариабельность в обеих сериях демонстрирует черепной указатель. Учитывая это, а также невоз-

Таблица 4

Краниометрические параметры некоторых признаков объединенной серии женских черепов из Танкеевского могильника.

Признаки	N	X	S
1. Продольный диаметр	33	174.0	7.54*
8. Поперечный диаметр	29	138.2	7.17**
17. Высотный диаметр	19	129.6	6.24*
9. Наименьшая ширина лба	49	93.0	3.64
45. Скуловой диаметр	19	125.4	5.67*
48. Верхняя высота лица	34	66.7	3.99
55. Высота носа	34	49.4	3.01
54. Ширина носа	39	24.4	1.81
51. Ширина орбиты от mf.	35	40.7	1.91
52. Высота орбиты	37	32.9	2.20
77. Назомалярный угол	36	141.6	4.10
Zm. Зигомакилярный угол	22	130.3	5.81
SS. Симотическая высота	34	3.9	1.23***
DS. Дакриальная высота	22	11.1	1.66*
Глубина клыковой ямки (мм)	33	4.4	1.60***
32. Угол лба	22	86.1	2.88
72. Общий лицевой угол	21	84.6	3.80*
74. Альвеолярный угол	18	75.4	6.04
75(1). Угол носа	22	24.3	4.23
8 : 1. Черепной указатель	27	79.4	5.66*
17 : 1. Высотно-продольный указатель	15	74.9	4.08*
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	15	93.1	5.93*
9 : 8. Лобный указатель	27	68.1	3.07
48 : 45. Верхне-лицевой указатель	16	52.5	3.04
54 : 55. Носовой указатель	31	49.3	3.99
52 : 51. Орбитный указатель	35	81.1	5.37*
SS : SC. Симотический указатель	33	45.8	13.6*
DS : DC. Дакриальный указатель	22	53.4	11.2*
Надпереносье (1 - 6)	50	1.76	0.64

* – значения, превышающие стандартные

** – существенное превышение стандартной ($P < 0.05$)

*** – существенное превышение стандартной ($P < 0.01$)

возможность разделить анализируемую совокупность по археологическому и хронологическому принципам (из-за плохой сохранности черепов и большого количества разграбленных могил), сочли возможным разделить мужские черепа по этому признаку и сопоставить их. При этом выяснилось, что сопоставляемые части мужской серии количественно примерно равны (табл. 6).

Учитывая закономерные различия в признаках, напрямую свя-

занные корреляцией с черепным указателем (например, ширина и длина основания черепа и т.д.), отметим, что мужские брахикранные черепа по отношению к долихо-мезокранным выглядят относительно более высоколицыными и широколицыными. Небольшие различия также прослеживаются в профиле лба и по общему лицевому углу. По этим признакам брахикранные черепа имели более покатый лоб и более прогнатный лицевой скелет. По остальным параметрам

Таблица 5

Сравнение мужских и женских черепов из Танкеевского могильника при помощи коэффициентов полового диморфизма

Признаки	K_{st}	X(м)	X(ж) x K_{st}
1. Продольный диаметр	1.049	178.1	182.5
8. Поперечный диаметр	1.037	141.0	143.3
17. Высотный диаметр	1.047	132.4	135.7
5. Длина основания черепа	1.054	102.0	101.3
9. Наим. ширина лба	1.032	95.4	95.9
11. Ширина основания черепа	1.048	125.9	127.7
45. Скуловой диаметр	1.072	132.8	134.4
40. Длина основания лица	1.042	95.4	99.1
48. Верхняя высота лица	1.076	69.9	71.8
55. Высота носа	1.061	51.6	52.4
54. Ширина носа	1.041	24.7	25.4
51. Ширина орбиты	1.041	41.9	42.4
52. Высота орбиты	1.005	32.6	33.1
20. Ушная высота	1.046	112.5	117.5
SS. Симотическая высота	1.207	3.9	4.7
DS. Дакриальная высота	1.113	12.4	12.4
77. Назомалярный угол	1	140.9	141.6
Zm. Зигомаксиллярный. угол	1	129.2	130.3
75(1). Угол носа	+4°	26.4	28.3

Табл. 6.

Сравнение двух групп мужских черепов Танкеевского могильника, сформированных по черепному указателю

Признаки	X (N) < 80.0	X (N) > 80.0
1. Продольный диаметр	182.6 (21)	179.1 (18)
8. Поперечный диаметр	138.3 (21)	144.0 (18)
17. высотный диаметр	132.4 (13)	132.4 (11)
9. Наименьшая ширина лба	96.0 (21)	94.8 (18)
45. Скуловой диаметр	131.1 (15)	134.8 (13)
48. Верхняя высота лица	68.3 (14)	70.5 (14)
55. высота носа	50.9 (14)	51.8 (14)
54. Ширина носа	24.5 (14)	24.5 (14)
51. Ширина орбиты	41.8 (15)	41.7 (17)
52. Высота орбиты	31.7 (15)	32.7 (17)
77. Назомалярный угол	140.4 (14)	140.8 (16)
Zm. Зигомаксиллярный угол	128.2 (10)	128.1 (8)
SS. Симотическая высота	4.0 (13)	3.9 (16)
DS. Дакриальная высота	12.4 (11)	11.7 (13)
32. Угол лба	84.0 (14)	82.2 (13)
72. Общий лицевой угол	85.2 (12)	83.5 (11)
75 (1). Угол носа	26.6 (11)	27.8 (11)
8:1. Черепной указатель	75.8 (21)	83.8 (18)
48:45. Верхне-лицевой указатель	52.1 (14)	52.5 (9)
54:55. Носовой указатель	48.5 (14)	47.5 (14)
52:51. Орбитный указатель	76.5 (15)	78.6 (17)
Симотический указатель	47.4 (13)	47.1(16)
Дакриальный указатель	57.2 (11)	54.3 (13)

Табл. 7.

Результаты внутригруппового анализа главных компонент.

Признаки	Главные компоненты		
	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.222	-0.087	-0.369
8. Поперечный диаметр	-0.028	0.672	0.242
17. Высотный диаметр	-0.212	0.226	0.717
9. Наим. ширина лба	-0.286	-0.011	0.288
45. Скуловой диаметр	-0.139	0.777	0.368
48. Верхняя высота лица	0.715	-0.028	0.220
55. Высота носа	0.907*	0.048	0.023
54. Ширина носа	-0.349	0.169	-0.018
51. Ширина орбиты (от mf)	-0.133	-0.009	0.404
52. Высота орбиты	0.722	0.094	0.166
32. Угол профиля лба	-0.470	-0.563	0.146
77. Назомалярный угол	-0.574	0.028	0.010
Zm'. Зигмаксиллярный угол	-0.242	-0.393	0.414
SS:SC. Симогический указатель	0.462	-0.447	0.221
75(1). Угол носа	0.044	-0.422	0.712
Общая дисперсия (%)	20.1	13.4	12.8

* – выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

эти группы существенно не отличаются.

Таким образом, морфологическая неоднородность танкеевской краниологической серии проявляется лишь в форме черепной коробки и не связана со строением лицевого отдела, обнаруживая, на наш взгляд, лишь небольшую тенденцию к увеличению некоторых линейных параметров лица в брахикранной ее части. Вероятно, мужчины, погребенные у села Танкеевка, характеризовались в целом европеоидным антропологическим типом, в рамках которого выделяются несколько морфокомплексов, различающихся, прежде всего, формой головы и степенью проявления монголоидных черт.

Представление о характере внутригрупповых связей в танкеевской серии дает метод главных компонент. Для анализа привлечено 26 мужских черепа хорошей сохранности (в ряде случаев, недостающие значения некоторых признаков заменялись сред-

ними групповыми параметрами с учетом черепного индекса) с набором признаков, имеющих повышенную таксономическую значимость, – 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 32, 77, Zm', SS:SC, 75(1). Наиболее полную информацию несут первые три главных компоненты, отражающие в общей совокупности более 46% от всей внутригрупповой изменчивости (табл. 7).

Первая главная компонента (20,1% от всей дисперсии) выявляет следующую внутригрупповую закономерность: с увеличением высоты носа, увеличивается высота орбит и верхняя высота лица. В то же время уменьшается угол горизонтальной профилировки на уровне орбит. Вероятно, данная взаимосвязь признаков статистически подтверждает наличие в мужской серии черепов со следующими морфологическими характеристиками: более высокому лицу соответствует более резкая его профилировка на уровне орбит и, наоборот, уменьшение высоты лица сопровождается

некоторой его уплощенностью в горизонтальной плоскости.

Во второй главной компоненте (13,6%) основные нагрузки падают на скуловую ширину, поперечный диаметр и угол наклона лба. Эти признаки образуют следующую взаимосвязь: с увеличением ширины лица на уровне скул увеличивается ширина черепной коробки, но при этом уменьшается угол наклона лба, то есть он становится более покатым. Возможно, данная компонента выделяет в анализируемой совокупности брахиокраниальные черепа с относительно широким лицом и слабонаклонным лбом, а также черепа с узким лицом, с удлинённой черепной коробкой и с более выпуклым лбом.

Третья компонента, отражающая более 12% от всей внутригрупповой дисперсии, демонстрирует положительную взаимосвязь между высотой свода и углом выступления носовых костей, т.е. с увеличением высотного диаметра увеличивается угол выступления носа. Возможно, данная корреляция определяет наличие в серии черепов европеоидного облика (высокий свод и большой угол носа) и индивидов с монголоидными чертами (низкая голова сочетается с небольшим углом носа).

Таким образом, характер внутригрупповых связей в танкеевской краниологической серии указывает на то, что она состоит в целом из европеоидных черепов (разных морфологических вариантов) и черепов европеоидного облика с нерезко выраженными признаками или монголоидными чертами.

Графическое расположение мужских черепов в пространстве первых двух главных компонент (33,4% от

всей изменчивости) показало их дисперсное распределение на корреляционном поле (рис. 1). Интерпретация такой ситуации, когда черепа Танкеевского некрополя не образуют каких-либо закономерных группировок, довольно затруднительна. Вероятнее всего, они представляют переходные или промежуточные типы как результат далеко зашедшей метисации между исходными компонентами, которые, в свою очередь, также были морфологически смешанными. Так, крайне левое положение по горизонтальной оси I ГК занимают черепа из погребений № 258 (18) и 1010 (22), которые характеризуются низким и несколько уплощенным лицом на уровне орбит. Крайне правое положение занимают черепа европеоидного типа, у которых высокое и узкое лицо сочетается с большим углом выступления носа (погр. № 282 (10) и 303 (17)). По вертикальной оси II ГК верхнее пространство занимают суббрахиокраниальные черепа с относительно низким и широким лицом, с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне орбит и небольшим углом носа (погребения № 513, 457, 415, 1158 (6, 7, 8, 19)). Нижнюю половину вертикали заняли черепа с низкой высотой и средней шириной лица, сопровождавшиеся высокими орбитами, хорошо профилированным и выступающим носом (погр. № 598, 309, 308, 937, 168 (5, 9, 16, 20, 26)).

Таким образом, морфологическое своеобразие танкеевской серии состоит в ее смешанном характере. Источником этого своеобразия является, на наш взгляд, метисация каких-то групп населения, имеющих в целом европеоидные морфологические черты в строении лицевого скелета, но

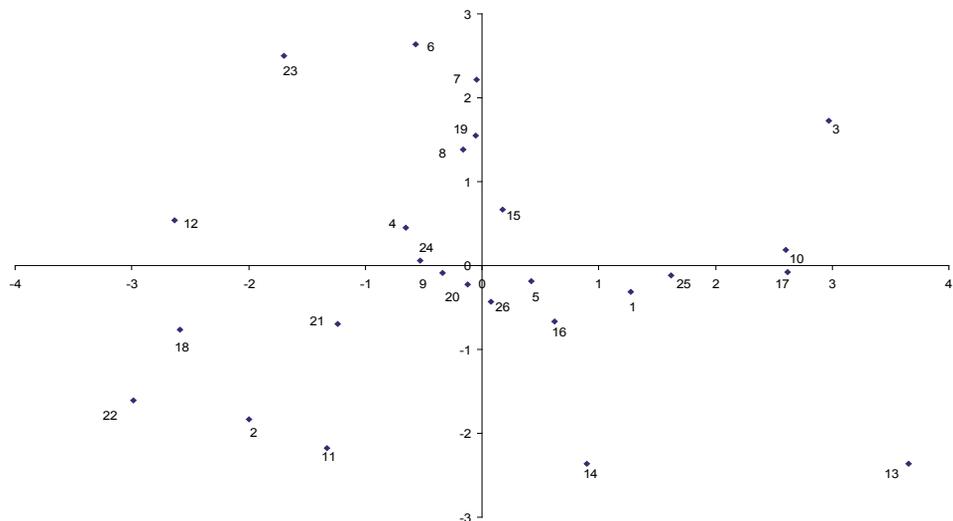

Рис. 1. Расположение мужских черепов Танкеевского могильника в пространстве первых двух главных компонент. 1 – (погр. ?); 2 – (погр. ?); 3 – (погр. ?); 4 – (погр. 673); 5 – (погр. 598); 6 – (погр. 513); 7 – (погр. 457); 8 – (погр. 415); 9 – (погр. 309); 10 – (погр. 282); 11 – (погр. ?); 12 – (погр. 735); 13 – (погр. 709); 14 – (погр. 582); 15 – (погр. 517); 16 – (погр. 308); 17 – (погр. 303); 18 – (погр. 258); 19 – (погр. 1158); 20 – (погр. 937); 21 – (погр. 1059); 22 – (погр. 1010); 23 – (погр. 542); 24 – (погр. 522); 25 – (погр. 1009); 26 – (погр. 168).

Fig. 1. Spatial arrangement of male skulls from Tankeevka burial ground in the first two primary components. 1 – (burial ?); 2 – (burial ?); 3 – (burial ?); 4 – (burial 673); 5 – (burial 598); 6 – (burial 513); 7 – (burial 457); 8 – (burial 415); 9 – (burial 309); 10 – (burial 282); 11 – (burial?); 12 – (burial 735); 13 – (burial 709); 14 – (burial 582); 15 – (burial 517); 16 – (burial 308); 17 – (burial 303); 18 – (burial 258); 19 – (burial 1158); 20 – (burial 937); 21 – (burial 1059); 22 – (burial 1010); 23 – (burial 542); 24 – (burial 522); 25 – (burial 1009); 26 – (burial 168).

различающиеся по степени их выраженности, а также по форме черепной коробки. Наглядное представление о физическом облике древних танкеевских жителей в какой-то мере дает скульптурная реконструкция по мужскому черепу из погребения № 949, выполненная Н.Р. Рахматуллиным по методу М.М. Герасимова (рис. 4).

Для определения основных векторов этногенетических связей танкеевской группы с предшествующим и синхронным ему населением был проведен двухэтапный межгрупповой

анализ с привлечением мужских краниологических серий с территории Восточной Европы и Западной Сибири рубежа эр и эпохи раннего средневековья.

На первом этапе были использованы краниометрические данные по сериям, которые характеризуют антропологический тип «местного» прикамско-приуральского населения различных археологических культур рубежа эр: пьяноборская, гляденовская, караабызская, азелинская, мазунинская, бахмутинская, ломова-

товская (харинский этап). Также для сравнительного анализа были использованы серийные данные по поволжско-приуральским группам сармат среднего этапа и сборные серии по населению саргатской культуры Западной Сибири.

Список мужских краниологических серий эпохи рубежа эр, привлеченных для межгруппового анализа.

1. Танкеевский могильник, IX–X вв. (Акимова, 1973; Газимзянов, наст. работа).

Гляденовская культура

2. Сборная серия («Городок», «Заосиново I, IV», «В. Ирьяк»), III в. до н. э. – V–VI вв. н. э. (данные автора).

Пьяноборская культура

3. Кушелевский м-к, I в. до н. э. – III в. н. э. (Ефимова, 1991).

4. Чегандинский м-к, III в. до н. э. – II в. н. э. (Акимова, 1968; Фаттахов, 1981).

5. Камышлы-Тамакский м-к, II в. до н. э. – II в. н. э. (Акимова, 1968).

6. Ст. Чекмакский м-к, II в. до н. э. – II в. н. э. (Фаттахов, 1981).

Караабызская культура

7. Шиповский м-к, IV–III вв. до н. э. (Ефимова, 1981).

8. Охлебининский м-к, I в. до н. э. – II в. н. э. (Ефимова, 1981).

Азелинская культура

9. Мари-Луговской могильник, IV–V вв. н. э. (Алексеев, 1962).

10. Азелинский, Суворовский могильники (объединенная серия), III – сер. V в. н. э. (Акимова, 1961).

Мазунинская культура

11. Ижевский м-к, III–V вв. н. э. (Фаттахов, 1978).

12. Покровский м-к, IV–V вв. н. э. (Фаттахов, 1978).

13. Боярский «Арай» м-к, III–IV–V вв. н. э. (Широбоков, Черных, 2016).

Бахмутинская культура

14. Бирский м-к (ранний), III–V вв. н. э. (Акимова, 1968).

Харинская культура

15. Митинский м-к, IV–V вв. н. э. (Акимова, 1968).

Сарматы (средний этап)

16. Ст. Киишкинский м-к, III–II в. до н. э. (Акимова, 1968).

17. Заволжская группа (сборная серия), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

18. Калмыцкая группа (сборная серия), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

19. Донская (сборная), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

Саргатская культура

20. Исето-Тобольская группа (сборная), IV в. до н. э. – V в. н. э. (Багашев, 2000).

21. Приишимская группа (сборная), V в. до н. э. – III–IV вв. н. э. (Багашев, 2000).

22. Прииртышская группа (сборная), VI–V вв. до н. э. – III–IV вв. н. э. (Багашев, 2000).

23. Барабинская группа (сборная), VI–V вв. до н. э. – I в. н. э. (Багашев, 2000).

Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей населения рубежа эр определялось методом канонического анализа. В анализе использовались краниометрические параметры, имеющие повышенную таксономическую значимость: 1, 8, 17,9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, Zm', SS:SC, 75(1).

Каноническим методом найдены три первых вектора, отражающих в сумме около 100% всей межгрупповой изменчивости (табл. 8).

Табл. 8.

Элементы первых трех канонических векторов (I-III)
для 23 мужских краниологических серий эпохи рубежа эр.

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.402	0.284	0.346
8. Поперечный диаметр	0.754*	-0.505	-0.176
17. Высотный диаметр	-0.125	0.187	0.296
9. Наименьшая ширина лба	-0.173	-0.035	-0.101
45. Скуловой диаметр	-0.126	0.314	-0.148
48. Верхняя высота лица	-0.277	-0.041	0.410
51. Ширина орбиты	0.763	0.525	0.328
52. Высота орбиты	-0.113	-0.352	0.109
54. Ширина носа	-0.056	-0.028	0.174
55. Высота носа	0.128	-0.015	-0.443
77. Назомалярный угол	0.096	0.135	0.120
Zm'. Зигмаксиллярный угол	0.122	0.002	0.241
SS:SC. Симотический указ-ль	0.289	0.273	-0.300
75(1). Угол носа	-0.093	-0.596	0.840
Собственные числа	39.2	10.5	7.5
Доля в общей дисперсии (в %)	68.5	18.4	13.1

*– выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

В первом каноническом векторе, отражающем более 68% всей изменчивости, наибольшая нагрузка падает на поперечный диаметр и ширину орбит. Положительная коррелятивная связь между этими признаками позволяет выделить в анализируемой совокупности серии, для которых в среднем характерна более широкая черепная коробка и более широкие орбиты, а также серии с противоположными характеристиками – более длинной черепной коробке соответствуют более узкие орбиты.

Второй канонический вектор, описывающий более 18% всей межгрупповой дисперсии, демонстрирует следующую взаимосвязь признаков: с уменьшением угла носа увеличивается ширина орбит, но уменьшается ширина черепной коробки. Вероятно, данный вектор выделяет среди анали-

зируемых групп серии с небольшим углом выступания носа, с более длинной головой и в тоже время более широкими орбитами и, наоборот, серии, для которых присуще более выступающий нос, более широкая черепная коробка и более узкие орбиты.

Третий вектор (более 13% в общей доле всей изменчивости) разделяет нашу выборку мужских краниологических серий рубежа эр на европеоидные группы и серии с монголоидным компонентом в зависимости от степени выступания носа над линией профиля лица.

Таким образом, канонический анализ выявил неоднородный антропологический состав мужских серий Поволжья, Западного Приуралья и Западной Сибири первой половины I тыс. н. э. Основу этой неоднородности составили группы населения,

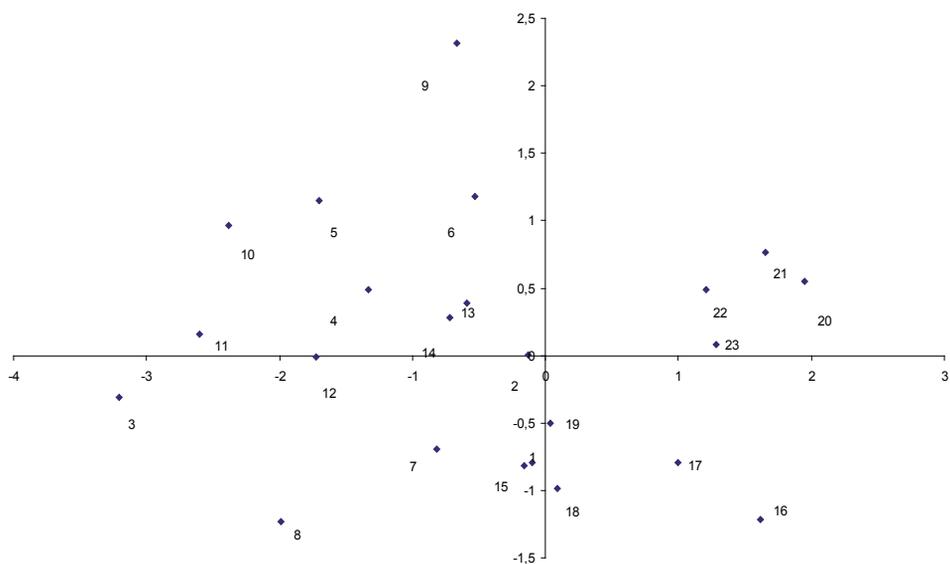

Рис. 2. Мужские краниологические серии эпохи раннего железа в пространстве первых двух канонических векторов.

1 – Танкеевский могильник; 2 – гляденовская культура (сборная серия); 3 – Кушелевский могильник; 4 – Чегандинский могильник; 5 – Камышлы-Тамакский могильник; 6 – Ст.Чекмакский могильник; 7 – Шиповский могильник; 8 – Охлебининский могильник; 9 – Мари-Луговской могильник; 10 – Азелинский, Суворовский могильники (объединенная серия); 11 –Ижевский могильник; 12 – Покровский могильник; 13 – могильник Боярский «Арай»; 14 – Бирский могильник (ранний); 15 – Митинский могильник; 16 – Ст.Кишшинский могильник; 17 – сарматы среднего этапа, заволжская группа (сборная серия); 18 – сарматы среднего этапа, калмыцкая группа (сборная серия); 19 – сарматы среднего этапа, донская группа (сборная серия); 20 – саргатская культура, Исето-Тобольская группа (сборная серия); 21 – саргатская культура, Приишимская группа (сборная серия); 22 – саргатская культура, Прииртышская группа (сборная серия); 23 – саргатская культура, Барабинская группа (сборная серия).

Fig. 2. Spatial arrangement of male craniological series of the Early Iron Period in the first two canonic vectors.

1, 3–16 – burial grounds: 1 – Tankeevka; 3 – Kushelevo; 4 – Cheganda; 5 – Kamyshly-Tamak; 6 – Sary Chekmak; 7 – Shipovo; 8 – Okhlebinino; 9 – Mari-Lugovoe; 10 – Azelino, Suvorovo (united series); 11 – Izhevsk; 12 – Pokrovskoe, 13 – Boyarskii “Aray”; 14 – Birk (earlier); 15 – Mitino; 16 – Staro-Kiishkino; 2 – Gliadeno culture (collective series); 17 – Sarmatians of the middle stage, Trans-Volga group (collective series); 18 – Sarmatians of the middle stage, Kalmyk group (collective series); 19 – Sarmatians of the middle stage, Don group (collective series); 20 – Sargatka culture, Iset-Tobol group (collective series); 21 – Sargatka culture, Ishim River group (collective series); 22 – Sargatka culture, Irtysh River group (collective series); 23 – Sargatka culture, Baraba group (collective series).

морфологически различающиеся в основном по форме черепной коробки, по ширине орбит и углу носа. В расово-типологическом отношении интерпретируются как европео-

идные, но с разной долей в их составе монголоидной примеси.

Наглядно это представлено на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, от-

ражающих в сумме более 86% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 2).

Так, крайне правые позиции по горизонтали первого канонического вектора занимают сборные серии по населению саргатской культуры разных территориальных групп Западной Сибири. В целом для них характерны брахикранная черепная коробка, относительно широкое со средней высотой уплощенное лицо, а также широкие и низкие орбиты и небольшой угол выступания носа, то есть они являлись носителями одного из вариантов уральской расы, для которой характерно сочетание монголоидных и европеоидных черт. Крайне левую позицию по горизонтали заняла серия черепов из Кушулевского могильника пьяноборской культуры. Черепа долихокранные, лицо мезоморфного строения с умеренной профилировкой на уровне орбит и сильной на уровне скул, переносье средней высоты, угол выступания носа небольшой. Представленный морфокомплекс также можно охарактеризовать как вариант уральской расы, а именно – субуральский.

В верхнем полюсе второго канонического вектора расположилась серия черепов Мари-Луговского могильника азелинской культуры с длинной черепной коробкой, с низким сводом, с относительно узким и низким лицом, умеренно профилированным на уровне орбит и скул, со средним углом выступания носа. Данный краниокомплекс в различных вариантах – европеоидный, но с нерезко выраженными признаками – был распространен, по мнению М.С. Акимовой, у местного прикамско-приуральского населения с рубежа эр. В более позднее время, на его основе формировался антрополо-

гический облик современных народов Среднего Поволжья и Волго-Камья, в частности марийцев и удмуртов (Акимова, 1973, с. 28). Действительно, на графике к черепам Мари-Луговского могильника примыкают практически все краниологические серии, характеризующие краниотип прикамско-приуральского населения: пьяноборское, мазунинское, азелинское, бахмутинское и гляденовское. Несколько иным в целом морфокомплексом обладали нижеволжские и южноприуральские сарматы среднего этапа: мезо-брахикранная черепная коробка сочеталась с относительно узким и относительно низким, умеренно профилированным лицом, высоким переносьем и выступающим носом. К этой европеоидной группе средних сармат, особенно донской и калмыцкой, примыкает объединенная серия Танкеевского могильника, а также мужские черепа Шиповского могильника (караабызская культура) и черепа Митинского могильника (ранний этап харинской культуры). Их объединяет мезо-брахикранная форма черепной коробки, мезоморфное лицо с умеренной профилировкой на всех уровнях и высокое переносье с сильным или средним углом выступания носа. Типологическую близость танкеевской серии с черепами Шиповского и Митинского могильника можно интерпретировать как генетическую, но эти серии малочисленны и их морфологическое сходство может носить случайный характер, поэтому вопрос об их возможных генетических связях остается пока открытым. Вместе с тем нельзя не отметить близость танкеевской серии по морфотипу с черепами сармат среднего этапа Нижнего Поволжья, что может свидетельство-

вать об их каком-то участии (пусть и опосредованном, учитывая большой хронологический и территориальный разрыв между ними) в формировании физических особенностей населения, оставившего раннесредневековый языческий могильник у д. Танкеевка.

Таким образом, исходя из результатов межгруппового анализа можем отметить, что в сложение морфологического облика танкеевской группы могли принять участие как предшествующее население прикамско-приуральского генезиса (европеоидное с включением монголоидных особенностей), так и отдельные европеоидные группы южного (степного) населения.

На втором этапе межгруппового сравнительного анализа были использованы краниометрические данные по мужским сериям, характеризующие антропологический облик раннесредневекового населения отдельных регионов Восточной Европы: Среднее и Нижнее Поволжье, Приуралье, Придонье и Карпатская котловина. Их выбор был обусловлен тем, что по археологическим данным группы населения указанных регионов могли принять участие в сложении не только культурных, но и физических особенностей волжских булгар в целом и танкеевской популяции в частности.

Список мужских краниологических серий с территории Восточной Европы раннесредневекового времени, использованных в каноническом анализе.

Среднее Поволжье

1. Танкеевский, IX–XI вв. (Акимова, 1973).
2. Население Самарского Поволжья (сборная), VII–X вв. (Газимзянов, 2014).

3. Кайбельский (ранний), VIII–IX вв. (Герасимова, 1956).
4. Больше-Тарханский, VIII–IX вв. (Акимова, 1964).
5. Больше-Тиганский, VIII–IX вв. (Фаттахов, 1981).
6. IV Билярский, X–XII вв. (Фаттахов, 1979).
7. I–III Билярские (сборная, брахикранная группа), X–XIII вв. (Ефимова, 1991).
8. I–III Билярские (сборная, долихомезокранная группа), X–XIII вв. (Ефимова, 1991).

Прикамье

9. Ломоватовская культура (сборная), IV–VIII вв. (Алексеев, 1969, Акимова, 1968).
10. Поломская культура (сборная), V–IX вв. (Алексеев, 1969, Акимова, 1968).

Приуралье

11. Северная Башкирия (сборная), IX–X вв. (Ефимова, 1991).

Нижнее Поволжье

12. Саркел (кочевники), X–XI вв. (Вуич, 1963).
13. Саркел, Большой курган (насыпь 17/10), X–XI вв. (Гинзбург, 1951, 1963).
14. Саркел (могильник у север-восточной стены), X–XI вв. (Вуич, Гинзбург, Фирштейн, 1963).
15. Сборная серия хазарского времени (недеформированная группа), VIII–X вв. (Балабанова, 2005).
16. Саркел (правобережное городище), VIII–IX вв. (Гинзбург, 1963).

Придонье

17. Зливкинский, VIII–IX вв. (Наджинов, 1955; Ефимова, Кондукторова, 1993).
18. Верхнее-Салтовский, VIII–IX вв. (Алексеев, 1962).

Табл. 9.

Элементы первых трех канонически векторов (I-III)
для 23 мужских краниологических серий эпохи раннего средневековья.

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.384	-0.006	-0.125
8. Поперечный диаметр	0.598*	-0.168	0.198
17. Высотный диаметр	-0.188	0.542	0.514
9. Наименьшая ширина лба	-0.511	-0.271	0.280
45. Скуловой диаметр	0.425	-0.602	-0.239
48. Верхняя высота лица	-0.025	-0.523	-0.042
51. Ширина орбиты	0.225	0.539	0.450
52. Высота орбиты	-0.056	0.147	-0.300
54. Ширина носа	0.069	0.005	-0.344
55. Высота носа	0.058	0.704	-0.409
77. Назомалярный угол	0.153	0.234	0.117
Zm'. Зигомаксиллярный угол	0.332	0.009	0.024
SS:SC. Симотический указ-ль	0.106	-0.431	0.467
75(1). Угол носа	-0.528	-0.207	-0.177
Собственные числа	44.3	19.4	8.9
Доля в общей дисперсии (в %)	62.2	26.7	12.2

* выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

19. Маяцкий, VIII–IX вв. (Кондукторова, 1984).

20. Дмитровский, VIII–IX вв. (Кондукторова, Сегеда, 1990).

21. Сидоровский, IX–X вв. (Газимзянов, 2014).

Кочевники

22. Авары (сборная, Кецель), VIII в. (Тот, Фирштейн, 1970).

23. Венгры (сборная), X в. (средние по Г.Ф. Дебец; Рудь, 1987).

Каноническим методом извлечено три первых вектора, отражающих в совокупности около 100% всей межгрупповой изменчивости (табл. 9).

Максимальные нагрузки в I каноническом векторе (более 62% всей дисперсии) несут следующие признаки: поперечный диаметр, наименьшая ширина лба и угол носа, образуя комплексную корреляционную связь, —

с увеличением ширины черепной коробки уменьшается ширина лба и понижается угол выступания носа. Вероятно, данный вектор в антропологическом плане позволяет выделить среди исходных групп серии с монголоидными и европеоидными комплексами признаков. Для первых будет характерна широкая черепная коробка, узкий лоб и небольшой угол выступания носа, а для вторых — более узкий череп, более широкий лоб и более выступающий нос.

Второй канонический вектор (более 26% всей изменчивости) выявляет более сложную межгрупповую коррелятивную связь. Основные нагрузки падают на высоту носа, скуловой диаметр, высоту свода, ширину орбит и высоту лица, образуя следующую закономерность: с увеличением высоты

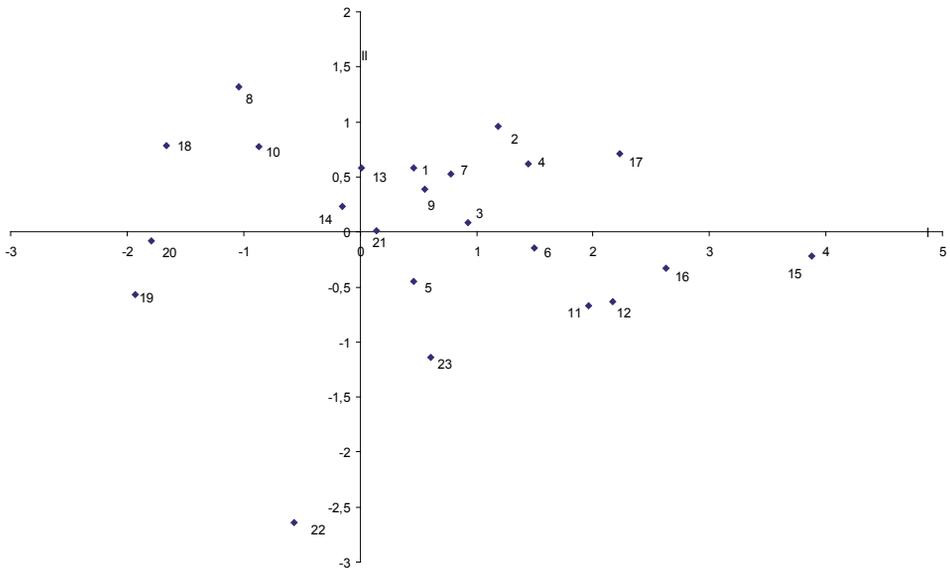

Рис. 3. Мужские краниологические серии эпохи раннего средневековья Восточной Европы в пространстве первых двух канонических векторов.
 1 – Танкеевский могильник; 2 – население Самарского Поволжья, новинковский тип памятников (сборная серия); 3 – Кайбельский могильник (ранний); 4 – Больше-Тарханский могильник; 5 – Больше-Тиганский могильник; 6 – IV Билярский некрополь; 7 – I–III Билярские некрополи (сборная серия, брахикранный группа); 8 – I–III Билярские некрополи (сборная серия, долихо-мезокранная группа); 9 – население ломоватовской культуры (сборная серия); 10 – население полемской культуры (сборная серия); 11 – кочевники, Северная Башкирия (сборная серия); 12 – Саркел (кочевники); 13 – Саркел, Большой курган (насыпь 17/10); 14 – Саркел (могильник у север-восточной стены); 15 – сборная серия хазарского времени (недеформированная группа); 16 – Саркел (правобережное городище); 17 – Зливкинский могильник; 18 – Верхне-Салтовский могильник; 19 – Маяцкий могильник; 20 – Дмитровский могильник; 21 – Сидоровский могильник; 22 – авары (сборная серия, Кецель); 23 – венгры эпохи «обретения Родины» (сборная серия).

Fig. 3. Spatial arrangement of male craniological series of the Early Middle Ages in the first two canonic vectors.

1 – Tankeevka burial ground; 2 – Population of the Samara Volga region, Novinki type (collective series); 3 – Kaibely burial ground (earlier); 4 – Bolshie Tarkhany burial ground; 5 – Bolshie Tigany burial ground; 6 – IV Biliar Necropolis; 7 – I–III Biliar Necropolis (collective series, Brachicran group); 8 – I–III Biliar Necropolis (collective series, Dolicho-mezocran group); 9 – Population of the Lomovatovo culture (collective series); 10 – Population of the Polom culture (collective series); 11 – Nomads; 12 – Sarkel (Nomads); 13 – Sarkel, Bol'shoi kurgan (mound 17/10); 14 – Sarkel (burial ground near the northeast wall); 15 – collective series of the Khazarian Time (undeformed group); 16 – Sarkel (right-bank hillfort); 17 – Zlivki burial ground; 18 – Verkhne-Saltovo burial ground; 19 – Mayaki burial ground; 20 – Dmitrovo burial ground; 21 – Sidorovo burial ground; 22 – Avars (collective series, Ketsel); 23 – Hungarians of the era of “Finding the Motherland” (collective series).

носа и ширины орбит, уменьшается ширина и высота лица, но увеличивается высота свода черепной коробки.

Данный вектор, вероятно, выделяет среди анализируемых групп раннесредневекового населения Восточной

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по мужскому черепу из погребения № 949, выполненная по методу М.М. Герасимова. Автор Н.Р. Рахматуллин.

Fig. 4. Sculptural reconstruction on the basis of a male skull from burial No. 949 using M.M. Gerasimov's technique. Author – N.R. Rakhmatullin.

Европы краниологические серии смешанного морфотипа. Имея относительно общий по пропорциям тип лица, как правило, мезоморфного строения, они различаются по высоте носа и ширине орбит, в зависимости от высоты свода. Так, высокоголовые группы обладали более высоким носом и более широкими орбитами, чем низкоголовые группы.

Третий канонический вектор (более 12% всей межгрупповой дисперсии) дополняет предыдущий тем, что в нем главную нагрузку несет единственный признак – высотный диаметр, который еще раз подтверждает наш вывод о присутствии в мужских группах серий с высоким или низким сводом черепа.

Таким образом, межгрупповой анализ раннесредневековых групп населения Восточной Европы показал, что в антропологическом отношении они не однородны. Основу этой неоднородности составили группы населения, морфологически различаю-

щиеся в основном формой черепной коробки, углом выступания носа, а также строением лицевого скелета в целом, а также отдельными его элементами. В расово-типологическом отношении они характеризуются как европеоидные группы, но с разной степенью включения в их состав монголоидного компонента.

Иллюстративно это отражено на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, в совокупности отражающем более 86% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 3).

Наиболее монголоидные группы заняли положительное поле по горизонтали первого канонического вектора: серия кочевников Нижнего Поволжья хазарского времени, серия из курганных захоронений у стен Саркела, серия правобережного Цимлянского городища, серия черепов из курганных захоронений северного Башкортостана и серия Зливкинско-го могильника. Для них характерна

брахикранная форма черепа, узкий лоб, широкое со средней или низкой высотой лицо, уплощенное на уровне орбит и скул, а также ослабленное выступание носа, то есть прослеживается в целом комплекс признаков южно-сибирского антропологического типа. Долихокранные узколицевые группы с резкой профилировкой и с большим углом выступления носа расположились в левой половине горизонтальной оси I КВ: серии черепов из Верхне-Салтовского, Маяцкого и Дмитровского могильников салтовомаяцкой культуры. Они маркируют долихокранные европеоидные популяции алано-сарматского генезиса в составе населения Хазарского каганата.

По вертикали второго канонического вектора верхнюю половину занимают сборная серии черепов (долихо-мезокранная группа) из I–III Билярских мусульманских некрополей домонгольского времени и сборная серия черепов из захоронений ломоской культуры (Верхнее Прикамье). Кроме удлиненной формы черепа их объединяет высокая высота свода, узкое мезоморфное лицо с умеренной уплощенностью на всех уровнях и средний угол выступления носа. В антропологическом отношении эти серии, несомненно, европеоидные, но с небольшой долей монголоидной примеси местного прикамско-приуральского генезиса. Нижнюю половину II КВ заняли серия черепов из аварских захоронений с территории Прикарпатья и сборная серия по венграм «эпохи обретения Родины». Обе серии характеризуются округлой формой черепа, высоким сводом, умеренно профилированным и мезоморфным лицом, высоким переносом и хорошо

выступающим носом, то есть европеоидным в целом типом, но с небольшой долей монголоидных элементов.

Центральную группу на графике составили мужские краниологические серии, представляющие мезо-брахикранный европеоидный в целом антропологический тип населения Хазарского каганата, Среднего Поволжья и Прикамья: серии из городских могильников Саркела и серия черепов из Сидоровского раннемусульманского некрополя; серии из раннебулгарских языческих могильников (Больше-Тарханский и Кайбельский), сборная серия из захоронений «новинковского» типа с Самарской Луки и сборная серия (брахикранная группа) из мусульманских I–III Билярских некрополей; сборная серия из могильников ломоватовской культуры. В эту группу вошла и объединенная серия из Танкевского могильника, в которой обнаруживается наибольшая морфологическая связь с сериями черепов из Саркела (Большой курган, насыпь 17/10), ломоватовской культуры и мусульманских некрополей Биляра I–III (брахикранная группа). Исходя из результатов межгруппового антропологического анализа в совокупности с археологическими данными, можно предположить, что в сложении физических и культурных особенностей волжских болгар принимали участие группы населения различных этнокультурных и этногенетических истоков. В связи с этим следует вспомнить один из тезисов М.С. Акимовой, высказанный по итогам антропологического исследования материалов Танкеевского могильника. По ее мнению, имеющийся (на тот момент) палеоантропологический материал не дает данных для выявления в танкеев-

ской серии угорского или тюркского компонента. Она считала, что основу расового облика танкеевского населения составляли морфологические типы – европеоидные с нерезко выраженными признаками, – характерные для местных (по Акимовой – финноязычных) племен Волго-Камья на протяжении всего I тысячелетия н. э. (Акимова, 1973, с. 28). Не вдаваясь в дискуссию о связи носителей определенного языка с отдельными археологическими культурами, можем констатировать, что внутригрупповой анализ всех антропологических материалов Танкеевского могильника выявил в его составе европеоидные в целом морфологические комплексы, которые в той или иной степени могут быть генетически связаны как с местным населением в широком плане поволжско-приуральских истоков (носителем поломо-ломоватовских и кушнареново-караякуповских археологических традиций), так и с группами населения южных и юго-западных истоков (носителей в основном салтово-маяцких культурных традиций). Этому предположению не противоречат и археологические материалы Танкеевского могильника (Генинг, Халиков, 1964; Казаков, 1992; Khalikova, Kazakov, 1977).

Подводя итоги краниологического исследования антропологических материалов Танкеевского могильника, накопленных к сегодняшнему дню, можно сделать следующие выводы:

Увеличение численности танкеевской краниологической серии не привело к кардинальным изменениям ее основных краниометрических параметров, приведенных в исследованиях М.С. Акимовой.

Мужские и женские черепа из Танкеевского могильника суммарно характеризуются средними размерами по основным признакам лица и черепной коробки. По пропорциям они относятся к мезоморфным типам. Антропологический тип танкеевской группы в целом европеоидный, но с нерезко выраженными особенностями. Не исключена небольшая монголоидная примесь, которая проявляется на отдельных черепах в некоторой уплощенности лица и ослабленном выступании носа.

Внутригрупповой анализ объединенной серии показал, что она не однородна по антропологическому составу. В основе этой неоднородности лежат европеоидные в целом морфокомплексы, различающиеся формой черепа и степенью выраженности европеоидных черт.

Сравнительный межгрупповой анализ танкеевской группы с мужскими краниологическими сериями эпохи рубежа эр с территории Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири выявил ее некоторое морфологическое сходство по комплексу признаков с отдельными сериями караабызской (Шиповский могильник) и харинской (Митинский могильник, ранний этап) культур Приуралья, а также с отдельными группами нижневолжских сармат среднего этапа. Говорить о генетической преемственности и участии этих групп в расогенезе танкеевского населения пока преждевременно. Это связано как с малочисленностью приуральских серий, так и с большим территориальным и хронологическим разрывом между среднесарматскими памятниками и Танкеевским могильником.

Сравнение танкеевских черепов с синхронными краниологическими сериями (группами) с территории Восточной Европы показало, что в формировании физических особенностей танкеевской группировки могли участвовать в основном как население салтово-маяцкой культуры (мезо-брахикранный компонент), так и верхнекамское, поломо-ломоватовское население (долихо-мезокранный компонент), этнокультурная атрибуция которых пока не совсем ясна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова М.С.* Антропологические материалы из Танкеевского могильника // ВА. 1973. С. 15–29.
2. *Акимова М.С.* Антропологический состав населения пьяноборской культуры // ВА. 1961. С. 29–39.
3. *Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
4. *Акимова М.С.* Материалы к антропологии ранних болгар // Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. С. 177–197.
5. *Алексеев В.П.* Антропология Салтівського могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ: Наукова думка, 1962. С. 49–87.
6. *Алексеев В.П.* Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 241–258.
7. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.
8. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 112 с.
9. *Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
10. *Балабанова М.А.* Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 55–72.
11. *Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М.: Наука, 2000. 133 с.
12. *Вуич Л.Г.* Антропологическая характеристика черепов из ранних погребений Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 282–294.
13. *Вуич Л.Г.* Череп из кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 420–449.
14. *Вуич Л.Г., Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В.* Череп из погребений у оборонительных стен Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 354–410.
15. *Газимзянов И.Р.* Об антропологическом единстве ранних болгар Восточной Европы // Трети международен конгресс по българистика. Материалы научной конференции (София, 23–26 мая 2013 г.) / Отв. ред. Тодор Попнеделев. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. С. 102–133.
16. *Геннинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 201 с.
17. *Герасимова М.М.* Скелеты древних болгар из раскопок у села Кайбелы // Антропологический сборник. Т. I / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 146–165.

18. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела – Белой Вежи и его происхождение // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 260–281.
19. Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 295–307.
20. Ефимова С.Г. К краниологии Волго-Камья эпохи раннего железа // ВА. 1981. С. 64–73.
21. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
22. Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Болгарский компонент в антропологическом составе населения салтово-маяцкой культуры // ВА. 1993. С. 66–79.
23. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.
24. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
25. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–155.
26. Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Плетнева С.А. Маяцкое городище. М.: Наука, 1984. С. 200–236.
27. Кондукторова Т.С., Сегеда П.С. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитровское // ВА. 1992. С. 94–105.
28. Наджимов К.Е. О черепях Зливкинского могильника // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XXIV. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 66–74.
29. Рудь Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 83–141.
30. Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 204 с.
31. Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопам 1972–1973 гг.) // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 119–123.
32. Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тыс. н. э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии / Отв. ред. А.А. Воронов, И.И. Крупник. М.: Наука, 1978. С. 206–215.
33. Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 94–109.
34. Фаттахов Р.М. Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Сборник музея по антропологии и этнографии. Вып. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 130–138.
35. Халиков А.Х. Исследования казанских археологов на территории Татарии в 1961–1967 гг. // Очерки истории Поволжья и Приуралья / Отв. ред. А.Л. Литвин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. С. 3–15.
36. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX – X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.

37. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 145–160.

38. Широбоков И.Г. Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

39. Akimova M.S. Materiaux anthropologiques dans le cimetiere de Tankeevka // Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 223–236.

40. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 236.

Информация об авторе:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, заведующий археобиологической лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); G-Ilgizar@yandex.ru

ANTHROPOLOGY OF TANKEEVKA BURIAL GROUND: CRANIOLOGICAL ANALYSIS OF NEW AND PREVIOUS MATERIALS

I.R. Gazimzyanov

The paper analyzes the anthropological materials of Tankeevka burial ground (9th–10th centuries A.D.) obtained throughout the entire study period. A total of 61 male and 56 female skulls were studied on the basis of the craniological program. In terms of craniometry, the male and female skulls are generally characterized by the meso-brachicranal shape of the head, the mesomorphic type of the face with moderate profiling at all levels, and by the average nose protrusion angle. In terms of anthropology, the series is Caucasian, but features an inclusion of a minor fraction of the Mongoloid component. An intragroup analysis of the series revealed several craniocomplexes in its composition mainly varying by the shape of the cranium and the manifestation degree of Caucasian features. A comparative intergroup analysis of the male series dating back to the turn of epochs and the early Middle Ages demonstrated that the formation of anthropological features of the Tankeevka population could have been established with the involvement of the “local” groups of the Volga-Ural genesis, as well as the “alien” groups of the Southern and South-Western origin.

Keywords: archaeology, craniology, anthropological composition, Caucasian type, principal component analysis, canonical analysis, Tankeevka burial ground, Volga Bulgaria.

REFERENCES

1. Akimova, M. S. 1973. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 45. 15–29 (in Russian).
2. Akimova, M. S. 1961. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 7. 29–39 (in Russian).
3. Akimova, M. S. 1968. *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ia (Anthropology of the Ancient Population of the Cis-Urals)* (in Russian).
4. Akimova, M. S. 1964. In *Genning, V. F., Khalikov, A. Kh. Rannie bolgary na Volge (V.F. Genning, A.Kh. Khalikov. Early Bulgars on the Volga)*. Moscow: “Nauka” Publ., 177–179 (in Russian).

The work was conducted with the financial supported of the Russian Foundation for Basic Research: project No. 16-06-00284a.

5. Alekseev, V. P. 1962. *Materiali z antropologii Ukraini (Ukrainian Anthropology Materials)*. Kiiv, 1962. Vip.2. S. 49-87.
6. Alekseev, V. P. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 241–258 (in Russian).
7. Alekseev, V. P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoi Evropy (Origins of the Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Starostin, P. N. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
9. Bagashev, A. N. 2000. *Paleoantropologiia Zapadnoi Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza (Palaeoanthropology of Western Siberia: Forest Steppe in Early Iron Period)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Balabanova, M. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 55–72 (in Russian).
11. Balabanova, M. A. 2000. *Antropologiia drevnego naseleniia Iuzhnogo Priural'ia i Nizhnego Povolzh'ia (Palaeoanthropology of Western Siberia: Forest Steppe in Early Iron Period)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Vuich, L. G. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 109. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 282–294 (in Russian).
13. Vuich, L. G. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 109. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 420–449 (in Russian).
14. Vuich, L. G., Ginzburg, V. V., Firshtein, B. V. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 109. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 354–410 (in Russian).
15. Gazimzyanov, I. R. 2014. In Popnedelev, T. (ed.). *Treti mezhdunaroden kongress po b"lgaristika. Materialy nauchnoi konferentsii (Sofia, 23–26 maia 2013 g.) (Third International Congress on Bolgar Studies. Materials of the Scientific Conference (Sofia, May 23-26, 2013))*. Sofia: "Sv. Kliment Okhridski" Publ., 102–133 (in Russian).
16. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Early Bolgars on the Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Gerasimova, M. M. 1956. In *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 146–165 (in Russian).
18. Ginzburg, V. V. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 109. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 260–281 (in Russian).
19. Ginzburg, V. V. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 109. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 295–307 (in Russian).
20. Efimova, S. G. 1981. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 67. 64–73 (in Russian).

21. Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
22. Efimova, S. G., Konduktorova, T. S. 1993. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 87. 66–79 (in Russian).
23. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgari, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
24. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 94–155 (in Russian).
26. Konduktorova, T. S. 1984. In Pletneva, S. A. *Maiatskoe gorodishche (Mayaki Settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–236 (in Russian).
27. Konduktorova, T. S., Segeda, P. S. 1992. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 84. 94–105 (in Russian).
28. Nadzhimov, K. E. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66–74 (in Russian).
29. Rud', N. M. 1987. In Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Iablonskii, L. T. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 83–141 (in Russian).
30. Tot, T. A., Firshtein, B. V. 1970. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty (Anthropological Information on the Migration Period. Avars and Sarmatians)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Fattakhov, R. M. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 119–123 (in Russian).
32. Fattakhov, R. M. 1978. In Voronov, A. A., Krupnik, I. I. (eds.). *Problemy etnografii i etnicheskoi antropologii (Issues of Ethnography and Ethnic Anthropology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 206–215 (in Russian).
33. Fattakhov, R. M. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 94–109 (in Russian).
34. Fattakhov, R. M. 1980. In *Sbornik muzeia po antropologii i etnografii (Collected Papers of the Museum for Anthropology and Ethnography)* 36. Leningrad: "Nauka" Publ., 130–138 (in Russian).
35. Khalikov, A. Kh. 1969. In Litvin, A. L. (ed.). *Ocherki istorii Povolzh'ia i Priural'ia (Essays on the History of the Volga and Ural Regions)*. Kazan: Kazan State University, 3–15 (in Russian).
36. Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).
37. Khalikova, E. A. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 145–160 (in Russian).
38. Shirobokov, I. G. 2016. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* 26(1), 25–34 (in Russian).

39. Akimova, M. S. 1977. In Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethnies voisines a l'Est. Budapest, 223-236.

40. Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. Le cimetiére de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethnies voisines a l'Est. Budapest.

About the author:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

Статья поступила в номер 08.02.2018 г.

История археологической науки

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.321.341>

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЗНАНИЯ РАНИОН В СУДЬБАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2018 г. С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

В статье анализируется вклад Института археологии и искусствознания РАНИОН в воспитание плеяды археологов – представителей московской археологической школы. У истоков системной подготовки кадров археологов в 1 МГУ и РАНИОН в 1920-е – начале 1930-х гг. стоял В.А. Городцов. Большинство московских археологов, окончивших в те годы отделение археологии ФОН 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, были прямыми учениками В.А. Городцова, прошли через его лекции, семинары и экспедиции. Василий Алексеевич стремился подготовить «серьезных работников-археологов», вооружив их теоретическими и методическими знаниями, навыками камеральной и полевой работы. Со второго курса аспирантуры его ученики вели самостоятельные археологические разведки и раскопки. Московская археологическая школа (С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов и др.) выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х гг.

Ключевые слова: археология, московская археологическая школа, В.А. Городцов, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, факультет общественных наук 1 МГУ.

Становление московской археологической школы неразрывно связано с именем ее негласного лидера В.А. Городцова (1860–1945). Будучи в археологии самоучкой, ученый тем не менее осознавал необходимость появления в России профессиональной системы подготовки кадров археологов и еще до революции немало сделал для ее создания. В Московском археологическом институте (1907–1915) и в его отделениях в Витебске, Смоленске, Калуге, Ярославле, Нижнем Новгороде, а затем в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского (1915–1918) он разработал, прочитал и опубликовал учебный курс, включивший лекции по перво-

бытной и бытовой археологии, методике археологических раскопок и камеральной обработке добытых материалов (Городцов, 1908; 1910; 1911; 1914а). По мнению современников, «В.А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени» (Смирнов, 2015, с. 320); этот труд имеет систематизирующее значение для русской археологии (Клейн, 2011, с. 652) как первая развернутая археологическая версия мирового культурно-исторического процесса в русской археологии (Лебедев, 1992, с. 254).

Проводниками новаторских взглядов ученого, связанных, прежде всего, с разработкой типологического

метода и археологической классификации, стало первое поколение его учеников (В.В. Гольмстен, М.М. Воронец, Е.Н. Клетнова, Д.Н. Эдинг, Н.К. Ауэрбах, Ф.В. Баллод, П.С. Рыков, В.В. Арндт, С.А. Локтюшев и др.). В процессе обучения они готовили сообщения, рефераты, научные отчеты, вели оригинальные исследования (в основном по материалам Российского исторического музея, которые в конце обучения защищались как диссертации на соискание звания «ученый-археолог». Для исследования предлагались темы: «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» (В.В. Гольмстен), «Булавки Европейской России» (Д.Н. Эдинг, П.С. Рыков), «Фибулы Европейской России» (С.И. Флях), «Типы мечей и сабель Европейской России» (Е.В. Городцова), «Типы перстней и ручных колец по материалам ИРИМ» (Н.Н. Шмыткина), «Русские пряжки ИРИМ» (В.С. Воронов), «Греческие чернофигурные и краснофигурные вазы ИРИМ» (К.И. Штрауберг) и др.

В ИРИМ слушатели обучались методике работы с археологическими материалами и памятниками (датировка, классификация, систематизация), осваивали навыки реставрации металлических предметов, тканей и их хранения, учились нашивке вещей на планшеты и др. В 1910-е гг. началась реконструкция музея. В новых залах Городцов стал широко использовать научно-вспомогательные материалы – макеты станков, древних землянок, шахт, погребений (некоторые из них просуществовали до 1960-х гг.). Самыми активными помощниками при их изготовлении, а также инвентаризации и каталогизации коллекций

ИРИМ была «пожарная команда Городцова» – так в шутку называли его учеников, помогавших учителю в работе (Студзицкая, 1988, с. 8, 9). Параллельно велись занятия по музееведению – слушатели учились «пользоваться сокровищами Исторического музея, где им чаще всего придется работать» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 112, л. 47 об). В «Журнале занятий со слушателями III курса МАИ на 1914/1915 гг.» Василий Алексеевич оставил запись: «Слушатели знакомились с порядком поступления, регистрации и размещения древностей музея <...> осмотрены инвентарные книги, подвижной карточный каталог, <...> запасные коллекции и коллекции, выставленные в открытых залах» (там же, л. 47).

В преддверии XVI Археологического съезда в Пскове (к сожалению, не состоявшегося в связи с началом Первой мировой войны) ученики Городцова активно включились в реализацию плана систематического археологического исследования Псковской губернии. План был разработан в 1912 г., получил одобрение членов Московского археологического общества и лично графини П.С. Уваровой (Городцов, 1914б). Его разработка в немалой степени была сопряжена с желанием Городцова-педагога «дать возможность поработать бывшим ученикам по археологическому институту» (цит. по: Стрижова, 1988, с. 30). Выявление и изучение псковских древностей должно было стать своеобразным испытанием и апробацией сил В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинга, П.С. Рыкова, М.М. Воронца и др. Молодые исследователи успешно сдали этот экзамен. Коллекции из разведок и раскопок учеников Городцова заняли ведущие места на выставке, приуро-

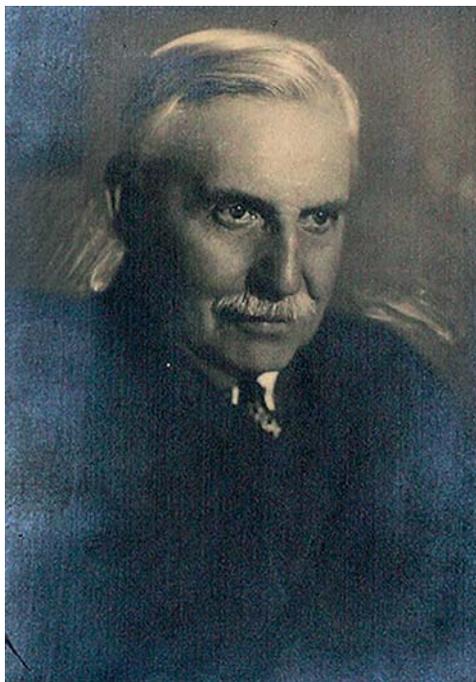

Рис. 1. В.А. Городцов. 1930-е годы.
Фото. ГИМ.

Fig. 1. V.A. Gorodtsov. 1930s.
Photograph. State Historical Museum.

ченной к открытию Псковского съезда (Каталог... 1915, с. 1–5), а доклады по итогам исследований были заслушаны в МАО (Отчет... 1914, с. 341). По рекомендации Василия Алексеевича Веру Гольмстен, Дмитрия Эдинга и Максимилиана Воронца избрали членами-корреспондентами МАО, но главное – пригласили на работу в Российский исторический музей.

В императорской России отсутствие высшего образования закрыло ученому доступ к преподаванию в Московском университете. Революция сняла эти препоны. В 1918 г. Городцов был утвержден в звании профессора археологии и в 1919–1930 гг. читал лекции по первобытной археологии и истории первобытного искусства на факультетах общественных

наук (археологическое отделение), этнологическом (отделение истории и археологии) и историко-философском 1 МГУ (рис. 1). В 1930 г. его отлучили от университета, но в 1935 г. Василий Алексеевич вернулся к преподаванию своих прежних курсов на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. – в МИФЛИ, а в 1941–1945 гг. – на кафедре археологии МГУ (Канторович, 2009, с. 311, 312; Белозерова, Кузьминых, 2015, с. 58).

Для студентов-археологов 1 МГУ 1920-х гг. Городцов не просто учитель, любимый профессор и руководитель научно-студенческого археологического кружка (функционировал с 1926 г.), но и истинный кумир. Его университетская школа существовала как единый научный организм. В ней постоянно шло интеллектуальное общение профессора и его учеников разных поколений (Кызласова, 2010, с. 758). Эта школа представляла собой особое братство, некий клан под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки». Предводителем и вождем «тотема» был, конечно, сам Василий Алексеевич (Китова, 2007, с. 130, 131; Кызласова, 2010, с. 758, 759). Он – часто в ущерб научным занятиям – старался передать ученикам все свои знания и опыт. Его семинары по практическому освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение» и др.) гораздо лучше готовили его учеников к восприятию марксистской социологии, нежели курсы, которые читали философы-марксисты.

Сами семинары, проходившие в фондах и экспозиционных залах Государственного исторического музея, позволяли студентам-археоло-

Рис. 2. Археологическая практика студентов 1 МГУ на Туровском (Галичском) поселении (1924 г.). Сидят: в центре В.А. Городцов, третья справа от него В.П. Левашева, справа второй – А.Я. Брюсов, четвертый – А.П. Смирнов; стоят: слева вторая – А.В. Збруева, пятый – Е.А. Байбуртян, справа третий – П.А. Дмитриев, четвертый – А.В. Арциховский. Фото. ГИМ.

Fig. 2. Archaeological practice of the students of 1st faculty of Moscow State University on Turovsky (Galichsky) settlement (1924). Sitting down: in the center – V.A. Gorodtsov, third person on his right – V.P. Levashova, second – A.Ya. Bryusov, fourth – A.P. Smirnov; standing up: second on the left – A.V. Zbrueva, fifth – E.A. Baiburtyan, third on the right – P.A. Dmitriev, fourth – A.V. Artsikhovskiy. Photograph. State Historical Museum..

гам на практике изучить музейное дело. В дальнейшем многие из них (А.Я. Брюсов, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, А.П. Смирнов и др.) влились в коллектив музея. Специальные занятия по методике полевых археологических исследований и регулярная экспедиционная практика достаточно быстро вырабатывали у городцовских студентов необходимые навыки для первых самостоятельных разведок и раскопок¹ (рис. 2, 3).

¹ На рис. 2 и 3 представлены студенты-археологи 1 МГУ, участвовавшие

В советской высшей школе Городцов, по сути, продолжил те же подходы по системной подготовке кадров археологов, что применялись им в

в 1924 г. в раскопках Туровского поселения. Не всех удалось идентифицировать. В статье В.А. Городцова (1928, с. 52) перечислены студенты М.Е. Арсакова, А.В. Арциховский, Е.А. Байбуртян, А.Я. Брюсов, Е.М. Витвицкая, М.В. Городцов, А.В. Дмитриевская, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, И.М. Загряцкова, А.В. Збруева, В.П. Левашева, Е.Н. Липеровская, Н.Н. Ляхницкая, М.Н. Орлова, Н.П. Розанова, А.П. Смирнов, Е.И. Степанова, Н.Г. Харламов, И.Х. Ющенко.

Рис. 3. Учитель и его ученики за чаепитием на Туровском (Галичском) поселении (1924 г.). Сидят (слева направо): А.П. Смирнов, Е.А. Байбуртян, А.Я. Брюсов, <...>, П.А. Дмитриев, В.А. Городцов, <...>, А.В. Арциховский; стоит справа Д.А. Крайнов. Фото. ГИМ.

Fig. 3. Teacher and his students having a tea party at Turovsky (Galichsky) settlement (1924). Sitting down (left to right): A.P. Smirnov, E.A. Baiburtyan, A. Ya. Bryusov, <...>, P.A. Dmitriev, V.A. Gorodtsov, <...>, A.V. Artsikhovskiy; standing up on the right – D.A. Krainov. Photograph. State Historical Museum.

Московском археологическом институте, за единственным исключением – его молодые ученики обязаны были осваивать марксистскую социологию и вести на ее основе свои научные исследования. Но этой участи не избежал и их убеленный сединами профессор. Для городцовских студентов ФОН 1 МГУ эти перемены были не столь заметны, как для аспирантов и молодых сотрудников одного из первых советских научно-исследовательских учреждений – Института археологии и искусствознания (рис. 4).

В 1921–1923 гг. ИАИ структурно был частью ФОН 1 МГУ, в 1923–1931 гг. стал подразделением РАНИОН. В 1921–1924 гг. институт делился на семь секций: археологии (с самого на-

чала ее возглавлял В.А. Городцов), античного искусства (В.К. Мальмберг, Н.А. Щербаков, Д.С. Недович, с 1922 г. А.И. Анисимов), русского искусства (А.А. Сидоров), западного искусства (В.Е. Гиацинтов), восточного искусства (Б.П. Денике), теории искусства (Б.Р. Виппер, А.Г. Габричевский), прикладного искусства (секция фактически не функционировала). Директором института первоначально был назначен И.Э. Грабарь, но уже в ноябре 1921 г. его сменил Б.Р. Виппер. После основания РАНИОН в 1924 г. ИАИ был реорганизован. Теперь во главе его стояла коллегия, в которую входили: директор – нарком просвещения А.В. Луначарский, затем В.М. Фриче, заместитель директора –

П.С. Коган, председатель отделения археологии – В.А. Городцов, председатель отделения искусствоведения, и.о. директора – А.А. Сидоров, председатель отделения социологии (с 1928 г. теории и методологии) – В.М. Фриче, с 1928 г. И.Л. Маца, секретарь – Г.В. Жидков (рис. 5).

Учреждение ИАИ, как и археологического отделения в 1 МГУ, ученый рассматривал как «особенно значительный факт» развития археологии в первые десять лет существования СССР. В унисон со временем Городцов констатировал, что «образование серьезных школ для подготовки специалистов-археологов обозначило конец деятельности вредного археологического дилетанства, господствовавшего в дореволюционное время» (Городцов, 1929, с. 6), хотя в реальности вся теоретическая, методическая и практическая работа с аспирантами и молодыми сотрудниками ИАИ строилась им на тех же началах, что и в МАИ. Изменились цели обучения: в МАИ оно было направлено на самообразование слушателей, в ИАИ «молодые археологи получают специальную подготовку к занятию профессорских кафедр археологии в вузах (до революции подобных учреждений в России не существовало)» (Там же).

Архивные² и опубликованные³ документы свидетельствуют о том, что в задачи РАНИОН входила организация

и руководство научно-исследовательской работой в области общественных наук в тесной связи с практикой социалистического строительства, популяризация научных знаний, подготовка научных кадров. С 1925 г. функционировала аспирантура – в течение трех лет велась подготовка кадров высшей категории, и это было одной из важнейших задач РАНИОН. Институт археологии и искусствоведения имел три отделения или секции: археологии, искусствоведения, социологии (затем теории и методологии), причем в деятельности отделения социологии должны были участвовать аспиранты отделений археологии и искусствоведения. Работа ИАИ велась в двух направлениях: научно-исследовательском и научно-педагогическом. На методологическую направленность исследований аспирантов заметное влияние оказала деятельность созданного в 1928 г. в ИАИ методологического бюро в лице В.А. Городцова, А.В. Арциховского, С.В. Киселева и др. (Пряхин, 1991, с. 212).

В штате института работали многие профессора и преподаватели археологического отделения ФОН 1 МГУ и другие крупные ученые: Ю.В. Готье (скифо-сарматская и славянская археология), Ф.В. Баллод (археология Египта и Месопотамии)⁴, А.А. Захаров (крито-микенская и греко-римская археология), А.С. Башкиров (историческая археология России), В.М. Ви-

² Городцов В.А. Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 345, лл. 70–98.

³ См. их перечень: (Научно-исследовательский... 1923; 1924; Обзор... 1926; 1928а; 1928б).

⁴ Ф.В. Баллод (Балодис) мог преподавать в ИАИ с осени 1923 г., когда вернулся в Москву из Саратова (Малов, 2015, с. 90). В 1924 г. он покинул Россию, выехал сначала в Берлин, а затем переехал в Латвию; см. подробнее о его жизни и деятельности в России: (Назарова, 2010; Малов, 2015).

Рис. 4. В.А. Городцов, А.С. Башкиров и А.А. Захаров среди студентов и аспирантов 1 МГУ и ИАИ РАНИОН (Е.И. Крупнов, Б.А. Рыбаков и др.). Фото. ГИМ.

Fig. 4. V.A. Gorodtsov, A.S. Bashkirov and A.A. Zakharov with students and post-graduates of the 1st faculty of MSU and the Institute of Archaeology and Art Studies of RASRISS (E.I. Krupnov, B.A. Rybakov, and others). Photograph. State Historical Museum.

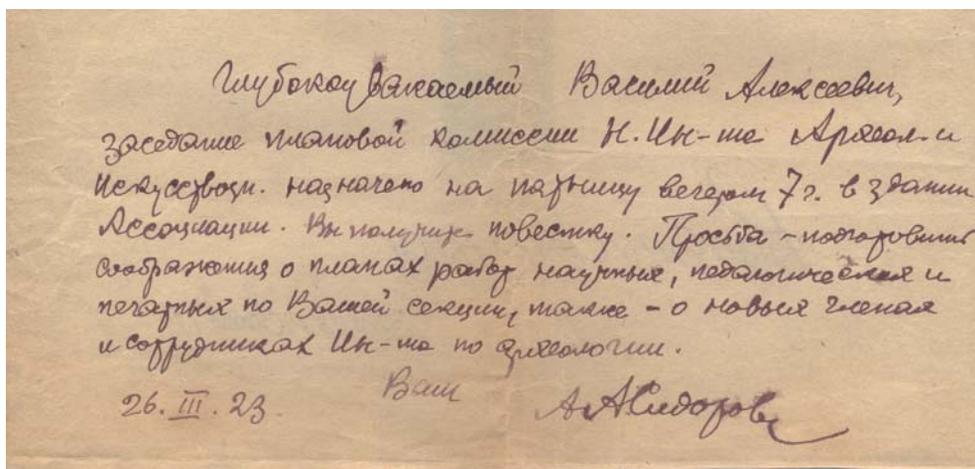

Рис. 5. Записка ученого секретаря ИАИ РАНИОН А.А. Сидорова В.А. Городцову от 26.03.1923 г. с приглашением на заседание плановой комиссии (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 123, л. 18).

Fig. 5. Note by the Academic Secretary of the Institute of Archaeology and Art Studies of RASRISS A.A. Sidorov to V.A. Gorodtsov dated 26.03.1923 with an invitation to a meeting of the planning committee (Field Research Department of State Historical Museum. F. 431, d. 123, s. 18).

РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ

ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ С ЯНВАРЯ ПО МАЙ 1927 ГОДА.-

Я Н В А Р Ъ.-

17-го. А.А.ЗАХАРОВ - "Некоторые параллели из археологии Кавказа".-

24-го. А.Я.БРЮССОВ - "Селище XVII века Верхняя Лапшенга"/Архангельской губернии и уезда/.-

31-го. В.А.ГОРОДЦОВ "Старо-Ризанское городище".-

Ф Е В Р А Л Ъ.-

7-го. А.С.БАШКИРОВ - "Художественно-археологические памятники древнего Солхата".-

И.Н.БОРОДИН - "Раскопки в Старом Крыму в 1926 г.".

14-го. Н а у ч н о - о р г а н и з а ц и о н н о е з а с е д а н и е.-

21-го. А.В.АРЦИКОВСКИЙ - "Бородинское городище".-

28-го: А.А.ЗАХАРОВ - "Состав населения Эгейского мира по данным археологии".-

М А Р Т.-

7-го. Б.С.ЗАСЫПКИН - "Архитектурно-археологические методы исследования памятников древнего зодчества".-

14-го. В.А.ГОРОДЦОВ - "Раскопки Троице-Целеницкого городища-Холмища".

21-го. В.К.ТРУТОВСКИЙ - "Черты быта древних славяно-руссов по мусульманским писателям X - XI в.в.".

28-го. В.Н.ГРАКОВ - "Сарматские курганы эллинистической эпохи в Нижнем Приволжье".-

А П Р Е Л Ъ.-

4-го. А.С.БАШКИРОВ - " Тамань в истории и раскопках в связи с работами экспедиции 1926 года".-

11-го. Н.И.НОВОСАДСКИЙ - "Эстетические элементы в школе древних греков по данным археологии,эпиграфики и литературы".-

Рис. 6. Расписание занятий археологического отделения ИАИ РАНИОН на январь–май 1927 года (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 123, л. 8).

Fig. 6. Schedule of classes of the Archaeological Department of the Institute of Archaeology and Art Studies of RASRISS for January-May of 1927 (Field Research Department of State Historical Museum. F. 431, d. 123, s. 8).

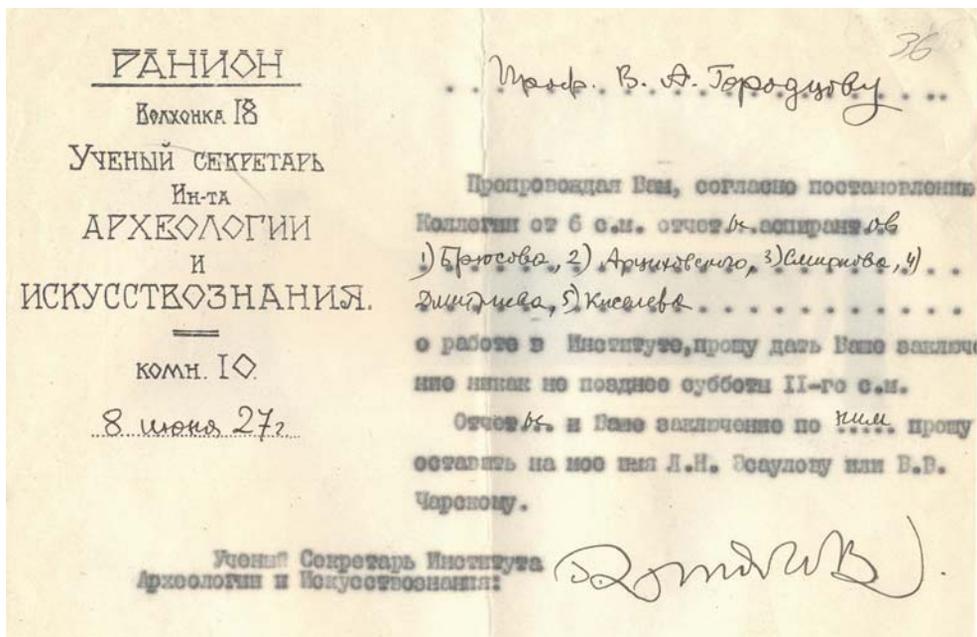

Рис. 7. Письмо ученого секретаря ИАИ РАНИОН Г.В. Жидкова В.А. Городцову от 8.06.1927 г. в связи с аттестацией его аспирантов А.Я. Брюсова, А.В. Арциховского, А.П. Смирнова, П.А. Дмитриева, С.В. Киселева (ОПИ ГИМ. Ф 431, д. 123, л. 36).

Fig. 7. Letter by the Academic Secretary of the Institute of Archaeology and Art Studies of RASRISS G.V. Zhidkov to V.A. Gorodtsov dated 8.06.1927 in connection with the attestation of his graduate students A.Ya. Bryusov, A.V. Artikhovsky, A.P. Smirnov, P.A. Dmitriev, S.V. Kiselev (Field Research Department of State Historical Museum. F. 431, d. 123, s. 36)..

кентьев (археология Месопотамии)⁵, Н.Д. Протасов (археология Византии), Н.И. Новосадский (эпиграфика), Б.П. Денике (археология средневекового Востока – арабские, индийские и китайские древности), Е.М. Чепурковский (антропология), А.П. Павлов (геология), В.Н. Харузина (этнография), А.И. Некрасов (русское искус-

ство зодчества, ваения и живописи) и др. Сам В.А. Городцов вел ряд семинаров, читал общие курсы и спецкурсы по первобытной археологии (рис. 6).

К 1 января 1927 г. в состав секции археологии входили действительные члены: штатные – А.С. Башкиров, В.А. Городцов, А.А. Захаров, Н.Д. Протасов и внештатные – И.Н. Бороздин, Н.М. Каринский, Н.П. Лихачев, Н.И. Новосадский, А.С. Орлов и В.К. Трутовский; аспиранты – А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, А.Ф. Дубынин, С.В. Киселев, С.Г. Матвеев, А.П. Смирнов. Председателем секции состоял В.А. Городцов, секретарем – С.Г. Матвеев. В течение 1925/26 академического года

⁵ Привлечь египтолога В.М. Викентьева (1882–1960) к преподаванию в ИАИ не удалось, поскольку в конце 1922 г. Владимир Михайлович уехал в длительную командировку в Берлин, Париж и Каир; 1.02.1926 его уволили из Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), и он остался преподавать в Каирском университете (Томашевич, 2003, с. 166–168).

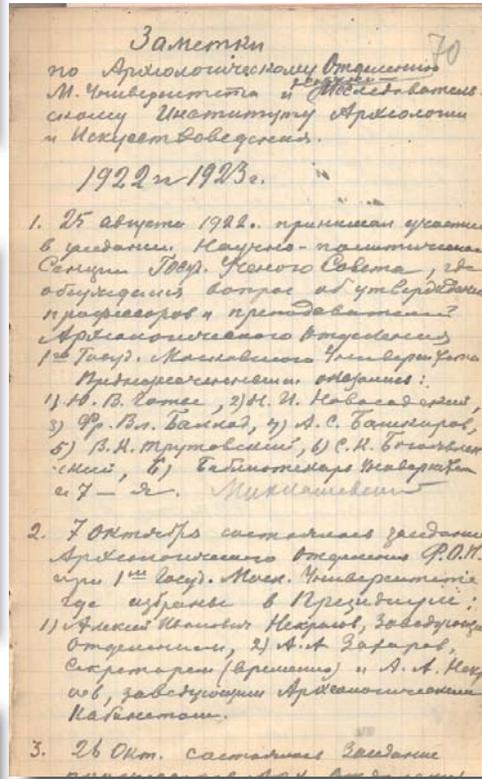
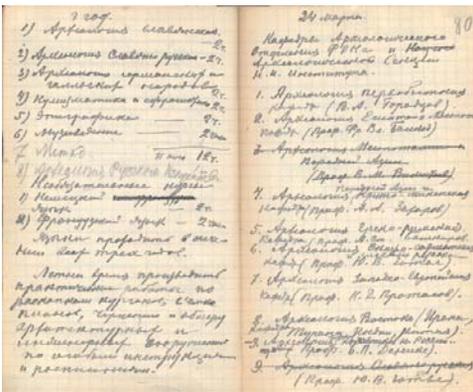
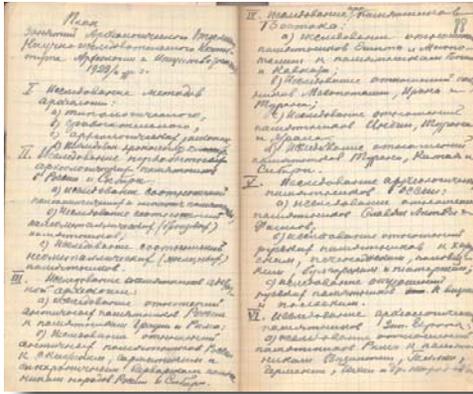

Рис. 8. Рукопись В.А. Городцова «Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг.» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 345).

Fig. 8. Written document by V.A. Gorodtsov “Notes on the Archaeological Department of the Moscow University and the Scientific Research Institute of Archaeology and Art Studies of 1922 and 1923” (Field Research Department of State Historical Museum. F. 431, d. 345).

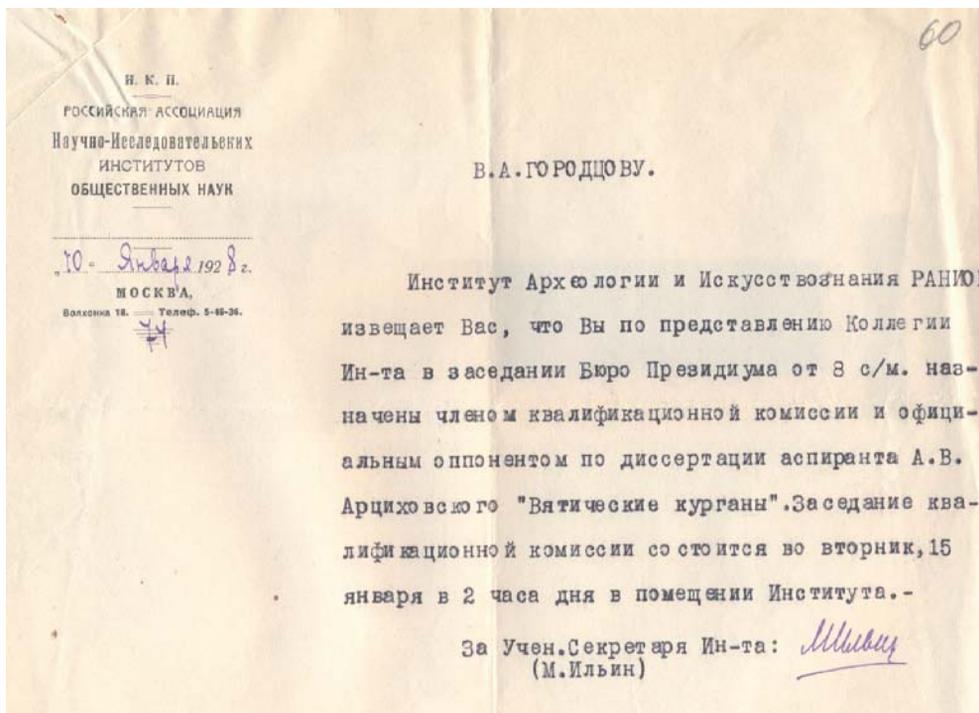

Рис. 9. Письмо ученого секретаря ИАИ РАНИОН М.А. Ильина В.А. Городцову от 10.01.1928 г. с приглашением в качестве официального оппонента по диссертации А.В. Арциховского «Вятческие курганы» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 123, л. 60).

Fig. 9. Letter by the Academic Secretary of the Institute of Archaeology and Art Studies of RASRISS M.A. Ilyin to V.A. Gorodtsov dated 10.01.1928 with an invitation as an official opponent for A.V. Artikhovskiy's thesis "Vyatka Barrows" (Field Research Department of State Historical Museum. F. 431, d. 123, s. 60)..

состоялось 27 заседаний секции, а в течение 1926/27 года – 12 (Обзор... 1928а, с. 138).

Для аспирантов института были введены четыре пункта отчетности, отражавшие основные формы подготовки кадров высшей квалификации: 1) участие в семинарах по общественным наукам; 2) работа в секциях теории и методологии и в археологической секции (для археологов); 3) обязательное участие в выполнении коллективной темы; 4) индивидуальная работа аспирантов (цит. по: Пряхин, 1991, с. 211) (рис. 7).

Для городцовских студентов и аспирантов середины 1920-х гг. важ-

нейшее значение имело «погружение» в марксистскую социологию. Сама секция социологии (теории и методологии), по словам ее руководителя В.М. Фриче, была задумана «как некая надстройка над двумя его основными отделениями, которая давала бы занятиям в Институте [археологии и искусствознания] соответствующее направление» (цит. по: Пряхин, 1991, с. 210). Безусловно, марксистская подготовка стимулировала молодых ученых к поиску социологических закономерностей на археологическом материале. Именно тогда ими были вынесены на обсуждение доклады «Социологическая история жилища»

(А.Я. Брюсов), «Социологическое значение изучения земледельческих орудий» (А.В. Арциховский), «Поселения. Социологический очерк» (С.В. Киселев) и др., вызвавшие в те годы оживленную дискуссию (Арциховский, 1926; Брюсов, 1926; 1928; Киселев, 1928; Смирнов, 1928).

Начало ей положил диспут «Археология, этнология и социология», в котором сошлись студенты двух археологических кружков 1 МГУ – Института археологии и искусствознания (ученики В.А. Городцова) и Института и кафедры антропологии (ученики Б.С. Жукова) (Пряхин, 1991, с. 211). По воспоминаниям ее участников Д.А. Крайнова и О.Н. Бадера, дискуссия была непримиримой. «Археологов» в ней возглавлял А.В. Арциховский, а «палеоэтнологов» – С.П. Толстов. Руководители в диспуте не участвовали, вынося свои разногласия в печать (Жуков, 1925; Городцов, 1926).

Городцовские ученики уверенно отстаивали тезис: «археология из всех наук тесно связана лишь с историей и социологией, но отнюдь не с этнологией/этнографией» (Платонова, 2010, с. 209). Координацию с этнологией они считали излишней, полагая, что «роль последней в анализе археологического материала вполне можно свести к отдельным удачным иллюстрациям» (Там же). В развитие теоретических подходов Городцова (см. подробнее о них: Платонова, 2010, с. 203–214; Смирнов, 2015) и по итогам дискуссии с «палеоэтнологами» его ученики выступили вскоре с обоснованием «метода восхождения» в Обществе историков-марксистов (Арциховский, 1929а; 1929б), дав старт яростным теоретическим дис-

куссиям в отечественной археологии начала 1930-х годов.

Руководитель отделения археологии, обдумывая перечень лекционных курсов, исходил из следующих посылок: «1) первый год посвятить изучению первобытной археологии и связанных с нею дисциплин – геологии, антропологии и этнографии, а также изучению методов археологии, съемки и черчения планов, обмеров и т.п.; 2) второй год посвятить изучению археологии главных культурных очагов: Месопотамии, Египта, Эгейских островов, Греции, Рима; 3) третий год посвятить изучению археологии Западной и Восточной Европы, Туркестана, Ирана, Индии и Китая. В летнее время в течение всех трех лет проводить курсы практических раскопок, съемки планов местности, съемки и обмеры архитектурных сооружений, целых и разрушенных. Вот такой план мне представляется наилучшим и способным создать серьезных работников-археологов» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 345, л. 78 об) (рис. 8).

В.А. Городцов считал, что каждый аспирант должен самостоятельно выбрать и разрабатывать тему исследования; назначенный «руководитель» лишь механически утверждает ее и не вмешивается в ход дальнейшей работы аспиранта. Подобным образом работали в дореволюционный период в университетах выпускники, оставленные для подготовки к профессорскому званию. Большинство аспирантов Городцова при выборе темы диссертационного исследования уже имели задел, наработанный в студенческие годы, в том числе в ходе своих музейных занятий. Так, А.Я. Брюсов, обрабатывая и изучая в Историческом музее неолитические коллекции Севера

России, в том числе Карелии, избрал в ИАИ для аспирантской диссертации тему «Древнейшая история Карелии». В дальнейшем аспирантская работа переросла в книгу «История древней Карелии» (Брюсов, 1940) и в докторскую диссертацию, защищенную в МГУ в 1944 году. При защите аспирантских диссертаций в ИАИ избирались специальные квалификационные комиссии. Защиты протекали в форме диспута, когда диссертанту приходилось «отбиваться» не только от официальных оппонентов, но и от своих «зубастых» коллег. Так проходила, в частности, защита диссертации А.П. Смирнова «Прикамские финны X–XIV вв.» (официальные оппоненты А.С. Башкиров и А.В. Арциховский) (рис. 9).

Аспиранты в обязательном порядке принимали участие в запланированных коллективных работах института. Они входили в состав временных рабочих групп, например, по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов (под руководством А.С. Башкирова) и типологической классификации археологических памятников (под руководством В.А. Городцова). Еженедельно в отделении археологии проходили научные заседания с докладами действительных – штатных и внештатных – членов института и аспирантов, которые обязаны были посещать эти занятия и активно участвовать в обсуждении независимо от темы доклада. Аспиранты были непременными участниками совместных заседаний коллегии ИАИ и Комиссии по выработке генерального плана археологических работ в СССР, проходивших обычно в стенах института. Разработку этого плана инициировал В.А. Городцов (Бело-

зерова, Кузьминых, 2015, с. 39–41), и для него было немаловажно, чтобы его ученики видели в данном проекте и перспективу собственной работы.

Во время обучения аспиранты проходили производственную практику, читали курсы лекций в 1 МГУ и других вузах, только тогда они могли стать приват-доцентами и доцентами. Со второго года обучения аспиранты ИАИ получали право на самостоятельные разведки и раскопки по открытому листу. В экспедиции выезжали на мизерные средства института, иногда помощь оказывали местные органы власти и музеи. Часто работы велись на собственные средства, причем достаточно далеко от столицы. Свои первые раскопки в Минусинской котловине аспирант С.В. Киселев осуществил на сэкономленные от стипендий деньги (Кызласов, Левашева, 1965, с. 8).

Многие ученики Городцова стали членами Общества друзей Исторического музея (1918–1930). При его финансовой помощи А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, Е.Н. Липеровская, А.В. Арциховский и др. осуществили археологические раскопки в Подмосковье, на Украине, Северном Кавказе и на побережье Белого моря. Наиболее доступными для ОДИМ были раскопки городищ дьяковской культуры (Кунцевское, Сетуньское и др.) и древнерусских курганов у сел Болшево и Фили близ Москвы. Результаты полевых исследований регулярно выносились на обсуждение общества. Так, 20.03.1925 был заслушан коллективный отчет членов ОДИМ Л.А. Евтюховой, А.В. Арциховского, М.Е. Арсаковой, В.П. Левашевой, Е.Н. Липеровской, М.Е. Фосс, А.Я. Брюсова и А.П. Смирнова о рас-

копках летом 1924 г. в Звенигородском, Московском и Подольском уездах (Силаева, 1991, с. 110, 111).

Ученики Городцова, получив первые методические и практические навыки полевой работы в его экспедициях, быстро начинали вести самостоятельные раскопки. В обзоре деятельности секции археологии ИАИ РАНИОН за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г. отмечено, что А.В. Арциховский руководил в Можайском уезде Московской губернии раскопками городища дьяковской культуры близ с. Бородино и славянских курганов близ с. Аксаново. А.Я. Брюсов (совместно с А.В. Збруевой и М.Е. Фосс) производил раскопки и разведки на Летнем берегу Белого моря на протяжении около 200 км в Архангельской губернии. Б.Н. Граков вел раскопки финского могильника подболотьевского типа в окрестностях с. Хотимля, Шуйского уезда, Иваново-Вознесенской губернии, а также участвовал в возглавлявшейся профессором П.С. Рыковым экспедиции Государственного исторического музея в АССР немцев Поволжья. П.А. Дмитриев провел раскопки Липчинской неометаллической стоянки в Тюменском округе. А.П. Смирнов осуществил раскопки древнеудмуртского городища X–XII вв. Донды-Кар в Вотской автономной области (Обзор... 1928а, с. 142).

Получение открытого листа на первых порах облегчалось тем, что Городцов способствовал в этом своим ученикам, будучи руководителем Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, в ведении которого находилась выдача открытых листов. Аспиранты, как и все держатели

открытого листа, были обязаны представлять в ГАИМК научные отчеты о полевых работах.

Помимо организации полевых и исследовательских работ большое внимание уделялось в ИАИ камеральной работе студентов и аспирантов с археологическими коллекциями в фондах ГИМ. На заседаниях Общества друзей РИМ–ГИМ студенты и аспиранты не только присутствовали, но и обязательно выступали с докладами. Они имели доступ к богатейшему собранию археологической литературы музея, которое хранилось в зале археологического отдела. По настоянию В.А. Городцова некоторые аспиранты параллельно стали хранителями в различных отделах музея: А.В. Арциховский с 1925 г. – в отделе доисторической археологии, в 1929–1938 гг. – в отделе феодализма; Б.А. Рыбаков в 1931–1936 гг. – в отделе раннего феодализма, в 1936–1938 и 1943–1952 гг. – заведующий III археологическим отделом; А.Я. Брюсов с 1925 г. – в отделе доисторической археологии, в 1930–1960 гг. – заведующий I археологическим отделом; П.А. Дмитриев с 1925 г. – практикант отдела популяризации музейных коллекций, с 1929 г. – заведующий группой оружия и военной техники, в 1935–1941 гг. – ученый секретарь, с 1940 г. – заведующий отделом фондов; Д.А. Крайнов с 1929 г. – в филиале «Александровская слобода», в 1931–1935 гг. – ученый секретарь и т.д.

В рукописном документе Городцова⁶ отмечалось, что в течение каждого

⁶ Городцов В.А. Заметки по Археологическому отделению Московского уни-

года аспирант должен «представить две полугодовые письменные работы, а всего пять работ в течение курса, а шестая работа должна быть настолько хорошей, чтобы ее можно было печатать как научную с ценными научными выводами. Этой последней работой сотрудник должен доказать, что он может быть преподавателем и затем профессором высших учебных заведений. В заключение от сотрудника требуется программа того университетского курса, который он намерен читать. После всего этого институт выдает сотруднику удостоверение на право занятия соответствующей кафедры в высших учебных заведениях».

Как в годы учебы в университете, так и во время аспирантуры теория переплеталась у городцовских учеников с практикой – преподаванием, раскопками, хранительской и экспозиционной работой в музее, но, прежде всего, с написанием научно-исследовательских трудов. В сборниках «Труды ГИМ», «Труды секции археологии», «Труды секции социологии» и «Труды секции теории и методологии» РАНИОН появились первые печатные работы А.В. Арциховского, А.Я Брюсова, Б.Н. Гракова, П.А. Дмитриева, С.Г. Матвеева, А.П. Смирнова и др. (см. их обзор: Советская... 1965). Признанием научных успехов аспирантов института, а также своего рода стимулом для продолжения археологической деятельности стало участие А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, П.А. Дмитриева и С.Г. Матвеева в работе конференции археологов СССР в Керчи (1926).

верситета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 345, лл. 70–98.

На рубеже 1920-х гг. сложившаяся в стране после революции структура научных организаций подверглась коренной перестройке, а сотрудники этих учреждений (в своем большинстве «старые специалисты») прошли через «проверку и чистку советского аппарата». С 1930 г. эта кампания развернулась и в РАНИОН. В итоге в 1929–1930 гг. большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии НКП РСФСР от 3.03.1930 РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК), а затем 26 октября того же года была ликвидирована.

Для В.А. Городцова закрытие ИАИ стало лишь одним из ударов в череде невзгод, что обрушились на него в ходе «проверок и чисток» того времени (Белозерова, Кузьминых, 2015, с. 55–57). Судьба его бывших учеников сложилась в основном благополучно, они нашли приют в Московском отделении ГАИМК и Историческом музее. Мало кто из них в тот момент вступился за честь и достоинство поруганного учителя – гораздо важнее было следовать «Шести условиям товарища Сталина» (название одного из докладов А.В. Арциховского тех лет). Более того, кто-то из них публично отмежевался от научных взглядов, методики и методологии «буржуазного специалиста» профессора Городцова (Арциховский и др., 1932, с. 47; Брюсов, 1932, с. 76), хотя буквально несколькими годами ранее они не скрывали интеллектуальную привязанность к своему профессору ни в полевых отчетах, ни в опу-

бликованных трудах (см. на примере А.П. Смирнова: Мельникова, 2017, с. 48, 49). Пережить предательство учеников Василию Алексеевичу было намного тяжелее, чем удаление с тех или иных постов. Но через несколько лет, благодаря сотрудничеству с Институтом этнографии, антропологии и археологии (Музей антропологии и этнографии) АН СССР, авторитет ученого в профессиональной среде только упрочился и тогда же резко изменилось отношение к нему со стороны бывших учеников (Белозерова, Кузьминых, 2015, с. 59). Знаком примирения и почтения к учителю стали регулярные праздничные посиделки, напоминающие прежние студенческие встречи братства «Тотема Лягавой лягушки». Ученики оперились, встали на крыло – их успехами Городцов только гордился, хотя нередко поругивал или сетовал в личном днев-

нике на неправильные, с его точки зрения, действия и поступки.

Стоит еще раз повторить фамилии учеников В.А. Городцова, окончивших под его началом археологическое отделение 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН: С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов и др. Эти ученики Городцова, «которых он научил систематике, составили именно ту научную силу, которая сформировала новую, «советскую» археологию в СССР» (Платонова, 2010, с. 214). Именно благодаря этой плеяде учеников Городцова отечественная археология не свернула в 1930-е годы на рельсы «нового учения о языке», сохранила преемственность с традициями дореволюционной русской ар-

хеологии и во многом преумножила их в последующие десятилетия. Московская археологическая школа, безусловно, выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А.В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // ТСС РАНИОН. Вып. 1. М.: РАНИОН, 1926. С. 123–135.
2. *Арциховский А.В.* Новые методы археологии // Историк-марксист. Т. 14. М.: 1929а. С. 136–155.
3. *Арциховский А.В.* Новые методы в археологии // Вестник Коммунистической академии. № 35–36. М.: изд-во Коммунистической академии, 1929б. С. 322–325.
4. *Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.
5. *Белозéroва И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // В.А. Городцов. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: ИД Триумф принт, 2015. С. 14–85.
6. *Брюсов А.Я.* Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой, 1926. 127 с.
7. *Брюсов А.Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды секции теории и методологии РАНИОН. Вып. 2. М.: РАНИОН, 1928. С. 9–34.
8. *Брюсов А.Я.* Письмо в редакцию // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 76.
9. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М.: ГИМ, 1940. 320 с.

10. *Городцов В.А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1908. 416 с.
11. *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.
12. *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В.А. Городцовым в Московском Археологическом Институте / Сост. С.И. Флях. М.: Печ. Яковлева, 1911. 64 с.
13. *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок / МАИ. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1914а. 64 с.
14. *Городцов В.А.* Проект плана археологического исследования Псковской губ., летом 1913 г. // ДТМАО. Т. 24, проток. 763. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сопко, 1914б. С. 330.
15. *Городцов В.А.* Письмо в редакцию. Ответ Б.С. Жукову // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 462–464.
16. *Городцов В.А.* Галичские стоянки и клад // ТСА РАНИОН. Т. 3. М.: РАНИОН, 1928. Т. 3. С. 13–54.
17. *Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. М.: РАНИОН, 1929. Вып. II. С. 5–11.
18. *Жуков Б.С.* Рец.: *Городцов В.А.* Археология. Т. I. Каменный период // Печать и революция. Кн. 8. М.: Госиздат, 1925. С. 206–209.
19. *Канторович А.Р.* Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Сост. А.Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 309–313.
20. Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 г. во Пскове, отмененного по случаю войны / Сост. Г.М. Казаков, Н.Ф. Окулич-Казарин, Н.Ф. Роот и др. Псков: Тип. «Псков. Жизнь», 1915. 88 с.
21. *Киселев С.В.* Поселения. Социологический очерк // Труды секции теории и методологии РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928. Вып. 2. С. 35–68.
22. *Китова Л.Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.
23. *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2-х томах. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.
24. *Кызласов Л.Р., Левашева В.П.* Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 7–12.
25. *Кызласов И.Л.* Об археологе В.П. Левашевой и ее отце, протоиерее П.Н. Левашеве // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 751–769.
26. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
27. *Малов Н.М.* Профессор Франц Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2015. Т. 15. № 1. С. 87–90.
28. *Назарова Е.Л.* Францис Балодис в Москве. 1907–1917 (по материалам московских архивов) // Arheoloģija un etnografija. 24. Laid. Riga, 2010. С. 28–36.
29. Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания [в 1922 г.] // Среди коллекционеров. 1923. № 6. С. 61.
30. Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания [в 1923 г.] // Среди коллекционеров. 1924. № 7–8. С. 63–64.
31. Обзор деятельности Отделения археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института а[рхеологии] и и[скусствознания] [в 1923–1925 гг.] // ТСА РАНИОН. 1926. М.: РАНИОН, Вып. I. С. 89–93.

32. Обзор деятельности Секции археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствознания за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г. // ТСА РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928а. Вып. II. С. 138–144.
33. Обзор деятельности Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствознания в 1927 г. // ТСА РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928б. Вып. III. С. 147–149.
34. Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества за 1912/1913–1913/1914 гг. / Сост. В.К. Трутовский, Ю.В. Готье // ДТМАО. Т. 24. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сопко, 1914. проток. С. 339–355.
35. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
36. *Пряхин А.Д.* Педагогическая деятельность В.А. Городцова и подготовка кадров археологов // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 207–213.
37. *Силаева О.А.* Общество друзей Исторического музея (1918–1930 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XIX–XX вв.). В 2-х ч. Ч. II / Отв. ред. С.А. Каспаринская. М.: НИИК, 1991. С. 104–123.
38. *Смирнов А.П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. М.: РАНИОН, 1928. 275 с.
39. *Смирнов А.С.* В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 318–328.
40. Советская археологическая литература. Библиография. 1918–1940 / Отв. ред. М.К. Каргер. Сост. Н.А. Винберг и др. М.–Л.: Наука, 1965. 376 с.
41. *Стрижова Н.Б.* Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68. / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 27–32.
42. *Студзицкая С.В.* Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68. / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 5–13.
43. *Томашевич О.В.* Египтолог Владимир Викентьев – создатель музея нового типа // Памятники и люди / Науч. ред. К.К. Искольдская. М.: Восточная литература, 2003. С. 141–172.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), чл.-корр. Германского археологического института (г. Берлин, Германия), зарубежный член Финского общества древностей (г. Хельсинки, Финляндия); kuzminykhsv@yandex.ru

Белозёрова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (г. Москва, Россия); irina.belozero@yandex.ru

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ART STUDIES OF THE RUSSIAN ASSOCIATION OF SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTES OF SOCIAL SCIENCES IN THE FATES OF NATIONAL ARCHAEOLOGY

S.V. Kuzminykh, I.V. Belozerova

The paper analyzes the contribution of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences (RANION) to the personal development of many archaeologists - representatives of the Moscow archaeological school. V.A. Gorodtsov was at the origins of the systematic training of archaeologists at the 1st faculty of MSU and RANION in the 1920s – early 1930s. The majority of Moscow archaeologists who graduated from the Department of Social Sciences of MSU and the postgraduate training program of the Institute of Archaeology and Art Studies of RANION

were direct students of V.A. Gorodtsov and attended his lectures, seminars and expeditions. Vasily Alekseevich strove to prepare “serious archaeologists” providing them with theoretical and methodological knowledge, and the skills of laboratory and field work. His students conducted independent archaeological studies and excavations starting from the second year of the graduate program. Moscow archaeological school (S.V. Kiselev, A.V. Artsikhovskiy, A. Ya. Briusov, D.A. Krainov, M.E. Foss, P.A. Dmitriev, A.P. Smirnov, L.A. Evtukhova, V.P. Levasheva, O.A. Krivtsova-Grakova, B.A. Rybakov, E.I. Krupnov, and others) established on the basis of V.A. Gorodtsov’s pedagogical school in the 1920s.

Keywords: Moscow archaeological school, V.A. Gorodtsov, Institute of Archaeology and Art Studies of RANION, Faculty of Social Sciences 1 of MSU.

REFERENCES

1. Artsikhovskii, A. V. 1926. In *Trudy seksii sotsiologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Sociology Section of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 1. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences 123–135 (in Russian).
2. Artsikhovskii A.V. 1929. In *Istoriik-marksist (Marxist Historian)* 14. 136–155 (in Russian).
3. Artsikhovskii, A. V. 1929. In *Vestnik Kommunisticheskoi akademii (Bulletin of the Communist Academy)* 35–36. Moscow: “Kommunisticheskaia akademiia” Publ., 322–325 (in Russian).
4. Artsikhovskii A.V., Kiselev S.V., Smirnov A.P. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 1–2. 46–48 (in Russian).
5. Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 1. Moscow: “Triumf print” Publ., 14–85 (in Russian).
6. Briusov, A. Ya. 1926. *Zhilishche. Istoriia zhilishcha s sotsial'no-ekonomicheskoi tochki zreniia (Dwelling. History of Dwellings from the Socio-Economic Viewpoint)*. Leningrad: “Priboi” Publ. (in Russian).
7. Briusov, A. Ya. 1928. *Trudy seksii teorii i metodologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Section of Theory and Methodology of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 9–34 (in Russian).
8. Briusov, A. Ya. 1932. . In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 1–2. 76 (in Russian).
9. Briusov, A. Ya. 1940. *Istoriia drevnei Karelii (History of Ancient Karelia)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
10. Gorodtsov, V. A. 1908. *Pervobytnaia arkheologiia. Kurs leksii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Primeval Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).
11. Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiia. Kurs leksii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Household Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).
12. Gorodtsov, V. A. 1911. In Fliakh, S. I. (comp.). *Rukovodstvo dlia arkheologicheskikh raskopok i obrabotki dobytogo raskopkami materiala: Po leksiiam, chitannym V.A. Gorodtsovym v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Guidelines for Archaeological Excavations and Processing of Excavated Material: On the Basis of Lectures Read by V.A. Gorodtsov at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: Iakovlev Publ. (in Russian).
13. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Moskovskii Arkheologicheskii Institut (Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).

14. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 24, protocol 763. Moscow: G. Lissner, D. Sopko Publ., 330 (in Russian).
15. Gorodtsov, V. A. 1926. In *Novyi Vostok (New East)* 13–14. 462–464 (in Russian).
16. Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 3. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 13–54 (in Russian).
17. Gorodtsov, V. A. 1929. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 5–11 (in Russian).
18. Zhukov, B. S. 1925. In *Pechat' i revoliutsiia (Printing and Revolution)* 8. Moscow: “Gosizdat” Publ., 206–209 (in Russian).
19. Kantorovich, A. R. 2009. In Musin, A. E. (comp). *Khoroshie dni. Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva (Good Times. In memory of Alexander Stepanovich Khoroshev)*. Moscow: “LeopArt” Publ., 309–313 (in Russian).
20. Kazakov, G. M., Okulich-Kazarin, N. F., Root, N. F., et al (comp.). 1915. *Katalog vystavki XVI Vserossiiskogo Arkheologicheskogo S"ezda 1914 g. vo Pskove, otmennogo po sluchaiu voiny (Catalogue of the Exhibition of the 16th All-Russian Archaeological Congress of 1914 in Pskov Cancelled due to War)*. Pskov: “Pskov. zhizn” Publ. (in Russian).
21. Kiselev, S. V. 1928. In *Trudy seksii teorii i metodologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Section of Theory and Methodology of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 35–68 (in Russian).
22. Kitova, L. Yu. 2007. *Istoriia sibirskoi arkheologii (1920–1930-e gody): izuchenie pamiatnikov epokhi metalla (History of Siberian Archaeology (1920-1930s): Study of Monuments of the Metal Period.)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian)
23. Klein, L. S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought)* 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
24. Kyzlasov, L. R., Levasheva, V. P. 1965. In Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoj arkheologii (New Trends in Soviet Archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 130. Moscow: “Nauka” Publ., 7–12 (in Russian).
25. Kyzlasov, I. L. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti: Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928-2009))*. Moscow: “Grif i K” Publ., 751–769 (in Russian).
26. Lebedev, G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1971 gg. (History of National Archaeology)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
27. Malov, N. M. 2015. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 15 (1). 87–90 (in Russian).
28. Nazarova, E. L. 2010. In *Arheologija un etnografija*. 24. 2010. 28–36 (in Russian).
29. 1923. In *Sredi kollektionerov (Among the Collectors)* 6. 61 (in Russian).
30. 1924. In *Sredi kollektionerov (Among the Collectors)* 7–8. 63–64 (in Russian).
31. 1926. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 1. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 89–93 (in Russian).

32. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 138–144 (in Russian).
33. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 3. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 147–149 (in Russian).
34. 1914. In Trutovskii, V. K., Got'e, Yu. V. (comp.). *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 24, protokol. Moscow: G. Lissner, D. Sopko Publ., 339–355 (in Russian).
35. Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th– first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).
36. Priakhin, A. D. 1991. In Krainov, D. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnikh kul'tur Evrazii (Issues of Studying Ancient Cultures of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 207–213 (in Russian).
37. Silaeva, O. A. 1991. In Kasparinskaia, S. A. (ed.). *Muzei i vlast'. Gosudarstvennaia politika v oblasti muzeinogo dela (XIX–XX vv.) (Museum and Power. State Policy in the Field of Museum Business (19th–20th cc.))* 2. Moscow: “NIIK” Publ., 104–123 (in Russian).
38. Smirnov, A. P. 1928. *Trudy seksii teorii i metodologii RANION (Proceedings of the Section of Theory and Methodology of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences (in Russian).
39. Smirnov, A. S. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 318–328 (in Russian).
40. Vinberg, N. A. et al. (comp.). 1965. In Karger, M. K. (ed.). *Sovetskaia arkheologicheskaiia literatura. Bibliografiia. 1918–1940 (Soviet Archaeological Literature. Bibliography. 1918–1940)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
41. Strizhova, N. B. 1988. In Studzitckaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum, 27–32 (in Russian).
42. Studzitckaia S.V. 1988. In Studzitckaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum, 5–13 (in Russian).
43. Tomashevich, O. V. 2003. In Iskol'dskaia, K. K. (ed.). *Pamiatniki i liudi (Monuments and People)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 141–172 (in Russian).

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Corresponding member of the German Archaeological Institute. Im Dol 2-6, Haus II, D-14195 Berlin, Germany; kuzminykhsv@yandex.ru

Belozeroва Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

Статья поступила в номер 10.07.2017 г.

Хроника

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.342.354>

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА В 2017 ГОДУ

© 2018 г. А.Г. Ситдиков, И.Р. Каримов, Г.Ш. Асылгараева

Научную и научно-организационную деятельность в области комплексных археологических, исторических, этнологических, музееведческих и естественнонаучных исследований Институт археологии им. А.Х. Халикова осуществлял в 2017 г. в соответствии с Государственным заданием и «Стратегией развития Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на 2016–2020 гг.». Научные изыскания Института связаны с изучением многоаспектных проблем древней и средневековой археологии, историко-культурного наследия Волго-Уральского региона в контексте изучения средневековой Евразийской цивилизации.

Ключевые слова: археология, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, фундаментальные, фундаментально-прикладные, прикладные исследования.

Научно-исследовательская деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, связанная с изучением многоаспектных проблем древней и средневековой археологии, историко-культурного наследия Волго-Уральского региона, проводится в соответствии с современными требованиями, которые предъявляются к историко-археологическим исследованиям как в России, так и за рубежом.

В 2017 г. значительно повысилась научная активность сотрудников института. Ярким показателем эффективности научно-исследовательской деятельности института в 2017 г. стала возросшая публикационная активность сотрудников, итоги исследований представлены в 27 монографиях и 298 научных публикациях. Важным направлением научно-исследовательской деятельности Института явля-

ется издание журнала «Поволжская археология», включенного в список рецензируемых научных изданий ВАК и Scopus. На его страницах нашли отражение многоплановые исследования в области изучения евразийских древностей в самом широком временном и территориальном диапазоне. В отчетном году было издано 4 номера журнала, в которых опубликовано 93 статьи общим объемом 137,5 а.л. Из них 28 – статьи сотрудников института.

В 2017 г. институтом было проведено 11 научных конференций, семинаров и школ международного и всероссийского уровня. Эти мероприятия стали не только крупными дискуссионными площадками в сфере археологических изысканий, но и показателем значительно расширившегося исследовательского диапазона института по проблемам изучения и

сохранения историко-культурного наследия. В их реализации участвуют ученые и специалисты из крупных научных центров России и зарубежных стран, с которыми институтом заключено 54 договора о сотрудничестве. Большой научный и общественный резонанс получили такие конференции, как «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск», «Мониторинг объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: опыт Российской Федерации и стран СНГ», «Международный семинар по ландшафтной археологии», «VII Халиковские чтения», III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй», где институт выступил организатором форума.

Фундаментальным направлением научно-исследовательской деятельности института, всех его структурных подразделений и научных сотрудников является создание семитомной академической «Археологии Волго-Уральского региона». В 2017 году была усовершенствована структура томов издания, разработана структура написания авторских разделов, продолжена работа по созданию творческих коллективов и проблемных групп. Систематизированы архивные данные и публикации, уточнены историографические и фактологические сведения по ряду памятников, начата подготовка ряда разделов к томам издания. Методические и методологические вопросы подготовки и написания разделов монографии обсуждены в рамках проведенных институтом научных конференций.

Программа междисциплинарного изучения укрепленных поселений добулгарского населения Волго-Камья позволила выработать оригинальную методику изучения данного типа археологических памятников и прийти к важным выводам, касающимся топографии и стратиграфии городища, а также геолого-геоморфологической характеристики окружающего ландшафта. Инновационный характер имеет созданная концепция древних городищ как природно-антропогенных комплексов. Анализ данных, полученных в результате изучения оборонительных сооружений мысовых городищ добулгарского населения Волго-Камья, позволил прийти к важному выводу, что выделенные этапы строительства городищ являются историческими этапами развития фортификации на территории Волго-Камья.

В 2017 г. была начата программа по выявлению и исследованию на территории Республики Татарстан древних медных рудников. Так, в округе Сармановских медных рудников было открыто несколько новых поселений эпохи бронзы (2 тыс. до н. э.), которые могут являться древними примитивными горнорудными мастерскими по добыче и переработке медной руды.

В рамках междисциплинарных археолого-палеогеографических исследований были проведены комплексные изыскания, направленные на изучение динамики ландшафтов под воздействием антропогенной деятельности. В результате работы международного коллектива с участием специалистов из России, США и Канады выявлены основные этапы климатических изменений на территории Среднего Поволжья – во временном

диапазоне от бронзового века до эпохи Великого переселения народов.

Получены новые данные, характеризующие антропологический состав средневекового городского населения Среднего Поволжья. На основе морфологического анализа древнего ДНК, а также судебной медэкспертизы были определены некоторые генетические истоки средневекового городского сообщества. Введены в научный оборот краниологические материалы, характеризующие антропологический состав некоторых групп населения Кимакского каганата с территории Горного Алтая. Подготовлена статистика по заболеваниям среди древнего населения Среднего Поволжья, созданы коллекции ДНК патогенов человека и животных.

В 2017 г. проводились фундаментальные исследования проблем становления и эволюции тюрко-татарской цивилизации в Волжской Болгарии и Золотой Орде. Эти вопросы являются взаимосвязанными и позволяют комплексно решать проблемы этнического, социального и культурного развития народов Поволжья в период Средневековья и раннего Нового времени. Проведены археологические и историко-культурные исследования, касающиеся становления и развития средневековой татарской городской культуры как на территории Республики Татарстан, так и за ее пределами. Большое внимание было уделено теоретическим и практическим проблемам становления этнополитических и этносоциальных общностей тюрко-татарских народов. Отдельным направлением исследований было изучение военного дела народов средневекового Поволжья.

Одним из важных и перспективных научных направлений института является комплексное изучение Великого волжского торгового пути. Расположенный на пересечении средневековых международных торговых магистралей, средневолжский регион исторически является одним из ключевых политических и торгово-экономических центров Великого шелкового пути, оказал огромное влияние на формирование тектонических по своей значимости историко-культурных процессов на Евразийском континенте в эпоху Тюркского каганата, Золотой Орды и в последующие периоды истории.

Эффективно решаются Институтом проблемы сохранения, изучения и популяризации уникального археологического наследия. Музейное собрание Музея археологии РТ является уникальной источниковой базой для проведения широкой и разноплановой исследовательской, образовательной, просветительской деятельности.

В 2017 году объемы новых поступлений с памятников Татарстана, Башкортостана, Ульяновской и Астраханской областей в музейные фонды составили 44 археологические коллекции в количестве 13728 предметов. Этот показатель в 2 раза превышает прошлогодний. Необходимо отметить, что такого количества поступлений уникальных артефактов археологического и историко-культурного наследия не отмечено в других музеях Татарстана и не представлены в таком масштабе в их экспозициях.

В целом предметы археологии и нумизматики, включенные в учетные книги Музея археологии РТ, юридически закрепленные в ведении Акаде-

мии наук Татарстана и формирующие музейный фонд республики составляют 28546 предметов.

Археологические предметы с эталонных для региона археологических памятников всех исторических эпох, несомненно, достойны для включения в музейный фонд Российской Федерации. Так, в 2017 году в его государственную часть включено 6506 предметов, являющихся собственностью Республики Татарстан и хранящихся в Музее археологии РТ.

Масштабная работа продолжается по систематизации археологических коллекций полевых исследований академическими экспедициями 1960–1970 гг. На сегодняшний день – это 57300 предметов археологии, что составляет 12% от общего количества предметов дофондового хранения (400000 предметов).

В 2017 году общее количество находок, прошедших камеральную и научно-техническую обработку составило 102228 предметов археологии. Системная работа в этом направлении позволила передать в музеи и музеи-заповедники РТ 36287 предметов для последующего гарантированного включения их в Музейный фонд Российской Федерации.

Институтом был разработан и представлен крупный выставочный проект «На перепутье миров. По материалам Танкеевского некрополя». Музейная публикация уникальных артефактов этого памятника, хранящихся в научном фонде Музея археологии РТ, стала ярким событием в научной и культурной жизни республики.

В сфере музееведения Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ является одним из крупных методических центров по пробле-

мам сохранения археологического и историко-культурного наследия, его опыт работы широко используют ведущие музеи и музеи-заповедники республики.

Эффективное и результативное решение научных проблем современной археологии невозможно без широкого междисциплинарного подхода к их решению. В институте проведены комплексные междисциплинарные исследования более 5000 археологических находок из дерева, лыка, бересты, кожи, ткани и кости из фондов музеев Республики Татарстан. Были исследованы строительные и художественные материалы Успенского собора о. Свияжск, а также археологические находки из растительных материалов забытого промысла XVI–XVIII вв. – балберного производства. Результаты этих исследований апробированы на конференциях, проходивших в Италии, Испании, Государственном Эрмитаже, и получили высокую оценку международных экспертов. Аналитические и экспериментальные работы осуществлялись в тесной взаимосвязи с ведущими научными учреждениями и вузами Татарстана, России и Европы.

Важным направлениям научной политики института является интеграция в глобальное образовательное пространство. Реализация этой стратегии нашла отражение в проведенных совместно с К(П)ФУ IV Международной полевой археологической школы, Международной молодежной научно-практической конференции «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы», а также Международного волонтерского лагеря ЮНЕСКО.

Событием большой научной, культурной и общественной значимости стало включение Успенского собора и монастыря острова-града Свияжска в Список Всемирного наследия на прошедшей в Кракове 41-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО. Обоснование выдающейся универсальной ценности этого памятника подготовленное, в том числе учеными Института, получило самую высокую оценку международных исследовательских центров и организаций ЮНЕСКО.

Актуальным направлением деятельности Института являются организация и проведение комплексных охранно-спасательных археологических исследований. С этой целью были обследованы территории Республики Татарстан на площади 1880 га, а также на 22 объектах археологического наследия в Калмыкии, Крыму, Ставропольском крае, Саратовской, Тюменской и Ульяновской областях общей площадью 11770 кв. м. Кроме этого, проведены археологические наблюдения на объектах культурного наследия площадью 1322 кв. м.

В 2017 г. была продолжена масштабная работа по реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)». Историко-археологических исследования средневековых тюрко-татарских городов были проведены на городище Увек (Саратовская область), Красносундюковском городище (Ульяновская область), городище Башанта (Республика Калмыкия), городище Искер (Тюменская область), городище Маджар (Ставропольский край). Проведенные исследования позволили расширить источниковую

базу по истории татарского народа и его предков.

Многочисленные археологические исследования степной и лесостепной Евразии, в которых институт принимает активное участие в разных формах научной и научно-организационной деятельности, ставят перед научным сообществом задачи координации работ, оперативных публикаций результатов полевых исследований. Ученый совет Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ выступил с инициативой преобразовать известную широкому кругу исследователей серию сборников в международный научный журнал – Археология евразийских степей (АЕС). Журнал будет отражать мнения специалистов по узловым проблемам археологии степной Евразии различных эпох и смежных исторических дисциплин, способствовать продуктивному обсуждению актуальных проблем археологии. В состав редакционного совета журнала вошли ученые, представляющие научные центры России, Испании, Франции, Германии, Финляндии, Румынии, Болгарии.

Актуальным направлением научно-исследовательской деятельности института является создание геоинформационной системы «Археологическое изучение Татарстана», в которой учтено 10329 памятников археологии; внесен значительный массив данных об артефактах, исследованиях и исследователях. Для этой работы использованы данные глобальной спутниковой навигационной системы и беспилотный летательный аппарат. Применение этих инновационных методов мониторинга позволяет оценить влияние различных факторов воздействия на

объекты археологического и историко-культурного наследия с течением времени.

В целом многогранная научно-исследовательская и научно-организационная деятельность ученых и специалистов Института археологии

им. А.Х. Халикова позволила расширить проблематику научных изысканий, связанных с изучением прошлого народов Евразии, значительно укрепить научные связи татарстанских археологов с коллегами из других регионов России и зарубежных стран.

ПУБЛИКАЦИИ

1. *Абдуллин Х.М.* Болгарский селитренный завод по историческим, архивным и картографическим материалам // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 112–125.
2. *Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е.* Палеоэтноботанические и археологические данные в пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции. (Тюмень, 7–11 ноября 2016.). Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2016. С. 15–19.
3. Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители Ситдилов А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 38 с.
4. *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдилов А.Г.* Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 182–202.
5. *Бахматова В.Н., Ситдилов А.Г.* Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований) // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 255–281.
6. *Бахматова В.Н., Сивицкий М.В., Ситдилов А.Г., Храменкова Р.Х.* Междисциплинарные исследования сфероконических сосудов золотоордынского Болгара (по материалам раскопа 200, 2014 г.) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 34–38.
7. *Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г.* VI научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 344–348.
8. *Блинова Д.С., Данилов П.С.* Нумизматический комплекс Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 39–42.
9. Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. / Р.М. Валеев, А.Г. Ситдилов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: ООО «Главдизайн», 2016. 400 с.
10. Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 2. / Р.М. Валеев, А.Г. Ситдилов, Р.Р. Хайрутдинов, Б. Рудольф, С.Г. Персова, П.М. Шульгин. Казань: ООО «Главдизайн», 2016. 508 с.
11. *Бугарчев А.И.* Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 202–225.
12. *Бугарчев А.И.* Джучидские монеты ханов XV в. из находок на территории Иске-Казанского археологического комплекса (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. 2016. № 6. С. 98–102.
13. Бугарчев А.И. О первых болгарских серебряных динарах XIII в. // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 165–174.
14. *Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдилов А.Г.* Всероссийская археологическая конференция «I Старостинские чтения» // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 351–356.

15. *Валиев Р.Р., Вязов Л.А., Серых Д.В., Ситдииков А.Г.* Новый памятник эпохи Великого переселения народов в Западном Закамье // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»», 2017. С. 24–25.

16. *Валиев Р.Р., Степанов Р.А., Ситдииков А.Г.* Археологические исследования болгарских поселений в зоне водохранилища // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ЗАО Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 26–28.

17. *Валиев Р.Р.* Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспективы исследований // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 68–72.

18. *Валиев Р.Р.* Проблемы локализации археологических объектов на примере Старокуйбышевского комплекса памятников // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 52–64.

19. *Визгалова М.Ю.* Подход к систематизации и изучению археологических находок из растительного волокна на примере изделий из лыка с острова-града Свияжска (XVI–XVIII века) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Ред. Л.В. Татаурова. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. 580 с.

20. *Визгалова М.Ю.* Ремесленные изделия забытого промысла (по археологическим находкам из дерева XVI–XVIII вв. с острова-града Свияжска) // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 380.

21. *Визгалова М.Ю., Федотова Ю.В., Валева-Сулейманова Г.Ф.* Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории г. Болгара (тюрбан с золотым шитьем и сетчатым покрывалом) // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 224–235.

22. *Волкова Е.В., Кирягин К.В., Газимзянов И.Р.* Палеопатологическая характеристика антропологических материалов могильника Старый Чекмак (Пьяноборская культура) // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием VII Алексеевские чтения, памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, А.П. Бужилова. Казань: Институт археологии АН РТ, 2017. С. 23–24.

23. *Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г.* Раскоп ССХVII на южной окраине Болгарского городища // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ЗАО Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 16–17.

24. *Воробьева Е.Е., Кутузова Д.О.* Классификация бус Анаткасинского могильника // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 73–77.

25. *Воробьева Е.Е., Михайлова К.В.* Культ огня в археологическом материале Марийско-Чувашского Поволжья в марийской вышивке // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 84–86.

26. *Вязов Л.А., Семькин Ю.А.* Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск: НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина; Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 226 с.

27. *Гайнуллин И.И., Хомяков П.В., Ситдииков А.Г., Усманов Б.М.* Качественная оценка состояния средневековых городищ Республики Татарстан по данным дистанционного зондирования // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 303–320.

28. *Губайдуллина А.В.* Украшения из поделочных камней в коллекции Билярского музея // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 92–103.

29. *Губайдуллина А.В., Шакиров З.Г.* Изделия из поделочных камней на территории Билярского городища (по материалам работ 2015–2016 гг.) // V (XXI) Всероссий-

ский археологический съезд (Электронный ресурс): сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 295–296.

30. *Губайдуллин А.М.* Сравнительный анализ фортификации Казанского и Сибирского ханств // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 173–181.

31. *Губайдуллин А.М.* Письменные источники о фортификации X–XVI вв. на территории Поволжья // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 87–91.

32. *Гисматуллин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А., Асылгараева Г.Ш.* // Исследования Красносундюковского I городища в 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 54–74.

33. *Дзвлет Е.Г., Нуретдинова А.Р., Сивицкий М.В.* Реконструкция возможного использования сфероконуса из Болгара. Памятники древней истории Волго-Камья // Российская археология. 2017. № 3. С. 57–70.

34. *Зеленев Ю.А.* О центральноазиатских традициях градостроительства на Нижней Волге // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 130–132.

35. *Измайлов И.Л., Ситдинов А.Г.* Средневековое Поволжье в IX–XVI вв.: взаимодействие городской и кочевой культуры // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 244–247.

36. *Измайлов И.Л.* Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 141–145.

37. Историко-культурный атлас Зеленодольского района Республики Татарстан / Сост. Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, С.А. Файзуллин, Л.А. Вязов, И.Р. Кузьмина. Воронеж: ООО «Тендер», 2016. 152 с.

38. Историко-культурный атлас Спасского района Республики Татарстан / Сост.: А.Г. Ситдинов, Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, С.А. Файзуллин, Р.Ф. Шарифуллин, И.Р. Кузьмина. Казань: ООО «Фолиант», 2016. 148 с.

39. Историко-культурный атлас Чистопольского района Республики Татарстан / Сост.: Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, С.А. Файзуллин. Воронеж: ООО «Тендер», 2016. 156 с.

40. *Казаков Е.П.* К проблеме хронологии меллятамакского культурного типа // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 211–220.

41. *Казаков Е.П.* Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 155–170.

42. *Казаков Е.П.* О миграции евразийских сармат в средневековье (по археологическим материалам Урало-Поволжья) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Электронный ресурс): сб. науч. тр. / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 441–442.

43. *Карманов В.Н., Галимова М.Ш.* Намеренная фрагментация кремневых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3А на Средней Вычегде, Республика Коми) // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 48–69.

44. *Ломов С.П., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Спиридонова И.Н., Солодков Н.Н.* Современные и погребенные почвы курганных захоронений лесостепной зоны Среднего Поволжья (на примере Коминтерновского кургана I) // Почвоведение. 2017. № 5. С. 558–568.

45. *Лыганов А.В.* Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 97–116.

46. Макарова Е.М., Газимзянов И.Р. Палеодемография Болгарского городища // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 67–80.
47. Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М. Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 70–88.
48. Мухаметшина А.С. Археология в музее: проблемы приема и учета (из опыта музея археологии института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ) // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 228–234.
49. Мухаметшин Д.Г., Федорова Е.А. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2016 г. // Нумизматика Золотой Орды. 2016. № 6. С. 18–32.
50. Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 42–58.
51. Набиуллин Н.Г. Проблемы сохранения болгаро-татарских некрополей // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 234–238.
52. Напольских В.В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы // Вопросы ономастики. 2016. № 2. С. 177–189.
53. Напольских В.В. «Зверь Шарабха» и проблемы предыстории индоариев // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 13–23.
54. Напольских В.В., Чухряева М. И., Павлова Е. С., Гарин Э. В., Клопов А.С., Темняткин С.Н., Запороженченко В.В., Романов А.Г., Агджоян А.Т., Утевская О.М., Маркина Н.В., Кошель С.М., Балановский О.П., Балановская Е.В. Сохранились ли следы финно-угорского влияния в генофонде русского населения Ярославской области? Свидетельства у-хромосомы // Генетика. Т. 53. 2017. № 3. С. 378–389.
55. Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Поливная керамика с золотоордынских селищ округа Укека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. С. 701–712.
56. Оруджов Э.И. Система расселения носителей АКЮ в бассейне рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 115–137.
57. Очир-Горяева М.А., Ситдинов А.Г., Кияшко Я. А., Нага Т. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта II // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 23–36.
58. Очир-Горяева М.А., Андреева М.В. Кенотаф позднекатакомбного времени из могильника Хар-Зуха I в Калмыкии // КСИА. Вып. 244. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 355–373.
59. Очир-Горяева М.А. Изображение коня в скифском зверином стиле // КСИА. Вып. 247. М.: Языки славянской культуры. 2017. С. 175–188.
60. Пашина Е.В. Комплектование крепости Тетюши детьми боярскими по материалам переписных книг середины XVII в. // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 407.
61. Пигарев Е.М. Кувшин из Твери на Селитренном городище // КСИА. Вып. 246. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 336–343.
62. Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. = Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries / Ред. С. Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдинов / Археологические источники Восточной Европы = Archeological records of Eastern Europe. Том 2. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. 845 с.
63. Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 296–319.

64. *Садриев Н.Р.* Жилые и хозяйственные постройки периода Казанского ханства (по материалам археологических исследований на территории Казанского кремля в 1971-1978 гг.) // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 320–323.
65. *Ситдигов А.Г., Абдуллин Х.М.* Исторический атлас Республики Татарстан. Образы и пространство. Пермь: ООО «ПК «АСТЕР», 2016. 84 с.
66. *Ситдигов А.Г., Шакиров З.Г., Набиуллин Н.Г., Валиев Р.Р.* Фаязу Шариповичу Хузину – 65 лет // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 340–347.
67. *Ситдигов А.Г., Каримов И.Р.* Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2016 году // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 330–343.
68. *Ситдигов А.Г.* Археологические исследования средневековых тюрко-татарских памятников // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Электронный ресурс): сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 954–955.
69. *Ситдигов А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В.* Раскоп ССХVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»», 2017. С. 13–15.
70. Успенский собор. Изучение и сохранение / Ред. Р.М. Валеев, А.Г. Ситдигов, Р.Р. Хайрутдинов. Т. 1 Казань: ООО «Главдизайн», 2016. 356 с.
71. Успенский собор. Изучение и сохранение / Азизов Т.Р., Баталин Г.А., Гареев Б.И., Касимов А.В., Каплан П.Ю., Кольчугин А.Н., Косушкин В.Ф., Кугуракова В.В., Морозов В.П., Нуждин Е.В., Сафина И.Р., Ситдигов А.Г., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф. Т. 2. Казань: ООО «Главдизайн», 2016. 252 с.
72. *Федотова Ю.В., Кулецов Г.Н.* Разработка методики консервации археологического шелка с применением ННТП обработки // ФНТП. № 3. 2017. С. 21–37.
73. *Храмченкова Р.Х., Дегри П., Ситдигов А.Г., Каплан П.Ю.* Динамика изменения химического состава русского стекла XVIII–XIX веков // Стекло и керамика. № 5. 2017. С. 38–42.
74. *Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., Шакиров З.Г.* Билярской археологической экспедиции – 50 лет: итоги и проблемы исследований Великого города // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 10–23.
75. *Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* Лепная керамика Биляра: к вопросу о ранней дате Великого города (по материалам раскопа XLIV 2015–2016 гг.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Электронный ресурс): сб. науч. тр. / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 1103–1104.
76. *Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* Волжская Булгария и кочевой мир // III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин. А.Г. Ситдигов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 289–293.
77. *Хусяинова К.А.* Методы описания керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Международная археологическая школа в Болгаре: сборник материалов конференции «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». Вып. 4 / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2017. С. 249–257.
78. *Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Салова Ю.А.* Исследования вала городища Балымерский «Шолом» в 2014 г. // Поволжская археология. 2017 № 2. С. 108–126.
79. *Чижевский А.А., Шитилов А.В., Капленко Н.М.* Итоги исследования Каेतубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 50–70.
80. *Чижевский А.А., Кузьминых С.В.* Научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 347–356.

81. *Чижевский А.А., Кузьминых С.В.* Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации. 28–30 ноября 2016 г., г. Болгар (Республика Татарстан) // Российская археология. № 3. 2017. С. 182–185.

82. *Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.* Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 221–243.

83. *Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Вязов Л.А., Лыганов А.В., Хуснутдинов Э.А.* Исследование оборонительных сооружений Маклашевского II городища в 2014 г. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. (Пермь, 9–12 февраля 2016 г.) / Гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2016. С. 119–125.

84. *Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Ситдилов А.Г.* Реконструкция технологии изготовления серебро-содержащих монет с помощью рентгеновской компьютерной томографии // Ползуновский альманах. 2016. № 4. С. 41–46.

85. *Шайхутдинова Е.Ф., Ямбаев Р.М., Беляев А.В., Ситдилов А.Г.* Исследование микроструктуры чугуна ремесленного производства городов Волжской Булгарии: Болгар и Джукетау (13–14 вв.) // Ползуновский альманах. 2016. № 4. С. 19–22.

86. *Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Ситдилов А.Г.* Компьютерная томография как метод изучения нумизматического материала: плюсы и минусы // Нумизматика Золотой Орды. 2016. № 6. С. 113–119.

87. *Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Бездудный В.Г.* Использование дистанционных и геофизических методов в работе Билярской археологической экспедиции // Археология и геоинформатика. Третья Международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2017. С. 59–61.

88. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. 320 с.

89. VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. (1–4 августа 2017 г. Казань–Болгар–Билярск) // Археология евразийских степей. 2017. № 1. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. 380 с.: илл.

90. *Bugrov D.G., Galimova M.Sh.* Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the «Swiss Collection» of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan) // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 26–37.

91. *Iskander I. Gainullin, Petr V. Khomyakov, Airat G. Sitdikov, Bulat M. Usmanov*, «Qualitative assessment of the medieval fortifications condition with the use of remote sensing data (Republic of Tatarstan)», Proc. SPIE 10444, Fifth International Conference on Remote Sensing and Geoinformation of the Environment (RSCy2017), 104440X (6 September 2017); doi: 10.1117/12.2279136 (проиндексирована в системе цитирования Scopus);

92. *Shafikov I.F. Khayrutdinov R.R. Makarova E.M.* Ahl al-Sunnah: Conceptual and formal notions of the Islamic identity at the late 19th–20th centuries in the Volga region // Man in India. 2017. Vol. 97, Is. 8. Pp. 153–160.

93. *Davletshin G.M., Khayrutdinov R.R., Vyazov L.A.* About the origins of the tatars' «nauruz» festival // Man in India. 2017. Vol. 97, Is. 9. Pp. 9–16.

94. *Khramchenkova R., P. Degryze, A. G. Sitdikov, P. Yu. Kaplan* Dynamics of Chemical Composition Variation of 18th – 19th Century Russian Glass. Glass Ceram (2017) 74: p.180–184. <https://doi.org/10.1007/s10717-017-9957-5>

95. *Khramchenkova R., E. Shaykhutdinova, A. Bugarchev, B. Gareev, A. Sitdikov.* Interdisciplinary study of 13th century silver coins of the Juchid (based on the materials of the

Burundukovsky hoard, Tatarstan, Russia) // Acta Imeko. Vol 6. No 3. 2017. Pp. 94–101. DOI: http://dx.doi.org/10.21014/acta_imeko.v6i3.463.

96. *Khramchenkova R., Degryse P., Sitdikov A., Kaisin A.* Analytical studies of post-Medieval glass bottle marks from excavations at Kazan Kremlin (Russia). Journal of Archaeological Science: Reports. 12C (2017), pp. 25–27/ DOI 10.1016/j.jasrep.2017.01.005/

97. *Khramchenkova Rezida, Eugenia Shaykhutdinova, Ayrat Sitdikov.* Characteristics of the manufacturing technology of the 9th-10th century medieval silver coins discovered in the territory of Volga Bulgaria // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, www.sgemsocial.org, SGEM2016 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7105-77-3 / ISSN 2367-5659, Aug 24-31, 2016, Book 3 Vol. 2, pp. 263–272, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S09.034 0.56.

98. *Lomov S.P., Lyganov A.V., Khisiametdinova A.A., Spiridonova I.N., Solodkov N.N.* Modern and Buried Soils of Kurgans in the Forest-Steppe Zone of the Middle Volga Region (by the Example of Komintern I Kurgan) // Eurasian Soil Science. 2017. Vol. 50. No. 5. Pp. 539–548. DOI: 10.1134/S1064229317050106 (объем 1,1 а.л.).

99. *Makarova E.* About the Significance of Later Anthropological Collections (Materials Of Sviyazhka 16th-17th C) // Men of India (в печати)

100. *Shaykhutdinova E., R. Khramchenkova, N. Nabiullin, A. Belyaev, R. Yanbaev, A. Sitdikov.* Interdisciplinary Research of Iron Casting Technologies in the Town of Juketau during the Golden Horde Period // Acta Imeko. Vol 6. No 3. 2017. Pp. 87–93. DOI: http://dx.doi.org/10.21014/acta_imeko.v6i3.461.

101. *Shaykhutdinova E., R. Khramchenkova, N. Nabiullin, A. Belyaev, R. Yanbaev, A. Sitdikov.* Interdisciplinary Research of Iron Casting Technologies in the Town of Juketau during the Golden Horde Period // Acta Imeko. Vol 6. No 3. 2017. Pp. 87–93. DOI: http://dx.doi.org/10.21014/acta_imeko.v6i3.461.

102. *Usmanov B.M., Ivanov M.A., O.P. Yermolaev.* Integrated approach to environmental impact assessment on geosystems // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Vol. 8, Is. 4. Pp. 24153–24160.

103. *Usmanov B., Sirotkin V., Vasyukov S.* The possibility of using spectrographic data to assess soils fertility // Water resources, forest, marine and ocean ecosystems conference proceedings, SGEM 2017. 2017. Vol. 17, Issue 32. Pp. 639–646.

104. *Usmanov B.M., Chizhikova N.A., Yermolaev O.P.* Assessment of impacts on geosystems in oil production region // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Vol. 8. Issue 4. Pp. 24272–24282 (проиндексирована в системе цитирования Scopus).

105. *Sitdikov A.G., Abdullin Kh.M., Khramchenkova R.Kh., Kaplan P.Yu.* Kazan glass factory of XVIII-XIX centuries: history, archaeology, discoveries // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC. November 2016. Special Edition. Pp. 2869–2875.

106. *Sitdikov, A.G., Izmailov, I.L., Khuzin, F.Sh.* Migrations and formation of the Volga Bulgarian State (VIII-X C.): Results of the complex analysis // Man in India. 2017. Vol. 97. Issue 8. Pp. 171–178.

107. *Sitdikov, A.G., Zubov, S.E., Izmailov, I.L.* Migration in the middle Volga Region in the first centuries B.C.: Archaeological evidences and its ethno-social interpretation // Man in India. 2017. Vol. 97. Issue 8. Pp. 49–62.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Каримов Ильдар Римович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ildar.karimov@list.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

**ON THE MAIN RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY
OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV
OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2017**

A.G. Sitdikov, I.R. Karimov, G.Sh. Asylgaraeva

In 2017 the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov conducted the scientific and scientific-organizational activities in the field of complex archaeological, historical, ethnological, museological and natural scientific research in accordance with the State assignment and the “Development Strategy of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences for 2016–2020.” Scientific research conducted by the Institute are associated with the study of the multifaceted issues of ancient and medieval archaeology, historical and cultural heritage of the Volga-Ural region in the context of studying the medieval Eurasian civilization.

Keywords: Institute of History named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, fundamental, fundamental-applied and applied research.

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Karimov Ildar R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ildar.karimov@list.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2018 г.

50 ЛЕТ ЕВГЕНИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ПИГАРЁВУ

© 2018 г. Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдинов,
Г.Ш. Асылгараева, Б.А Байтанаев

Статья посвящена юбилею Евгения Михайловича Пигарёва – специалиста по золотоордынской археологии Нижнего Поволжья. Перечислены основные вехи биографии исследователя, важные события, связанные с его работой в составе Поволжской археологической экспедиции. Проведён анализ основных трудов юбиляра и его полевых изысканий. Отмечено влияние, которое оказали на его становление как ученого его учителя, коллеги по работе. Подчёркивается его роль в современных исследованиях Селитренного городища – крупнейшего золотоордынского памятника Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, историческая география, Е.М. Пигарёв, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, городища, некрополи, керамическое производство, Поволжская археологическая экспедиция..

3 сентября 2017 года исполнилось 50 лет начальнику Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета, научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана, кандидату

исторических наук Евгению Михайловичу Пигарёву.

Евгений Михайлович родился в Астрахани, он является патриотом своего города и всего Астраханского края. Даже сейчас, когда ему много времени приходится проводить в

Йошкар-Оле или Казани, а также в экспедициях он постоянно в курсе всех событий, которые происходят на его малой родине. Это, естественно, связано и с воспитанием в семье, и с определенным менталитетом астраханских горожан.

В 1974–1982 гг. Евгений Михайлович обучался в средней школе № 40 города Астрахани, после окончания 8 класса которой в 1982–1986 гг. продолжил образование в Астраханском технологическом техникуме, получив специальность механика пищевой промышленности. В 1986–1988 гг. Е.М. Пигарёв служил в рядах Советской армии и, хотя служба проходила в Москве, ему пришлось вынести все тяготы армейской службы, о чем он часто вспоминает.

После окончания службы в армии Евгений Михайлович работал в Астраханской инкассации, но стремление получить высшее образование привело его на исторический факультет Астраханского государственного педагогического института, где он обучался в 1989–1994 гг. Именно здесь он попал в первую свою археологическую экспедицию в 1990 г. как студент-практикант. Впоследствии с 1992 года он начинает работать в Поволжской археологической экспедиции и, хотя в начале 1990-х годов она переживала нелучшие времена, те принципы, которые были заложены Г.А. Федоровым-Давыдовым и его соратниками, оказались привлекательными для молодого, но уже сформировавшегося человека и определили его сотрудничество с этой экспедицией на долгие годы.

Первоначально основные интересы работы в ПАЭ у Евгения Михайловича были сосредоточены на

исследовании сарматского круга памятников. Большое влияние на него оказал В.В. Дворниченко, которого Е.М. Пигарёв справедливо считает своим учителем, тем более что в это время раскапывались такие интересные объекты раннего железного века, как Хошеутовский могильник, курганы в окрестностях Царевского городища.

Но затем молодого исследователя все более стали привлекать золотоордынские материалы. Он участвовал под руководством В.В. Дворниченко в изучении мусульманских мавзолеев у поселка Лапас, в раскопках Царевского городища в середине 1990-х годов, исследовании Маячного золотоордынского некрополя, но постепенно главным для него становится Селитренное городище (г. Сарай), на котором он продолжает трудиться и по сей день, по существу, являясь одним из основных исследователей этого выдающегося археологического памятника.

После окончания Астраханского государственного педагогического института в 1990-х годах найти работу, связанную с археологией, в Астрахани по объективным и субъективным причинам было очень трудно. Тем не менее это не привело к тому, что Евгений Михайлович ушел из археологии, что говорит о его целеустремленном характере и готовности переносить временные трудности.

Евгений Михайлович много времени отдал работе в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее заповеднике, к которому и сейчас относится с большой признательностью. Здесь он прошел путь от научного сотрудника и заведующего сектором археологии до заведующего музеем-филиалом «Се-

литренное городище». Работа в музее сформировала у него устойчивый интерес к работе с артефактами, экспозициями. В музее, а впоследствии как директор Историко-культурного центра «Сарай Бату», он стремился создать привлекательные для массового туризма музеефицированные объекты. Им были разработаны концепции «Музей под открытым небом – Селитренное городище» (2003 г.), Инвестиционный проект по созданию и комплексному развитию (музеефикации) историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника «Великая степь» (2010 г.). Он считал, что археологические памятники должны не только нести познавательную функцию, но и являться источником положительных эмоций зрителей. На протяжении трех лет он проводил в селе Селитренном красочный фестиваль «День археолога» с участием популярных ансамблей, реконструкторов, ну и, конечно, представителей районной и областной администрации. Этот праздник на средневековом городище собирал до 10 тыс. зрителей, что пропагандировало и археологию и достижения ученых.

Но главным делом оставались исследования Селитренного городища и публикация полученных материалов. Еще в начале XXI в. был получен интереснейший материал по технологии керамического производства. Особенно важными были раскопки большого горна для обжига красноглиняной керамики. В 2008 году Е.М. Пигарёв защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук по теме «Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное

городище)». Впоследствии переработанные материалы этой диссертации были изданы монографически. Кроме монографии им опубликовано более 120 статей в основном по золотоордынской археологии.

Евгений Михайлович руководил и участвовал в выполнении престижных грантов, таких как: Грант National Geographic Society 1996–1997 гг. (в составе коллектива); РГНФ 2007 г. проект № 07-01-18119е – руководитель; грант Президента РФ 2008 г. – исполнитель.

Е.М. Пигарёв постоянно участвует в работе различных конференций: Всероссийского археологического съезда, Международных конгрессов по средневековой археологии Евразийских степей, Международных конференций посвященных памяти Г.А. Федорова-Давыдова и других.

В последние годы он очень активно участвует в выполнении хоздоговорных археологических работ, во время которых исследует археологические памятники на территориях Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Нижегородской областей, Краснодарского края, республик Татарстан, Марий Эл и Крым.

Пройден определенный жизненный этап, но Евгений Михайлович полон сил и творческих планов. Мы желаем, чтобы они полностью сбылись, верим, что он, являясь постоянным автором журнала «Поволжская археология», продолжит регулярно представлять свои работы для публикации в журнале, тем более что является сложившимся авторитетным исследователем со своим взглядом на проблемы золотоордынской археологии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Е.М. ПИГАРЁВА

1. *Пигарёв Е.М.* Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.
2. *Пигарёв Е.М.* Исследования средневекового некрополя Селитренного городища в 2013 г. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 232–238.
3. *Пигарёв Е.М.* Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 181–196.
4. *Пигарёв Е.М.* Археологическое исследование Каменного бугра в 2014 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань: АГУ, 2015. № 2. С. 14–18.
5. *Пигарёв Е.М.* Золотоордынское городище у с. Красный Яр Астраханской области // Археологические вести. Вып. 21. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2015. С. 272–276.
6. *Пигарёв Е.М.* Находки иноземных монет в зоне Красноярского городища в Астраханской области // РА. 2016. № 2. С. 195–199.
7. *Пигарёв Е.М.* Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 162–179.
8. *Пигарёв Е.М.* Красноярский комплекс: городище и могильники (история, этапы развития, название) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.. 2016. № 2 (38). С. 88–99.
9. *Пигарёв Е.М.* Торговый инвентарь с Селитренного городища // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 109–111.
10. *Пигарёв Е.М.* Поливная керамика Красноярского городища // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 713–716.
11. *Пигарёв Е.М.* Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды - Сарае // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 717–724. (в соавторстве с Егоровым В.Л.).
12. *Пигарёв Е.М.* Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 283–290.
13. *Пигарёв Е.М.* К вопросу о существовании поселка Сартака (причины отсутствия памятников Золотой Орды на правом берегу Волги в Астраханской области // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований (Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября – 01 октября 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: издатель Соколин Роман Васильевич. 2017. С. 44–49.

Информация об авторах:

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); заведующий отделом финно-угорской археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; y_zeleneev@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

Байтанаев Бауыржан Абишевич, Академик Национальной Академии наук РК, доктор исторических наук, Генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан); baytanaev@mail.ru

50TH ANNIVERSARY OF EVGENY MIKHAILOVICH PIGARYOV

Yu.A. Zeleneev, A.G. Sitdikov, G.Sh. Asylgaraeva, B.A. Baytanaev

The paper is dedicated to the jubilee of Yevgeny Mikhailovich Pigaryov, a specialist in the Golden Horde archaeology of the Lower Volga region. It outlines the milestones in the researcher's biography, and important events related to his activities in the framework of the Volga Region Archaeological Expedition. The authors conducted an analysis of the celebrant's primary works and field studies. They also emphasize the influence which his teachers and colleagues have had on his professional development, as well as the role played by the celebrant in the contemporary studies of Selitrennoye settlement - the largest Golden Horde site in the Lower Volga region.

Keywords: archaeology, historical geography, E.M. Pigaryov, Lower Volga region, Golden Horde, settlements, necropolises, ceramic production, Volga Region Archaeological Expedition.

About the Authors:

Zeleneev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Head of department, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Baytanayev Bauyrzhan A. Academician of the Nacional Academy of the RK General Director of the Institute of Archeology named after A. H. Margulan. Doctor of Historical Sciences. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2018 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
 АВ – Археологические вести, ИИМК РАН СПб
 АДУ – Археологічні дослідження в Україні.
 АЕС – Археология евразийских степей
 АКМО – ананьинская культурно-историческая область
 АН РК – Академия наук Республики Казахстан
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 АЭМК – археология и этнография Марийского края
 БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
 БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук
 БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
 БФАН СССР – Башкирский филиал Академии Наук СССР
 ВА – Вопросы антропологии
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВИА – Всеобщая история архитектуры, М.-Л.
 ВИНТИ – Всесоюзный институт научной и технической информации (Москва)
 ВНОТ – Вестник научного общества татароведения
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГДА НБУ - Годишник на департамент археология на Нов български университет (Ежегодное издание департамента археологии Нового болгарского университета)
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМСБ -Годишник на музеите в Северна България (Ежегодник музеев Северной Болгарии)
 ГУ – Государственный университет
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
 ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ЗК – застёжки с крючком
 ЗНК – застёжки с неподвижным крючком
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии Академии наук СССР/Российской академии наук
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии.
 ИАЭТ – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии
 ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
 ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уральского Научного Центра Российской Академии Наук
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 ИЯЛИ АН СССР – Институт языка, литературы и истории Академии наук СССР (Казань)
 КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
 КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 МА К(П)ФУ – Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета
 МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-востока
 МАИ – Московский археологический институт
 МарНИИЯЛИ – Государственного бюджетное научное учреждение «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 МАССР – Марийская автономная советская социалистическая республика
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИИК – Научно-исследовательский институт культуры Министерства культуры РСФСР
 НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
 НКЦ – Национальный культурный центр
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
 НЦ РАН – Научный центр Российской Академии наук
 ОАК – Отчет Императорской ученой археологической комиссии.
 ОАН – объект археологического наследия
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
 ПБВ – поздний бронзовый век
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)
ПЗОЕКазанУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань
ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи
РА – Российская археология
РАН - Российская академия наук;
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РЖВ – ранний железный век
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
САИ – Свод археологических источников. М.
СамГПУ - Самарский государственный педагогический университет (Самара)
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
СГУ – Саратовский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СНЦРАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГИМ – Труды ГИМ. М.
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М.
ТСС РАНИОН – Труды секции социологии РАНИОН. М.
ТСТМ РАНИОН – Труды секции теории и методологии РАНИОН. М.
УАВ – Уфимский археологический вестник
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской Академии наук
УрГУ – Уральский государственный университет (Екатеринбург)
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований
ЦЭИ – Центр этнографических исследований
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮурГУ – Южно-Уральский государственный университет
ААС – Acta Archaeologica Carpathica, Kraków, Poland

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf. (формат *.docx не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:**Описание монографии (книги)**

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.03.2018 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20